

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

К. Я. СИГАЛ

**ТЕОРИЯ СЛОВСОЧЕТАНИЯ
И
РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Москва 2020

УДК 811.161. 1'367
ББК 81.2 Рус-2
С34

Утверждено к печати Ученым советом
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института языкознания РАН

Рецензенты:
доктор филологических наук **Н. В. Васильева**
доктор филологических наук **Н. В. Уфимцева**

Сигал К. Я. Теория словосочетания и речевая деятельность /
К. Я. Сигал; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. — М. — Ярославль:
Издательство «Канцлер», 2020. - 418 с.

Книга посвящена разработке теории словосочетания в аспекте речевой деятельности. В сфере исследовательского внимания находятся, с одной стороны, речевая феноменология словосочетания, а с другой стороны, фрагмент речевого опыта носителей языка, отражающий навыки оперирования словосочетаниями и рефлексии над ними. В книге представлены теоретические, экспериментальные и корпусные исследования, направленные на объяснение функционирования словосочетаний в речевой деятельности.

Для широкого круга лингвистов, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов.

ISBN 978-5-91730-955-2

© К. Я. Сигал, 2020
© Институт языкознания РАН, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	6
Глава 1.	
О природе словосочетания (теория и эксперимент)	10
Глава 2.	
Метаязыковое осознание словосочетаний во внеэкспериментальных условиях	73
Глава 3.	
О синтаксической форме словосочетания	121
Глава 4.	
Является ли свободное словосочетание естественной категорией?	154
Глава 5.	
О двух типах обязательных атрибутивных компонентов (еще раз о природе словосочетания)	161
Глава 6.	
Экспериментальное исследование речевой организации сложных словосочетаний	180
Глава 7.	
Эллипсис как речевой процесс (на материале субстантивно-адъективных словосочетаний)	241
Глава 8.	
Дислокационно-компрессивная метонимия в сфере субстантивно-адъективных словосочетаний	253
Глава 9.	
Об интеграции словосочетания	267

Глава 10.	
Смысловое восприятие свободного словосочетания вне контекста (экспериментальное исследование)	276
Глава 11.	
Прагматическая ценность синтаксических синонимов (на материале атрибутивных словосочетаний)	292
Глава 12.	
Экспериментальное исследование лексической структуры словосочетания	316
Глава 13.	
О лексикализации словосочетаний	346
Глава 14.	
Прецедентное словосочетание в речи: генезис и употребление	354
Глава 15.	
О речевой феноменологии словосочетания (наблюдения и заметки)	363
Заключение	398
Литература	401

*Посвящается
светлой памяти моего прадеда —
старшего лейтенанта Катышева Ивана Григорьевича,
и его брата — лейтенанта Катышева Александра Григорьевича,
прошедших Великую Отечественную войну
и умерших от ран в мирное время*

ВВЕДЕНИЕ

Казалось бы, словосочетание (свободное, включенное в механизм синтаксической организации предложения-высказывания) представляет собой всесторонне изученное и в общих чертах понятное явление языка и речи. Это дало основание В. В. Виноградову сказать о том, что «невозможность исчерпать всю сферу синтаксических исследований вопросами сочетания слов, иначе — вопросами теории словосочетаний уже давно стала очевидной для тех лингвистов, которые интересовались... проблемой соотношений и взаимодействий языка и мышления», — и тут же добавить: «Но когда предложение становится единственным предметом синтаксического исследования, тогда из области грамматики выпадают многие вопросы изучения законов и правил сочетаемости слов» [Виноградов 1975: 221]. Указание В. В. Виноградова было воспринято целым рядом синтаксистов, начавших разработку теории словосочетания в отечественной лингвистике (Ю. С. Долгов, Т. Н. Молошная, А. Н. Печников, Н. Н. Прокопович, Е. Н. Смольянинова, В. П. Сухотин, Т. А. Тулина и др.).

Однако вряд ли вызовет возражение мысль о том, что теория словосочетания, которая не может и не должна замыкаться в сфере синтаксических исследований, нуждается в обращении к новым идеям и новым методам, свойственным в наши дни как лингвистике, так и психолингвистике. К этой мысли привели многолетние размышления над природой словосочетания, над особенностями словосочетания как языкового знака, над интеракцией разных факторов, участвующих в построении, употреблении и закреплении словосочетания. Эту мысль стимулировало то, что в теории словосочетания, почти всецело сложившейся в рамках традиционной грамматики, был, по сути дела, не замечен характерный для современной науки поворот, состоящий «в изучении не столько языка, сколько *говорящего человека* (разрядка автора. — К. С.)» [Леонтьев 2005: 3].

Несмотря на то, что словосочетание, развернутое в структуре предложения-высказывания, напрямую не выходит в коммуникацию, для объяснения того, как осуществляется оперирование словосочетанием, оно должно быть рассмотрено в перспективе речевой деятельности, «организованной в соответствии с коммуника-

тивным намерением и опосредованной системой языковых знаков («психологических орудий», по Л. С. Выготскому)» [Васильева, Виноградов, Шахнарович 1995: 101]. Заостряя внимание на том, что «строго говоря, речевой деятельности как таковой не существует» и «с одной речью человеку делать нечего: она не самоцель, а средство», А. А. Леонтьев подчеркивал, что «лингвистика интересуется тем, что специфично именно для речевой (разрядка автора. — К. С.) деятельности» [Леонтьев 2005: 27].

Разумеется, именно в актах речевой деятельности возникает потребность в более конкретном в информативно-смысловом плане представлении компонентов структурных схем предложений, для удовлетворения которой прибегают к форме (или формам) словосочетания. Только на фоне речевой деятельности может быть раскрыта суть противостояния двух концепций словосочетания — синтаксической и номинативной, по-разному объясняющих функциональный генезис словосочетания в речи, а в конечном счете — природу словосочетания. Путем обращения к речевой деятельности становится возможным обнаружить то, как «связать язык в действии (*language in use*) со структурами, из которых он создан» [Kretzschmar 2009: 277], что, безусловно, является необходимым шагом в изучении словосочетания как оперативной единицы (впервые об этом см. [Уфимцева 1972]).

Представления о том, что свободные словосочетания возможны только на уровне «чистых» моделей, не вовлеченных в речевое действие, что объяснить то, как складывается словосочетание в речи, можно исключительно благодаря механизму валентностей, что словосочетание не осознается носителями языка и не способно оказаться в фокусе их метаязыкового внимания, что сложные словосочетания не обладают собственной структурно-семантической организацией, — являются весьма неточными. При обращении к речевой деятельности, а именно к широкому кругу речевых фактов, отображающих функциональное многообразие в оперировании словосочетанием, можно не только установить недостаточность либо ошибочность этих теоретических обобщений, но и показать объемную картину речевой (вернее же, речезыковой) «жизни» словосочетания как особого языкового знака. Только в контексте речевой деятельности становится возможной семантическая интерпретация

словосочетания, адекватная тому, с какой целью и каким образом словосочетание употребляется в предложении-высказывании и участвует в создании текста (дискурса).

Освещая проблему словосочетания в речевой деятельности, следует привлекать разнообразный речевой материал. Наряду с употреблением словосочетаний (в достаточном текстовом окружении), собранными вручную путем сплошного и особенно выборочного извлечения, необходимо использовать данные корпусного анализа, обращаясь к Национальному корпусу русского языка (НКРЯ), а также речевые факты, полученные благодаря применению метода эксперимента¹. Подобная совокупность речевых фактов дает возможность рассматривать функционирование словосочетаний не просто в синтаксическом контексте, а в речевой деятельности.

Важно отметить, что словосочетанию посвящено немало научных трудов, в основном созданных во второй половине XX — начале XXI вв. Они представляют собой мощный багаж теоретических знаний, полученных в результате осмысления структуры, семантики и функционирования словосочетаний в разных языках. Преемство по отношению к идеям и обобщениям, содержащимся в публикациях предшественников, не исключает, однако, дискуссий по поводу тех или иных тезисов, формулировок, интерпретаций². Знания, накопленные в теории словосочетания, создали условия для такого поворота, благодаря которому словосочетание может быть осмыслено не как некий «анклав» в структуре предложения-высказывания, а как творческая операция и ее результат в речевой деятельности.

В данной книге представлена разработка ключевых вопросов теории словосочетания в ракурсе речевой деятельности, связанных, с

¹ Говоря о «факторе эксперимента» в психолингвистике, Л. В. Сахарный констатировал, что «стремление опереться на данные эксперимента... соответствует общей тенденции современного этапа развития... гуманитарных наук» [Сахарный 1989: 9]. При исследовании словосочетаний в аспекте речевой деятельности требуется применение как собственно лингвистического эксперимента (интроспекции), так и разных методик психолингвистического эксперимента, позволяющих поставить ту или иную речевую задачу перед испытуемыми.

² Показательно, что специалисты по теории словосочетания всегда понимали пользу научной дискуссии (в связи с этим см. гл. 1 этой книги).

одной стороны, с речевой феноменологией словосочетания, а с другой стороны, с фрагментом речевого опыта носителей языка, отражающим навыки оперирования словосочетаниями и рефлексии над ними. В круг этих вопросов входят такие, как природа словосочетания и его функции; синтаксическая форма словосочетания; неединственность функционального генезиса словосочетаний; специфика сложных словосочетаний и их структурирование в речи; трансформации словосочетаний (с выходом в стилистику); метаязыковые представления о словосочетании и речевая объективация метаязыкового осознания словосочетания; смысловое восприятие словосочетания. Особое место отведено вопросам межуровневого взаимодействия в области словосочетания, закрепления словосочетаний в языке и дискурсивного использования словосочетаний.

Предлагаемые в книге теоретические, экспериментальные и корпусные исследования, посвященные функционированию словосочетаний в речевой деятельности, были выполнены по плану Института языкознания РАН, в том числе в рамках тем Государственного задания «Экспериментальные исследования связной речи: онтогенез и функционирование» (№ 0182-2014-0011) и «Современное речеведение: теория, эксперимент, практика» (№ 0182-2019-0014).

Считаем своим приятным долгом выразить благодарность рецензентам — докторам филологических наук Н. В. Васильевой и Н. В. Уфимцевой.

ГЛАВА 1

О ПРИРОДЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ (ТЕОРИЯ И ЭКСПЕРИМЕНТ)

Несмотря на то, что русская синтаксическая традиция началась именно с изучения словосочетания и отстаивание права этой синтаксической единицы на жизнь в метаязыке мировой лингвистики связано во многом с трудами специалистов по русскому синтаксису, и в первые десятилетия XXI в. было бы весьма неосмотрительно считать, что природа словосочетания в синтаксической науке окончательно познана. На вопрос «Что такое словосочетание?» единственного и непротиворечивого ответа до сих пор нет. Более того, нередко высказываются мнения о том, что словосочетания как особой языковой единицы вообще не существует или что для синтаксического механизма языка словосочетание инородно. При этом синтаксическая категория «словосочетание» прочно вошла в арсенал описательной грамматики и заняла особое место в синтаксической дескрипции русского и других национальных языков. Все это означает, что синтаксисты не могут не быть заинтересованы в обсуждении вопроса о природе словосочетания. В настоящей главе предпринята попытка разобраться в этом дискуссионном (если не сказать, запутанном) вопросе.

Основной задачей этой главы является верификация гипотезы о том, что словосочетание — это особая единица не только языка / речи, но и языкового сознания (применительно к русскому языку и его носителям соответственно). Под языковым сознанием здесь понимается исключительно метаязыковое осознание носителями языка того, как происходит «членение, категоризация и организация потока речи» [Тарасов 1988: 177]³.

Подчеркнем, что для проверки второй части гипотезы был применен метод психолингвистического эксперимента. Хотя С. Г. Тер-Минасова сомневается в правомерности экспериментального изучения словосочетаний в Лондонской лингвистической школе, критикуя его за позитивизм, ориентацию на «идеального информанта»,

³ Ср., напротив, дифференциацию понятий «языковое сознание» и «метаязыковое сознание» в цитируемой работе Е. Ф. Тарасова. Обзор представлений о языковом сознании в современной психолингвистике см. в [Фридман 2006: 28—36].

изоляцию от социального контекста и др. [Тер-Минасова 2004: 78—80], и в этих ее сомнениях есть свой резон, нельзя не отметить, что полноценное исследование единиц высшего уровня языка — синтаксического, напрямую либо в составе предложения-высказывания, подобно словосочетаниям, выходящих в коммуникацию и в той или иной мере осознаваемых носителями языка в разных своих структурных качествах, не может обойтись без психолингвистического эксперимента. Более ста лет назад Ш. Балли писал: «Проблемой лингвистики завтрашнего дня станет экспериментальное исследование функционирования языка» [Балли 2003: 38] (об эксперименте в лингвистике и психолингвистике см. [Сигал 2004: 96—131]).

Если одной из важнейших задач синтаксиса как науки является выяснение сущности синтаксических единиц языка и речи, то совершенно очевидно, что синтаксис словосочетания как особый раздел синтаксической науки стоит перед необходимостью определить природу словосочетания. Причем решить эту задачу не представляется возможным без того, чтобы не выявить такие функции словосочетаний, которые не свойственны другим единицам, участвующим в комбинаторно-синтаксическом формировании предложения-высказывания.

В истории синтаксических учений (причем не только в XX в., но и гораздо раньше) вопрос о природе словосочетания, как правило, решался иначе: у словосочетания обнаруживались либо те же «строєвые» и номинативные (лексические) потенции, что и у слова (словоформы), либо схемно-конструктивные формации, нуждающиеся в лексико-семантической «оснастке», что характерно для предложения. В первом случае словосочетание рассматривалось как аналитический заместитель слова, тогда как во втором случае — как семантический эквивалент предложения, потерявшего предикативную автономию, или же — реже — как нерасчлененное наименование любых синтаксических последовательностей, в различной степени обладающих качеством формально-семантической (в том числе и интонационной) завершенности. Понятно, что ни в одном, ни в другом случае лингвистам не удавалось установить ингерентные свойства словосочетания, понять специфику его языковых функций и, главное, раскрыть механизм его участия в синтаксическом построении речевого высказывания.

В современной научной литературе нередко встречаются суждения о том, что словосочетание должно быть признано лишней единицей синтаксического описания, не имеющей особой синтаксической формы, не обладающей никакой концептуально-семантической спецификой и вообще лишь по недоразумению попавшей в поле зрения синтаксистов. Так, в частности, А. М. Ломов полагает, что «учение о словосочетании остается внутренне чуждым синтаксису» [Ломов 2004: 317]. Будучи чаще всего априорными заявлениями, подобные суждения вступают в противоречие не только с фактографией синтаксических наблюдений и обобщений, но и с историей грамматической мысли: по-видимому, нельзя считать случайным то обстоятельство, что Аполлоний Дискол (II в. н.э.) — один из основоположников синтаксиса в мировой науке — именно посредством изучения словосочетаний (естественно, без использования самого термина-понятия «словосочетание») стремился обнаруживать способы соединения слов в предложении, т.е. относил функциональное предназначение словосочетаний к сфере синтаксической (а вернее, микросинтаксической) организации речи (см. подробный анализ развития теории словосочетания в [Прокопович 1966: 5—39; Смольянинова 1990: 7—14; Сухотин 1950: 128—149]).

Между тем в современном синтаксисе словосочетания сложилась весьма парадоксальная методологическая ситуация: теория словосочетания фактически считается здесь иррелевантной для практики синтаксического описания словосочетаний в конкретном языке, на что указывает тенденция к таксономической инвариантности систем словосочетаний (вернее, моделей таких систем) у синтаксистов, придерживающихся противоположных воззрений на природу словосочетаний. Так, например, сторонники противостоящих друг другу номинативной (лексикологической) и синтаксической концепций словосочетания, по-разному понимая сущность словосочетания, его базовые функции и механизм употребления в речи, строят одинаковые или, во всяком случае, сводимые типологии словосочетаний по категориальному статусу детерминирующего (главного) и детерминируемого (зависимого) компонентов, одни и те же критерии кладут в основу дифференциации синтаксических связей в словосочетании по их силе и т.д., и именно вследствие этого сам вопрос о природе словосочетания начинает казаться абсолютно схоластическим, а его

решение, каким бы оно ни было, никак напрямую не отражающимся на результатах синтаксического описания словосочетаний.

Нельзя не согласиться с мнением о том, что «расхождения в понимании термина “словосочетание” вызваны не синкретизмом фактов языка, не объективными противоречиями в самом языке, а расхождением авторских концепций. И это тот редкий случай, когда факты языка являются не аргументацией в пользу той или иной концепции, а только иллюстрацией к ней» [Успенский 2006: 93].

В действительности, такое положение дел в синтаксисе словосочетания свидетельствует о том, что в этом разделе синтаксической науки до сих пор господствуют эмпиризм, констатирующее наблюдение и исключительная ориентация на «здравый смысл» (иначе говоря, на случайное (*ad hoc*) и, как правило, фрагментарное обобщение речевых явлений), т.е. как раз те установки научного анализа, которые безболезненно сочетаются с нерасчлененностью, недоопределенностью и размытостью исходных теоретических конструктов, в первую очередь — самого понятия «словосочетание».

Представляется, что первоочередной задачей синтаксиса словосочетания является решение вопроса о природе словосочетания и выстраивание теоретического «каркаса» учения о словосочетании в зависимости от того, как решен этот вопрос. Данная методологическая целеустановка является принципиальной. Продемонстрируем это на одном примере.

Так, наличие разнообразных дефиниций предложения, как взаимодополняющих, так и зачастую несводимых, никоим образом не препятствует отождествлению одних и тех же речевых отрезков как предложений. Напротив, разные дефиниции словосочетания потенциально могут приводить к различиям в синтаксической интерпретации одних и тех же комплексных сегментов в составе предложения-высказывания. Если «одни языковеды, опираясь на буквальный, этимологический смысл термина “словосочетание”, относят к словосочетаниям все виды грамматического сочетания полных слов — независимо от различий их структуры, их функций в процессе общения и их отношения к разным формам мышления» [Виноградов 1954: 10], то для них, например, сочинительные организации словоформ будут представлять собой разновидность словосочетаний; если же другие лингвисты ограничивают сферу

словосочетаний отношениями субординации (подчинения) между двумя компонентами, то для них сочинительные организации словоформ, вступающих в общие субординативные (подчинительные) отношения, но синтаксически равноправных между собой, являются особым способом формирования синтаксических отношений за пределами сферы словосочетания. Понятно, что в данном случае формально-конструктивная квалификация словосочетаний в их дефинициях не может не получить отражения в синтаксическом описании словосочетаний и в самой эмпирической массе указанной синтаксической категории. Из этого следует, что теория словосочетания должна не только обуславливать те или иные «ходы» в практике синтаксического описания словосочетаний, но и вырабатывать собственные приемы лингвистической аргументации, призванные устранить из учения о словосочетании недостаточно мотивированные положения, в особенности касающиеся вопроса о природе словосочетания.

Несмотря на то, что специальная литература по синтаксису словосочетания практически необозрима, в ней также проявляется отмеченная тенденция: собственно теорией словосочетания, в частности вопросом о природе словосочетания, почти не занимаются либо ссылаются на то или иное авторитетное мнение по данному вопросу, сосредоточивая все внимание на структурном, семантическом и — гораздо реже — на функциональном анализе словосочетаний (в связи с последним аспектом см. [Шведова 1966; Тулина 1976]). Предельным результатом большинства серьезных исследований в области синтаксиса словосочетания служит, как правило, скрупулезное инвентарно-таксономическое описание той или иной микросистемы словосочетаний или констатация синкретизма признаков разных структурных типов в определенной разновидности словосочетаний (см., например, [Политова 2008]). Вдумчивый анализ специальной литературы по синтаксису словосочетания приводит многих лингвистов к заключению о том, что «после трудов В. В. Виноградова, В. П. Сухотина, Н. Н. Прокоповича заметного продвижения в этой области не наблюдается» [Гречко 2003: 87—88], т.е. фактически вся вторая половина XX в. и начало XXI в. не дали ничего существенного теории словосочетания как таковой и в этот период лишь воспроизводились (хотя нередко и с известной долей

критики) взгляды на природу словосочетания либо Фортунатовской школы (безусловно, при сужении круга конструкций, обладающих статусом словосочетания), либо В. В. Виноградова, придавшего академический авторитет номинативной концепции словосочетания.

Однако в отечественной синтаксической науке, безусловно, наблюдалась и совершенно иная тенденция, состоящая в стремлении лингвистов «снять» реальные и мнимые противоречия в теории словосочетания посредством критики наиболее распространенных взглядов на природу словосочетания, а также путем организации свободных дискуссий по основополагающим вопросам синтаксиса словосочетания. Так, например, можно отметить выделяющиеся своим критическим пафосом статьи М. И. Задорожного, направленные против номинативной концепции словосочетания [Задорожный 1980; 1985], с одной стороны, и обстоятельную дискуссию о словосочетании в журнале «Филологические науки», инициированную статьей Ю. В. Фоменко «Является ли словосочетание единицей языка?» (№ 6, 1975), с другой. Названная журнальная дискуссия проходила с 1975 по 1979 гг., в ней приняли участие такие известные лингвисты, как А. И. Моисеев (№ 2, 1977), С. Г. Тер-Минасова и Н. Б. Гвишиани (№ 2, 1977), Р. Ю. Кобрин и К. Я. Авербух (№ 5, 1979).

Материалы этой дискуссии так или иначе становились уже объектом ссылок в специальной литературе, однако они не были осмыслены в их целостности, как и не были, к сожалению, извлечены все уроки из предложенных авторами статей аргументов преимущественно против главной идеи Ю. В. Фоменко о том, что «словосочетание не имеет самостоятельного бытия» [Фоменко 1975: 64], и вытекающих из нее более частных положений. Тем не менее благодаря осмыслению аргументов и контраргументов участников данной журнальной дискуссии, а равным образом и критических замечаний преимущественно по поводу номинативной концепции словосочетания, содержащихся в других немногочисленных публикациях собственно по теории словосочетания, может быть получено достаточно полное представление о том, каким образом современные лингвисты определяют природу словосочетания, его функциональное предназначение в комбинаторно-синтаксическом механизме и др.

Поэтому в первой части настоящей главы будут рассмотрены все названные материалы с тем, чтобы раскрыть то, как в современной

науке освещается вопрос о природе словосочетания с лингвистической точки зрения, и с тем, чтобы получить четкую систему тезисов и обосновывающих их фактов и рассуждений и прийти путем анализа того и другого, а также дополнительной (контр)аргументации к формулированию таких теоретических положений, которые бы раскрывали сущность словосочетания как объективного явления в языке и в синтаксическом построении предложения-высказывания в речи. Совершенно естественно, что в этой части главы нельзя обойтись без обильного цитирования, поскольку взгляды оппонентов должны излагаться с максимальной точностью.

При обсуждении различных взглядов на природу словосочетания весьма существенным является также решение вопроса о том, каков онтологический статус словосочетания в речевой деятельности человека: представляет ли собой словосочетание только лингвистический конструкт, т.е. некую абстракцию в моделировании синтаксических процессов, служащих семантической детализации компонентов монопредикативных конструкций и, как правило, отражающихся в формальных показателях (маркерах) зависимости одного компонента от другого, или же словосочетание относится к реальным единицам психолингвистического уровня, а именно к таким «данностям языковой способности, известным психическим образам или аналогичным им образованиям, которые могут быть осознаны носителем языка» [Леонтьев 2006: 72]? Представляется, что без обращения к психолингвистическому анализу речевой продукции носителей языка, полученной в ходе специальных экспериментальных исследований, поиск ответа на поставленный вопрос может оказаться безрезультатным, так как в «чистой» лингвистике, и в частности в синтаксисе словосочетания, считается, что «все носители языка общаются с помощью предложений и им (в отличие от лингвистов. — К. С.) безразлично, какие единицы функционируют в его составе» [Долгов 1993: 10] и что тем самым словосочетание является лишь единицей описания и не может быть признано психолингвистически значимой, оперативной единицей порождения предложения-высказывания. Ср. в связи с этим следующее утверждение Ю. В. Фоменко: «Рядовой носитель языка не оперирует словосочетаниями и не думает о них. Словосочетания может выделить из готовой фразы лингвист-теоретик» [Фоменко 1997: 29].

Вместе с тем даже элементарно-психологическое объяснение речевых фактов говорит не в пользу данной точки зрения: так, без фокусировки внимания на отдельности, вычленимости словосочетаний и без осознаваемости их семантических сдвигов практически был бы неосуществим процесс фразеологизации (особенно по аналогии), возможность дистантного размещения компонентов словосочетания трудно объяснить чем-либо иным, кроме синтаксического контроля автора речи над формально-смысловой завершенностью комплексных сегментов предложения-высказывания (а синтаксический контроль невозможен без осознаваемости строения и конструктивных свойств контролируемого объекта), и т.д. К сожалению, сторонники различных взглядов на природу словосочетания, возможно вследствие традиционной боязни психологизма в грамматике, не учли вовремя методологической установки, так лаконично сформулированной Ю. С. Степановым: «Ни одна лингвистическая теория в настоящее время не может обойти вопроса о психической реальности своих объектов» [Степанов 1981: 34]. Из-за этого синтаксис словосочетания до сих пор лишен четких представлений об онтологическом статусе своей базовой единицы — словосочетания — в речевой деятельности человека, а психолингвистика, принципиально не отрицая «психической реальности» синтагмы в смысле Л. В. Щербы [Леонтьев 2006: 66] (но, как известно, щербовская синтагма совершенно необязательно совпадает в своих границах со словосочетанием и обладает особыми функциями, не характерными для словосочетания), не ставила перед собой такой специальной задачи, как выяснение принадлежности словосочетания к сфере психолингвистических единиц.

Для восполнения этого пробела во второй части настоящей главы будет представлен анализ материалов психолингвистического эксперимента, поставленного с целью экспликации метаязыковых представлений о словосочетании и с целью обнаружения прототипа словосочетания в языковом сознании обычных носителей языка (т.е. нелингвистов).

Дискуссия о словосочетании в журнале «Филологические науки», на первый взгляд, началась с критики отдельных положений номинативной концепции словосочетания, однако, в действительности, основной пафос статьи Ю. В. Фоменко «Является ли слово-

сочетание единиц языка?»), открывшей эту дискуссию, состоял в стремлении отвергнуть трактовку словосочетания как особой единицы синтаксического уровня языка, доминирующую в русистике.

Предваряя изложение критических замечаний Ю. В. Фоменко, сопровождаемое нашими комментариями, рассмотрим предлагаемое им альтернативное решение вопроса о природе словосочетания. «Словосочетание, — пишет Ю. В. Фоменко, — это не особая единица языка, имеющая самостоятельное бытие, а речевая манифестация (реализация) языковой валентности (сочетательного потенциала) слов... Валентность и словосочетание находятся в отношениях сущности и явления. Конкретное словосочетание дано нам на уровне живого созерцания, а валентность — на уровне абстрактного мышления» [Фоменко 1975: 62]. Из этого следует, что словосочетание (в отличие от валентности) является фактом речи и отражает синтагматическую активность создателя речи, т.е. словосочетания формируются в процессе порождения высказывания (распространенного простого предложения) и существуют только в высказывании. Однако далее инициатор дискуссии замечает: «Неточно было бы... говорить, что словосочетания “возникают” в предложении, потому что это слово позволяет думать, будто перед нами — самостоятельная единица. Словосочетание выделяется из предложения при теоретическом анализе лишь для того, чтобы рассмотреть сочетательные возможности слов, из которых конструируется предложение» [Там же: 62—63].

В этом тезисе проводится абсолютная граница между языком и речью: находящиеся «в отношениях сущности и явления», валентность и словосочетание дифференцируются так, что валентность (некий ненаблюдаемый «сочетательный потенциал» слова) относится к области онтологии языка, а словосочетание (речевая реализация валентности) — к области гносеологии. Лишая словосочетание онтологической отдельности, пусть даже как факта речи, Ю. В. Фоменко превращает валентность — соотносительную с ним языковую категорию — в «вещь в себе», не имеющую аналогов в речевой феноменологии. Если словосочетания не «возникают» в предложениях-высказываниях, являющихся исходным материалом для аналитических действий лингвиста, и не существуют в них, становится непонятным, что же именно должен обнаружить лингвист,

изучая «сочетательные возможности слов», поскольку в речи нет возможностей и потенций, а есть лишь реализации.

Разрывая диалектическое единство языка и речи, Ю. В. Фоменко не учитывает также, что «наработка» конструктивно-синтагматического (валентностного) потенциала слов осуществляется главным образом именно в словосочетаниях, в том, как они влияют друг на друга, с одной стороны, на уровне генерализованных моделей — в языке (ср., например, дифференциацию способов выражения зависимого компонента в словосочетаниях с деривационно соотносительными главными компонентами: *любить детей* — *любовь к детям*, *завидовать другу* — *зависть к другу* и др. и стабильное включение в подобные корреляции словосочетаний, главные компоненты которых выражают семантику эмоционального чувства-отношения), а с другой стороны, на уровне контекстных преобразований (опрощения, переразложения и др.) — в речи (ср., в частности, передающие различные оттенки атрибутивно-обстоятельственных значений субстантивные словосочетания с зависимой предложно-падежной словоформой, формирующиеся сначала путем опрощения: *товары, привезенные из России* → *товары из России*, а затем — на основе аналогии: *товары на любой вкус*). Те или иные типы словосочетаний — не константное явление, а развивающееся, среди них имеются как архаизованные построения, так и неологии. В процессе речевого употребления словосочетания могут подвергаться лексикализации (и фразеологизации) или грамматикализации, что явным образом предполагает осознание самой конструкции словосочетания как целостной функциональной единицы.

По-видимому, валентность и словосочетание связаны друг с другом не как сущность и явление, а как часть и целое, поскольку именно в результате взаимодействия валентностных потенциалов двух слов (причем не индивидуальных слов, а условных представителей целых лексико-грамматических классов и подклассов слов) происходит формирование структурных схем (моделей) словосочетаний, выступающих как автономные блоки в процессе создания предложения-высказывания. Именно об отношениях валентности и словосочетания как части и целого свидетельствует получившая распространение в специальной литературе точка зрения, согласно которой единственной и специфической функцией словосочетания

на синтаксическом уровне является валентностная функция [Долгов 1993: 50] (в связи с этим см. [Gregor 2008; Herbst, Götz-Votteler (ed.) 2007]).

Несмотря на то, что вопрос о природе словосочетания не получил обоснованного решения в статье Ю. В. Фоменко, его критические замечания, направленные против многих постулатов теории словосочетания, заслуживают внимания, тем более что потребность заявить свое отношение именно к этим критическим замечаниям и побудила целый ряд лингвистов принять участие в журнальной дискуссии о словосочетании.

Прежде всего Ю. В. Фоменко, выступая с позиций функциональной идентификации единиц языка, отказывает словосочетанию в праве называться «самостоятельной единицей языка», так как словосочетание не выполняет ни номинативную функцию (в отличие от слова), ни коммуникативную функцию (в отличие от предложения). Не является словосочетание и собственно синтаксической единицей (наряду с предложением), ибо «единицей синтаксиса может быть только коммуникативная единица» [Фоменко 1975: 60]. В этом тезисе, с одной стороны, происходит сужение функциональной значимости языковых единиц путем приписывания им исключительно либо номинативной, либо коммуникативной функции (хотя допустимо и «склеивание» этих функций, например, в предложениях типа N_1 или в любом по структуре предложении, находящемся в такой сильной позиции текста, как заглавие, не говоря уже о том, что две названные функции никак не исчерпывают репертуара функций единиц языка), а с другой стороны, сведение функционального предназначения синтаксиса лишь к коммуникации. Подобная абсолютизация функционального монизма в синтаксисе никак не отражает того, что для выполнения коммуникативной функции предложение-высказывание должно быть построено с учетом действующих в том или ином языке микро- и макросинтаксических закономерностей. Повидимому, выделяя строевую, или композиционно-конструктивную, функцию у синтаксиса, нельзя не отнести к синтаксическим единицам словосочетание, призванное разнообразить семантико-синтаксическую структуру монопредикативных конструкций.

Именно эти соображения позволяют отклонить и замечание Ю. В. Фоменко о том, что ситуация, при которой «каждый ярус язы-

ка формируется одной языковой единицей, а синтаксический ярус — двумя» [Там же: 62], выглядит сомнительно. Здесь необходимо отметить следующее. При движении от низших уровней языковой системы к высшим происходит нарастание функций у их единиц, что в конечном итоге приводит к появлению на самом высшем уровне языковой системы — синтаксическом — нескольких единиц с различающимися функциями, а вернее, нескольких единиц с подвижной функциональной иерархией. Проиллюстрируем сказанное. Так, по мысли Ю. В. Фоменко, предложение выполняет только и исключительно коммуникативную функцию, но это явно не так. Монопредикативная конструкция (простое предложение), выступая в качестве отдельного высказывания, реализует коммуникативную функцию, однако, становясь частью синтаксической композиции полипредикативной конструкции (сложного предложения), она реализует лишь строевую функцию, тогда как выполнение коммуникативной функции осуществляется полипредикативной конструкцией в целом, выступающей как самостоятельное высказывание. Тем не менее для предложений (прежде всего для монопредикативных конструкций) строевая функция не является примарной, иерархически доминантной, тогда как для словосочетаний она оказывается именно таковой.

Признание двух синтаксических единиц — словосочетания и предложения — не ведет, вопреки точке зрения Ю. В. Фоменко, к «дублированию» учения о связях слов. Хотя любой синтаксист согласится, наверное, с мнением о том, что «связь слов осуществляется только в предложении — единственном средстве формирования и выражения мысли» [Там же], ни для кого не является секретом тот факт, что одни слова входят в синтаксическую структуру предложения-высказывания благодаря подчинительным связям с каким-либо из наличных слов-компонентов (и здесь, очевидно, происходит реализация структурных схем словосочетаний), тогда как другие слова (причем даже не только и не столько детерминанты) включаются в синтаксическую структуру предложения-высказывания как бы сами по себе, не образуя словосочетаний ни с одним из наличных слов-компонентов, по своей категориальной принадлежности способных к подчинительной связи с такими «островными» словоформами. Один подобный речевой факт рассматривает В. И. Фурашов:

«Так, в предложении *Шаги его, в толстых сапогах, все удаляясь, прозвучали по дорожке* (Л. Толстой) предложно-падежная форма *в сапогах* формально может рассматриваться как зависимая от имени существительного, т.е. введенная в предложение в порядке словосочетательных связей, но вместе с тем очевидно, что словосочетание *шаги в сапогах* некорректно» [Фурашов 1984: 20] (ср., однако: ***Человек в сапогах*** куда-то исчез, где распространение субъектного компонента монопредикативной конструкции посредством словосочетательной связи несомненно). Тем не менее и в том, и в другом случае связь слов прогнозируется и реализуется в предложении-высказывании с целью компактной «упаковки» аналогичных мыслительных содержаний (а именно атрибутивных) и с опорой на семантико-синтаксические проекции компонентов его конструктивного состава.

Представление о том, что словосочетания формируются в предложении-высказывании (в генетическом плане — на уровне моделей, а в функциональном плане — на уровне реализаций), не вызывает никаких сомнений у большинства синтаксистов и, безусловно, отражает сущность одного из частных лингвокреативных процессов (в связи с этим см. [Brain 2014]).

Кроме того, тезис о двух синтаксических единицах (даже с учетом дифференциации среди предложений простых и сложных конструкций), критикуемый Ю. В. Фоменко, на современном этапе развития лингвистики выглядит уже несколько устаревшим, поскольку в синтаксическом описании языка теперь принято выделять, помимо них, как меньшую по формату синтаксическую единицу — словоформу (или синтаксему), так и бóльшие — сложное синтаксическое целое и даже текст.

Отдельное замечание Ю. В. Фоменко высказал по поводу когнитивного аспекта словосочетания. Не соглашаясь с тем, что словосочетание выражает одно, хотя и расчлененное, понятие (т.е. с ключевым тезисом номинативной концепции словосочетания), он пишет: «Словосочетание выражает не понятие, пусть даже расчлененное, а сочетание понятий» [Фоменко 1975: 60]. Однако далее он утверждает следующее: «Слову и предложению в языке / речи соответствуют понятие и суждение в логике. Словосочетание логического коррелята не имеет» [Там же: 62]. Действительно, можно ли считать «со-

четание понятий» особой логической (когнитивной) категорией? В отличие от Ю. В. Фоменко, отвечающего на поставленный вопрос отрицательно, специалисты в области логического анализа грамматики естественного языка обосновывают иную точку зрения. Так, Н. М. Годер в статье «О логической структуре понятия, выраженного словосочетанием» приходит к выводу о том, что «словосочетание... имеет не только сложную грамматическую структуру, но и выражает мысль, сложную по своей логической природе. Словосочетание..., обозначая какое-либо явление, выражает понятие об этом явлении. Но это понятие не простое. Оно, будучи единым, вместе с тем явно представляет собой сочетание ряда понятий, каждое из которых в отдельности отлично от всего сочетания, взятого в целом... Такое понятие может быть названо составным» [Годер 1961: 49]. Из этого следует, что логическим коррелятом словосочетания можно считать сочетание понятий или, иначе выражаясь, составное понятие.

По-видимому, составные понятия представляют собой такие аналитические дескрипции предметов, признаков, действий и т. д., которые, не будучи семантически тождественными ни одному из сочетаемых понятий по отдельности, сохраняют относительную автономность последних. Так, например, атрибутивное словосочетание *известный художник* как оценочная дескрипция лица (составное понятие) отличается от каждого из образующих ее понятий по отдельности (что указывает на целостность и относительную завершенность аналитической дескрипции), хотя каждое из сочетаемых в этой оценочной дескрипции понятий может быть сужено за счет своих собственных понятийных «сочленений», ср.: *известный в Москве художник* или *известный художник по металлу* (что обнаруживает определенную автономность составляющих аналитической дескрипции). Видя когнитивную (логическую) специфику словосочетания в «сочетании понятий» и не отрицая тем самым выражения словосочетанием тех или иных мыслительных конфигураций, Ю. В. Фоменко отказывает, тем не менее, «сочетанию понятий» в статусе особой единицы логики, а словосочетанию — в обладании собственным означаемым. Вследствие этого ему кажется весьма спорной трактовка словосочетания, т.е. «комбинации языковых знаков», «как особого, самостоятельного знака» [Фоменко 1975: 61].

Безусловно, словосочетание, порождаемое в акте речи, создаваемое по той или иной модели (структурной схеме), а не воспроизводимое говорящим / пишущим как целостная номинация, не является знаком, подобным слову, однако, соглашаясь с тем, что словосочетание обладает определенной формальной структурой (означающим), призванной к выражению сложного означаемого (не только аналитической дескрипции, но и смысловых отношений между ее составляющими), нельзя не признать, что словосочетание организовано по принципу знака.

Признаку воспроизводимости, точнее его отрицательному проявлению в сфере словосочетаний, Ю. В. Фоменко уделяет особое внимание. Приведем его рассуждения. «Словосочетание было бы самостоятельной единицей языка, если бы оно обладало признаком воспроизводимости. Однако этим признаком синтаксическое словосочетание не обладает. Синтаксическое словосочетание не воспроизводится, не извлекается из языка как единица готовая, заранее данная, а строится в процессе высказывания» [Там же]. Здесь не учитывается, к сожалению, тот факт, что для разных языковых единиц характерны разные типы воспроизводимости. Так, в частности, морфема воспроизводится не так, как слово, а слово воспроизводится не так, как словосочетание. Морфема воспроизводится в жестком дистрибутивном контексте морфемной структуры слова, ее автономная воспроизводимость носит подчеркнуто окказиональный характер. Слово извлекается из внутреннего лексикона носителя языка и воспроизводится в его речи как готовый номинативный знак (при воспроизводстве степень автономности слова определяется типом его лексического значения).

Словосочетание — чаще всего результат речетворчества (даже штампы, или так называемые социолингвистически обусловленные словосочетания, не гарантируют их воспроизводимости как заранее данных структур в речевой деятельности любого носителя языка и в любой коммуникативной ситуации), однако такого, которое осуществляется не в режиме абсолютно произвольной категориальной комбинаторики слов (так, в русском языке ни при каких условиях наречие не может быть главным компонентом в словосочетании с зависимым компонентом — именем прилагательным, но обратное допустимо, т.е. категориально обусловлено и закреплено в норме

и узусе), а на основе сложившихся в конкретном языке более или менее продуктивных комбинаторных моделей — иначе говоря, структурных схем словосочетаний, предназначенных для воспроизводства при порождении предложения-высказывания. Более того, воспроизводимость моделей словосочетания является в высшей степени автономной, поскольку она практически не ограничена структурной организацией монопредикативных конструкций. Так, при минимальном составе монопредикативной конструкции $V_{\text{гзрл}}$ (*Стучат*) использовать модель атрибутивных словосочетаний субстантивно-адъективного типа нельзя, тогда как в расширенном составе этой монопредикативной конструкции, включающем, например, зависимый субстантивный компонент с локативной семантикой, реализация названной модели словосочетания возможна, ср.: *Стучат за сараем* → *Стучат за старым сараем*.

Не существуя до предложения-высказывания и вне предложения-высказывания как актуальное речевое построение, словосочетание существует как виртуальная комбинаторная схема в синтаксическом механизме языка. И если как актуальное речевое построение словосочетание производится, строится, конструируется при порождении предложения-высказывания, то как виртуальная комбинаторная схема оно воспроизводится, извлекается из багажа синтаксических генерализаций, хранящегося в памяти носителя языка.

Аргументируя свой тезис о том, что словосочетание принципиально (т.е. ни в одной из допустимых интерпретаций) невоспроизводимо, Ю. В. Фоменко пишет: «Когда говорящий пользуется воспроизводимыми единицами языка, то речевые ошибки в этой ситуации малочастотны. ...при построении словосочетаний ошибки высокочастотны, и это свидетельствует о том, что словосочетание не воспроизводится, а строится говорящим» [Там же: 62]. К сожалению, в цитируемой статье не приводится ни одного примера неправильного построения словосочетаний, поэтому трудно судить о том, какого рода ошибки здесь имеются в виду. Не учитывается в данном случае и тот факт, что неправильность в построении словосочетания может отражать как авторское намерение, так и синтаксическую инновацию.

Рассмотрим несколько примеров из художественной литературы, содержащих такие словосочетания, которые, используя их школь-

ник, были бы в любом случае оценены как речевые неправильности. *Кстати, плащ скрывал и фигуру — Василий Львович очень знал, что он кособрюх и тонконог* (Ю. Тынянов); — ...*Мне уже звонил об этом сам Кальтенбруннер* (В. Ардаматский).

В первом примере явным образом нарушена норма лексико-семантической сочетаемости в словосочетании *очень знал*, поскольку глаголы со значением знания и мнения, как правило, не сочетаются с наречиями-интенсификаторами. Тем не менее глаголы с иной семантикой (в частности, с семантикой чувства, эмоционального отношения) такую сочетаемость допускают (ср.: *очень любить, очень хвалить* и т. п.), а глаголы типа *знать* могут сочетаться, например, с наречиями оценки (ср.: *хорошо, плохо, глубоко, поверхностно* и т. п. *знать*). При этом все подобные словосочетания строятся по структурной схеме V + Adv., основанной на такой разновидности подчинительной связи, как примыкание. Следовательно, в данном случае речевая неправильность отображает не «сбой» воспроизводства модели словосочетания, а некое отклонение от нормы лексико-семантической сочетаемости, возникшее в речи. Более того, вряд ли Ю. Тынянов, признанный мастер слова, допустил здесь банальную ошибку: скорее всего, столкновению несочетаемых в норме слов в едином синтаксическом блоке — глагольно-адвербиальном словосочетании — способствовало авторское намерение оценить меру знания персонажа о его собственных недостатках с целью демонстрации иронического отношения к персонажу.

Во втором примере, при поверхностном его рассмотрении, как будто бы имеется ошибка в воспроизводстве модели словосочетания: ведь глагол *звонить* в сфере литературно-книжной речи не может выступать в функции главного компонента в словосочетаниях со структурной схемой V + o / об / обо (prep.) + N₆ (в отличие от глаголов со значением речемыслительной активности, ср.: *говорить об этом, думать об этом*). Данная синтаксическая неправильность весьма характерна для носителей современного русского языка: рассматривая целую коллекцию подобных примеров, М. Я. Гловинская пишет о чрезвычайном усилении «натиска на глаголы предлога о» [Гловинская 2000: 254]. Так как глагол *звонить* (в приведенном употреблении) обозначает действие, имеющее целью телефонный разговор, то этот глагол по каузальной смежности связан и с обозначе-

нием речевого акта, т.е. семантическое его сближение с глаголами типа *говорить* не вызывает сомнений. По мысли С. Н. Цейтлин, в таких случаях происходит «корректировка формы по отношению к содержанию — семантический фактор оказывается решающим и преодолевает традиционное управление», приводя к речевой ошибке [Цейтлин 1997: 92].

Однако, представляется, что словосочетаниям типа *звонил об этом* можно дать иное объяснение. Здесь мы имеем дело с синтаксической инновацией, отражающей экспансию модели управления глаголов речемыслительной активности, с одной стороны, и влияние разговорно-просторечной стихии, поддерживающей «слом» нормы, с другой. В частности, лексико-семантический вариант многозначного глагола *звонить* 3. ‘Разглашать что-нибудь, поднимать шум’ [СО 1990: 230], в неформальных регистрах речи уже давно употреблявшийся в качестве главного компонента словосочетаний со структурной схемой $V + o / об / обо$ (прер.) + N_6 (ср.: *А ты иди / звони об этом / по всему поселку!*), не мог не оказать аналогизирующего воздействия на форму управления лексико-семантического варианта *звонить* 2. ‘Вызывать телефонным звонком для разговора по телефону; также вообще о телефонном разговоре’ [Там же: 230], являющегося общеупотребительным. Важно отметить, однако, другое: в примере из В. Ардаматского воспроизведена именно такая модель словосочетания потому, что сам глагол, реализующий свою семантико-синтаксическую проекцию на делиберативный объект, был воспринят писателем как глагол с семантикой речи.

Вполне очевидно, что ни один из рассмотренных случаев речевой неправильности в словосочетаниях не опровергает тезиса о том, что словосочетание со стороны своей структурной схемы (модели) воспроизводится при порождении предложения-высказывания.

Критикуя тезис сторонников номинативной концепции словосочетания, согласно которому словосочетание является строительным материалом для предложения, Ю. В. Фоменко замечает, что «если это так, то словосочетания (конкретные словосочетания) должны... иметь строгие границы, не допускающие вхождения одного и того же слова в разные словосочетания. Если же одно и то же слово способно одновременно входить в разные словосочетания (*Глубоко ↔ уважаю + уважаю ↔ вас = Глубоко уважаю вас*), то это означает, что

предложение строится не из словосочетаний, а из слов» [Фоменко 1975: 63]. В подобных случаях как «сомнительную» оценивал «частичную удвоенность» словосочетаний и Д. Н. Шмелев, отказывая словосочетаниям в конструктивном обеспечении порождения предложения-высказывания [Шмелев 2006: 43].

Некоторое время назад критикам ответил В. И. Фурашов. «Действительно, — писал он, — в данном случае “строительный материал” предстает перед нами как бы в частично удвоенном виде... Впрочем, “нерациональные накладки” возможны и на других участках “языкового строительства”, например, при словообразовании имен существительных со значением лица, мотивированных несклоняемыми существительными на *-и*, где гласный суффикса *-ист-* “накладывается” на конечный гласный мотивирующего слова: *такси* — *таксист*, *регби* — *регбист* и др.» [Фурашов 2002: 110]. Сходство и определенная структурная аналогия между явлениями синтаксиса и словообразования, конечно же, здесь присутствуют. Однако существенно и различие: слово, пусть даже и производное, будучи известным носителю языка, воспроизводится им в речи как цельная номинация, тогда как словосочетания с одним и тем же компонентом участвуют в производстве, создании предложения-высказывания, и поэтому их «частичная удвоенность» должна быть объяснена иначе.

Очевидно, что Ю. В. Фоменко и его сторонники (а их, заметим, немало среди синтаксистов) рассматривают предложение-высказывание как линейно-речевую цепь, порождение которой в речевой деятельности говорящего / пишущего производится одноэтапно (т.е. без сложного процесса превращения «мысли» в «слово», согласно учению Л. С. Выготского) и с ориентацией на принцип жестко-принудительной линейной развертки синтаксической структуры в самый момент ее создания, т.е. на принцип, неспособный раскрыть конструктивную избыточность «частичной удвоенности» словосочетаний и тем самым подтвердить участие словосочетаний в продуцировании предложения-высказывания (см., однако, [Печников 1995], где при таком же подходе утверждается, что «структура предложения складывается на основе словосочетаний и представляет собой линию или несколько линий словосочетаний, последовательно связанных цепочечным способом» [Там же: 88]).

Между тем из психолингвистики известно, что порождение речи — это эвристический процесс, в котором задействованы различные стратегии синтаксического построения комплексных сегментов (в том числе и на основе структурных схем словосочетаний) и разнообразные механизмы совмещения последних в синтаксической структуре будущего предложения-высказывания [Леонтьев 1969]. Если предположить, что на этапе внутреннего программирования предложения-высказывания одним из таких механизмов является глубинный эллипсис повторяющихся слов у совмещаемых комплексных сегментов (словосочетаний), то можно осмыслить наблюдаемую в речи «частичную удвоенность» словосочетаний как результат опущения избыточного слова еще до момента речевой реализации предложения-высказывания. Поэтому явление «частичной удвоенности» словосочетаний не может выступать неопровержимым доказательством того, что словосочетание не является строительным материалом для предложения.

Как известно, понятие «строительного материала» было принципиально связано у многих приверженцев номинативной концепции словосочетания с трактовкой словосочетаний как номинативных единиц, призванных, подобно словам, наполнять формальную структуру предложения. Безусловно, функция словосочетания быть строительным материалом для предложения не может быть отождествлена со способностью словосочетаний занимать позицию того или иного члена предложения (хотя синтаксически нечленимые словосочетания с точки зрения своих функционально-конструктивных возможностей в предложении тождественны словам), так как субординативные отношения, организующие структуру словосочетания (в том числе и сложного), предполагают позиционную дифференциацию вступающих в подчинительную связь компонентов на уровне формальной структуры предложения. По мнению Ю. В. Фоменко, «строительная единица всегда бывает одна» [Фоменко 1975: 63], и этой строительной единицей является слово. «Для правильного понимания истинного места “словосочетания” в синтаксисе, — продолжает Ю. В. Фоменко, — принципиальное значение имеют однословные предложения типа *Похолодало*. Существование однословной модели предложения является убедительным аргументом в пользу тезиса, что предложение строится из слов» [Там же].

Однако считать слово единственной конструктивной единицей в предложении и абсолютизировать тезис о слове как безальтернативном «строительном материале» для предложения мешают наблюдения над речевой эмпирией: замещать позицию одного и того же члена предложения может не только слово (словоформа), но и синтаксически (и лексически) нечленимое словосочетание и даже предложение в цитатном употреблении (ср.: *Его холодное «Прощайте!» запомнилось надолго*), а позиционному распределению компонентов в непредикативном секторе предложения способствуют как раз структурные схемы синтаксически членимых (свободных) словосочетаний.

В связи с этим особого комментария требует обращение Ю. В. Фоменко к однословным моделям предложений, иллюстрирующим, по его мнению, маргинальную роль словосочетаний в построении предложений-высказываний. То, что среди монопредикативных конструкций (простых предложений) выделяются однокомпонентные модели, является очевидным языковым фактом. Их предикативный минимум сформирован одной словоформой, не нуждающейся для выражения синтаксической (формальной) семантики той или иной модели предложения в распространении другими словоформами. Тем не менее в целях повышения информативной ценности предложений, построенных на основе однокомпонентных моделей типа *Похолодало*, говорящий / пишущий может включить в их речевые вариации непредикативные компоненты с такой семантикой, как локативная (*На Кавказе похолодало*), субъектно-локативная (*У нас похолодало*), темпоральная (*В мае похолодало*), мера проявления признака (*Резко похолодало*) и др. При этом если одна часть подобных непредикативных компонентов относится к однокомпонентной модели предложения в целом и выступает в функции детерминантов, то другая часть обусловлена семантико-синтаксической проекцией словоформы, занимающей предикативную позицию (но не однокомпонентной моделью предложения как таковой!). И если распространители первого типа включаются в предложение-высказывание как бы помимо словосочетательных связей, то распространители второго типа возникают благодаря реализации композиционно-конструктивной функции словосочетания в предложении-высказывании (ср. речевую вариацию с зависимым компонентом, выражающим значение меры проявления признака).

Так как в своем собственно модельном виде, т.е. без распространителей, однокомпонентные монопредикативные конструкции в речи употребляются ограниченно, то становится понятной значимость словосочетательных и детерминантных связей в построении высказываний на основе таких однокомпонентных моделей предложения. Но дело не только в этом. Наличие однокомпонентных моделей предложения в языке не может служить аргументом против «строительной» функции словосочетаний прежде всего потому, что словосочетание, характеризующееся строгой субординативной связью компонентов, в принципе не способно структурировать предикативные отношения (естественно, в двухкомпонентных моделях предложения), предполагающие взаимонаправленность (а не однонаправленность) синтаксических связей. «Словосочетание — это, наряду со словоформой, “строительный материал” для предложения, или единица строения на уровне распространения предложения» [Малащенко, Богачев 1984: 81].

Считая взаимоисключающими синтаксические категории словосочетания и членов предложения, Ю. В. Фоменко констатирует: «Учение об атрибутивных, объектных и обстоятельственных словосочетаниях дублирует учение о членах предложения» [Фоменко 1975: 61]. Как показали В. П. Малащенко и Ю. П. Богачев в специальной статье «Словосочетание и члены предложения», отношения между названными синтаксическими категориями достаточно сложны, однако, «хотя словосочетание функционирует в составе предложения, понятия компонента словосочетания и члена предложения не идентичны» [Малащенко, Богачев 1984: 82]. Приведем некоторые эмпирические обобщения, сделанные авторами цитируемой статьи. Так, «в составе предложения зависимая синтаксическая форма может приобрести дополнительное значение. Ср. словосочетание *здоровый ребенок* и предложение с этим словосочетанием *Здоровый ребенок весел и бодр* (= *Ребенок весел и бодр, если здоров* и / или *Ребенок весел и бодр, потому что здоров*). Только став второстепенным членом, такая словоформа может вступать в двусторонние связи с разными членами предложения» [Там же: 82]. Только на уровне членов предложения зависимая словоформа может быть подвергнута парцелляции или обособлению, что определяется «сохранением и задачами сообщения» [Там же: 82—83]. В то же время

детерминанты, или «распространители, не зависящие от какого-то отдельного слова», т.е. не являющиеся результатом реализации категориальных свойств слов в словосочетании, могут способствовать образованию «словосочетаний, возникающих на базе объединения члена предложения с детерминирующей словоформой» [Там же: 83—84].

Подобные эмпирические обобщения позволили В. П. Малащенко и Ю. П. Богачеву установить, что «на уровне сочетаемости членов предложения словоформы обладают более широким диапазоном синтаксических возможностей, чем на уровне сочетаемости слов» [Там же: 83]. По наличию или отсутствию корреляций членов предложения со словосочетаниями в цитируемой статье выделяются «частные оппозиции» в системе членов предложения: «главные члены, выражаемые отдельными словоформами, недетерминирующие второстепенные члены (выражаемые зависимыми компонентами словосочетания) и детерминирующие (приосновные) второстепенные члены и главные члены, выражаемые нечленимыми словосочетаниями» [Там же: 85].

Из всего этого следует, что ни о каком дублировании категорий словосочетания и членов предложения в рамках синтаксического описания языка (напомним, что у Ю. В. Фоменко говорится именно об «учении о словосочетании» и об «учении о членах предложения») не может быть и речи, поскольку это не идентичные, не взаимоисключающие синтаксические категории, а взаимодополняющие, отражающие разные уровни синтаксической комбинаторики слов в предложении-высказывании.

Признавая словосочетание «свободной комбинацией языковых знаков — слов» (а не целостной единицей функционального плана), по мнению Ю. В. Фоменко, нельзя не прийти к выводу о том, что «у словосочетания нет и не может быть “формы” и “парадигмы”» [Фоменко 1975: 63]. Эту же мысль в специальной литературе высказывали и ранее. Так, еще в 1960 г. В. В. Белый писал: «Представляется ошибочной точка зрения, согласно которой словосочетание, как и слово, обладает системой форм. Греша излишним морфологизмом, эта точка зрения чересчур сближает словосочетание со словом» [Белый 1960: 114]. Очевидно, что здесь идет полемика с концепцией словосочетания, предложенной

В. В. Виноградовым, в рамках которой считается, что «словосочетанию так же, как и слову, принадлежит способность формоизменения, т.е. оно обладает системой форм. В связи с этим находится многообразие синтаксических функций одного и того же словосочетания, если его господствующее, стержневое слово обладает системой форм, например: *сторонник мира, сторонника мира, стороннику мира* и т.д.» [Виноградов 1954: 11].

В данном случае критика обоснованна: во-первых, у синтаксически членимого словосочетания (каким, безусловно, не является субстантивное словосочетание *сторонник мира*, где главный компонент относится к семантически недостаточным словам, требующим информативно-семантического восполнения и тем самым обязательного распространения, ср.: *Генерал был сторонником мира* и **Генерал был сторонником*) не может быть единой синтаксической функции (характерно, что абсолютизация противоположного утверждения крайне редко встречается даже у апологетов номинативной концепции словосочетания); во-вторых, особая словоизменительная парадигма (т.е. система форм) у словосочетания невозможна потому, что формально-синтаксические связи словосочетания с другими компонентами предложения осуществляются за счет главного слова, обладающего словоизменительной парадигмой той или иной части речи.

И все же возникновение идеи о словоизменительной парадигме словосочетания далеко не случайно: оно объясняется тем, что словосочетание в свете номинативной концепции рассматривается как свободный синтаксический эквивалент фразеологизма, а фразеологизм, будучи целостным номинативным знаком, имеет собственную словоизменительную парадигму, причем сплошь и рядом отличающуюся неполнотой комплектования или дефектностью. Понятие «система форм словосочетания» явным образом зародилось с целью определения морфологических (словоизменительных) девиаций фразеологизма по сравнению со словоизменительными возможностями главного слова-компонента в одноструктурных синтаксически и лексически членимых, т.е. свободных, словосочетаниях⁴.

⁴ В современной лингвистике идея парадигмы словосочетания получила новый импульс развития. М. В. Всеволодова, отстаивая точку зрения, согласно которой словосочетания не «вставляются» в предложение в готовом виде», а «формируются и структурируются в конкретном предложении» [Всеволодова

Как видим, почти все аргументы (кроме последнего), приведенные Ю. В. Фоменко в защиту своего отрицательного ответа на вопрос «Является ли словосочетание единицей языка?», могут быть либо опровергнуты, либо поставлены под сомнение.

А. И. Моисеев в своей статье «Некоторые вопросы теории словосочетаний», предваряя обсуждение проблемы сущности словосочетания в связи с дискуссионной публикацией Ю. В. Фоменко, справедливо указывает на то, что «русская синтаксическая традиция возникла и длительное время развивалась как учение о словосочетании и традиция эта по существу никогда не прерывалась» [Моисеев 1977: 54]. Однако, — замечает он далее, — поскольку Ю. В. Фоменко не только отрицает синтаксическую природу словосочетания, но и отказывает словосочетанию в статусе какой-либо единицы языка вообще, «то получается, что в этом вопросе ошибалось все русское языкознание, от Ломоносова до Грамматики—70, неизменно признававшее словосочетание особой единицей языка» [Там же: 55]. Несмотря на то, что с течением времени менялись представления о месте словосочетания в синтаксической системе языка и трансформировалось само понятие «словосочетание», «основное и главное сохранялось: слова в речи (в предложении) определенным образом соединяются между собой, образуя синтаксические единства — словосочетания. И в этом наше языкознание, по-видимому, не ошибалось: нет оснований для сомнений в существовании словосочетаний» [Там же].

В том, что Ю. В. Фоменко, отрицая словосочетание как единицу языка, признает словосочетание как единицу речи (ср. «Словосочетание — это... речевая манифестация (реализация) языковой валентности» [Фоменко 1975: 62]), А. И. Моисеев оправданно обнаруживает противоречие. Он, в частности, подчеркивает, что «речь — язык в действии, поэтому, в принципе, в речи нет ничего, чего не было бы в языке, и наоборот, хотя, конечно, только “в принципе” (если бы соотношение языка и речи всегда было однознач-

2012: 28], выдвинула понятие «коммуникативной парадигмы словосочетания» [Там же: 30—32]. Коммуникативную парадигму словосочетания образуют его речевые употребления, различающиеся, с одной стороны, на основании препозиции / постпозиции зависимого компонента по отношению к главному, а с другой стороны, на основании контактного / дистантного размещения компонентов словосочетания в предложении-высказывании.

ным, 1:1, то язык не мог бы развиваться), но в данном случае важно как раз принципиальное соотношение языка и речи. Что же в языке соответствует словосочетанию как конкретному факту речи? Не что иное, как его “модель” (формула и т. п.), которую Ю. В. Фоменко не признает... В этом отношении словосочетания ничем не отличаются от других единиц языка и речи, особенно от предложения: в речи предложение — высказывание, в языке предложение — модель» [Моисеев 1977: 55—56]. Иначе говоря, словосочетание является «особой единицей языка и речи» [Там же: 60], на языковом уровне представленной в виде абстрактных моделей — генерализованных образцов построения словосочетаний, а на речевом уровне — в виде их реализаций конкретными словами и словоформами.

Далее А. И. Моисеев высказывает мысль о том, что наиболее уязвимыми являются такие две характеристики словосочетания, как «словосочетания существуют вне и до предложения» и «словосочетания выполняют номинативную функцию» [Там же: 56].

Начиная критический анализ данных утверждений со второго из них, А. И. Моисеев отмечает, что если понимать номинацию как наименование предметов и явлений, отраженных в понятиях, а в связи с этим и как наименование самих этих понятий, то обнаружить номинативную функцию у словосочетаний никак нельзя. «Словосочетания, — продолжает он, — как и сама живая речь, в которой они (в своем конкретном лексическом наполнении) возникают, — это только подступы к созданию понятий и их наименований» [Там же].

Правда, здесь необходимо сказать, что в ряде случаев не существует иной возможности обозначить понятие, как с помощью словосочетания, — при этом отрицать номинативную функцию у словосочетания невозможно⁵. Так, например, в немецком языке наряду со словосочетанием *auf den Knien stehen* имеется слово *knien*, тогда как в русском языке данное состояние обозначается только посредством словосочетания *стоять на коленях*. В этом случае словосочетание, действительно, служит наименованием особого понятия. Однако, в отличие от словосочетания *стоять на коленях*, словосочетание *стоять у окна* не связано с обозначением какого-либо поня-

⁵ Как отмечал Б. А. Серебренников, «в человеческом сознании помимо понятий, выраженных отдельными словами и их формами, существуют понятия, образующиеся на словосочетаниях» [Серебренников 1983: 135].

тия, поскольку у него «нет соответствующего мыслительного объекта для наименования — закрепленного в сознании носителей языка понятия... как “результата обобщения массы единичных явлений”» [Там же]. Поэтому для полного отрицания номинативной функции у словосочетаний нет оснований, равно как нет оснований и для того, чтобы считать эту функцию словосочетаний доминирующей или тем более единственной.

Указывая на то, что «языковая (или речевая) функция словосочетаний все-таки пока не ясна — сама по себе или потому, что пока не выяснена и не определена с достаточной убедительностью», А. И. Моисеев высказывает свое представление о функции словосочетаний (единственной! — К. С.): «функцию словосочетаний можно определить как развитие номинации, выражаемой словами, в направлении и в интересах коммуникации, осуществляемой с помощью предложений. Словосочетания — это форма превращения номинативных единиц языка в компоненты коммуникативной единицы речи» [Там же: 57].

В качестве аргумента против первого утверждения, согласно которому словосочетание (в конкретном лексическом составе) существует вне и до предложения, А. И. Моисеев выдвигает следующее положение: «словосочетания неисчислимы (“Язык, — писал Пушкин, — неистощим в соединении слов”), а все, что существует в языке в готовом виде, до употребления в речи, в частности его номинативные единицы, не может быть количественно бесконечным» [Там же: 58].

В статье А. И. Моисеева отмечается, что в сведении словосочетаний только к подчинительным сочетаниям знаменательных слов есть «доля условности» и что вполне допустимо относить к сфере словосочетаний предикативные и сочинительные сочетания, а также сочетания служебного слова со знаменательным (в частности, предложно-падежные словоформы) [Там же: 59]. Это положение в цитируемой статье трудно считать достаточно обоснованным, хотя в специальной литературе нет недостатка в апологетике широкого понимания словосочетания (см., в частности, [Бурлакова 1975]).

Почему такой подход не представляется нам правомерным? Во-первых, потому, что он отражает некий донаучный взгляд на синтаксическую организацию речи, при котором одним термином (в данном случае термином «словосочетание») обозначаются весьма

разнородные синтаксические явления. Во-вторых, потому, что подчинительные сочетания, т.е. собственно словосочетания в их трактовке В. В. Виноградовым, принципиально отличаются от предикативных и сочинительных сочетаний, а также от предложно-падежных словоформ именно с синтаксической точки зрения.

Так, если в подчинительных сочетаниях связь между компонентами однонаправленная, то в предикативных сочетаниях — взаимонаправленная. Предикативное сочетание — это грамматический фундамент и смысловое ядро предложения-высказывания, тогда как подчинительное сочетание выступает лишь как относительно автономный и — нередко — факультативный сегмент синтаксической структуры предложения-высказывания. На базе предикативного сочетания реализуются, обретая полноту своего формального выражения, «так называемые субъективно-объективные синтаксические категории (вроде категорий лица, времени и модальности)» [Виноградов 1954: 11], что невозможно в подчинительном сочетании.

Далее. Хорошо известно, что сочинительные и подчинительные сочетания, как в равной мере принадлежащие непредикативной сфере предложения, иногда обобщают и называют единым термином — «словосочетания» [Белашапкина 1999: 678—680]. В последнее время говорят об изоморфизме, благодаря которому сочинение и подчинение организуют комплексные единицы на всех уровнях синтаксической системы, в том числе и на уровне словосочетаний [Бабайцева 2010: 169]. Но следует ли из этого, что данные синтаксические связи однопорядковы на всех уровнях синтаксической системы и что ими создаются всегда однотипные синтаксические единицы? В частности, как показали безукоризненные по своей точности наблюдения А. М. Пешковского, «сочинение внутри предложения — лишь эпизод на фоне подчинения» [Пешковский 2001: 60], т.е. сочинение без подчинения здесь невозможно (но не наоборот). Уже из сказанного следует, что при собственно синтаксическом подходе расширение сферы словосочетания за счет сочинительных сочетаний неоправданно (ср. в связи с этим важное замечание В. В. Виноградова: «Анализ сочинительных словосочетаний почти всегда подменяется анализом однородных членов предложения, хотя и с очень своеобразной, *больше семантической, чем грамматической, точки зре-*

ния (курсив мой. — К. С.)» [Виноградов 1954: 43—44]). Однако имеются и иные синтаксически значимые отличия подчинительных сочетаний от сочинительных: принципиальная бинарность состава подчинительных сочетаний и n -арность (где $n \geq 2$) — сочинительных (об ограничениях на количественный состав сочинительных сочетаний см. [Сигал 2004: 188—190]), различное позиционное распределение компонентов подчинительных и типичных сочинительных сочетаний в предложении-высказывании и др.

Что касается предложно-падежных словоформ, то они являются зависимыми компонентами подчинительных конструкций (словосочетаний), прочно сохраняющими либо в той или иной степени потерявшими свою семантико-синтаксическую зависимость (например, при слабом управлении или в детерминантном употреблении) от главных компонентов. Тем не менее в обоих случаях предложно-падежная словоформа включает формальные показатели (знаки) зависимости — предлог и флексию, которые указывают на ее синтаксический генезис в сфере словосочетания. Поэтому, называя предложно-падежную словоформу словосочетанием, лингвист нарушает логику отношений части и целого.

Таким образом, термин «словосочетание» разумно сохранить исключительно для обозначения подчинительных сочетаний⁶.

⁶ Стоит отметить, что в последнее время наметилась тенденция к изъятию из сферы словосочетания некоторых словесных конструкций с подчинительной связью. Так, В. А. Мишланов, исходя из того, что «с динамической (derivационной) точки зрения словосочетание есть результат трансформации предикативной единицы (дезактуализации), осуществляемой в процессе развертывания связного текста для оформления темы нового высказывания» [Мишланов 2016: 105], в статусе словосочетаний отказывает, например, «соединениям с прилагательными и наречиями в качестве господствующего слова» [Там же: 104]. При таком взгляде на проблему словосочетания функционально-генетический аспект ставится выше структурно-синтаксического аспекта, преимущественно отраженного в языковом сознании говорящих / пишущих и — по этой причине — поставленного во главу угла в теории словосочетания. Показательно, что если адвербиальные словосочетания составляют 1,9% реакций, полученных в эксперименте от взрослых носителей языка (см. ниже в этой главе), то адъективных словосочетаний среди реакций не оказалось вовсе. Подобный результат обусловлен тем, что «адъективные словосочетания фактически не самостоятельны, они встречаются лишь в качестве зависимого компонента субстантивного словосочетания ($[A + \kappa S_3] + S$ — *способный к математике ученик*), как правило, не используемого вне конкретного предложения» [Сиротина 2003: 27].

С. Г. Тер-Минасова и Н. Б. Гвишиани в статье «Можно ли опровергнуть учение о словосочетании?», давая отрицательный ответ на поставленный вопрос, в то же время отмечают, что «проблема словосочетания является чрезвычайно многоплановой, в связи с чем возможность однозначных решений оказывается ограниченной» [Тер-Минасова, Гвишиани 1977: 62]. По их мнению, Ю. В. Фоменко отрывает язык от речи, с одной стороны, и основывается на презумпции абсолютного параллелизма языка и мышления, с другой, — в результате чего он приходит к категорическому утверждению, что словосочетание как самостоятельная языковая единица не существует, поскольку словосочетание не обладает номинативной и коммуникативной функциями, не имеет логического коррелята и не воспроизводится [Там же: 63]. Не соглашаясь ни с одним из этих утверждений, С. Г. Тер-Минасова и Н. Б. Гвишиани более подробно останавливаются на критическом рассмотрении тезиса, согласно которому словосочетания не способны воспроизводиться в речевой деятельности создателя высказывания.

«Лингвистические единицы на уровне словосочетания, — подчеркивают они, — обладают разной степенью воспроизводимости. Так, оригинальные образования, являющиеся произведениями речи говорящего, созданные путем использования той или иной продуктивной синтаксической модели, составляют одну категорию явлений. На другом полюсе располагаются клишированные комплексы, приближающиеся по своей функциональной значимости к непродуктивной сфере фразеологических единиц. Между этими крайними случаями выделяются различные стадии (ступени) развития данной функциональной способности, предполагающие постепенную утрату противоположного качества» [Там же: 64—65] (в связи с этим см. [Юдина 2006]). На полюсе воспроизводимости располагаются окказиональные словосочетания, в том числе созданные благодаря оксюмору с целью воздействия на адресата (типа английского словосочетания *clean dirt* ‘чистая грязь’), тогда как на полюсе воспроизводимости — атрибутивные словосочетания, у которых связь между компонентами очень тесна [Тер-Минасова, Гвишиани 1977: 65—67].

Что касается типичных производимых словосочетаний, то их состав определен вполне достоверно. Как показывают наблюдения над речевой эмпирией, окказиональные словосочетания, в особен-

ности оксюморонная их разновидность, преимущественно отражают творческий потенциал идиолекта и затребованы стилистической установкой речи. Ср.: *К этому времени я уже провалился в словесный драйв* (В. Ерофеев); *Древний грек Антоша Канелис, как звал его Зубр, был немногословен, он знал все языки, хотя не говорил ни на одном, он любил молчать, он молчал на всех языках, и тем не менее все убеждались через его молчаливость, какой это прекрасный человек* (Д. Гранин). Однако и для окказиональных словосочетаний, создаваемых говорящим / пишущим по продуктивным моделям в процессе речи, не закрыт путь к стабилизации и превращению в воспроизводимые (но не фразеологические!) словосочетания. Ср. такие весьма частотно воспроизводимые в узусе словосочетания оксюморонного типа, как *смирренная гордость*, *красноречивое молчание* и т. п.⁷, а также возникшие в области смеховой культуры и ставшие воспроизводимыми словосочетания *рюмка чая*, *клубок друзей*, *горячий эстонский парень* и т.д.

Что же касается трактовки атрибутивных словосочетаний как «в значительной степени обладающих признаком воспроизводимости» [Там же: 65], то с этим согласиться нельзя, ибо признак воспроизводимости приписывается здесь одному из семантико-синтаксических типов словосочетаний, тогда как воспроизводимость — это свойство, приобретаемое конкретным словосочетанием, т.е. реализацией одной из структурных схем (моделей) словосочетания в определенном лексическом составе, в тот или иной культурно-исторический период функционирования языка. Так, например, два-три десятилетия назад атрибутивное словосочетание *беспроводной Интернет*, созданное в наши дни по структурной схеме (модели) N + Adj. и являющееся воспроизводимым, однозначно воспринималось бы как окказиональное и, следовательно, как результат речетворчества (например, в фантастике). Однако сама структурная схема (модель) атрибутивных словосочетаний N + Adj. была и остается частью синтаксического речепроизводственного механизма, предназначенной для создания новых словосочетаний.

⁷ Анализ подобных оксюморонных словосочетаний, «образованных вопреки нормам семантической сочетаемости несовместимых понятий, но по языковым моделям», привел Л. К. Чикину и В. В. Шигурова к выводу о том, что словосочетания вообще «создаются... до предложения по определенным моделям, структурным схемам, имеющимся в том или ином языке» [Чикина, Шигуров 2009: 17—18].

Касаясь выдвинутого Ю. В. Фоменко критерия наличия ошибок в построении словосочетаний как своеобразного показателя производимости (а не воспроизводимости) словосочетаний в речи, С. Г. Тер-Минасова и Н. Б. Гвишиани обращают внимание на другую сторону этого явления: «Причиной высокой частотности ошибок можно считать именно то обстоятельство, что говорящий (или пишущий) создает словосочетание вместо того, чтобы его воспроизводить», так как, «пользуясь языком в нормальных, привычных условиях, члены языкового коллектива — не писатели, не художники слова — обычно не занимаются речетворчеством, а, в основном, повторяют, воспроизводят словосочетания, которые в этих ситуациях естественно употребляются» [Там же].

Безусловно, в повседневной речи людей (в том числе и писателей) степень стереотипизации речевых структур весьма высока, и словосочетания не являются здесь каким-либо исключением. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что генотипической структурой фразеологизмов, т.е. безусловно воспроизводимых составных знаков, являются преимущественно словосочетания, построенные когда-то по одной из более или менее продуктивных моделей. Однако на уровне речевой феноменологии дифференцировать производимые и воспроизводимые словосочетания (не фразеологизмы!) практически невозможно, так как одно и то же словосочетание в одном случае может оказаться производимым, а в другом — воспроизводимым. Если говорящий / пишущий постоянно пользуется тем или иным словосочетанием, то, вполне вероятно, что в своей речи он воспроизводит его, подобно клише; и наоборот, если словосочетание спонтанно возникает в речи с целью дескрипции предмета или явления либо с целью воздействия на адресата, то говорящий / пишущий, скорее всего, создает словосочетание, опираясь на существующую в его памяти продуктивную модель словосочетания.

В свете теории речевой деятельности словосочетание предстает как особая синтаксическая форма (= оперативный формат, используемый при порождении предложения-высказывания) и как лексико-синтаксический штамп (= собственно оперативная единица). Включаясь в механизм мнемического отражения речевого потока и участвуя в формировании «коммуникативных фрагментов» повседневной речи [Гаспаров 1996: 121], словосочетания не могут, однако,

исключительно или даже преимущественно повторяться, воспроизводиться хотя бы потому, что без постоянного создания новых словосочетаний материальная база воспроизводимых словосочетаний быстро перестала бы удовлетворять речевые нужды людей. Более того, речетворческие механизмы в области словосочетаний едины для всех носителей языка, не являются достоянием только писателей, поэтому в любом идиолекте или семейном микродиалекте, равно как и в идиостиле любого художника слова, встречаются интереснейшие новообразования, отражающие производство словосочетаний с интенциональной ориентацией на ту или иную продуктивную структурную схему (модель).

В статье Р. Ю. Кобрин и К. Я. Авербух «Еще раз о словосочетании», публикацией которой завершилась анализируемая журнальная дискуссия о словосочетании, рассмотрен широкий круг вопросов (а именно вопрос о словосочетании как строительном материале предложения, о понятийной природе словосочетания, о номинативной функции свободных словосочетаний и, наконец, о воспроизводимости свободных словосочетаний), так как именно своеобразное решение этих вопросов, по мнению авторов статьи, и привело Ю. В. Фоменко к отрицанию словосочетания как самостоятельной единицы языка [Кобрин, Авербух 1979: 86].

Последовательно разграничивая язык и речь, языковые единицы и их речевые реализации, Р. Ю. Кобрин и К. Я. Авербух констатируют: «Словосочетание как факт речи не может быть названо строительным материалом предложения в том смысле, что предложение (высказывание) строится из словосочетаний, как из слов. Но словосочетание (как модель) может быть названо строительным материалом предложения (рассматриваемого так же, как модель)» [Там же: 87]. Поэтому «строительным материалом для предложения... могут служить следующие языковые единицы: а) модель предложения, по которой строится высказывание, б) слова и устойчивые сочетания слов, в) морфолого-синтаксические модели изменений и соединения слов (т.е., иначе говоря, модели словосочетаний. — К. С.)» [Там же].

Далее. В логико-семантическом (когнитивном) аспекте словосочетание, как показывают Р. Ю. Кобрин и К. Я. Авербух, призвано выражать составное понятие (см. об этом [Годер 1961]). «Совершенно очевидно, — пишут они, — что в словосочетании понятия действи-

тельно трансформируются в единое (составное) понятие (иначе как можно было бы говорить об отношениях между понятиями), но слова, вступая в сочетания друг с другом, отнюдь не утрачивают способность выражать понятия. Об этом свидетельствует факт распространения двучленных синтагм до трех-четырёхчленных словосочетаний» [Кобрин, Авербух 1979: 88].

Рассуждая о соотношении слова, словосочетания и предложения, Р. Ю. Кобрин и К. Я. Авербух замечают: «Словосочетание по своей структуре — сложное грамматическое образование, что сближает его с предложением; с другой стороны, оно не выполняет коммуникативной функции, свойственной предложению, и это сближает его со словом» [Там же: 89]. Функция словосочетания — номинативная, однако номинация словосочетанием при создании предложения-высказывания имеет особую мотивировку. «Словосочетание — результат семантического распространения слова, а потому на номинативном уровне выбор слова или построение по языковым моделям словосочетания диктуется тем, хотим ли мы просто обозначить интересующее нас явление (и тогда это — слово), или охарактеризовать его в совокупности с основными, с точки зрения данной речевой ситуации, признаками (и тогда это — словосочетание)» [Там же]. Ср., например, атрибутивное словосочетание *зимний дуб* в одноименном рассказе Ю. Нагибина.

В связи с вопросом о том, производится ли словосочетание или воспроизводится, Р. Ю. Кобрин и К. Я. Авербух пишут: «Признание свободного словосочетания фактом речи, а модели свободного словосочетания — фактом языка заставляет нас однозначно ответить и на этот вопрос. “Воспроизводится” — модель, “производится” — свободное словосочетание; наполнение модели лексическими единицами в конкретной ситуации общения есть факт речи» [Там же]. Показательно, что, по мнению Р. Ю. Кобрина и К. Я. Авербуха, количественные критерии, позволяющие различать — производится или воспроизводится словосочетание в речи, могут быть получены благодаря специальным экспериментальным исследованиям функционирования словосочетаний разной степени устойчивости [Там же: 90]. В наши дни решению этой задачи могут способствовать также корпусные исследования (об их специфике см., в частности, [НКРЯ — РП 2005]).

Необходимо отметить, что авторы последних двух статей рассматривают основные вопросы теории словосочетания с позиций учения о словосочетании В. В. Виноградова, или, иначе говоря, с позиций номинативной концепции словосочетания. Почему эту концепцию словосочетания называют номинативной или даже лексикологической? По-видимому, такое название объясняется тем, как определяется в данной концепции базовая функция словосочетаний, и тем, с какими единицами языка словосочетания здесь функционально и операционально отождествляются. Ср.: «словосочетания... являются строительным материалом для предложения. Словосочетания только в составе предложения и через предложение входят в систему коммуникативных средств языка. Но рассматриваемые вне предложения, как строительный материал для него, словосочетания так же, как и слова, относятся к области номинативных средств языка, средств обозначения предметов, явлений, процессов и т. п.» [Виноградов 1954: 10]. Очевидно, что, согласно В. В. Виноградову, базовая функция словосочетаний — номинативная, а функционально и операционально наиболее близкая (или даже тождественная) словосочетанию единица языка — слово.

Иногда в специальной литературе по синтаксису словосочетания утверждается, что в рамках учения о словосочетании В. В. Виноградова «выполнять номинативную функцию» и «быть строительным материалом для предложения» означает одно и то же (в связи с этим см. труды М. И. Задорожного, в особенности [Задорожный 1980]). Однако у В. В. Виноградова прямой зависимости номинативной функции словосочетания от трактовки последнего как строительного материала для предложения все же нет. Говоря о строительном материале, В. В. Виноградов, скорее всего, имел в виду композиционно-конструктивный («строительный») потенциал словосочетания, напрямую не связанный с его способностью быть средством номинации. На это указывает, например, такое замечание В. В. Виноградова: «Строительным материалом для сложного предложения является не слово и не словосочетание, а простое предложение» [Виноградов 1954: 99]. Очевидно, что, будучи строительным материалом для сложного предложения, простое предложение не может служить номинацией, подобной слову (не опровергает этого тезиса и существование так называемых предикативных номи-

наций, в частности конструкций неполной номинализации), а значит, «строительный» потенциал простого предложения оказывается относительно независимым от иных его характеристик. Подобным образом дело обстоит и в словосочетании.

Из этого следует, что в данном вопросе концепция словосочетания, разработанная В. В. Виноградовым, нередко интерпретируется весьма однобоко и без учета более широкого контекста, который создают синтаксические воззрения ученого в целом и, главное, используемая им терминология во всем объеме ее применения. Другое дело, что у самого В. В. Виноградова подобная делимитация четко не проведена, хотя разграничение номинативной и конструктивной (или, иначе говоря, «строительной», композиционно-конструктивной) функций словосочетания и выяснение иерархических отношений между этими функциями могло бы способствовать более раннему появлению трактовки словосочетания как релятивно-номинативной синтаксической единицы языка [Киприянов 1986], т.е. трактовки, представляющей вполне адекватной с синтаксической точки зрения.

Вместе с тем номинативная функция словосочетания абсолютизировалась (в ущерб его «строительной» функции) в рамках ономасиологии, согласно которой служить целям номинации может единица «любой структурной простоты или, напротив, сложности, любой протяженности, любого генезиса», в том числе и словосочетание [Кубрякова 1986: 38]. Однако же сказать, встав на позиции ономасиологии, что словосочетание — номинативная единица, это значит сказать очень немногое, поскольку все синтаксические единицы, согласно ономасиологической доктрине языка, так или иначе способны обозначать и представлять определенный «квант» информации о мире, обработанный человеческим сознанием, но не саму действительность как таковую.

Представляется, что номинативная ценность (номинативная задача) той или иной синтаксической единицы, в том числе и словосочетания, может быть правильно определена только при учете ее места в иерархической организации синтаксических единиц в предложении как системе и при учете ее структурно-семантического устройства.

На уровне простого предложения имеется следующая иерархия комплексных синтаксических единиц: словосочетание (непредика-

тивная подчинительная конструкция) → полупредикативная конструкция → (моно)предикативная конструкция. (Моно)предикативная конструкция обозначает абсолютно автономную ситуацию, получившую предикативное выражение. Полупредикативная конструкция (например, причастный или деепричастный оборот) обозначает относительно автономную ситуацию, пониженную в своем предикативном статусе. Словосочетание обозначает фрагмент ситуации, семиотическим инвариантом которого является ОТНОШЕНИЕ между предметом и предметом, предметом и признаком и т. д., возникшее с целью ОГРАНИЧЕНИЯ денотации данного фрагмента ситуации (ср. *Он потерял очки* и *Он потерял очки от солнца*; *Он уехал* и *Он уехал на юг*). При этом в качестве номинативной задачи (в широком понимании, возникшем в ономасиологии) собственно словосочетания есть основания рассматривать только обозначение самого ОТНОШЕНИЯ, тогда как обозначение элементов, вступающих в то или иное ОТНОШЕНИЕ, является номинативной задачей слов, образующих словосочетание. С различиями номинативных ценностей (номинативных задач) данных комплексных синтаксических единиц связано то, что в синтаксической композиции предложения-высказывания (моно)предикативная конструкция может включать в свой состав полупредикативные конструкции и словосочетания, полупредикативная конструкция — только словосочетания, тогда как словосочетание может выступать лишь как сегмент (моно)предикативной и / или полупредикативной конструкции.

Намеченная дифференциация номинативных ценностей (номинативных задач) комплексных синтаксических единиц в сфере простого предложения позволяет четко определить также различия между словосочетанием и словом. Слово (словоформа) обозначает так же, как и словосочетание, фрагмент ситуации, но семиотическим инвариантом этого фрагмента ситуации является уже не ОТНОШЕНИЕ, а имя частеречного класса, к которому принадлежит слово (ПРЕДМЕТ, ПРИЗНАК и т.д.). Из этого следует, что номинативная (точнее, первично-номинативная) функция словосочетания, всецело обусловленная структурно-семантической организацией словосочетания и его «строительным» предназначением, никак не может быть отождествлена с номинативной функцией слова. Тем не менее словосочетание может приобретать номинативную функцию

слова (для словосочетания — вторично-номинативную функцию), одновременно утрачивая свою комбинаторно-синтаксическую специфику и композициональность семантики (ср. фразеологизмы, имеющие в качестве своего синтаксического генотипа различные словосочетания: *канифоль с уксусом* ‘ерунда’, *пальчики оближешь* ‘очень вкусный’ и т. п.). У словосочетания номинативная функция, тождественная номинативной функции слова, как правило, оказывается присвоенной, приобретенной, возникшей в результате полного или частичного семиотического отчуждения конкретного словосочетания от его структурно-семантической организации.

В критическом анализе номинативной концепции словосочетания особое место занимают статьи М. И. Задорожного, в которых не только дается обобщение аргументов против изначальной номинативности лексемного типа у свободных словосочетаний (неидиоматичность таких словосочетаний, их синтаксическая разложимость, контекстуальная несводимость к отдельному слову, подвижность границ словосочетаний и др.), но и учитывается, если так можно выразиться, человеческий фактор, т.е. то, как номинативная концепция словосочетания преломляется в научной и учебной деятельности.

Так, в частности, М. И. Задорожный с помощью текстологического анализа работ одних и тех же лингвистов, опубликованных с промежутком в пять и более лет, показывает, как в процессе эволюции взглядов на словосочетание некоторые специалисты переходили от «номинативизма» к «деноминативизму» [Задорожный 1985: 125—135]. Например, сопоставляя дефиницию словосочетания в двух изданиях вузовского учебника Н. С. Валгиной «Синтаксис русского языка» — 1973 г. и 1978 г., автор статьи обнаруживает отказ от такого признака словосочетания, как «служащее наименованием явлений действительности» [Там же: 126]. Л. И. Ройзензон, на раннем этапе своей научной деятельности считавший, что свободные сочетания слов, подобно фразеологизмам, «извлекаются говорящим в готовом виде, а не создаются каждый раз заново», в одной из последних своих работ приходит к выводу о том, что воспроизводимость устойчивых и свободных словосочетаний — это воспроизводимости разного порядка: первую следует характеризовать как фразеологическую, а вторую — как вероятностно-дистрибутивную [Там же: 134—135]. Из подобных наблюдений делается вывод о том, что концепция, со-

гласно которой словосочетание обладает изначальной (а не вторичной, не приобретенной) номинативной функцией, неким функциональным словоподобием, постепенно теряет своих сторонников.

Что касается учебной деятельности, то М. И. Задорожный приводит яркий пример того, как номинативная концепция «пробуксовывает» при обучении языку. «На одном из уроков, где нам довелось присутствовать, — пишет он, — четвероклассники, назвав действие велосипедиста, изображенного на картинке, словом *едет*, затруднились назвать то же действие словосочетанием. И только путем неоднократной постановки наводящих вопросов *как?*, *на чем?*, *где?* учителю удалось добиться желаемого результата: *едет быстро*, *едет медленно*, *едет на велосипеде*, *едет по дороге*. При этом и учитель, и ученики оперировали, конечно же, предложениями: *На чем едет мальчик? Как он едет? Где он едет?* — *Мальчик едет на велосипеде. Он едет быстро (медленно). Он едет по дороге* (были, естественно, и однословные предложения-ответы: *На велосипеде. Быстро. По дороге*), в которых они и строили и из которых и выделяли соответствующие словосочетания. Следовательно, словосочетания в данном случае, как, впрочем, и в любом другом, конструировались непосредственно в процессе построения предложений, а не использовались для них как готовый строительный материал. Не создавались они — это очевидно — и путем непосредственного, внепредложенческого распространения словоформы *едет* с последующим использованием лексических комплексов в качестве стройматериала, ибо *verbum finitum* (личный глагол) уже по самой своей природе есть принадлежность предложения» [Задорожный 1980: 49—50].

Безусловно, эта беспристрастная иллюстрация из учебной практики показывает, что словосочетание создается в процессе порождения предложения-высказывания и не существует до и вне этого предложения-высказывания в своем конкретном лексическом составе (но не как модель!). Вместе с тем свидетельствует приведенный пример и о том, что школьники просто не обладают еще сформированным учебным понятием «словосочетание» и пока не научились оперировать, свободно пользоваться этим учебным понятием в учебных же целях. Специально поставленный эксперимент, который будет подробно описан и прокомментирован ниже, обнаруживает наличие у взрослых носителей языка определенного метаязыкового

представления о словосочетании (правда, в отдельных случаях не имеющего ничего общего с соответствующим учебным понятием) и способности конструировать словосочетания без всякого образца и без построения «опорного» предложения-высказывания (вместе с тем среди общей массы полученных от испытуемых реакций 17,2% составляют отклонения от «канонического», т.е. подчинительного, словосочетания).

Показательно, однако, то, что, обнаруживая «слабые звенья» номинативной концепции как теоретической модели обучения словосочетанию в школе, М. И. Задорожный нисколько не сомневается в существовании словосочетания как особой комбинаторно-синтаксической единицы, являющейся «реализацией потенциальных семантико-синтаксических связей слов и словесных форм в процессе порождения и развертывания высказывания» [Задорожный 1985: 136—137].

Анализ материалов журнальной дискуссии о словосочетании, а также отдельных публикаций, посвященных теоретическим проблемам словосочетания, свидетельствует о том, что словосочетание, по мнению преобладающего большинства лингвистов, является особой синтаксической единицей языка и речи (в связи с этим см. [Абдуразаков 1967], где предпринята даже попытка обосновать выделение словосочетания в самостоятельный уровень языка, и [Байчура 1971], где словосочетание трактуется как основная синтаксическая единица).

Эмпирическая масса словосочетания как отдельной синтаксической категории определяется по-разному, однако вдумчивый лингвистический анализ типов синтаксической организации слов (словоформ) дает основания многим специалистам согласиться с трактовкой этой синтаксической категории у А. А. Шахматова, затем поддержанной В. В. Виноградовым: «Словосочетанием (точнее, «незаконченным словосочетанием» в фортуновском понимании, принятом А. А. Шахматовым. — К. С.) называем такое соединение слов, которое образует *грамматическое единство*, обнаруживаемое *зависимостью одних из этих слов от других* (курсив мой. — К. С.)» [Шахматов 2001: 274].

Словосочетания (или непредикативные подчинительные конструкции) выполняют две базовые функции в предложении-вы-

сказывании: композиционно-конструктивную («строительную») и номинативную (первично-номинативную). Благодаря критике номинативной концепции словосочетания были найдены аргументы в пользу того, что номинативная функция словосочетания принципиально отличается от номинативной функции слова, так как словосочетание обозначает не отдельную «реалию», а «две реалии (два “кусочка” действительности) в их взаимосвязи» [Киприянов 1986: 31]. Номинативная функция словосочетания подчинена его «строительной» функции и определяется структурно-семантической организацией словосочетания как синтаксической единицы.

Тем не менее у словосочетаний, напрямую или через семантическую корреляцию с однословным наименованием связанных с понятием и формирующих целостную номинацию предмета, признака или действия, номинативное предназначение оказывается фокусированным. В частности, к таким словосочетаниям могут быть отнесены словосочетания, без которых в конкретном языке невозможно выразить определенное понятие (ср. *сидеть на корточках*, а также немецкие эквиваленты — слово и словосочетание: *hocken* и *in der Hocke sitzen*), словосочетания-перифразы, имеющие дублиеты среди однословных наименований (ср. *третий месяц зимы* и *февраль*, *говорить неправду* и *лгать* и т. п.), словосочетания, выполняющие функцию «промежуточного» наименования в условиях контрарной антонимии (ср. *богатый* — ***среднего достатка*** — *бедный*, *молодой* — ***средних лет*** — *старый* и др.). Номинативная функция актуализирована и у словосочетаний, подвергшихся лексикализации, хотя не все подобные словосочетания в равной мере лишены конструктивно-синтаксической членимости и элементарной композициональности, т.е. аддитивности, семантики (ср., например, *дать жизнь* и *дать обещание*, *стальные листы* и *стальные нервы* и т.п.).

Несомненно и то, что повторяемость и тем более постоянное употребление одного и того же словосочетания в речи способствует повышению его номинативной значимости (ср. такие словосочетания из разных идиолектов: *варенье из райских яблок*, *отвлечься от дел*, *удачный ребенок*, *смешная фантазия* и др.). Тем не менее нет никаких данных, достоверно указывающих на то, что даже в условиях конкретного идиолекта эти словосочетания воспроизводятся, а

не строятся. По-видимому, следует согласиться с Л. В. Щербой, который подчеркивал то обстоятельство, что «поскольку мы знаем из опыта, что говорящий совершенно не различает... сочетаний слов, никогда не слышанных им и употребляемых им впервые, от... сочетаний слов, им много раз употреблявшихся, постольку мы имеем полное право сказать, что вообще... все сочетания слов нормально создаются нами в процессе речи, в результате весьма сложной игры сложного речевого механизма человека в условиях конкретной обстановки данного момента» [Щерба 1974: 25].

Композиционно-конструктивная («строительная») функция словосочетания, являющаяся доминантной его функцией, на уровне словосочетания как языковой модели сводится к генерализации одного из вариантов синтаксического развертывания составляющих (или единственного составляющего) предикативного ядра предложения-высказывания и их распространителей, заключающегося в том, что один компонент (главный, детерминирующий) обуславливает по семантике появление другого компонента (зависимого, детерминируемого), реагирующего (при согласовании и управлении) или не реагирующего (при примыкании) своей формой на главный компонент (об этом см. [Смолянинова 1990: 28; 2003: 12—13]), тогда как на уровне словосочетания как речевой реализации «строительная» его функция заключается в том, что словосочетание занимает либо позиции двух членов предложения (если оно является синтаксически членимым), либо позицию одного члена предложения (если оно синтаксически нечленимо), в том, что зависимый компонент словосочетания, который включается в лексико-грамматический состав предложения-высказывания только благодаря реализации модели (структурной схемы) словосочетания, «открывает» новую линию семантико-синтаксической связи, которая отсутствовала до его появления в предложении-высказывании, а также в том, что в предложении-высказывании появляются условия для формирования сложных словосочетаний.

Необходимо отметить, что доминантность композиционно-конструктивной функции словосочетания находит генетическое объяснение у А. А. Шахматова, согласно которому «в языке бытие получили сначала предложения; позже путем расчленения предложений, основанного на взаимном их сопоставлении и влиянии, из них

выделились *словосочетания* и *слова* (курсив автора. — К. С.) для самостоятельного (хотя весьма ограниченного и случайного) бытия и употребления (обычно же слова и словосочетания обретаются в составе предложения)» [Шахматов 2001: 17]. Тем самым изначально словосочетания были выделены из предложений и затем уже обобщены в особые модели словосочетаний, которые предназначены в языке для обеспечения речевого построения (т.е. обратного процесса по отношению к расчленению) высказываний (распространенных простых предложений).

В специальной литературе отмечалось, что создание модели словосочетания первоначально осуществляется путем непараллельного контаминирования, а затем словосочетания строятся по аналогии [Шишенков 1979], хотя построение любой синтаксической единицы по аналогии предполагает все же ориентацию не на модель, а на лексически конкретизированную одноструктурную синтаксическую единицу, выступающую как некий эталон.

Чаще всего реализацию модели словосочетания в речи представляют как ее наполнение конкретными словами в требуемых грамматических формах. Однако подобное представление излишне механистично и в целом опирается на концепцию позвеного порождения, согласно которой отдельные синтаксически автономные звенья будущего предложения-высказывания (в частности, словосочетания) строятся независимо друг от друга и уже в готовом виде включаются в его линейно-речевой состав. Неадекватность концепции позвеного порождения видится, например, в ее неспособности объяснить феномен избыточности «частичной удвоенности» словосочетаний (см. об этом выше), а главное, в том, что здесь никак не учитывается идея Л. С. Выготского о разнонаправленности смыслового и фазического синтаксирования [Выготский 2006: 968].

Построение далеко не всех встречающихся в речевой эмпирии словосочетаний можно объяснить и теорией валентности в любых ее модификациях (ср. абсолютизацию валентностного подхода к словосочетанию в [Долгов 1993]), «горизонт интерпретации» которой ограничен, как правило, ближайшим синтагматическим партнером слова и препятствует разумному истолкованию, например, синтаксических смещений (в том числе сопровождаемых стяжением

линейно-синтаксической структуры предложения-высказывания), сплошь и рядом вовлекаемых в механизм создания словосочетаний той или иной нормативной модели. Ср.: *Будешь **взбитую клубнику со сливками**? Угощайся!* (Из разговорной речи) и *клубнику со взбитыми сливками*; *Я записал где-то с середины «Арлекино, арлекино», почти целиком «Надежда, мой компас земной» и два куплета совсем дурацкой песни, где пелось **про парня, который улыбается в пшеничные усы**. Улов меня огорчил. Такой музыкой было не сразить даже Борьку, что говорить про старших ребят, которые наверняка подняли бы меня на смех — особенно за **пшеничного парня*** (П. Санаев). Если в первом случае мы имеем дело с «чистым» смещением, то во втором случае представлено так называемое смещение со стяжением (в связи с этим см. [Норман 1994: 183—186; Анисова 2009]). Поэтому насущной задачей синтаксиса словосочетания является поиск различных механизмов, обеспечивающих путь от словосочетания как языковой модели к словосочетанию как речевой реализации.

Итак, «словосочетание есть реальная синтаксическая единица, сформировавшаяся и функционирующая в составе предложения как его структурный элемент, как санкционированная коллективным языковым сознанием схема семантико-синтаксической связи слов» [Перетрухин 2007: 245]. Является ли, однако, словосочетание не только единицей «языкового стандарта», но и единицей «языковой способности и языкового процесса» [Леонтьев 2006: 59]? Обладает ли словосочетание статусом психолингвистической единицы (наряду, например, с предложением), т.е. осознается ли оно носителями языка как целостная синтаксическая структура? Наконец, как отражен речевой опыт использования словосочетаний в метаязыковых представлениях носителей языка о словосочетании и о его прототипической структуре?

Для поиска ответов на все эти вопросы был проведен специальный психолингвистический эксперимент, потребовавший от испытуемых обнаружения своих знаний о языке и демонстрации своего речевого опыта.

Согласно Е. Д. Божович, и знания о языке, и речевой опыт (не говоря уже о чувстве языка, связанном с интуитивным постижением, «схватыванием» конструктивного и смыслового облика речевых

образований) составляют языковую компетенцию человека как психологическую систему. Знания о языке возникают в процессе обучения и отражают научные представления о единицах языка и их свойствах, тогда как речевой опыт, рождающийся в результате взаимодействия человека с речевой средой и напрямую не связанный с обучением, включает в себя эмпирические обобщения наблюдаемых языковых явлений, из которых формируются первоначальные знания о языке, а также речевую рефлексию, т.е. осознание и оценку особенностей речи и ее отдельных структурных единиц [Божович 2002: 61—64]. У взрослых носителей языка речевой опыт, безусловно, обогащен полученными (преимущественно в школе) знаниями о языке, но эти знания чаще всего редуцированы у них до уровня эмпирических обобщений, возникших еще задолго до приобретения знаний о языке. Кроме того, взрослые носители языка испытывают затруднения в употреблении стандартной метаязыковой «упаковки» своих знаний о языке, так как школьные лингвистические термины и, главное, стоящие за ними научные понятия быстро забываются.

Тем не менее в описываемом ниже психолингвистическом эксперименте в качестве испытуемых были взяты именно взрослые носители языка, поскольку целью данного экспериментального исследования являлась не проверка усвоенных знаний о словосочетании, а попытка обнаружить то, какие метаязыковые представления и какая прототипическая структура стоят за термином *словосочетание* в языковом сознании обычного носителя языка, не обладающего профессиональной компетенцией в области лингвистики.

С учетом сказанного для участия в эксперименте, проведенном в 2007 г., были привлечены студенты I курса вечернего отделения Колледжа МИД РФ (всего 51 чел.), имеющие высшее и неоконченное высшее образование в разных областях знания (психологи, менеджеры, маркетологи, инженеры, экономисты, несколько преподавателей иностранных языков), в возрасте — от 19 до 26 лет. Родным языком всех испытуемых является русский язык.

Так как эксперимент был поставлен в первые дни пребывания студентов в Колледже МИД РФ, они восприняли предложенное им задание как тест и отнеслись к выполнению задания со всей ответственностью. Подлинная цель экспериментального исследования испытуемым не сообщалась. Необходимо отметить, что никаких

образцов построения метаязыковых высказываний (определений) и никаких речевых образцов исследуемой синтаксической единицы испытуемым не давалось.

Каждый участник эксперимента получил анкету (сокращенно — анк.), в которой уже было напечатано первое задание: «Что такое словосочетание? (Дайте его определение.)». После выполнения этого задания, занявшего у разных испытуемых от 2,5 до 4 мин., в устной форме им было предъявлено второе задание: «Придумайте и напишите любые 3 словосочетания в течение 1 минуты (кто успевает, можно больше)».

Материал, полученный от испытуемых при выполнении каждого из двух экспериментальных заданий, в неотредактированном виде представлен в Приложении № 1 и в Приложении № 2 соответственно (см. ниже).

При обработке анкет было обнаружено, что ответы нескольких испытуемых, имеющих высшее лингвистическое образование (в области иностранных языков), принципиально не отличаются от ответов остальных испытуемых ни по глубине дефинирования словосочетания, ни по отсутствию отклонений от «канонического», т.е. подчинительного, словосочетания при подборе собственных речевых примеров, вследствие чего данные этих анкет не исключались из дальнейшего анализа. При выполнении первого экспериментального задания от испытуемых было получено 3 отказа (анк. № 16, анк. № 29 и анк. № 50), а при выполнении второго экспериментального задания — 2 отказа (анк. № 41 и анк. № 45).

Подсчеты показали, что в итоге от испытуемых удалось получить 48 определений словосочетания и 162 речевых образования, субъективно отнесенных участниками эксперимента к словосочетаниям.

При анализе определений словосочетания, предложенных участниками эксперимента, было обнаружено, что метаязыковые представления о словосочетании, имеющиеся у взрослых носителей языка, сходны в том, что касается установления конструктивно необходимого количественного состава словосочетания, и весьма разнообразны в том, что касается других, более частных признаков словосочетания. Так, большинство испытуемых отнесли к словосочетаниям сочетание двух (и / или более) слов, причем в некоторых анкетах этим родовым признаком полностью исчерпывалось ме-

таязыковое представление о словосочетании (см. анк. №№ 20, 27, 41, 42). Ср. в данном контексте идею Н. И. Жинкина о «модели *двух слов*», объясняющей бинарную интеграцию словоформ в грамматическом пространстве [Жинкин 1982: 45—46], а также русское устойчивое выражение <кто-либо> *двух слов связать не может*, которое отражает сложившийся в обыденном сознании фразеологический образ неспособности лица строить связную речь вообще.

В качестве более частных (видовых) признаков словосочетания в анкетах разных испытуемых были названы следующие: а) смысловая связь, наличие смыслового отношения, смысловая завершенность (анк. №№ 1, 4, 8, 9 и др.); б) зависимость одного слова от другого (анк. №№ 1, 5, 7, 9 и др.) или зависимость слов друг от друга (анк. №№ 11, 19, 22 и др.); в) отнесенность слов в составе словосочетания к одной или к разным знаменательным частям речи (анк. №№ 2, 6, 10 и др.); г) главное и зависимое слово связаны благодаря согласованию, управлению или примыканию (анк. №№ 3, 17, 24); д) грамматическая связь отражается в формах падежа, рода, числа (анк. №№ 2, 30); е) имеется определенный порядок слов (анк. № 39); ж) дает описание, более точную картину (анк. № 49); з) не образует грамматическую основу предложения, не выражает законченную мысль, т.е. не является предложением (анк. №№ 3, 13, 40).

Безусловно, в самих формулировках имеются неточности. Так, видовой признак «д» явно описывает только одну разновидность синтаксической связи в словосочетании — согласование, а видовой признак «б» имеет две, казалось бы, несовпадающие трактовки. Ср., однако, замечание В. В. Бурлаковой, «снимающее» наблюдаемое противоречие: «главный член (словосочетания. — К. С.) может существовать как главный только при наличии зависимого, и при изъятии зависимого главный член утрачивает свойство быть главным. Следовательно, главный член возникает исключительно в результате наличия определенных отношений между двумя (или более) элементами» [Бурлакова 1975: 22].

Среди полученных определений словосочетания имеются и такие, которые трудно квалифицировать иначе, как вариативные субъективные истолкования термина *словосочетание* по его внутренней форме. Ср., например: «Словосочетание — это сочетание двух слов, связанных суффиксом (? — К. С.) или соединительной гласной» (анк.

№ 33); «Словосочетание — это составленное предложение в определенной последовательности, имеющее в себе существительное и глагол» (анк. № 36). Как будет показано ниже, в этих двух анкетах все словосочетания, приведенные в качестве речевых примеров, не соответствуют «каноническому» словосочетанию.

Безусловно, в целом, т.е. при учете всех выявленных при выполнении первого экспериментального задания признаков, можно сделать вывод о том, что существующая в коллективном языковом сознании эмпирическая генерализация словосочетаний довольно близка научному понятию «словосочетание», которое представлено у А. А. Шахматова и В. В. Виноградова, исключая, однако, номинативное подобие словосочетания и слова. Если же рассматривать каждое метаязыковое высказывание о словосочетании по отдельности, то нельзя не заметить, насколько различаются уровни абстракции в эмпирических обобщениях словосочетаний (ср., например, анк. № 3 и анк. № 51) и насколько не затронуто данное эмпирическое обобщение у «среднего» взрослого носителя языка знаниями о словосочетании, полученными когда-то при изучении грамматики родного языка в школе.

Тем не менее вне зависимости от характера эмпирического обобщения словосочетаний большинство испытуемых (39 чел., или 76,5%) придумали и записали в своих анкетах исключительно такие словосочетания, которые нельзя не признать «каноническими». Из этого следует, что далеко не все взрослые носители языка имеют потребность и, соответственно, навык объективировать свои метаязыковые представления, тогда как способностью соотносить метаязыковые «этикетки» (термины) с речевыми фактами, которые ими обозначаются, обладают почти все взрослые носители языка. Важно, однако, другое: почти у всех испытуемых (48 чел., или 94%) существуют определенные метаязыковые представления о словосочетании, причем совпадающие по ряду признаков. Во всей массе признаков словосочетания, названных участниками эксперимента, доминируют признаки словосочетания как синтаксической единицы (ср., однако, анк. № 18, где словосочетание единственный раз получает наименование «лексическая единица»).

По-видимому, все это свидетельствует о том, что взрослыми носителями языка словосочетание осознается как целостная синтакси-

ческая единица и, главное, как психологически реальный предмет речевой феноменологии и речевого опыта.

Приступая к анализу речевой продукции, полученной от испытуемых и субъективно отождествляемой ими со словосочетаниями, следует сказать о том, что среди имеющихся 162 реакций лишь 28 (17,2%) не могут быть подведены под категорию «канонического» словосочетания, т.е. собственно подчинительного сочетания слов, тогда как 134 (82,8%) реакции являются реализациями различных моделей (структурных схем) «канонического» словосочетания. Подобное распределение реакций испытуемых очевидным образом указывает на то, что в языковом сознании взрослых носителей языка прототипический образ словосочетания как особой синтаксической категории представлен моделями словесной комбинаторики, формируемыми на основе подчинительной (субординативной) связи. (При репрезентации структурных типов словосочетаний «канонического» и «неканонического» характера словосочетания-реакции перечисляются в алфавитном порядке.)

Из 17,2% реакций, не относящихся к «каноническому» словосочетанию, выделяются: а) предикативные конструкции (в том числе с детерминантными и присловными распространителями): *вода в колодце чистая, дождь моросил, завтра будет холодно, лес шумел, лодка плыла по реке, люди говорили, мама мыла раму, мама ушла, мама шла, на улице идет дождь, она красива, она лежала на песке, они поют хором, патриотизм — это редкость, сияло солнце, шумят деревья, ярко сияло солнце* (10,5%); б) сложные и сложнопроизводные слова: *головотяпство, мифотворчество, мракобесие, низколетящий, пожароопасный, темно-синий, трудноповернутый* (4,3%); в) наречия, образованные с помощью повтора одного и того же слова: *бок о бок, точь-в-точь* (1,2%); г) предложно-падежная словоформа: *в течение недели* (0,6%); д) составное имя числительное: *двадцать пять* (0,6%).

Подобные речевые реакции содержались в 12 (23,5%) анкетах. Индивидуальная обработка каждой такой анкеты, предполагающая соотнесение эксплицированного метаязыкового представления о словосочетании с конкретными речевыми реакциями испытуемого, позволяет найти причины ассоциирования перечисленных речевых феноменов с термином *словосочетание*.

Так, если в анк. № 33 словосочетание понимается как «сочетание двух слов, связанных суффиксом (? — *К. С.*) или соединительной гласной», то и в качестве речевых образцов словосочетания здесь даются сложные и сложнопроизводные имена существительные *мракобесие, мифотворчество, головотяпство*; если в анк. № 36 словосочетанием называется «составленное предложение в определенной последовательности, имеющее в себе существительное и глагол», то и речевые реакции, содержащиеся в этой анкете, являются предикативными конструкциями (предложениями): *они поют хором* (как известно, личные местоимения, в частности местоимение 3-го лица множественного числа *они*, нередко называют местоимениями-существительными), *дождь моросил*. В подобных случаях наблюдается четкая корреляция субъективного метаязыкового представления о словосочетании и отбора подходящих под такой субъективный «канон» фактов из своего речевого опыта (ср. также анк. №№ 35, 39, 51).

Имеются, однако, и не столь элементарные случаи. Например, в анк. № 9 словосочетанием считаются «два слова, объединенные общим смыслом, одно из которых зависит от другого», т.е. испытуемый называет три признака «канонического» словосочетания, в том числе важнейший из них — подчинительную связь, предполагающую зависимость одного слова (словоформы) от другого. Тем не менее если первые две речевые реакции испытуемого, работавшего с анк. № 9, вполне соответствуют эксплицированному метаязыковому представлению о словосочетании (*красивый зонт, умный мальчик*), то последующие две речевые реакции таким соответствием не обладают (*мама ушла, шумят деревья*), так как являются предикативными конструкциями, строящимися на взаимозависимости компонентов. По-видимому, здесь обнаруживается «рассогласованность» метаязыкового представления о словосочетании, отражающего, скорее всего, остатки полученных прежде знаний, и презентации индивидуального речевого опыта, опирающейся на какие-то случайные сходства разных фактов (ср. также анк. №№ 10, 11, 18, 34, 39).

Весьма показательно то, что к «каноническим» словосочетаниям, согласно экспериментальным данным, наиболее близки — статистически, но не качественно! — предикативные конструкции (в связи с чем нельзя не вспомнить о «законченных словосочетаниях»

Ф. Ф. Фортунатова, представляющих собой не что иное, как предложения), а также то, что среди отклонений от «канонического» словосочетания не встретилось ни одного сочинительного сочетания. Последнее указывает на отсутствие в языковом сознании взрослых носителей языка каких-либо прочных ассоциативных сопряжений эмпирической генерализации сочинительных сочетаний и метаязыковой «этикетки» (термина) *словосочетание*, в чем находит косвенное отражение различная синтаксическая природа подчинения и сочинения и формируемых на их основе конструктивных единиц в сфере синтаксической комбинаторики слов.

Среди речевых реакций, представляющих собой различные структурные типы «канонического» словосочетания, так называемые сложные словосочетания составляют всего 1,9%: *полуденное яркое солнце, хорошо одетый мальчик, хорошо уложенные волосы*. Из этого следует, что элементарная модель словосочетания, на базе которой сформировался прототип словосочетания в языковом сознании взрослых носителей языка, является бинарной, двухкомпонентной. Какая же модель (структурная схема) словосочетания может считаться прототипической структурой словосочетания и какие модели словосочетания оказываются в статистическом плане наиболее близки к ней?

Для поиска ответов на эти вопросы полученные в эксперименте «канонические» речевые реакции требуется распределить по структурным типам и подсчитать количество словосочетаний-реакций в каждом структурном типе.

Субстантивно-адъективные словосочетания представлены 87 (53,7%) реакциями: *белый флаг, бледное лицо, большой арбуз, большой дом, быстрая речка, вагонный состав, великолепная пятерка, в красивом лесу, всеядный человек, газированная вода, голубое небо, горные реки, грубый ответ, деревянный карандаш, добрый день, добрый человек, дождливая погода, древний город, египетские пирамиды, жаркий день, зеленая кофта, зеленое дерево, золотое кольцо, итальянская семья, капризный ребенок, компьютерная обработка, контрольная работа, красивая брошь, красивая девушка, красивая женщина, красивая картина, красивая улыбка, красивые слова, красивый галстук, красивый диван, красивый дом, красивый зонт, красивый цветок* (анк. № 15), *красивый цветок* (анк. № 24), *крас-*

ная куртка, красная шляпа, красное яблоко, красный мак, ласковая мама, ловкие руки, любимый праздник, любознательный мальчик, маленький мальчик, мамина дочка, мороженая рыба, морозная зима, неожиданные гости, новое здание, нужная тетрадь, обыкновенный день, осенний лес, отличная книга, очаровательная блузка, персидская кошка, плохой ученик, потусторонний мир, прекрасная незнакомка, прекрасная погода, пустынная улица, серое небо, серый туман, синие глаза, синий лед, синяя ручка, сонный студент, теплая вода, теплая осень, теплая погода, удачный день, умный мальчик, умный человек, файловая система, хвойный лес, холодный ветер, хороший университет, чеширский кот, швейцарские часы, шерстяная кофта, школьный экзамен, яркое лето, яркое солнце (анк. № 10), яркое солнце (анк. № 23).

Глагольно-субстантивные словосочетания (главный компонент — любая форма глагола: инфинитивная, финитная, атрибутивная (причастие, деепричастие); зависимый компонент — падежная или предложно-падежная форма имени существительного) составляют 19 (11,7%) реакций: *бегать по берегу, взять ручку, гулять по дороге, ехать в университет, знать правило, идти в школу, летящий по воздуху, написать слово, носить джинсы, озираясь по сторонам, поймать такси, помочь подруге, сидеть за партой, сидеть на стуле, сказал слово, смотреть кино, ушел на улицу, читать книгу (анк. № 24), читать книгу (анк. № 42).*

Субстантивно-субстантивные словосочетания (зависимый компонент — падежная или предложно-падежная форма имени существительного) реализованы в 10 (6,2%) реакциях: *ветви деревьев, герой романа, изучение предмета, ликвидация безграмотности, муж сестры, ножка стула, по течению реки, работа мамы, работа над ошибками, стук дождя.*

Субстантивно-партиципные (зависимый компонент — причастие) словосочетания представлены 7 (4,3%) реакциями: *бушующая вода, идущий человек (анк. № 5), идущий человек (анк. № 20), манящие высоты, обжигаящая прохлада, палящее солнце, смущенный парень.*

Глагольно-адverbиальные словосочетания составляют 5 (3,1%) реакций: *быстро бегать, быстро бежать, ехать верхом, ехать домой, идти вприпрыжку, а разновидности adverbиальных словосочетаний (зависимый компонент — предложно-падежная форма*

имени существительного или наречие) — 3 (1,9%) реакции: *назад в будущее, недалеко от дома, совершенно искренне.*

Структурно-типологический и статистический анализ речевых реакций, соответствующих «каноническому» словосочетанию, позволяет отнести к прототипу словосочетания в языковом сознании взрослых носителей языка субстантивно-адъективные словосочетания, т.е. модель словосочетания N + Adj. Наиболее близки к ней в статистическом плане глагольно-субстантивные и субстантивно-субстантивные словосочетания, хотя подобных реакций в среднем было дано в 5 раз меньше. Если учесть суммарную величину речевых реакций, представленных субстантивно-адъективными, субстантивно-субстантивными и субстантивно-партиципными словосочетаниями, — 104 (64,2%), то есть основания полагать, что прототипический образ словосочетания связан у взрослых носителей языка с субстантивными словосочетаниями в целом. (Отметим также показательное отсутствие среди реакций, полученных от испытуемых, представителей таких структурных типов словосочетаний, как адъективные, прономинальные, нумеративные.)

По данным эксперимента, типы синтаксической связи, действующие в сфере словосочетания, образуют следующую шкалу приоритетности: согласование > управление > примыкание.

Линейно-речевая форма презентации реакций дает возможность определить эмпирическое обобщение такого параметра структурной организации словосочетаний, как порядок компонентов. Так, например, для субстантивно-адъективных словосочетаний предпочтительна (хотя и не обязательна) препозиция зависимого компонента, для глагольно-субстантивных же словосочетаний, наоборот, — постпозиция.

Речевые реакции, ориентированные на «каноническое» словосочетание, были даны в 37 (72,5%) анкетах. Показательно соотношение в таких анкетах речевых реакций с эксплицированным метаязыковым представлением о словосочетании. В одних случаях (ср., в частности, анк. №№ 1, 3, 6, 43, 48) предложенное определение словосочетания и придуманные конкретные словосочетания находятся как бы в отношениях взаимной детерминации, взаимоотражения метаязыкового представления и эмпирической генерализации речевых фактов, тогда как в других случаях (ср., например, анк. №№ 37, 46)

хотя определение словосочетания допускает выход за пределы «канонического» словосочетания (согласно анк. № 37, «словосочетание — это сочетание нескольких слов»), тем не менее все приводимые речевые реализации словосочетаний ориентированы именно на «каноническое» словосочетание.

По всей видимости, отмеченные соотношения метаязыкового представления и речевых реакций обнаруживают, с одной стороны, различную степень «выветривания» усвоенных в школе стандартных метаязыковых формулировок («оболочек» знания), а с другой стороны, перевод с уровня знаний о языке на уровень чувства языка способности к активации определенных речевых фактов по предъявлении их метаязыковой номинации — термина.

При подборе словосочетаний наряду со стратегией «придумывания» некоторые участники эксперимента использовали и стратегию «припоминания», о чем свидетельствуют отдельные речевые реакции, представляющие собой словосочетания-термины (*файловая система, компьютерная обработка* и др.) и прецедентные словосочетания (*великолепная пятерка, ликвидация безграмотности* и др.), запечатленные в памяти носителей языка и воспроизводимые ими как своеобразные аналитические номинации.

Однако то обстоятельство, что, создавая ряд словосочетаний (от 2 до 6 реакций), испытуемые либо давали различное лексическое наполнение одной и той же модели словосочетания (ср. анк. №№ 6, 12, 14, 15 и др.), либо вообще перечисляли словосочетания, построенные по разным моделям (ср. анк. №№ 3, 7, 17 и др.), свидетельствует о доминировании строевой, «производственной» стратегии использования словосочетаний. В изоляции от предложения-высказывания построение конкретного словосочетания по продуктивной модели (структурной схеме) можно объяснить относительной автономностью генерализованных моделей словосочетания и допустимостью их внеконтекстного (для наблюдателя!) функционирования в условиях экспериментальной ситуации.

Поставленный эксперимент показывает, что словосочетание является реальной психолингвистической единицей, поскольку оно осознается обычными взрослыми носителями языка, — т.е. лицами, не имеющими профессиональных знаний в области лингвистики, — безотносительно к той или иной усвоенной ими теории языка (ср.

категориальную значимость последнего признака при отнесении «квантов» языкового сознания носителя языка к психолингвистическим единицам у А. А. Леонтьева [Леонтьев 2006: 66]). Правда, осознание словосочетания (в отличие, например, от осознания предложения) затруднено «живой» внутренней формой термина *словосочетание*, провоцирующей субъективное объединение весьма различных сочетаний слов и словоподобных элементов в единую категорию. Однако 82,8% реакций собственно словосочетаниями «канонического» типа доказывают закрепление в коллективном языковом сознании за метаязыковой «этикеткой» (термином) *словосочетание* исключительно подчинительных сочетаний слов.

Н. В. Уфимцева, опираясь на материал проведенного ею еще в 1972 г. свободного ассоциативного эксперимента со здоровыми носителями языка и с афатиками, высказала мысль о том, что словосочетания являются «оперативными единицами порождения высказывания, в основе которых лежит и семантическая, и грамматическая связь» [Уфимцева 1972: 175].

Что же значит для словосочетания быть оперативной единицей? По-видимому, оперативный характер словосочетания проявляется двояким образом: в доминантной своей функции — «строительной» — и в обусловленной ею первично-номинативной функции словосочетание обеспечивает говорящего / пишущего одним из оперативных форматов синтаксического построения комплексных сегментов высказывания (распространенного простого предложения), тогда как во вторично-номинативной функции словосочетание, приобретшее способность к лексической сигнификации или ставшее терминологическим наименованием, может быть по своему оперативному механизму подобно слову.

Прототипической структурой словосочетания в языковом сознании взрослых носителей языка является модель словосочетания N + Adj. (с препозицией зависимого компонента), в которой на основе синтаксической связи согласования выражаются атрибутивные отношения. Подтверждают это и данные Н. В. Уфимцевой, согласно которым словосочетания типа «имя существительное + зависимое имя прилагательное» относятся к наиболее стабильной конструкции словосочетания как в норме, так и в патологии [Там же: 174—175].

Почему же субстантивно-адъективные словосочетания образовали в языковом сознании взрослых носителей языка прототипическую структуру словосочетания? По-видимому, это, во-первых, связано с тем, что словосочетания данной структурной разновидности отражают способность одного типа синтаксической связи — согласования — выражать один тип смысловых отношений — атрибутивные отношения (ср., напротив, синкретичную атрибутивно-обстоятельственную семантику в словосочетаниях типа *поездка в Москву*, где тип синтаксической связи между компонентами — слабое управление), а во-вторых, с тем, что выполнять функции главного и зависимого компонентов в данных словосочетаниях могут любые представители класса субстантивов и адъективов соответственно, вне зависимости от их частного лексико-грамматического статуса (ср., наоборот, в глагольно-субстантивных словосочетаниях типа $V + N_4$ в функции главного компонента возможен только переходный глагол, т.е. отнесенность глагола к определенному лексико-грамматическому подклассу здесь оказывается конструктивно значимой).

Сам факт формирования прототипической структуры словосочетания и ее константный характер (ср. совпадение данных эксперимента Н. В. Уфимцевой с данными описанного выше эксперимента, который был проведен спустя тридцать пять лет и, более того, совсем по другой методике) указывают как на категориальную отдельность словосочетания на уровне синтаксических генерализаций, так и на функциональную ценность словосочетания как особой синтаксической формы, задействованной в процессе синтаксического структурирования высказывания (распространенного простого предложения) при его порождении. Тем самым словосочетание (с позиций теории речевой деятельности) оказывается, говоря словами А. А. Леонтьева, не только единицей «языкового стандарта», но и, вне всяких сомнений, единицей «языковой способности и языкового процесса» [Леонтьев 2006: 59].

Таким образом, представленный в настоящей главе теоретический анализ существующих в научной литературе взглядов на природу словосочетания, а также интерпретация материалов специального экспериментального исследования показывают, что словосочетание является неотъемлемой принадлежностью как

онтологии языка / речи, так и онтологии языкового сознания носителей языка, а следовательно, словосочетание нельзя не признать реальной лингвистической (т.е. языковой / речевой) и психолингвистической единицей.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

Материал, полученный от испытуемых при выполнении 1-го экспериментального задания

Анкета № 1: Словосочетание — это обладающее смыслом завершённое сочетание слов, главного и зависимого (ых).

Анкета № 2: Словосочетание — сочетание двух слов (значимых частей речи), связанных грамматически в падеже, роде, числе.

Анкета № 3: Словосочетание — группа из двух или более слов. Слова в словосочетании связаны между собой. Типы связи определяются тем, какие части речи входят в словосочетание (управление, примыкание и т.д.). Словосочетание не является предложением, так как не несет в себе законченную мысль.

Анкета № 4: Словосочетание — это сочетание двух или нескольких слов, объединенных общим смыслом.

Анкета № 5: Словосочетание — это набор слов, главного и зависимого.

Анкета № 6: Словосочетание — группа слов, состоящая из существительного и прилагательного, связанных грамматически.

Анкета № 7: Словосочетание — это два или более слов, одно из которых — главное, а другое (ие) — зависимое (ые). Эти слова находятся в определенной связи.

Анкета № 8: Словосочетание — это несколько слов, связанных одним смыслом.

Анкета № 9: Словосочетание — два слова, объединенные общим смыслом, одно из которых зависит от другого.

Анкета № 10: Словосочетание — несколько слов одной части речи или разных частей речи, объединенные определенным смыслом.

Анкета № 11: Словосочетание — два или несколько слов, находящиеся в определенной зависимости друг от друга.

Анкета № 12: Словосочетание — два и более слова, связанные определенным смыслом.

Анкета № 13: Словосочетание — несколько связанных друг с другом по смыслу и грамматически слов, не являющиеся предложением.

Анкета № 14: Словосочетание — это группа из двух или более слов, связанных определенным смысловым отношением.

Анкета № 15: Словосочетание — это перечень из двух слов, дополняющих друг друга.

Анкета № 16: Отказ

Анкета № 17: Словосочетание — это сочетание двух слов, в котором одно слово — главное, а другое — зависимое. Существуют три типа связи слов в словосочетании: управление, примыкание и согласование.

Анкета № 18: Словосочетание — это самостоятельная лексическая единица, состоящая из двух и более слов, несущая в себе смысловое значение.

Анкета № 19: Словосочетание — это два или более слова, связанные между собой грамматически, зависимые друг от друга.

Анкета № 20: Словосочетание — это фраза, которая состоит из двух и более слов.

Анкета № 21: Словосочетание — два или более слова, связанные по смыслу.

Анкета № 22: Словосочетание — это два и более слова, зависимых друг от друга.

Анкета № 23: Словосочетание — фраза, состоящая из двух слов, связанных между собой по смыслу.

Анкета № 24: Словосочетание — сочетание слов, состоящее из главного и зависимого слов. Виды связи главного и зависимого слов: управление, согласование, примыкание.

Анкета № 25: Словосочетание — слова, связанные по смыслу и грамматически, взаимодополняющие друг друга.

Анкета № 26: Словосочетание — сочетание двух связанных по смыслу слов, одно из которых — главное, а другое — зависимое.

Анкета № 27: Словосочетание — это сочетание из двух слов.

Анкета № 28: Словосочетание — сочетание слов, имеющее определенный смысл.

Анкета № 29: Отказ

Анкета № 30: Словосочетание — это сочетание двух или нескольких слов, связанных между собой по смыслу, а также в роде, числе, падеже.

Анкета № 31: Словосочетание — это объединение двух примерно одинаковых по смыслу слов.

Анкета № 32: Словосочетание — это сочетание слов, объединение слов в предложение.

Анкета № 33: Словосочетание — это сочетание двух слов, связанных суффиксом или соединительной гласной.

Анкета № 34: Словосочетание — это сочетание слов, по смыслу относящихся друг к другу.

Анкета № 35: Словосочетание — небольшая фраза, состоящая из двух-трех слов.

Анкета № 36: Словосочетание — это составленное предложение в определенной последовательности, имеющее в себе существительное и глагол.

Анкета № 37: Словосочетание — это сочетание нескольких слов.

Анкета № 38: Словосочетание — сочетание двух слов: прилагательного или глагола с существительным.

Анкета № 39: Словосочетание — это сочетание двух и более связанных по смыслу слов, представленных в определенном порядке.

Анкета № 40: Словосочетание — это сочетание нескольких слов, не образующих грамматическую основу предложения.

Анкета № 41: Словосочетание — это сочетание двух или нескольких слов в предложении.

Анкета № 42: Словосочетание — это сочетание двух или более слов.

Анкета № 43: Словосочетание — это сочетание двух слов, связанных между собой по смыслу и зависимых друг от друга.

Анкета № 44: Словосочетание — это сочетание двух и более слов, связанных по смыслу, одно из которых главное, а другое — зависимое.

Анкета № 45: Словосочетание — два слова, объединенные по смыслу, которые стоят рядом друг с другом.

Анкета № 46: Словосочетание — сочетание нескольких связанных между собой слов, имеющее определенный смысл.

Анкета № 47: Словосочетание — сочетание двух и более слов, связанных между собой по смыслу.

Анкета № 48: Словосочетание — это подобранные по смыслу два слова, одно из которых зависит от другого.

Анкета № 49: Словосочетание — это сочетание слов, точно описывающее предмет или действие, дающее точную картину.

Анкета № 50: Отказ

Анкета № 51: Словосочетание — это сочетание слов в предложении.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

Материал, полученный от испытуемых при выполнении 2-го экспериментального задания

Анкета № 1: маленький мальчик, ехать верхом, ехать домой, красивая улыбка, знать правило.

Анкета № 2: зеленая кофта, ехать в университет, помогать подруге.

Анкета № 3: в красивом лесу, муж сестры, быстро бегать.

Анкета № 4: большой дом, работа над ошибками, контрольная работа.

Анкета № 5: белый флаг, идущий человек, назад в будущее.

Анкета № 6: красивая брошь, отличная книга, хороший университет.

Анкета № 7: быстро бежать, ловкие руки, умный человек.

Анкета № 8: изучение предмета, поймать такси, ликвидация безграмотности.

Анкета № 9: красивый зонт, умный мальчик, мама ушла, шумят деревья.

Анкета № 10: яркое солнце, полуденное яркое солнце, сияло солнце, ярко сияло солнце.

Анкета № 11: бок о бок, точь-в-точь, двадцать пять.

Анкета № 12: египетские пирамиды, швейцарские часы, итальянская семья.

Анкета № 13: синий лед, идти вприпрыжку, сказал слово, озираясь по сторонам.

Анкета № 14: обыкновенный день, прекрасная незнакомка, любимый праздник.

Анкета № 15: красивый цветок, большой арбуз, деревянный карандаш.

Анкета № 16: мороженая рыба, пустынная улица.

Анкета № 17: красивый дом, работа мамы, ушел на улицу.

Анкета № 18: в течение недели, герой романа, серый туман.

Анкета № 19: очаровательная блузка, красивый диван, великолепная пятерка.

Анкета № 20: школьный экзамен, идущий человек, ветви деревьев.

Анкета № 21: добрый человек, плохой ученик, теплая погода.

Анкета № 22: красивая шляпа, дождливая погода, ножка стула.

Анкета № 23: холодный ветер, яркое солнце, древний город.

Анкета № 24: красивый цветок, читать книгу, недалеко от дома.

Анкета № 25: бушующая вода, палящее солнце, совершенно искрenne, обжигающая прохлада, манящие высоты.

Анкета № 26: красное яблоко, летящий по воздуху, смущенный парень.

Анкета № 27: красная куртка, синяя ручка, нужная тетрадь.

Анкета № 28: файловая система, вагонный состав, компьютерная обработка.

Анкета № 29: темно-синий, красивая девушка, золотое кольцо.

Анкета № 30: мамина дочка, синие глаза, газированная вода, бледное лицо, сидеть за партой, носить джинсы.

Анкета № 31: красивая картина, серое небо, капризный ребенок.

Анкета № 32: любознательный мальчик, всеядный человек, потусторонний мир.

Анкета № 33: мракобесие, мифотворчество, головотяпство.

Анкета № 34: стук дождя, люди говорили, лес шумел.

Анкета № 35: лодка плыла по реке, мама шла.

Анкета № 36: они поют хором, дождь моросил.

Анкета № 37: теплая вода, шерстяная кофта, голубое небо, хорошо одетый мальчик.

Анкета № 38: прекрасная погода, взять ручку, написать слово.

Анкета № 39: она лежала на песке, патриотизм – это редкость, она красива, вода в колодце чистая.

Анкета № 40: осенний лес, новое здание, горные реки.

Анкета № 41: Отказ

Анкета № 42: по течению реки, сидеть на стуле, смотреть кино, читать книгу.

Анкета № 43: яркое лето, зеленое дерево, красивая женщина, идти в школу, гулять по дороге.

Анкета № 44: жаркий день, бегать по берегу, сонный студент.

Анкета № 45: Отказ

Анкета № 46: удачный день, красный мак, чеширский кот, хвойный лес.

Анкета № 47: нежданные гости, красивый галстук, хорошо уложенные волосы, персидская кошка.

Анкета № 48: теплая осень, быстрая речка, морозная зима.

Анкета № 49: красивые слова, добрый день, ласковая мама, грубый ответ.

Анкета № 50: пожароопасный, низколетящий, трудноповернутый.

Анкета № 51: мама мыла раму, на улице идет дождь, завтра будет холодно.

ГЛАВА 2

МЕТАЯЗЫКОВОЕ ОСОЗНАНИЕ СЛОВСОЧЕТАНИЙ ВО ВНЕЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

В начале XXI в. одним из наиболее перспективных направлений в отечественной лингвистике по праву признается исследование метаязыковой способности человека и условий активации и форм осуществления им метаязыковой рефлексии, с одной стороны, а также обобщение способов и средств речевого воплощения метаязыковой функции языка, с другой (см., в частности, [Вепрева 2005; Перфильева 2006; Сигал 2004; Carpien, Lepore 2007], а также обзорные разделы в [Шумарина 2011]).

Правда, следует сразу отметить, что в сферу внимания тех лингвистов, которые посвящают свои труды метаязыковой рефлексии так называемого «наивного» носителя языка над своей речью, преимущественно попадают языковые единицы, правила и процессы, обслуживающие номинативный компонент речевой деятельности, или, иначе говоря, «внутренний» и, безусловно, «внешний» лексикон в разных звеньях его организации и функционирования (см., например, [Ростова 2000] и другие исследования, посвященные метаязыковому осознанию слов, преимущественно производных, носителями диалектов).

Подчас складывается такое впечатление, что в лингвистике при изучении метаязыковой деятельности рядовых носителей языка (т.е. нелингвистов) готовы согласиться с их довольно устойчивым мифологическим представлением о том, что будто бы язык тождествен его словарю и что будто бы только словарь, преимущественно в его синхроническом состоянии, способен становиться предметом метаязыковой рефлексии. Ведь, действительно, по-своему справедливо следующее наблюдение: в повседневном речевом общении от рядового носителя языка обычно можно услышать его метаязыковые комментарии по поводу лексической семантики слова или отклонений от привычного словоупотребления, но отнюдь не по поводу тех синтаксических конструкций, в речевой реализации которых принимает участие слово / словоформа.

Подобные наблюдения находят априорное соответствие в некоторых модных течениях грамматической мысли: так, хорошо известно, что в генеративной грамматике синтаксические операции и процессы считаются бессознательными, т.е., по сути дела, не допускающими метаязыкового осознания ни после построения предложения-высказывания, ни тем более в рамках осуществления этого речетворческого акта. По весьма проницательному замечанию А. А. Леонтьева, сделанному еще применительно к так называемой стандартной теории генеративной грамматики, она «не “замыкается на себя”, не допускает включения в нее компонента, описывающего различные виды осознания речи. Это — теория и с к л ю ч и т е л ь н о б е с с о з н а т е л ь н о г о (разрядка автора. — К. С.) пользования языком» [Леонтьев 1969: 105].

Крайне важно сказать, что здесь названа отнюдь не преходящая черта генеративной грамматики, свойственная ее первоначальному замыслу, а константная, инвариантная, краеугольная с методологической точки зрения ее характеристика, неизменно воспроизводящаяся на разных этапах развития этой в целом весьма плодотворной в теоретическом плане общесинтаксической концепции.

Вместе с тем ни раритетность явно выраженных в связной речи (в высказывании) метаязыковых суждений о ее синтаксической форме, ни априорный «запрет» на метаязыковое осознание синтаксиса в отдельных его собственно лингвистических моделях (например, в той же генеративной грамматике) не может побудить лингвиста, проводящего беспристрастные наблюдения над речевой деятельностью своих современников, с одной стороны, и знакомого с воззрениями классиков синтаксической науки по данному вопросу, с другой стороны, поддержать идею метаязыковой «непроницаемости» синтаксиса для рядовых носителей языка и, соответственно, их неспособности к метаязыковому осознанию тех или иных синтаксических единиц в связной речи (в частности, словосочетаний).

Весьма показательно, что еще в начале XX в. Д. Н. Овсянико-Куликовский в своем «Синтаксисе русского языка», развивая и конкретизируя взгляды А. А. Потебни, отстаивал такой взгляд на соотношение сознательного и бессознательного начал в синтаксическом использовании слова, который обнаруживает в самой природе разнообразных синтаксических форм, в построении которых участвует

слово (точнее говоря, та или иная его форма), возможность становиться предметом метаязыкового осознания (Д. Н. Овсянико-Куликовский, кстати сказать, прямо употребляет термин «рефлексия»), пусть даже и не выраженного явным образом за счет средств метаязыка.

Согласно Д. Н. Овсянико-Куликовскому, вне всякого сомнения обладавшему не только весьма проницательным чувством языка, но и очень точной, можно сказать, психолингвистически «заостренной» интроспекцией, «работа синтаксического упорядочения слов, совершающаяся в бессознательной сфере, надо думать, не проникает в глубь ее, а держится (если можно так выразиться) на ее поверхности: слова превращаются в синтаксические величины *у порога сознания* (курсив автора. — К. С.). Это видно из того, что сознанию не трудно направить на эту синтаксическую деятельность долю внимания. Стоит, например, сделать нечаянно ошибку в сочетании слов, и сознание сейчас же замечает это. Тогда данный процесс перестает быть автоматическим и бессознательным и становится в большей или меньшей мере сознательным. Если бы он совершался в глубине бессознательной сферы, то общение и взаимодействие между двумя сферами было бы для синтаксического мышления далеко не столь легким. Помимо невольных ошибок, можно и произвольно, нарочито направить внимание на эту — синтаксическую — работу мысли и держать в светлой точке сознания не только содержание фразы, но и ее синтаксические формы, способы употребления и сочетания слов в ней. Тогда в сознании совершается... «ревизия»... и дается как бы «отчет» о ходе и характере синтаксической работы ума. Это значит — пробудилась *рефлексия* (курсив автора. — К. С.) в отношении к этой работе» [Овсянико-Куликовский 1912: 7].

По сути дела, в приведенной цитате из книги Д. Н. Овсянико-Куликовского не просто показана психологическая природа метаязыковой рефлексии над синтаксической стороной речи, — в ней заложена программа исследования синтаксиса как деятельности, которая не всецело осуществляется в бессознательном, автоматическом режиме и которая вследствие этого не может быть изолированной от отображения наряду с предметно-познавательными, эмотивными, регулятивными, прагматико-стилистическими, текстоорганизующими установками речевого общения также и метаязыковых его установок.

Но что дает человеческому уму средства для речевой объективации своей метаязыковой рефлексии применительно к синтаксису? Д. Н. Овсяннико-Куликовский отвечает на этот вопрос следующим образом: «Школьный, традиционный синтаксис, которому мы учимся в детстве и юности, есть не что иное, как искусственное, совершаемое при помощи учебника и при содействии учителя, пробуждение в нашем уме рефлексии в отношении к синтаксической работе нашей собственной мысли» [Там же].

По-видимому, здесь имеются в виду не только (и даже, вероятнее всего, не столько) непосредственно термины-понятия школьного синтаксиса или, точнее сказать, не только термины, далеко не обязательно строго соотносящиеся в языковом сознании взрослых людей с закрепленными за ними понятиями школьного синтаксиса, но и принятые в нем приемы синтаксического анализа, в частности приемы членения связной речи на синтаксически релевантные единицы, такие как, например, словосочетания.

Примерно в то же самое время в чем-то похожие, правда не столь глубокие замечания высказал Э. Сепир, который, обратив внимание на тот непреложный факт, что слово осознается «как психологически нечто реальное», допустим в «экспериментах с наивными людьми, говорящими и записывающими на своем родном языке» [Сепир 1993: 50], констатировал, что «у важнейшей функциональной единицы речи — у предложения, как и у слова, есть... психологическое существование» [Там же: 51].

Но что значит для предложения обладать психологическим существованием? Это значит только то, что предложение может быть осознано, в частности выделено из связной речи и отнесено к тому или иному «образцу» или «типу», непосредственно самим «наивным» носителем языка, получившим подобное задание от лингвиста (в эксперименте) или действующим произвольно.

Если, согласно Д. Н. Овсяннико-Куликовскому, метаязыковое осознание синтаксиса (или, в его терминологии, просто «рефлексия») может охватывать синтаксические формы слов, сочетаний слов (именно это представляется крайне важным для настоящего исследования), «фраз», то у Э. Сепира речь идет о психологической «ценности» исключительно слов и предложений (или, точнее сказать, моделей предложения). Иначе говоря, у Э. Сепира уже намечен

некий редуccionизм сферы поддающегося метаязыковой рефлексии в синтаксисе.

Д. Н. Овсянико-Куликовский намного опередил свое время в постановке вопроса о метаязыковом осознании синтаксических явлений в речевой деятельности рядовых носителей языка, аналитический (т.е. терминологический и процедурный) инвентарь которых исчерпывается обычно школьным курсом синтаксиса. Он прямо употребляет такие не вполне еще терминологические в его время (да, к сожалению, и теперь) выражения, как «синтаксическая деятельность», «синтаксическое мышление», «синтаксическая работа мысли / ума». Его идея о работе синтаксического мышления «у порога сознания» является не чем иным, как прозрением, исходящим, впрочем, из потебнианской методологии в философии языка.

Однако, несмотря на все это, к сожалению, приходится признать, что идеи Д. Н. Овсянико-Куликовского оказались практически не востребованными в современных трудах, посвященных метаязыковой рефлексии: так, например, мы не обнаружим ссылок на «Синтаксис русского языка» Д. Н. Овсянико-Куликовского и вообще какого бы то ни было упоминания о его взглядах на рефлексию над синтаксисом в претендующей на обобщение всего сказанного о метаязыковой рефлексии в русистике монографии [Шумарина 2011], представляющей значительный интерес во многих других отношениях и в целом достоверно отражающей уровень современных знаний по проблеме.

Представляется, что все это вовсе не случайно: изучение метаязыкового осознания синтаксических явлений требует такого тщательного методологического «оснащения», которое пока не создано ни в лингвистике, ни даже в психолингвистике, хотя последняя, казалось бы, не должна была пренебрегать такими формами и условиями осуществления речевой деятельности, которые определяют активацию метаязыковых установок на осознание единиц синтаксиса и их структурных качеств в связной речи.

Приходится согласиться с А. А. Леонтьевым в том, что «вопросы, связанные с рефлексией говорящего над речью, оказались вне основного потока развития психолингвистики» [Леонтьев 1999: 154]. Однако в первую очередь сказанное относится к той сфере «рефлексивной психолингвистики» (термин А. А. Леонтьева), которая долж-

на была бы быть призвана заниматься синтаксисом связной речи с точки зрения его метаязыкового осознания при порождении и восприятии предложения-высказывания.

Об этом свидетельствует, например, тот факт, что среди так называемых оперативных психолингвистических единиц синтаксического уровня бесспорно выделяются лишь предложение-высказывание и слово (словоформа) [Там же: 161], в чем нельзя не усмотреть, на наш взгляд, отражения идущего, в частности, от Э. Сепира метаязыкового редуccionизма применительно к синтаксису, тогда как рядовому носителю языка, даже если принимать во внимание только лишь его речевую продукцию (т.е. исключить результаты специальных экспериментальных исследований), доступны для метаязыкового осознания и другие синтаксические единицы и формы, в частности словосочетания.

Однако если в психолингвистике, в частности в более ранних работах того же А. А. Леонтьева, признавалась психолингвистической единицей и, следовательно, подлежащей метаязыковому осознанию рядовых носителей языка синтагма в ее трактовке Л. В. Щербой (как известно, щербовская «синтагма» не полностью совпадает с синтаксическим понятием «словосочетание», но все же связана с ним непосредственно) [Леонтьев 2006: 66], а Н. В. Уфимцева прямо относит словосочетания к «оперативным единицам порождения высказывания, в основе которых лежит и семантическая, и грамматическая связь» [Уфимцева 1972: 175], то в самой лингвистике словосочетание, вне зависимости от трактовки его как номинативной единицы, во многом функционально и операционально близкой слову, или как синтаксической единицы, создаваемой по модели в процессе синтаксического построения распространенного простого предложения (или предикативной конструкции) в речи, чаще всего воспринималось и продолжает восприниматься только и исключительно как лингвистический конструкт, как результат собственно лингвистического анализа связной речи.

Так, по мнению Ю. С. Долгова, «все носители языка общаются с помощью предложений и им (в отличие от лингвистов. — К. С.) безразлично, какие единицы функционируют в его (предложения. — К. С.) составе» [Долгов 1993: 10]. Подобного же мнения придерживается и Ю. В. Фоменко: «Рядовой носитель языка не

оперирует словосочетаниями и не думает о них. Словосочетания может выделить из готовой фразы лингвист-теоретик» [Фоменко 1997: 29].

Получается, что, с позиции «чистой» лингвистики, рядовой носитель языка никогда не фокусирует своего метаязыкового внимания на словосочетании, не имеет обыкновения задумываться о построении словосочетания в процессе синтаксического развертывания предложения-высказывания, и, значит, ему нет никакой нужды употреблять в своей речи метаязыковую номинацию «словосочетание» и / или, например, выделять то или иное словосочетание кавычками как типовым показателем метаязыковой референции в письменной речи.

Однако простого констатирующего наблюдения достаточно для того, чтобы убедиться в том, что рядовые носители языка, т.е. нелингвисты, сталкиваются с трудностями в отборе моделей словосочетания, о чем свидетельствуют самоперебивы и сопровождающие их замены форм слов в процессе синтаксического распространения (причем это касается не только и не столько даже зависимых компонентов в словосочетаниях, сколько главных, как бы «тянущих» за собой всю модель словосочетания), замечают и исправляют ошибки в построении и воспроизведении словосочетаний как в чужой, так и в своей речи, наконец, осуществляют непосредственную метаязыковую референцию к отдельным реализациям моделей словосочетания в собственной речи, употребляя привычное для них и идущее из школьного синтаксиса метаязыковое обозначение (термин, но далеко не всегда понятие!) «словосочетание», равно как и другие метаязыковые маркеры.

В гл. 1 этой книги мы уже имели возможность представить разнообразные доказательства того, что словосочетание осознается рядовыми носителями языка как в свободном речестроении, так и в разных экспериментальных условиях. Однако теперь нам кажется необходимым дополнить сказанное за счет обращения в настоящей главе к анализу таких контекстов связной речи, в которых рядовому носителю языка понадобилось не просто зафиксировать свое метаязыковое внимание на том или ином словосочетании (не важно, было ли оно прежде известно или создано заново), но обозначить его с помощью метаязыковой номинации «словосочетание».

Полагаем, что предпринимаемый анализ позволит, с одной стороны, понять, что может стоять в речевой деятельности рядового носителя языка за явно выраженным лексическим показателем метаязыковой рефлексии над словосочетанием и каков функциональный статус этого показателя на лексическом уровне языка (в частности, мы попытаемся обосновать, почему в анализируемых контекстах связной речи метаязыковая номинация «словосочетание» не является термином), а с другой стороны, разъяснить специфику изучения метаязыкового осознания словосочетаний именно путем анализа контекстов связной речи — по сути дела, при отсутствии определенных инструкцией установок, провоцирующих метаязыковую реакцию со стороны испытуемых, т.е. во внеэкспериментальных условиях.

Несмотря на то, что мы вынуждены будем напомнить здесь об основных результатах экспериментального исследования, описанного в гл. 1, хотя эти результаты были получены в ходе субъективной дефиниции метаязыкового стимула «словосочетание», с одной стороны, и направленного цепочечного ассоциирования на этот метаязыковой стимул, с другой стороны, считаем необходимым подчеркнуть, что только в контексте связной речи и, главное, в условиях свободного речепорождения, не обусловленного и не сдерживаемого никакими навязанными экспериментатором метаязыковыми установками (т.е. тем, чем в значительной степени определяется деятельность испытуемых в эксперименте), могут быть раскрыты особенности произвольного метаязыкового осознания словосочетаний, равно как и других синтаксических единиц, рядовыми носителями языка, а также способы и средства маркирования этого рефлексивного акта.

Для словосочетания ближайшим контекстом связной речи, в котором чаще всего и осуществляется произвольная метаязыковая рефлексия, запечатленная в специальном метаязыковом лексическом показателе — метаязыковой номинации «словосочетание», является самостоятельное завершённое высказывание (по синтаксической структуре — распространенное простое, в том числе и осложненное, или сложное предложение).

Гипотеза о том, что только в условиях связной речи возникает возможность полноценной реконструкции акта метаязыкового

осознания словосочетания во всей его полноте, с учетом мотивации этого акта и формы его речевого воплощения, восходит к одной из непреходящих по своей методологической ценности идей выдающегося философа языка и теоретика языкознания В. фон Гумбольдта, который писал буквально следующее: «По разрозненным элементам нельзя познать то, что есть высшего и тончайшего в языке; это можно постичь и уловить *только в связной речи* (курсив мой. — К. С.)» [фон Гумбольдт 2000: 70].

В данной главе мы будем стремиться к тому, чтобы показать и, насколько это окажется возможным, объяснить релевантность этой гумбольдтовской идеи для изучения метаязыкового осознания словосочетаний в связной речи, или, говоря иначе, во внеэкспериментальных условиях.

Собирая в течение нескольких лет разнообразный речевой материал, относящийся к построению и функционированию словосочетаний в связной речи, мы встретили не более десятка случаев употребления метаязыкового обозначения «словосочетание». Наоборот, обратившись к НКРЯ, мы обнаружили сотни подобных употреблений, что сняло вопрос о не востребованности метаязыкового осознания словосочетаний рядовыми носителями языка и, главное, о раритетности его речевого воплощения во внеэкспериментальных условиях.

Однако перед нами встал вопрос о том, как извлечь из данного корпуса такую выборку интересующих нас контекстов связной речи, которая была бы, с одной стороны, ограниченной в своей эмпирической массе и тем самым доступной для скрупулезного анализа, а с другой стороны, обладала бы свойством репрезентативности. В результате обдумывания этого вопроса было принято решение обеспечить принцип *случайности* в процессе извлечения контекстов связной речи, включающих в свой состав метаязыковое обозначение «словосочетание».

Случайный характер выборки таких контекстов позволяет считать вполне достаточным и репрезентативным ее объем в несколько десятков (а, скажем, не сотен) единиц, а также отражает предсказуемое разнообразие употребления метаязыковой номинации «словосочетание» рядовыми носителями языка (чаще всего это журналисты, поскольку в полученной выборке преобладают извлечения из печатных средств массовой информации).

При работе с НКРЯ случайный характер выборки определялся двумя никак не связанными друг с другом факторами. Во-первых, включались в выборку только ограниченные по морфологическим признакам реализации метаязыкового обозначения «словосочетание», а именно формы единственного числа именительного / винительного падежа (хотя в одном из контекстов оказалась наряду с формой винительного падежа также и форма родительного падежа этого слова). Во-вторых, извлекались контексты употребления отмеченных словоформ в связной речи не путем сплошной выборки, а в соответствии с дополнительным признаком полноты описания источника, из которого был взят составителями корпуса тот или иной контекст.

В итоге была получена выборка, состоящая из 40 контекстов связной речи, в каждом из которых представлено по одной лексической реализации метаязыкового понятия «словосочетание» (кроме контекста № 21, где таких реализаций имеется две). Иначе говоря, всего таких реализаций оказалось 41, хотя при структурно-синтаксическом анализе контекстов связной речи обнаруживаются еще 2 анафорические номинации метаязыкового понятия «словосочетание» — *оно* (№ 23) и *его* (№ 25), а также 3 случая эллипсиса определяемого компонента *словосочетание* — в атрибутивной (№ 15) и аппозитивных (№ 27 и № 37) конструкциях.

В контексте связной речи № 5 нельзя усмотреть эллипсис определяемого компонента *словосочетание* в аппозитивной конструкции, так как словосочетание в кавычках (т.е. предмет метаязыкового осознания) по своей форме творительного падежа, обусловленной глагольным управлением, не допускает при себе явного выражения собственно метаязыковой номинации в аналогичной падежной форме (ср.: *...называют себя **СЛОВСОЧЕТАНИЕМ** «шоколадными *эливсами*» — грамматически неправильный трансформ).

Поэтому если не следовать строго критерию полной лексической выраженности метаязыкового обозначения в речи (т.е. его обязательной эксплицитности и полнознаменательности), то можно было бы говорить о том, что в полученной выборке имеется 46 реализаций метаязыковой номинации «словосочетание».

При этом всего в выборке содержатся 43 речевые структуры, субъективно отнесенные рядовыми носителями языка к словосочетаниям.

Все 40 контекстов связной речи, включенных в выборку, получили свои номера в порядке их извлечения из НКРЯ (от № 1 до № 40). Данная выборка полностью помещена в качестве приложения к настоящей главе.

В материалах приложения метаязыковая номинация «словосочетание» выделена обычным курсивом, тогда как речевая структура, получившая подобную метаязыковую интерпретацию, — (полу)жирным курсивом. После каждого контекста в скобках дается описание источника.

Поскольку при подаче иллюстративных примеров в настоящей главе используется обычный курсив, метаязыковая номинация «словосочетание» и обозначенная ею речевая структура всякий раз выделяются здесь (полу)жирным курсивом, причем к метаязыковой номинации «словосочетание» применена капитализация (т.е. она дается заглавными буквами). Также указывается порядковый номер того или иного контекста связной речи в выборке.

Характеризуя включенные в выборку контексты связной речи с коммуникативной и синтаксической точек зрения, необходимо отметить их неоднородность, что крайне важно для предпринимаемого нами анализа. Действительно, среди них мы обнаруживаем фрагменты монологической речи (статей или рассказа, как в № 38) и реплики записанных диалогов (интервью), распространенные простые, в том числе осложненные, и сложные предложения.

Из этого следует, что речевое воплощение метаязыковых установок осуществляется в обеих формах речевой коммуникации — монологической и диалогической — и непременно в условиях синтаксически усложненного построения связной речи (на уровне отдельных синтаксически целостных коммуникативных единиц, т.е. предложений-высказываний).

Особо отметим, что в контексте связной речи № 5 метаязыковая номинация «словосочетание» — помимо того, что она квалифицирует как особую языковую единицу словосочетание *«шоколадными элвисами»*, употребленное в последующей придаточной части многочленного сложноподчиненного предложения, — явным образом апеллирует к определенному словосочетанию из предшествующего предложения, т.е. реализует свое функцио-

нальное предназначение также и в структуре сложного синтаксического целого (или, в другой терминологии, микротекста).

Очевидно, что синтаксически элементарные (так называемые минимальные) конструкции предложения не позволяют осуществить речевую объективацию метаязыкового осознания даже их самих (не говоря уже о синтаксических явлениях, возникающих за пределами предикативного минимума одного и того же предложения) в собственной же речевой структуре, поэтому их нет и не могло быть в нашей выборке, где в контекстах связной речи обнаруживается метаязыковая рефлексия над словосочетаниями, которые строятся в речи как раз при распространении таких синтаксически элементарных (минимальных) конструкций предложения.

Это наблюдение, кажущееся сейчас попутным и, может быть, даже несущественным, является, на самом деле, принципиальным не только для раскрытия закономерностей метаязыкового осознания словосочетаний и маркирования этого рефлексивного акта в рамках содержащего то или иное словосочетание предложения-высказывания, но и, главное, для уточнения существующих представлений о порождении речи, в особенности о синтаксической стороне названного процесса.

Вместе с тем, предвзято собственно анализ контекстов связной речи, объективирующих процесс метаязыковой рефлексии над словосочетаниями, мы вынуждены затронуть один весьма непростой вопрос, который вовсе не поднимается в современных исследованиях метаязыковой деятельности рядовых носителей языка.

Напомним, что в свое время А. А. Леонтьев предложил дифференцировать две операции метаязыкового плана: «вычленение» и «собственно осознание».

«Вычленение, — писал А. А. Леонтьев, — это не регулируемая произвольным актом внимания, кажущаяся спонтанной операция выделения опорных точек в потоке речи. Возможность вычленения не обусловлена обучением, не связана с формированием определенного умения. Что касается собственно осознания, то оно, напротив, предполагает фиксированный механизм, ...а именно последовательный переход через ступень актуального сознания на ступень сознательного контроля» [Леонтьев 1969: 228].

Очевидно, что применительно к метаязыковой рефлексии над словосочетаниями, возникающей в речи рядовых носителей языка, было бы уместно говорить как о собственно осознании словосочетаний, так и об их вычленении.

Если осознание словосочетаний — как метаязыковая операция — предполагает воспроизводимость тех стратегий (приемов) обнаружения словосочетаний как синтаксически целостных построений, которым был обучен рядовой носитель языка в школьные годы и которым он в той или иной мере продолжает следовать в течение всей своей жизни, то вычленение словосочетаний — как метаязыковая операция — оказывается обусловленным самой нечеткостью, «размытостью» обыденного метаязыкового понятия «словосочетание» подведением под эту синтаксическую категорию всех тех речевых образований, которые, будучи словосочетаниями или не являясь таковыми в соответствии со школьным синтаксисом, воспринимаются рядовыми носителями языка как обладатели тех или иных категориальных свойств словосочетания.

При этом способы и средства речевого воплощения обеих названных метаязыковых операций являются одними и теми же, что исключает использование принятого в лингвистике (да и — большей частью — в психолингвистике) описательного подхода к такому психологически «тонкому» процессу, как дифференциация «собственно осознания» и «вычленения» словосочетаний.

Последовательное разграничение двух метаязыковых операций, т.е. «собственно осознания» и «вычленения», в том числе и применительно к словосочетаниям, практически осуществима только в экспериментальных условиях, когда испытуемый — потенциальный субъект метаязыковой деятельности — ориентируется на известную задачу инструкции, может производить свои метаязыковые акты в режиме речевого взаимодействия (например, в беседе по вопросам, предлагаемым экспериментатором, или в контролируемой беседе с другим испытуемым), сообщает подробную информацию о том, где и как он обучался родному языку, и т.д.

Во внеэкспериментальных условиях, т.е. в связной речи, не являющейся результатом выполнения определенного экспериментального задания, не обладая всеми этими сведениями, исследо-

ватель вынужден довольствоваться лишь тем, что ему в принципе известна неоднородность метаязыковых операций рядового носителя языка, однако доказательная операциональная квалификация каждого из прецедентов метаязыковой рефлексии вряд ли здесь возможна (да и вряд ли так уж необходима).

Покажем это только на одном примере. Предположим, что в связной речи рядового носителя языка *словосочетанием* названа такая речевая конструкция, как «*качественно и дорого*».

Если бы нам достоверно было известно, что в школьные годы его приучили обнаруживать в предложении так называемые «сочинительные словосочетания» (ср., например, [Бабайцева 2012: 279—280]), то мы могли бы безоговорочно признать за наблюдаемой метаязыковой операцией статус «собственно осознания». Однако если нам точно неизвестен такой факт его школьной биографии и мы, наоборот, знаем о том, что в школьном синтаксисе все же преобладает взгляд на словосочетание как на реализацию подчинительной связи слов, то мы должны были бы склониться к тому, что здесь наблюдается метаязыковая операция «вычленения».

В настоящей главе мы будем говорить в обобщающем, нивелирующем отмеченное различие смысле о метаязыковом осознании словосочетаний, хотя для нас очевидно, что за фактом употребления метаязыковой номинации «словосочетание» по отношению к конкретной речевой структуре могут стоять совершенно неоднородные по своему генезису метаязыковые (рефлексивные) операции, осуществляемые рядовыми носителями языка с разной степенью осознания словосочетаний именно как синтаксически целостных построений и с разной степенью осознания самой метаязыковой установки на опознание в собственной речи — только планируемой или уже воплощенной в вербальной форме — словосочетаний и на характер эксплицитного обозначения подобного метаязыкового акта в связной речи (лексический, лексико-пунктуационный или др.).

Изучение контекстов связной речи показало, что во внеэкспериментальных условиях рядовыми носителями языка были осознаны и названы как словосочетания весьма разнообразные речевые структуры. При перечислении речевых структур, отнесенных

в контекстах связной речи к словосочетаниям, соблюдается алфавитный порядок.

Из 43 (100%) подобных речевых структур 37 (86%) оказались так называемыми «каноническими»⁸ — т.е. подчинительными — словосочетаниями, тогда как 6 (14%) не принадлежат сфере «канонических» словосочетаний. В их числе отмечены предикативная конструкция «*некоторые считают*» (№ 17), сочинительная конструкция «*Война и мир*» (№ 26), аппозитивная конструкция⁹ «*директор Коркунов*» (№ 29), предложно-падежные словоформы «*в Украине*», «*на Украине*» (№ 21) и сложное слово «*национально-патриотический*» (№ 1). Иначе говоря, «канонические» словосочетания более чем в 6 раз превышают долю иных речевых структур, названных словосочетаниями в метаязыковых высказываниях рядовых носителей языка.

Из этого следует, что именно подчинительная (субординативная) связь слов образует важнейший категориальный признак словосочетания как синтаксической единицы в языковом сознании рядовых носителей языка.

Среди 37 (100%) «канонических», т.е. подчинительных, словосочетаний выделяются 32 (86,5%) простых, т.е. бинарных, словосочетания и 5 (13,5%) сложных словосочетаний. Подобное соотношение

⁸ При описании экспериментального материала в гл. 1 этой книги реакции испытуемых в виде подчинительных конструкций слов было предложено условно называть «каноническими» по той причине, что отнесение подчинительных конструкций слов к словосочетаниям общепринято в синтаксической науке. Как известно, среди наиболее обсуждаемых в специальной литературе концепций словосочетания нет ни одной концепции, отрицающей статус словосочетания у подчинительных конструкций слов, и вместе с тем имеются концепции, находящие словосочетания только и исключительно в сфере подчинительной связи слов.

⁹ Аппозитивная конструкция выводится за пределы «канонических» словосочетаний на том основании, что синтаксический статус аппозиции до сих пор остается во многом неясным. Так, например, согласно А. М. Ломову, аппозитивная связь может быть объяснена «на основе явления инонаименования». Подобный взгляд «не позволяет сближать аппозитивную связь ни с согласованием, ни с подчинительной связью вообще (курсив мой. — К. С.): элементы словесного блока здесь формально не зависят друг от друга, а тождество их форм объясняется... отнесенностью номинаций к одной и той же реалии (референту)» [Ломов 2004: 17—18]. В «канонических» же словосочетаниях реализация одного из типов подчинительной связи должна быть несомненной! Ср., однако, [Кочеткова 2008; Малкина 1980].

метаязыковых статистических показателей означает, что в языковом сознании рядовых носителей языка прототипический образ словосочетания сформировался на основе двухкомпонентной модели.

Скорее всего, это объясняется большей значимостью для прототипа словосочетания минимально достаточного для подчинительной связи состава компонентов (ср., например, абстрактно-обобщенную модель синтаксической комбинаторики слов на основе подчинительной связи «СЛОВО / СЛОВОФОРМА → СЛОВО / СЛОВОФОРМА», лежащую в основе любой элементарной модели словосочетания), а также преобладающей частотностью простых словосочетаний в свободном речепостроении и во фразеологии.

Ср., однако, сложные словосочетания, встретившиеся в контекстах связной речи: «*дать правительству соответствующее поручение*» (№ 2), «*золотые студенческие годы*» (№ 23), «*многонациональный народ Республики Башкортостан*» (№ 22), «*предварительная продажа билетов*» (№ 9), «*элитные румынские дивизии*» (№ 20).

В составе 32 (100%) простых словосочетаний имеются речевые реализации 19 (59,4%) субстантивно-адъективных (N + Adj.), 11 (34,4%) бисубстантивных (10 (31,3%) N + N₂ и 1 (3,1%) N + prep. + N₂), а также 1 (3,1%) глагольно-адвербиальной (V + Adv.) и 1 (3,1%) биадвербиальной (Adv. + Adv.) моделей словосочетания.

Субстантивно-адъективные словосочетания: «*административная реформа*» (№ 27), «*альтернативные игры*» (№ 36), «*антироссийский заговор*» (№ 25), «*бесперспективная деревня*» (№ 40), «*военная реформа*» (№ 16), «*горячая точка*» (№ 10), «*гражданское общество*» (№ 35), «*жареный лед*» (№ 37), «*интеллектуальная собственность*» (№ 28), «*исламский экстремизм*» (№ 39), «*кадровая политика*» (№ 11), «*Лебединое озеро*» (№ 19), «*новый формат*» (№ 14), «*общественное телевидение*» (№ 8), «*политическая власть*» (№ 13), «*сибирское здоровье*» (№ 31), «*телевизионного творчества*» (№ 15), «*шведский стол*» (№ 32), «*шоколадными элвисами*» (№ 5).

Бисубстантивные словосочетания: «*диктатура закона*» (№ 37), «*дом моды*» (№ 34), «*задача литературы*» (№ 3), «*комиссия Козака*» (№ 30), «*конфликт вокруг НТВ*» (№ 12), «*Петербург Достоевского*» (№ 38), «*права человека*» (№ 6), «*реформирование экономики*» (№ 27), «*секвестр бюджета*» (№ 4), «*сопровождение бизнеса*» (№ 7), «*убеждения Березовского*» (№ 18).

Глагольно-адвербиальное словосочетание (главный компонент представлен атрибутивной формой глагола — страдательным причастием прошедшего времени с суффиксом *-т-*): *дутый «вручную»* (№ 24).

Биадвербиальное словосочетание: *экономически выгодно* (№ 33).

Таким образом, с точки зрения метаязыкового осознания словосочетаний рядовыми носителями языка преобладающей моделью словосочетания оказалась субстантивно-адъективная модель, а с учетом бисубстантивных моделей, среди которых доминирует беспредложная с зависимым генитивом, — субстантивная модель в целом. Всего в выборке представлено 30 (93,8%) субстантивных словосочетаний, дифференцированных по форме зависимого компонента.

Теперь перейдем к сопоставлению данных результатов, полученных во внеэкспериментальных условиях, с результатами психолингвистического эксперимента, который был предпринят с целью выявления метаязыковых представлений рядовых носителей языка о словосочетании¹⁰ (см. гл. 1 этой книги). Поскольку в абсолютном выражении количество словосочетаний («канонических» и «неканонических») в сопоставляемых эмпирических массах различается, будем учитывать далее только процентные показатели представленности тех или иных качественных явлений.

Эксперимент с рядовыми носителями языка показал, что лишь 17,2% их реакций не могут быть подведены под категорию «канонического» словосочетания, тогда как 82,8% реакций являются реализациями различных моделей (структурных схем) «канонического» словосочетания. Среди «канонических» сложные словосочетания составляют всего 1,9%¹¹. Простые словосочетания представлены ре-

¹⁰ В связи с этим см. [Шмелев 2012], где представлена общая постановка вопроса о соотношении корпусного и экспериментального подходов в лингвистических исследованиях.

¹¹ Считаем необходимым отметить, что в гл. 1 процентные выражения определялись относительно общей эмпирической массы полученных от испытуемых реакций, субъективно отнесенных ими к словосочетаниям. Иначе говоря, приводимые здесь процентные показатели могли оказаться несколько выше, если бы за 100% принимались сначала исключительно так называемые «канонические» (т.е. подчинительные) словосочетания (при определении процентного соотношения простых и сложных словосочетаний), а затем — исключительно простые словосочетания (при определении процентного соотношения реализаций моделей простых словосочетаний).

ализациями таких моделей, как субстантивно-адъективные (53,7%), глагольно-субстантивные (11,7%), бисубстантивные (6,2%), субстантивно-партиципные (4,3%), глагольно-адвербиальные (3,1%), биадвербиальные и адвербиально-субстантивные (1,9%).

Итак, доминирующей, согласно эксперименту, оказывается субстантивно-адъективная модель словосочетания (N + Adj.). При учете же суммарной величины речевых реакций, представленных субстантивно-адъективными, бисубстантивными и субстантивно-партиципными словосочетаниями (64,2%), можно определенно говорить о том, что прототипический образ словосочетания связан у рядовых носителей языка с субстантивными словосочетаниями в целом.

На фоне результатов эксперимента становятся заметными некоторые особенности состава речевых структур, субъективно отнесенных к словосочетаниям во внеэкспериментальных условиях. Во-первых, скажем об абсолютном (!) преобладании в контекстах связной речи субстантивных словосочетаний, построенных по разным моделям (93,8% реализаций против 64,2% реакций в материалах эксперимента). Во-вторых, отметим полное отсутствие в контекстах связной речи глагольно-субстантивных и субстантивно-партиципных словосочетаний. В-третьих, констатируем большую представленность сложных словосочетаний в контекстах связной речи.

Данные различия можно объяснить самой спецификой обращения к метаязыковой рефлексии над словосочетанием в экспериментально не санкционированной связной речи.

В контекстах связной речи преобладают словосочетания из «чужой» речи: цитатные, прецедентные, штампы, термины, — т.е. словосочетания, обладающие устойчивостью (стабилизированностью лексического состава) и воспроизводимостью на уровне реализации.

Метаязыковое внимание рядовых носителей языка (в данном случае — в основном журналистов) привлекают прежде всего те словосочетания, которые воспроизводятся с целью выражения аксиологического отношения к стоящему за ними сигнификату и к окружающему этот сигнификат коннотативному «шлейфу» либо — также довольно часто — с целью эксплицитного выражения метаязыковой оценки или метаязыкового комментария конкретных словосочетаний

как целостных речевых структур. Ср., например, контексты связной речи **Тревожное СЛОВСОЧЕТАНИЕ** «*секвестр бюджета*» *вице-премьер не упоминал* (№ 4) и **СЛОВСОЧЕТАНИЕ** «*конфликт вокруг НТВ*» *за последние два года стало устойчивым* (№ 12).

Очевидно, что устойчивыми и воспроизводимыми в речевом узусе — в первую очередь — могут становиться словосочетания, построенные по продуктивным моделям и реализующие прототипический образ словосочетания, т.е. субстантивные словосочетания. Накопление субстантивных словосочетаний в языковой памяти национально-языкового коллектива обусловлено их высоким номинативным потенциалом, а также тенденцией к их функционированию в изоляции от конкретного предложения-высказывания.

Ни то, ни другое почти не характерно, однако, для глагольных (неидиоматичных) словосочетаний, формализующих в своих моделях способы реализации активных валентностей предиката в свободном речепорождении. Именно поэтому в контекстах связной речи, где метаязыковому осознанию подвергались в большей мере устойчивые и воспроизводимые словосочетания, вообще не оказалось глагольно-субстантивных словосочетаний, которые, наоборот, с такой легкостью и довольно значительной частотностью создавали испытуемые в эксперименте.

Отсутствие субстантивно-партиципных словосочетаний вызвано преимущественно тем, что причастия весьма раритетны в построении устойчивых и воспроизводимых атрибутивных словосочетаний (ср., напротив, свободные субстантивно-партиципные словосочетания, встретившиеся в материалах эксперимента: *идуций человек*, *смущенный парень* и т.д.).

По мнению О. Е. Морозовой, изучившей структурно-семантическую организацию субстантивных словосочетаний с зависимым причастием действительного залога, «словосочетание с причастием отражает денотативную ситуацию 'Предмет и совершаемое им действие', приближаясь по своим внутренним свойствам к предложению (ср.: *дом белеет* — *белеющий дом*)» [Морозова 1988: 118]. Именно по этой причине субстантивно-партиципные словосочетания являются преимущественно производимыми речевыми структурами, «создающими дополнительный коммуникативный потенциал предложения» [Там же: 123].

Увеличение доли сложных словосочетаний во внеэкспериментальных условиях определяется тем, что метаязыковое сопровождение придается именно относительно устойчивому словосочетанию, которое было известно автору речи ранее и поэтому не строится, а всего лишь воспроизводится им. Ср., например, контекст связной речи № 22: *Рахимов старается всюду употреблять **СЛОВСОЧЕТАНИЕ** «многонациональный народ Республики Башкортостан»*. Наоборот, в экспериментальной ситуации испытуемый не нацелен, как правило, на построение сложных словосочетаний, более собственных свободной связной речи, такие реакции весьма немногочисленны (ср., например, одну из полученных в эксперименте реакций — сложных словосочетаний: *хорошо уложенные волосы*).

Многолетние наблюдения над синтаксической организацией связной речи показывают, что словосочетание вовсе не обязательно употребляется в предложении-высказывании в виде целостного блока или «модуля», т.е. в зависимости от коммуникативной структуры предложения-высказывания и от его текстовых связей компоненты словосочетания могут оказаться дистанцированными друг от друга, они могут попасть в зону парцелляции и т. д. Однако метаязыковому осознанию словосочетания, наоборот, способствует его «модульное» употребление, при котором словосочетание выступает в предложении-высказывании как единое синтаксическое звено, не разделенное никакими другими синтаксическими интегрантами. На это указывают имеющиеся в выборке контексты связной речи, в которых наблюдается исключительно «модульность» словосочетания, большей частью дополнительно маркированная пунктуационным знаком («кавычками»).

По-видимому, метаязыковая рефлексия рядового носителя языка вообще готова опознавать словосочетания только в их целостно-контактном (или модельно-гештальтном) функционировании и, наоборот, отказывается опознавать словосочетания при дистантном употреблении их компонентов. К сожалению, эта тенденция находит свое проявление и в синтаксической науке, где в разъединении компонентов словосочетания порой безосновательно видят показатель его разрушения или ослабления единства словосочетания (см., например, труды О. Б. Сиротининой и других представителей Саратовской лингвистической школы).

Как показывает анализ контекстов связной речи, метаязыковая номинация «словосочетание» может использоваться для обозначения не только словосочетаний («канонических»), но и других синтаксических единиц (предикативных, сочинительных, аппозитивных конструкций, предложно-падежных словоформ) и сложных слов. При этом, даже давая ошибочную метаязыковую квалификацию, автор речи не рискует оказаться непонятым или осмеянным.

Представляется, что в языковом сознании рядовых носителей языка термины школьного синтаксиса начинают жить своей особенной жизнью: они могут понятийно перепрофилироваться, замещать другие термины, используемые для обозначения похожих в каком-то плане синтаксических явлений, употребляться в совершенно необычных и подчас невозможных для языка синтаксиса как науки сочетаниях и т.д.

Именно поэтому возникает вполне законный вопрос: в какой мере метаязыковые номинации обыденного языкового сознания являются терминами? Полагаем, что это слова с «остаточной» терминологичностью, совпадающие с терминами школьного синтаксиса лишь с точки зрения своей звуковой / графической формы (т.е. своего означающего).

Л. А. Капанадзе более полувека назад обосновала наличие у любого термина науки (и техники) двух обязательных качеств: термину приписывается определенное понятие, которое может быть развернуто в дефиницию; термин является частью терминологического поля, т.е. соотнесен с другими терминами данной области научного знания [Капанадзе 2005: 14—15]. Совершенно очевидно, что общая совокупность употреблений метаязыковой номинации «словосочетание» в контекстах связной речи, напротив, обнаруживает понятийную диффузность и тенденцию к изолированности от терминологического поля синтаксиса. Вследствие этого назвать метаязыковую номинацию «словосочетание» в речевой деятельности рядовых носителей языка термином вряд ли было бы правильно. Возможно, более подходящим наименованием здесь может стать не столько «термин», сколько «металексема»¹².

¹² М. Р. Шумарина предлагает называть *слово, фразу* и иные подобные показатели метаязыковой рефлексии «метаязыковыми терминами» [Шумарина 2011: 80]. Однако в применении к терминам науки о языке (т.е. к единицам метаязыка лингвистики), употребленным в метаязыковых высказываниях рядовых носителей языка, выражение «метаязыковые термины» является плеоназмом.

Напомним о том, что в начале 1990-х гг. в металингвистической лексикографии был зафиксирован термин «метаслово», широко употреблявшийся еще задолго до этого в синтаксической литературе [Лекант (ред.) 1991: 360]. Согласно П. А. Леканту, термином «метаслово» могут обозначаться, в частности, имена существительные с отвлеченным значением, близким к семантике подчинительных отношений (*время, причина, цель* и др.). Например, метаслова могут формировать союзные комплексы на базе имеющихся подчинительных союзов с подобной же семантикой (ср.: *чтобы* и *с той целью чтобы*). Представляется, что те единицы, которые отнесены у П. А. Леканта к метасловам, более точно было бы квалифицировать как один из разрядов метаязыковых лексических единиц, или операторов (в связи с этим см. весьма ценную в эвристическом плане многоуровневую описательно-эмпирическую типологию метаязыковых операторов в [Шумарина 2011: 79—113]).

Термин «*металексема*» предлагается нами по двум причинам.

Во-первых, потому, что его потенциальный синоним в лингвистическом тезаурусе — термин «метаслово» — оказался соотнесенным с особым понятием, причем факт этого соотнесения закреплён в металингвистической лексикографии.

Во-вторых, потому, что было бы неверно называть каким-то единым, недифференцированным в понятийном аспекте термином (например, термином «метаязыковой лексический оператор» или каким-либо иным), с одной стороны, вводные слова типа *во-первых, по-простому*, глаголы типа *наименовать, произнести* и т.д., а с другой стороны, преобразованные в языковом сознании рядовых носителей языка школьные термины типа *окончание, слово, словосочетание* и т. д., так как эти метаязыковые лексические единицы характеризуются разным генезисом в метаязыковом опыте рядового носителя языка и отличаются спецификой функционирования в процессе создания им своих метаязыковых высказываний.

В конкретном метаязыковом высказывании (метатексте) металексема реализуется одной из своих словоформ, или, точнее было бы сказать, метасловоформ. Однако, во избежание терминологического разнобоя, мы будем говорить исключительно о металексеме, как бы не учитывая морфологических различий в виртуальном / актуальном ее представлении.

Условимся называть металексемой употребляемый рядовыми носителями языка в целях метаязыковой квалификации определенного языкового явления (единицы, свойства и т.д.) «остаточный» термин, или термин, находящийся в процессе потери своей терминологичности (ср., например, два обязательных качества термина у Л. А. Капанадзе, являющиеся, по сути дела, критериями терминологичности).

Означающее металексемы может совпадать с означающим термина, однако ее означаемое устроено принципиально иначе. В своей ядерной части означаемое металексемы обычно совпадает с понятием, для обозначения которого был создан термин (ср. более 80% случаев терминологически безупречного функционирования метаязыковой номинации «словосочетание» как в эксперименте, так и во внеэкспериментальных условиях), тогда как периферийные «слои» означаемого металексемы втягивают в себя категориальные признаки иных понятий, как правило входящих в то же самое терминологическое поле. Иначе говоря, с точки зрения своего означаемого металексема является так называемой естественной категорией (см. в связи с этим [Кубрякова 2004: 103 и сл., 310 и сл.], где показано своеобразие естественной категоризации в языке и определены пути ее исследования в когнитивной лингвистике).

Интересно заметить, что при широкой трактовке категории словосочетания, производящей демонтаж подчинительной «монополии» и включающей в сферу словосочетания также и другие типы словесных конструкций (то предикативные, то сочинительные, то те и другие вместе и т. д.), в синтаксическую науку вносится, по сути дела, донаучный взгляд на проблему, в основе которого лежат обыденные метаязыковые представления о словосочетании.

Однако примечательно, что даже рядовые носители языка ощущают «ядерный» статус подчинительных конструкций слов и чаще всего называют словосочетаниями именно их. Вероятнее всего, концепция словосочетания, предложенная более полувека назад В. В. Виноградовым, несмотря на ее номинативизм, стала доминирующей в общем и русском языкознании во многом благодаря мониторинговому взгляду на категорию словосочетания.

В эксперименте были созданы условия для определения характера актуального генезиса словосочетаний, т.е. ответа на вопрос о том,

были ли словосочетания произведены или воспроизведены в ходе выполнения экспериментального задания. Например, если испытуемый реагировал на метаязыковой стимул «словосочетание» цепочкой одномодельных словосочетаний с разным лексическим составом, то можно было говорить о том, что он именно *п р о и з в о д и л* эти конкретные словосочетания по определенной синтаксической модели.

Во внеэкспериментальных условиях в фокус метаязыкового внимания попадают преимущественно (но не исключительно) устойчивые, тем не менее большей частью неидиоматичные структуры (ср., однако, словосочетание «горячая точка» в № 10 и др.), что говорит о преобладании здесь в *о с п р о и з в о д с т в а* словосочетаний.

Однако то обстоятельство, что построены эти словосочетания по весьма немногим и, главное, продуктивным моделям, а преобладают среди них словосочетания прототипической модели *N + Adj.*, позволяет высказать мнение о том, что развертывание словосочетания, даже ставшего устойчивым и воспроизводимым в речевом узусе на том или ином временном отрезке, не исключает присутствия как бы «на заднем плане» речепорождающего действия синтаксической модели, речевой реализацией которой является данное словосочетание.

На это, в частности, указывает контекст связной речи № 13: *В их словарном запасе СЛОВСОЧЕТАНИЕ «политическая власть» заменено на ТЕРМИН «рыночная капитализация»*. Здесь разная метаязыковая квалификация придана двум субстантивно-адъективным словосочетаниям, ассоциативно связанным в языковой памяти пишущего, одно из словосочетаний как бы «тянет» за собой другое, и в этом случае сама их одномодельность свидетельствует об активации синтаксической модели *N + Adj.*, несмотря на устойчивость и воспроизводимость конкретных словосочетаний.

В эксперименте соотнесение результатов двух его этапов, а именно субъективной дефиниции метаязыкового стимула «словосочетание» и направленного цепочечного ассоциирования на этот метаязыковой стимул, позволило, с одной стороны, объяснить появление «неканонических» реакций в некоторых анкетах, а с другой стороны, обнаружить такой доминантный с точки зрения рядовых носителей языка категориальный признак словосочетания, как «два слова».

Во внеэкспериментальных условиях все дополнительные сведения о том или ином акте метаязыкового осознания словосочетания, в частности относящиеся к характеру осуществления этого речемыслительного акта и, главное, к его мотивации, можно получить только путем специального анализа связной речи, направленного на изучение функционирования металексемы «словосочетание» в конкретном предложении-высказывании.

В дальнейшем изложении мы сосредоточимся на рассмотрении только тех контекстов связной речи, в которых металексема «словосочетание» была отнесена рядовыми носителями языка к так называемым «каноническим» — подчинительным — словосочетаниям.

Отраженное в связной речи метаязыковое осознание словосочетаний является не столько собственно когнитивным, сколько речемыслительным актом. По логико-семантической форме данный речемыслительный акт конституируется таким суждением, где в функции субъекта выступает конкретное словосочетание (далее — *X* или «*X*»), ставшее предметом метаязыковой рефлексии автора речи, а в функции предиката — металексема *словосочетание*, осуществляющая метаязыковую квалификацию субъекта.

Необходимо отметить, что в контекстах связной речи вовсе не оказалось предложений с семантикой метаязыковой квалификации, эксплицитно выражающих суждение '*X есть словосочетание*', тогда как реализации этого суждения в компрессированной или — гораздо реже — в расчлененно-предикативной форме имеются в каждом из контекстов связной речи, дающих метаязыковую квалификацию «канонических» словосочетаний.

Наблюдения показывают, что компрессированное выражение метаязыкового квалифицирующего суждения '*X есть словосочетание*' в 31 контексте связной речи достигнуто за счет аппозитивной конструкции типа *словосочетание* «*X*». В 4 контекстах связной речи это суждение находит расчлененно-предикативное выражение, состоящее в том, что его субъект и предикат становятся компонентами разных предикативных конструкций (в том числе одной вставочной), но при этом ассоциативно и / или благодаря особым маркерам когезии (в данном случае — анафорическим местоимениям) остаются связанными между собой именно как субъект и предикат имплицитного метаязыкового квалифицирующего суждения '*X есть словосочетание*'.

Из 37 «канонических» словосочетаний, имеющих в контекстах связной речи, 34 маркированы пунктуационным знаком «кавычки», употребленным в метаязыковой функции, 2 не имеют метаязыкового пунктуационного маркера: *телевизионного творчества* (№ 15) и *экономически выгодно* (№ 33), наконец, в единичном случае кавычками оказался выделен один из компонентов словосочетания: *дутый «вручную»* (№ 24).

Если словосочетание, ставшее предметом метаязыкового осознания рядового носителя языка, берется в кавычки, то пишущий как бы сообщает: «Осуществляю рефлексия относительно употребленного мною словосочетания» (в данном случае мы лишь конкретизируем прагматическое толкование, предложенное в [Перфильева 2006: 97—98]). При отсутствии пунктуационного знака «кавычки» функция маркирования словосочетания как предмета метаязыковой рефлексии осуществляется исключительно с помощью металексемы *словосочетание* и, главное, благодаря ее включенности в имплицитное метаязыковое квалифицирующее суждение '*Х есть словосочетание*'.

В контексте связной речи № 24 метаязыковое внимание пишущего обращено на словосочетание прежде всего по той причине, что его зависимый компонент по своей лексической валентности оказывается нетипичным в сочетании с главным, нарушает, согласно чувству языка пишущего, презумпцию лексической комбинаторики. Маркируя зависимый компонент словосочетания пунктуационным знаком «кавычки», пишущий сигнализирует о замеченной им речевой «неловкости» и, что весьма показательно, предельно точно локализует этот сигнал.

Действительно, при выделении кавычками всего словосочетания непосредственный мотив метаязыкового «поворота» высказывания оказался бы передан не совсем точно. Ср.: *И не удивительно, что флакон этот, хрустальный, но дутый «вручную» (простите за неловкое **СЛОВСОЧЕТАНИЕ!**)*, с одной стороны, и пунктуационный трансформ *«дутый вручную»*, с другой.

Стоит отметить и такую весьма интересную деталь: во всех случаях абсолютного или частичного пунктуационного «нуля» метаязыковое квалифицирующее суждение '*Х есть словосочетание*' имеет расчлененно-предикативное выражение. Вероятно, это связано с тем, что употребление кавычек, как и любого другого пунктуа-

ционного знака, требует от пишущего мыслеречевой антиципации, прагматико-смысловой перспективности речевого сообщения, продуманности синтаксического движения речи хотя бы на один-два «шага» вперед.

В контекстах связной речи № 15 и № 33 метаязыковая установка возникает как бы *post factum*, что объясняет отсутствие пунктуационного маркера у предмета метаязыковой рефлексии. В контексте связной речи № 24 нельзя не учитывать также намеренного сужения синтагматического диапазона пунктуационного знака «кавычки» (вместе с тем нельзя исключить, что знак препинания мог появиться здесь не в процессе письма, а на этапе самоконтроля или редакторской правки).

Аппозитивные конструкции типа *словосочетание* «X» являются наиболее востребованной синтаксической формой объективации метаязыкового квалифицирующего суждения '*X есть словосочетание*', отражающей подготовленный характер метаязыкового высказывания. Компрессируя это суждение, аппозиция превращает его в предметно-субъектный (чаще всего!) тематический компонент другого метаязыкового суждения, призванного характеризовать этот компонент в том или ином отношении¹³.

¹³ Функционально-генетическая связь аппозитивных конструкций с предикативными была обоснована еще А. А. Шахматовым, отмечавшим в своем «Синтаксисе русского языка», что «аппозиционные отношения *стоят в тесной связи с предикативными и могут вытекать из них* (курсив мой. — К. С.): в предложении *Михаил кузнец* содержится утверждение о том, что *Михаил* по роду своих занятий *кузнец*; отсюда возникает возможность аппозиционной связи между обоими названными словами: *Михаил кузнец работает сегодня в поле*. Следовательно, наличность в языке приложения стоит в прямой связи с возможностью употребления имен существительных как названий субстанций или явлений в качестве сказуемых» [Шахматов 2001: 280].

Здесь необходимо сказать о том, что это доминирующая, однако вовсе не единственная функционально-генетическая основа аппозиции: см., в частности, [Бабушкин 2011: 58], где раскрыт особый семантико-синтаксический механизм формирования конструкций с метафорическим приложением типа *очки-велосипед* (В. Маяковский), не имеющий никакого отношения к предикативному потенциалу аппозиции.

Интересно отметить, что в «Дополнениях» к шахматовскому «Синтаксису русского языка» приводится следующий пример так называемого «объяснительного приложения», взятый из романа Н. Чернышевского «Что делать?»: *Потому-то хозяйка и медлила решительным СЛОВОМ «запрещаю»* [Шахматов 2001: 542].

Рядовым носителям языка нет нужды прямо указывать на статус какой-либо речевой структуры как словосочетания, поскольку для них это самоочевидное, опытное знание. В речевой деятельности рядовых носителей языка предложения, эксплицитно выражающие метаязыковое квалифицирующее суждение '*Х есть словосочетание*', намеренно культивируются лишь в процессе усвоения ими школьного синтаксиса, и поэтому «понижение» синтаксического уровня таких предложений (от коммуникативно автономного суждения до его предметно-субъектного тематического компонента) в метаязыковых контекстах отображает не что иное, как интериоризованность элементарных синтаксических знаний и, соответственно, элементарных метаязыковых квалифицирующих суждений, и их отнесение к сфере метаязыковых пресуппозиций.

В собственно семантическом плане самостоятельные распространенные простые предложения / предикативные конструкции с аппозитивной структурой типа *словосочетание «Х»* обладают полипредикативной организацией.

Так, например, в метаязыковом высказывании **СЛОВСОЧЕТАНИЕ** «*права человека*» стало бранным выражением (№ 6) содержатся два суждения: 1-е, имплицитное («свернутое»), суждение «*«Права человека» <есть> словосочетание*» выражено аппозитивной конструкцией; 2-е, эксплицитное (базовое), суждение «*Это словосочетание стало бранным выражением*» — предикативной конструкцией.

Здесь за счет имплицитного суждения осуществляется метаязыковая квалификация словосочетания, ставшего предметом метаязыкового осознания, тогда как за счет эксплицитного суждения — функционально-статусная характеристика данного словосочетания.

Дополнительную метаязыковую характеристику словосочетания может обеспечить реализация атрибутивной валентности металексемы *словосочетание*, не только отражающая особое

Из этого следует, что от пристального синтаксического взгляда А. А. Шахматова не было скрыто употребление аппозитивных конструкций типа *металексема «Х»* с целью выражения метаязыковой квалификации «Х». (В данной сноске все случаи использования (полу)жирного курсива и капитализация, т.е. выделение главными буквами, в иллюстративных примерах мои. — К. С.)

имплицитное суждение, но и способная привести к возникновению отношений обусловленности (например, уступительных, как в контексте связной речи № 3) между базовым и дополнительным характеризующими суждениями.

Иерархическая структура суждений в семантике метаязыкового предложения-высказывания «эксплицитное (базовое) характеризующее суждение > имплицитное характеризующее суждение > имплицитное квалифицирующее суждение» отражает характер смыслового развертывания метаязыкового сообщения от предмета мысли / речи к его в разной степени актуализированным признакам (иногда находящимся между собой в отношениях обусловленности).

По своему семантическому генезису аппозитивная конструкция типа *словосочетание* «X» является асимметричной, так как в «свернутом» в нее суждении ее определяемый компонент был характеризующим, а определяющий — характеризуемым (ср.: 'X есть словосочетание'). Эта асимметрия отображена в изменении порядка компонентов.

Некоторая деактуализация метаязыкового квалифицирующего суждения и, главное, контактная препозиция определяемого компонента (металексемы *словосочетание*) по отношению к определяющему компоненту (конкретному словосочетанию) в синтаксической форме аппозиции способствуют обращению к аппозитивным конструкциям при объективации *з а п л а н и р о в а н н о г о* метаязыкового речевого действия.

В обычных аппозитивных конструкциях, не связанных с имплицитным выражением метаязыкового квалифицирующего суждения, определяющий компонент, не обладающий примарной включенностью в синтаксическую структуру предложения-высказывания, нередко может быть опущен (хотя и с некоторым коммуникативно-смысловым ущербом). В аппозитивной конструкции типа *словосочетание* «X», как показывает изучение контекстов связной речи, опущение определяющего компонента «X», обозначающего предмет метаязыкового осознания, практически неосуществимо, потому что в случае такого опущения происходит деконкретизация предложения-высказывания, делающая его коммуникативно «опустошенным» и — в плане его ретроспективных связей — нарушающая текстовую когезию.

Ср., например: *Тревожное СЛОВСОЧЕТАНИЕ... вице-премьер не упоминал* (трансформ контекста связной речи № 4, полученный в результате опущения словосочетания «секвестр бюджета» — предмета метаязыкового осознания). В определенной текущей ситуации социально-экономической жизни опущение данного словосочетания, скорее всего, не сделает текст совершенно непонятным; наоборот, смысловая «скважина» (по Н. И. Жинкину), преодолевающая формальные требования текстовой когезии, позволит автору речи неявно назвать то, что волнует многих и что всеми понимается даже посредством аллюзии, намека (чему, кстати сказать, в контексте связной речи № 4 может способствовать атрибутивный распространитель металексемы). Ср. потенциальный микротекст: *[Сегодня в Москве состоялось совещание министров экономического блока под председательством вице-премьера Н.] Тревожное СЛОВСОЧЕТАНИЕ... вице-премьер не упоминал.*

Однако если автор речи стремится сообщить о чем-то, имеющем отношение к конкретному словосочетанию и / или к тому, что описывается этим словосочетанием, и если это словосочетание не было прежде упомянуто в речи как предмет метаязыкового осознания, то он вряд ли может отказаться от использования аппозитивной конструкции типа *словосочетание «X»* с неопущенным определяющим компонентом.

Определяемый компонент аппозитивной конструкции типа *словосочетание «X»*, т.е. собственно металексема, также чаще всего не подлежит опущению, чему препятствует, как правило, синтаксическая несочетаемость определяющего компонента «X» в том или ином его лексико-грамматическом выражении с теми предикативными и атрибутивными членами предложения, которые были согласованы с металексемой (определяемым компонентом). Ср. контекст связной речи № 16: *Даже само СЛОВСОЧЕТАНИЕ «военная реформа» давно исчезло из официального лексикона* — и полностью разрушающий синтаксическую форму данного предложения-высказывания трансформ: **Даже само... «военная реформа» давно исчезло из официального лексикона.* Аналогичным образом деграмматикализация возникает вследствие нарушения анафорического согласования (ср., например, в контексте связной речи № 23: **«золотые студенческие годы»* — оно вместо словосочетание — оно).

Однако в некоторых контекстах связной речи опущение определяемого компонента в аппозитивных конструкциях типа *словосочетание* «X» вполне возможно и, более того, становится фактом речевой реализации.

Причины подобной факультативности состоят прежде всего в синтаксической сочетаемости определяющего компонента «X» с теми членами предложения, которые составляют непосредственное синтаксическое окружение определяемого компонента аппозитивной конструкции (металексемы). Ср. следующие трансформы: *Для всех, кто в балет не ходит, ...«Лебединое озеро» прочно ассоциируется с образом крушения СССР и августовским путчем 91-го (№ 19); У региональных властей... «комиссия Козака» не один год вызывает чувство тревоги (№ 30).*

На фоне синтаксической допустимости эллипсиса в контекстах связной речи № 19 и № 30 действуют и несобственно синтаксические факторы факультативности определяемого компонента аппозитивной конструкции типа *словосочетание* «X»: более или менее устойчивая прецедентность словосочетаний и отнесенность базового, иерархически выделенного характеризующего суждения в предикативной конструкции (№ 19) / распространенном простом предложении (№ 30) не столько к самим словосочетаниям, сколько к их предметным референтам.

Опущение определяемого компонента аппозитивной конструкции (металексемы *словосочетание*) представлено в контекстах связной речи, обладающих вполне конкретной синтаксической спецификой. Это либо сложноподчиненное предложение с придаточным сравнительным, где в каждой из предикативных конструкций использована аппозиция, формирующая так называемые центры сопоставления, и где повтор металексемы в условиях синтаксического параллелизма оказывается избыточным: — *Михаил Михайлович, в последнее время СЛОВСОЧЕТАНИЕ «административная реформа» звучит едва ли не чаще, чем «реформирование экономики» (№ 27);* либо предложение тождества, субъектом которого является аппозитивная конструкция, а предикатом — местоименно-соотносительное сложноподчиненное предложение вмещающего типа, в придаточной части которого также имеется аппозитивная конструкция, включающая избыточный повтор ме-

талексемы: **СЛОВСОЧЕТАНИЕ** «диктатура закона» — это то же самое, что «жареный лед» <...> (№ 37).

В обоих случаях устранение избыточного повтора металексемы *словосочетание* связано с действием принципа экономии.

Представляется, что если обязательность / факультативность определяемого компонента (металексемы *словосочетание*) аппозитивных конструкций типа *словосочетание* «X» напрямую не связана с их метаязыковым предназначением, то ограничения факультативности определяющего компонента («X») во многом обусловлены как раз подчеркнуто метаязыковым характером предложений-высказываний с данными аппозитивными конструкциями. Эта закономерность объясняется тем, что в метаязыковом высказывании не может не быть обозначен предмет метаязыкового осознания (в нашем случае — конкретное словосочетание).

Более чем в 7 раз реже в контекстах связной речи встречается такой способ выражения метаязыкового квалифицирующего суждения '*X есть словосочетание*', который был назван выше расчлененно-предикативным. Данный способ метаязыковой «упаковки» заключается в том, что словосочетание, оказавшееся предметом метаязыковой рефлексии (субъект метаязыкового квалифицирующего суждения), употребляется как автономное звено в составе одной предикативной конструкции, а металексема *словосочетание* (предикат метаязыкового квалифицирующего суждения) — как анафорический метапредикат в другой предикативной конструкции (нередко вставочной, заключенной в скобки).

Ср.: *Значит, это должны сделать те, кому это экономически выгодно, хотя подобное СЛОВСОЧЕТАНИЕ пока не ассоциируется с жилищно-коммунальным хозяйством* (№ 33); — *Боюсь показаться необъективным, но с точки зрения телевизионного творчества (я не люблю это СЛОВСОЧЕТАНИЕ, но другого подобрать не могу) абсолютным лидером считаю Леонида Парфенова* (№ 15).

Расчлененно-предикативное выражение метаязыкового квалифицирующего суждения '*X есть словосочетание*' является имплицитным в той же степени, что аппозитивное его выражение. Различие между ними состоит только в том, что аппозиция предикативно не расчленена, она всецело принадлежит одной пре-

дикативной конструкции. По сравнению с расчлененно-предикативным выражением данного метаязыкового квалифицирующего суждения его выражение за счет аппозитивной конструкции могло бы быть названо целостно-предикативным.

В структурно-синтаксическом плане для аппозитивного выражения необходимым и достаточным контекстом является распространенное простое предложение / предикативная конструкция, тогда как для расчлененно-предикативного — либо сложное предложение, либо осложненное вставкой распространенное простое предложение / предикативная конструкция.

Расчлененно-предикативный способ выражения метаязыкового квалифицирующего суждения '*Х есть словосочетание*' становится востребованным исключительно в тех случаях, когда уже в процессе речевой реализации высказывания метаязыковое внимание автора речи привлекает какое-то словосочетание, в том числе по причине непривычной или окказиональной лексической сочетаемости компонентов, и автор речи, желая вербализовать свою незапланированную метаязыковую интенцию, вынужден употребить металексему *словосочетание* в дистантной постпозиции и, что крайне важно отметить, анафорически по отношению к конкретному словосочетанию.

По сути дела, это «запасной» прием речевой объективации метаязыкового суждения, позволяющий автору речи выразить свою метаязыковую интенцию как бы «вдогонку» речевой структуре, на которую она направлена, — конкретному словосочетанию.

Тот факт, что метаязыковая интенция автора речи возникает здесь во многом спонтанно, уже в процессе речевой реализации высказывания, по своему замыслу изначально не связанного с какой бы то ни было метаязыковой установкой, подтверждается тем, что словосочетания (предмет метаязыкового осознания), как правило, оказываются не выделенными пунктуационным знаком «кавычки». В предикативной конструкции (придаточной или вставочной), в которую вне условий аппозиции входит металексема *словосочетание*, дается та или иная метаязыковая характеристика конкретного словосочетания (в том числе выраженная через чувство-отношение субъекта речи, как в № 15, или в контексте его этикетной реакции, как в № 24).

Примечательно, что при расчлененно-предикативном выражении метаязыкового квалифицирующего суждения предметом метаязыкового осознания становятся преимущественно производимые, свободные словосочетания.

По всей видимости, выявленные в контекстах связной речи два способа выражения метаязыкового квалифицирующего суждения '*Х есть словосочетание*' — аппозитивный и расчлененно-предикативный — свидетельствуют о дифференциации на уровне синтаксической формы двух различных вариантов метаязыкового осознания словосочетаний в речевой деятельности.

Первый из них состоит в том, что словосочетание становится предметом метаязыкового осознания автора речи в процессе грамматико-смыслового программирования будущего предложения-высказывания, более того, само это высказывание строится во многом ради метаязыковой квалификации и, главное, характеристики словосочетания. Такой вариант метаязыкового осознания словосочетания вербализуется посредством аппозитивных конструкций типа *словосочетание «Х»*, в позиции определяющего компонента которых употребляется обычно устойчивое и воспроизводимое (чаще всего неидиоматичное) словосочетание, маркированное кавычками.

Второй вариант заключается в том, что в процессе реализации предикативной конструкции, не связанной ни с какой метаязыковой установкой, у автора речи возникает метаязыковая интенция, направленная на только что употребленное в составе данной предикативной конструкции словосочетание, и поэтому для метаязыковой квалификации и характеристики словосочетания строится новая предикативная конструкция (в том числе и вставочная). В расчлененно-предикативной форме выражается большей частью метаязыковое осознание свободно-порождаемых словосочетаний, не маркированных кавычками.

Оба варианта объединяет, однако, то обстоятельство, что характеристика словосочетания, в соответствии с замыслом высказывания или *post factum* оказавшегося предметом метаязыковой рефлексии автора речи, осуществляется за счет предикативной и / или атрибутивной синтагматики металексемы *словосочетание* (естественно, с учетом ее аппозитивной связи либо анафорической соотнесенности с конкретным словосочетанием). Именно изучение

предикативной и атрибутивной синтагматики металексемы *словосочетание*, прежде всего типология ее предикатов и атрибутов с интенционально-смысловой точки зрения, позволяет раскрыть мотивацию обращения автора речи к метаязыковой рефлексии над тем или иным конкретным словосочетанием.

Понять интенционально-смысловую специфику предиката метаязыкового высказывания можно из лексического значения и лексической сочетаемости данного предиката, поэтому ниже в алфавитном порядке внутри каждого интенционально-смыслового типа приводятся преимущественно целые предикатные комплексы, включающие наряду с собственно предикатом его обязательные / факультативные распространители, существенные для метаязыковой характеристики конкретного словосочетания (предмета метаязыковой рефлексии) в том или ином аспекте.

В контекстах связной речи всего в 27 метаязыковых характеризующих суждениях, где в функции субъекта выступает металексема *словосочетание*, обнаружено 29 предикатов разной грамматической структуры (словоформы, словосочетания, предикативные конструкции), большей частью — простые и сложные словосочетания (24 предиката).

Семантико-типологический анализ предикатов в контекстах связной речи показал, что метаязыковая характеристика словосочетаний осуществляется в речевой деятельности на основе следующих интенционально-смысловых признаков:

— актуальность / деактуализация словосочетания: *выдуманно не зря* (№ 23), *есть* (№ 23), *за последние два года стало устойчивым* (№ 12), *звучит едва ли не чаще, чем* (№ 27), *стало очень модным в отношении чего-л.* (№ 14), *у всех на слуху* (№ 28), *часто встречается* (№ 3) / *давно исчезло из официального лексикона* (№ 16), *в конце концов исключено из употребления* (№ 25);

— прагматический эффект, вызванный употреблением словосочетания: *было запрещено* (№ 40), *было пустым звуком для кого-л.* (№ 35), *наконец-то стало осязаемым* (№ 9), *не кажется преувеличением* (№ 11), *подталкивает к мысли о чем-л.* (№ 39), *серьезно помога<ет> интуиции* (№ 2);

— гностические свойства словосочетания: *вспоминалось* (№ 38), *вызывает в воображении что-л.* (№ 31), *пока не ассоциируется с*

чем-л. (№ 33), появилось по ассоциации с чем-л. (№ 5), приходит в голову в контексте чего-л. (№ 10), прочно ассоциируется с чем-л. (№ 19);

— эмоционально-оценочная перцепция словосочетания: звучит несколько странно (№ 20), не один год вызывает чувство тревоги (№ 30), просто смешно (№ 18);

— функциональный статус словосочетания: представляет собой юридический термин (№ 8), стало бранным выражением (№ 6);

— семантическое тождество словосочетания: это то же самое, что «жареный лед» (№ 37), <это> то, чего в природе не существует (№ 37);

— субститутивность словосочетания: заменено на термин (№ 13).

Статистическое распределение предикатов по интенционально-смысловым типам показывает, что доминирующим мотивом метаязыкового осознания словосочетания у рядовых носителей языка и, главное, речевой объективации этого рефлексивного акта является стремление охарактеризовать словосочетание по признаку его актуальности / деактуализации в речевом узусе. Этот факт прямо указывает на то, что в фокус произвольного, т.е. не управляемого инструкцией в условиях эксперимента, метаязыкового внимания рядовых носителей языка попадают прежде всего устойчивые и воспроизводимые словосочетания.

Примечательно, что для предикатной вербализации отдельных интенционально-смысловых признаков, обеспечивающих метаязыковую характеристику словосочетаний, могут использоваться вполне определенные языковые маркеры.

Так, например, при метаязыковой характеристике словосочетания по признаку актуальность / деактуализация в предикатный комплекс «втягиваются» обстоятельства времени (*давно, за последние два года* и др.). Наоборот, только для метаязыковой характеристики словосочетания по признаку актуальности употребляются кванторное косвенное дополнение (*у всех*) и обстоятельство меры времени (*часто, чаще*).

При метаязыковой характеристике словосочетания с точки зрения его гностических свойств нередко употребляются одноко-

ренные метаязыковые лексические операторы *ассоциироваться, ассоциация*.

Метаязыковая характеристика словосочетания по его функциональному статусу связана с построением составного именного сказуемого (аналитического предиката), где «статусное» наименование занимает позицию присвязочного члена. И т.д.

Наработка подобных языковых маркеров связана с тенденцией к метаязыковой категоризации отдельных интенционально-смысловых признаков, отражающих в метаязыковых характеризующих суждениях причины того, почему то или иное словосочетание стало предметом метаязыковой рефлексии рядового носителя языка.

Реализации атрибутивной валентности металексемы *словосочетание* также принимают участие в метаязыковой характеристике словосочетаний, хотя далеко не все их интенционально-смысловые признаки получают атрибутивное выражение.

В контекстах связной речи за счет атрибутов металексемы *словосочетание* (всего в 11 метаязыковых характеризующих суждениях насчитывается 13 атрибутов) объективируются такие интенционально-смысловые признаки, как актуальность / деактуализация словосочетания: *модное* (№ 7), *необычное для нашего времени* (№ 3), *устойчивое* (№ 23); эмоционально-оценочная перцепция словосочетания: *тревожное* (№ 4), *неловкое* (№ 24); прагматический эффект, вызванный употреблением словосочетания: *магическое* (№ 2).

Преобладают же среди атрибутов определительные и указательно-определительные местоимения, которые выполняют выделительную и / или текстоорганизующую (когезийную) функцию: *другого* (№ 15), *подобное* (№ 33), *само* (№ 16, № 39), *такое* (№ 5, № 23), *это* (№ 15).

В метаязыковом характеризующем суждении предикат и атрибут взаимодействуют, зачастую формируя имплицитные отношения обусловленности между базовым (предикативным) и дополнительным (атрибутивным) характеризующими суждениями. Ср., например, фрагмент семантической экспликации для контекста связной речи № 2: *Возможно, интуиции серьезно помога<ет>* [интенционально-смысловой признак «прагматический эффект, вызванный употреблением словосочетания»] **СЛОВСОЧЕТАНИЕ** «дать

правительству соответствующее поручение», ТАК КАК это словосочетание магическое [интенционально-смысловой признак «прагматический эффект, вызванный употреблением словосочетания»] (причинные отношения); а также семантическую экспликацию для контекста связной речи № 3: — *В вашей книге «Способ существования» часто встречается* [интенционально-смысловой признак «актуальность словосочетания»] **СЛОВСОЧЕТАНИЕ** *«задача литературы», ХОТЯ это словосочетание необычно<е> для нашего времени* [интенционально-смысловой признак «деактуализация словосочетания»] (уступительные отношения).

Сопоставление этих двух контекстов связной речи дает основания полагать, что если для возникновения причинных отношений достаточно интенционально-смысловой однородности предикативного и атрибутивного признаков, то для возникновения уступительных отношений при интенционально-смысловой однородности необходим «векторный», в чем-то взаимоисключающий, характер предикативного и атрибутивного признаков.

Подобные имплицитные отношения обусловленности, создаваемые в сфере семантической полипредикативности, позволяют автору речи дать обоснование, мотивировку базового (эксплицитного) метаязыкового характеризующего суждения, направленного на то или иное словосочетание (предмет метаязыкового осознания).

При реализации метаязыковой установки в связной речи нередко используется контекстное «сочленение» разных металексем / метасловосочетаний, в частности обозначающих типы языковых единиц и формы их системной организации. Наряду с металексемой *словосочетание* в контекстах связной речи употребляются такие металексемы / метасловосочетания названной ономаσιологической категории, как <бранное> *выражение* (№ 6), *слово* (№ 34), *термин* (№ 8, № 13, № 28) и <официальный> *лексикон* (№ 16), *словарный запас* (№ 13).

Поскольку все эти метаязыковые номинации, равно как и металексема *словосочетание*, оказываются востребованными в процессе речевой объективации метаязыкового осознания словосочетаний, не приходится сомневаться в том, что в ряде случаев словосочетания, ставшие предметом метаязыковой рефлексии рядовых носителей языка, являются устойчивыми и воспроизводимыми,

подобно *словам, терминам* и другим единицам *лексикона / словарного запаса*, и это неизбежно подмечается и отображается в отборе метаязыковых средств.

Вместе с тем нельзя не отметить того, что рядовыми носителями языка словосочетание принципиально осознается как *то же самое* самому себе вне зависимости от речевого механизма его появления в предложении-высказывании (ср. психолингвистически значимую оппозицию речевых механизмов производства / воспроизводства словосочетания) и вне зависимости от меры стабилизации лексического состава словосочетания и от степени его семантической слитности. Действительно, в контекстах связной речи металексемой *словосочетание* именуется все возможные речевые структуры с общей генетической синтаксической формой словосочетания, что свидетельствует о приоритете именно синтаксических «шаблонов» словосочетания для метаязыкового опознания не только свободных словосочетаний, но и номинативных их «претерпеваний» как в общем лексиконе, так и в терминологии.

Примечательно, что Л. В. Щерба, которому принадлежит немало проницательных психолингвистических наблюдений, еще в первой трети XX в. обратил внимание на то, что «говорящий совершенно не различает... сочетаний слов, никогда не слышанных им и употребляемых им впервые, от... сочетаний слов, им много раз употреблявшихся» [Щерба 1974: 25].

Тот факт, что единой металексемой *словосочетание* рядовые носители языка охватывают весь спектр словосочетаний, функционирующих в речи и имеющих в метаязыке лингвистики автономные терминологические обозначения (ср., например, *свободное словосочетание, лексически / синтаксически несвободное словосочетание, фразеологическое сочетание, терминосочетание* и т. д.), свидетельствует о том, что в обыденной метаязыковой рефлексии активно действует тенденция к гиперонимической метаязыковой категоризации словосочетаний. Очевидно, что металексема *словосочетание* оказывается таким гиперонимом, который в метаязыковых высказываниях рядовых носителей языка способен употребляться вместо любого из относящихся к нему гипонимов.

Проникая в научные концепции словосочетания, подобные замены гипонимов общим для них гиперонимом, характерные для

речевого воплощения обыденной метаязыковой рефлексии, могут становиться одним из не замечаемых самими лингвистами оснований для неоднозначной онтологической трактовки словосочетания (в связи с этим достаточно вспомнить, например, начатую в русистике более чем полвека назад и — по большому счету — не оконченную до сих пор дискуссию о синтаксической vs. номинативной природе словосочетания).

Итак, в отличие от экспериментального изучения метаязыковых представлений о словосочетании, в рамках которого у рядового носителя языка нет подлинного мотива для метаязыкового осознания словосочетания и отсутствует возможность развернутой экспликации метаязыкового осознания словосочетания как рече-мыслительного акта, во внеэкспериментальных условиях, т.е. в связной речи, обращение к метаязыковой рефлексии мотивируется внутренней потребностью рядового носителя языка не только и даже не столько квалифицировать какую-либо речевую структуру как словосочетание, сколько дать ей определенную метаязыковую характеристику, а контекст связной речи позволяет осуществить полноценную развертку метаязыкового осознания словосочетания как рече-мыслительного акта.

Комплексный анализ речевого воплощения метаязыковой рефлексии над словосочетанием обнаруживает сложную структуру данного рече-мыслительного акта, среди составляющих которой имеются как облигаторные, так и факультативные.

К о б л и г а т о р н ы м составляющим относятся следующие:

— автор речи, являющийся инициатором метаязыковых суждений о словосочетании (как минимум, двух);

— конкретное словосочетание — предмет метаязыковой рефлексии (часто маркируется пунктуационным знаком «кавычки»);

— металексема *словосочетание*, осуществляющая референцию к конкретному словосочетанию;

— метаязыковое квалифицирующее суждение автора речи '*Х есть словосочетание*' в одной из двух синтаксических форм его выражения: аппозитивной или расчлененно-предикативной;

— метаязыковое характеризующее суждение автора речи в форме субъектно-предикатной конструкции, субъектом которой является металексема *словосочетание*.

К ф а к у л ь т а т и в н ы м составляющим принадлежат такие:

— метаязыковое характеризующее суждение автора речи, выраженное за счет реализации атрибутивной валентности металексемы *словосочетание*;

— имплицитные отношения обусловленности между метаязыковыми характеризующими суждениями о словосочетании, выраженными в субъектно-предикатной и предметно-атрибутивной форме;

— другие металексемы / метасловосочетания, употребленные наряду с металексемой *словосочетание*.

Синтаксическая репрезентация метаязыкового осознания словосочетания как речемыслительного акта отображает иерархическую структуру метаязыковых суждений, причем так, чтобы предикат, относящийся к субъекту — металексеме *словосочетание* (апозитивно или анафорически сопряженной с тем конкретным словосочетанием, на которое направлена ее референция), выражал интенционально-смысловой характеризующий признак, напрямую связанный с мотивом обращения рядового носителя языка к метаязыковой рефлексии над словосочетанием.

Синтаксическая дифференциация апозитивного и расчлененно-предикативного способов выражения метаязыкового квалифицирующего суждения '*Х есть словосочетание*' маркирует планомерность / спонтанность метаязыкового «поворота» речи, причем именно это различие поддерживает такой пунктуационный маркер включения в фокус метаязыкового внимания, как «кавычки», которым обычно выделяется конкретное словосочетание в составе апозитивной конструкции.

Вообще говоря, в связной речи метаязыковое осознание словосочетания объективируется отнюдь не в режиме случайной конвергенции разноуровневых языковых маркеров; наоборот, наблюдаемое в контекстах связной речи взаимодействие лексических, синтаксических и пунктуационных средств закономерно отражает мотивацию данного метаязыкового речемыслительного акта, условия его осуществления, характер актуального генезиса словосочетания.

Представляется, что в связной речи имеется особая оформленная речевая конструкция, обеспечивающая речевое воплоще-

ние метаязыковой рефлексии автора речи над словосочетанием (ср. в связи с этим идею М. М. Бахтина о речевых жанрах как об устойчивых формах высказывания, организующих связную речь). Во многом интуитивное, опытное, функциональное знание этой оформленной речевой конструкции рядовыми носителями языка проявляется в таких характеристиках контекстов связной речи (в данном случае — метатекстов о словосочетании), как типизированность строения и обусловленность варьирования.

Подобные оформленные речевые конструкции придают целесообразный характер работе селективного и комбинаторного механизмов речевой деятельности (в данном случае — метаязыковой). Полагаем, что именно это позволило в свое время В. фон Гумбольдту высказать мысль о том, что «то, что есть высшего и тончайшего в языке», «можно постичь и уловить *только в связной речи* (курсив мой. — К. С.)» [фон Гумбольдт 2000: 70].

Несмотря на тот факт, что специалисты в области синтаксиса словосочетания все чаще признают правомерным «определение словосочетания как образования, релевантного при рассмотрении языка в динамическом аспекте и возникающего не до и не после предложения, а в процессе его реализации, в процессе развертывания компонентов той или иной структурной схемы при построении высказывания, когда при описании ситуации в действие вовлекаются отдельные слова с их сочетаемостным потенциалом, реализуемым как в семантическом плане (сочетаемость их семем), так и в плане синтаксическом (сочетаемость их словоформ)» [Тулина 1976: 10; Лаврентьева 1980: 12], словосочетание как целостная синтаксическая единица (!) продолжает оставаться неким «аутсайдером» практически во всех моделях порождения речи.

Однако, как оказалось, рядовые носители языка в своей речепорождающей деятельности то и дело обращают метаязыковое внимание именно на словосочетание в его целостности, а металексема *словосочетание*, референция которой направлена на то или иное употребленное словосочетание, вовсе не так уж раритетна в их повседневной речи.

Против учета словосочетания в моделях порождения речи можно было бы возразить тем, что, например, «с точки зрения

лингвистики, скажем, *кот ученый* — то же, что *талантливый художник*. Но для носителя русского языка *кот ученый* выступает — благодаря Пушкину — как единое психолингвистическое целое» [Леонтьев 1999: 93], т.е. тем, что словосочетание может входить в предложение-высказывание таким же образом, как и слово, тем более что во внеэкспериментальных условиях метаязыковая рефлексия бывает направлена преимущественно на устойчивые (пусть даже в течение какого-то предельно ограниченного времени) и воспроизводимые словосочетания.

Но очевидно ведь и другое: в моделях порождения речи должны учитываться не только словосочетания типа *кот ученый*, но и словосочетания типа *талантливый художник*! Кстати говоря, предметом метаязыкового осознания рядовых носителей языка становятся и те, и другие!

Более того, представляется, что метаязыковое осознание словосочетания невозможно без того, чтобы это словосочетание, вне зависимости от конкретного речевого механизма его продуцирования, не стало для автора речи «единым психолингвистическим целым», поскольку метаязыковая характеристика словосочетания предусматривает его семиотическую целостность. Поэтому в любой адекватной модели порождения речи словосочетание должно быть задано не только как эвристический, многовариантный речевой механизм, так или иначе отображающий динамические схемы синтаксической комбинаторики слов / словоформ, но и как целостная синтаксическая единица, которая потенциально может становиться референтом металексемы *словосочетание* в условиях либо аппозитивной связи, либо анафорической соотнесенности с ней.

Осуществление метаязыковой референции к тому или иному словосочетанию в процессе порождения предложения-высказывания, включающего это словосочетание как автономное синтаксическое звено единственной предикативной конструкции (т.е. распространенного простого предложения) или одной из предикативных конструкций (т.е. сложного предложения), свидетельствует, с одной стороны, о том, что речемыслительное формирование синтаксической структуры предложения-высказывания и, особо подчеркнем, синтаксическое структурирование на любом ее

«участке»¹⁴ всецело пронизано метаязыковым вниманием автора речи, а с другой стороны, о том, что функционирование словосочетаний далеко не безразлично для метаязыковой рефлексии автора речи и поэтому вряд ли может быть объяснено при минимизации сознательного начала речевой деятельности.

¹⁴ Полагаем, что синтаксическое распространение «ядра» предикативной конструкции как отдельный «участок» синтаксического структурирования и, следовательно, распространяющие синтаксические формы, т.е. словосочетания, отличает особенное свойство привлекать метаязыковое внимание автора речи. Примечательно то, что Э. Сепир, не обнаружив «психологического существования» у словосочетания, вместе с тем отметил, что *«распространенное предложение»* допускает, как правило, значительную свободу в отношении того, что можно назвать *“несущественными” частями* (курсив мой. — К. С.). Вот эта мера свободы и дает нам возможность проявлять наш индивидуальный стиль» [Сепир 1993: 53]. По всей видимости, именно перспектива индивидуально-стилевого отбора позволяет воспринимать словосочетание (кстати сказать, далеко не всегда «несущественную», в том числе с композиционно-синтаксической точки зрения, часть!) как нечто отдельное и пробуждает метаязыковой интерес к нему.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Употребления металексемы *словосочетание* в контекстах связной речи, выбранных из НКРЯ

1. Председатель упомянул слово «держава» — 12 раз, «армия» и его синонимы — 11 раз, «народ» — 7 раз и *словосочетание «национально-патриотический»* — 9 раз (Российская газета, 15.03.2003).

2. Возможно, интуиции серьезно помогают два «дополнительных» фактора — постоянное участие президента в работе Госсовета и магическое *словосочетание «дать правительству соответствующее поручение»* (Известия, 09.07.2001).

3. — В вашей книге «Способ существования» часто встречается необычное для нашего времени *словосочетание «задача литературы»* (Известия, 26.08.2002).

4. Тревожное *словосочетание «секвестр бюджета»* вице-премьер не упоминал (Известия, 21.11.2001).

5. Сам музыкант говорит, что такое *словосочетание* появилось по ассоциации с западными музыкантами, которые нередко называют себя «*шоколадными элвисами*» (Богатей, 29.05.2003).

6. *Словосочетание «права человека»* стало бранным выражением (Независимая газета, 12.03.2003).

7. Еще из задач — модное *словосочетание «сопровождение бизнеса»*, особо отмеченное Путиным на недавней встрече с послами (Известия, 22.07.2002).

8. *Словосочетание «общественное телевидение»* представляет собой юридический термин, которому телекомпания ОРТ, коммерческая структура с участием государства, никак не соответствует (Известия, 29.07.2002).

9. — Очень радует, что *словосочетание «предварительная продажа билетов»* наконец-то стало осязаемым (Известия, 08.07.2002).

10. *Словосочетание «горячая точка»* приходит в голову главным образом в контексте до сих пор стоящей в Тбилиси «маечной» погоды (Известия, 11.10.2002).

11. Изменения в составе, произведенные Александром Чивадзе по сравнению с матчем в Швейцарии, были столь значительными, что *словосочетание «кадровая революция»* не покажется преувеличением (Известия, 11.10.2002).

12. Словосочетание *«конфликт вокруг НТВ»* за последние два года стало устойчивым (Российская газета, 03.04.2003).

13. В их словарном запасе словосочетание *«политическая власть»* заменено на термин «рыночная капитализация» (Известия, 27.05.2002).

14. В последнее время словосочетание *«новый формат»* стало очень модным в отношении выходящих в регионы крупных столичных игроков тех или иных рынков (Дело, 03.05.2002).

15. — Боюсь показаться необъективным, но с точки зрения *телевизионного творчества* (я не люблю это словосочетание, но другого подобрать не могу) абсолютным лидером считаю Леонида Парфенова (Известия, 19.12.2002).

16. Даже само словосочетание *«военная реформа»* давно исчезло из официального лексикона (Новая газета, 15.09.2003).

17. А то, что там еще осталось некоторое количество сопрягающихся в предложениях слов, и не все эти слова были союзы, предлоги и особо возлюбленное авторами послания словосочетание *«некоторые считают»*, <...> (Новая газета, 30.01.2003).

18. Словосочетание *«убеждения Березовского»* просто смешно (Московские новости, 22.07.2003).

19. Для всех, кто в балет не ходит, словосочетание *«Лебединое озеро»* прочно ассоциируется с образом крушения СССР и августовским путчем 91-го (Аргументы и факты, 07.03.2001).

20. Конечно, для всякого, кто минимально знаком с историей I и II мировых войн, словосочетание *«элитные румынские дивизии»* звучит несколько странно (Известия, 14.02.2003).

21. Девятого декабря ведущий передачи «Времена» вместо словосочетания *«на Украине»* по требованию присутствующих украинцев стал использовать словосочетание *«в Украине»* (Известия, 19.12.2001).

22. Рахимов старается всюду употреблять словосочетание *«многонациональный народ Республики Башкортостан»* (Известия, 27.07.2001).

23. Но есть такое устойчивое словосочетание — *«золотые студенческие годы»*, и выдуманно оно, пожалуй, не зря (Встреча, 09.04.2003).

24. И не удивительно, что флакон этот, хрустальный, но *дутый «вручную»* (простите за неловкое словосочетание!) (Домовой, 04.03.2002).

25. В конце концов из употребления на пресс-конференциях исключено словосочетание *«антироссийский заговор»* — хотя, кто знает, может, мы его еще и услышим, когда результаты сборной будут не столь радужны (Известия, 17.10.2002).

26. Но это не значит, что словосочетание *«Война и мир»* становится средством индивидуализации Льва Толстого (Известия, 13.11.2001).

27. — Михаил Михайлович, в последнее время словосочетание *«административная реформа»* звучит едва ли не чаще, чем *«реформирование экономики»* (Итоги, 27.05.2003).

28. — Такого термина в юридической практике нет, но, поскольку это понятие лежит в области экономико-правовой, словосочетание *«интеллектуальная собственность»* у всех на слуху (Известия, 03.10.2002).

29. Словосочетание *«директор Коркунов»*, согласитесь, звучит сильно (Домовой, 04.11.2002).

30. У региональных властей словосочетание *«комиссия Козака»* не один год вызывает чувство тревоги (Еженедельный журнал, 03.03.2003).

31. Еще совсем недавно словосочетание *«сибирское здоровье»* вызывало в воображении образ крепкого румяного здоровячка в распахнутом полушубке (Наука в Сибири, 04.07.2002).

32. Можно посмотреть на словосочетание *«шведский стол»* в более широком смысле, то есть что именно шведы едят (Богатей, 03.07.2003).

33. Значит, это должны сделать те, кому это *экономически выгодно*, хотя подобное словосочетание пока не ассоциируется с жилищно-коммунальным хозяйством (Богатей, 02.10.2003).

34. В XX веке у моды были явно завышенные амбиции: словосочетание *«дом моды»* на английском и французском языке порой (для краткости) заменяли просто словом «Дом» — с заглавной буквы (Домовой, 04.04.2002).

35. Словосочетание *«гражданское общество»* было для большинства россиян пустым звуком (Известия, 22.01.2002).

36. Рожков произнес вслух словосочетание *«альтернативные игры»* (Известия, 25.02.2002).

37. Словосочетание *«диктатура закона»* — это то же самое, что *«жареный лед»*, то, чего в природе не существует (Московский комсомолец, 15.01.2003).

38. Это была худая старушка тоже неопределенных, но преклонных лет; при взгляде на нее Вере отчего-то — может быть, из-за того, что та сплетала волосы в седую косичку на затылке, — вспоминалось словосочетание *«Петербург Достоевского»* (В. Пелевин. Девятый сон Веры Павловны).

39. Само словосочетание *«исламский экстремизм»* подталкивает к мысли о том, что если человек исповедует ислам, значит он — экстремист (Спецназ России, 15.04.2003).

40. Словосочетание *«бесперспективная деревня»* было им (Егором Строевым. — К.С.) запрещено (Коммерсант-Daily, 26.01.1996).

ГЛАВА 3

О СИНТАКСИЧЕСКОЙ ФОРМЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

По своей природе словосочетание является синтаксической единицей, предназначенной, с одной стороны, для «упаковки» типичных vs. синкретичных и в различной степени расчлененных (ср., например, атрибутивные и комплетивные отношения) смысловых отношений между словами средствами подчинительной связи, а с другой стороны, для информативно-конструктивного развертывания элементарных схем предложений в тех или иных дискурсивных условиях. Представляется, что обе функциональные ипостаси словосочетания обусловлены его семиотическим статусом: формально-конструктивная организация словосочетания далеко не безразлична к характеру тех смысловых отношений, которые маркируются ею, и, более того, трансформация определенных элементов формально-конструктивной организации словосочетания влечет за собой значимые изменения в его семантике. Отсюда следует, что словосочетание обладает структурой знака, причем его означающее представлено определенной системой формально-конструктивных параметров (т.е., вопреки весьма распространенному в синтаксической науке взгляду, не ограничивается одним из трех способов подчинительной связи: согласованием, управлением или примыканием), а его означаемое — тем или иным смысловым отношением (в том числе синкретичным и / или недостаточно расчлененным).

Единство означающего и означаемого словосочетания как особого знакового образования, возникшего в результате синтаксической комбинаторики словесных форм, Е. Н. Ширяев (вслед за Ф. Ф. Фортунатовым и другими представителями Московской лингвистической школы) предлагает называть «синтаксической формой словосочетания», под которой понимается синтаксическое средство, которое указывает на связь двух слов, и то значение (смысловое отношение между соединенными словами), которое этим средством выражается [Ширяев 1990: 120]. Думается, что при узком понимании словосочетаний как подчинительных сочетаний слов (ср., напротив, [Дурново 2001: 92—93]) и при учете того, что синтаксическая форма словосочетания и формально-конструктивная организация словосо-

четания не являются тождественными понятиями, а соотносятся как целое и часть (ср. иную трактовку в [Фоменко 1996: 23—27]), актуализированный Е. Н. Ширяевым теоретико-грамматический концепт может оказаться эвристически весьма продуктивным.

Настоящая глава посвящена аналитическому обзору наиболее значимых и, если угодно, «поворотных» представлений о синтаксической форме словосочетания, которые сложились в русистике после Ф. Ф. Фортунатова, стоявшего у истоков формального синтаксиса и поместившего в фокус синтаксического анализа не что иное, как словосочетание, а также эмпирическому обоснованию на примере прототипической для словосочетаний модели (синтаксической формы) $N + Adj$. такого важнейшего ее свойства, как формально-конструктивная избыточность, обуславливающая системную и функциональную автономность данной модели (синтаксической формы) словосочетания.

Как известно, в синтаксической концепции Ф. Ф. Фортунатова словосочетанию в узком понимании соответствует термин-понятие «незаконченное словосочетание», под которым понимается «такое словосочетание, самостоятельная часть которого образует собою также и часть другого словосочетания» [Фортунатов 1956: т. I, 182]. Незаконченное словосочетание, формируемое путем сочетания «одного полного слова (не частицы) с другим полным словом», выражает часть психологического суждения [Там же: т. II, 451]. По Ф. Ф. Фортунатову, синтаксическая форма словосочетания, в том числе и незаконченного, представляет собой «обозначение отношения данного предмета мысли к другому предмету» [Березин 1968: 92]. Показательно, что среди незаконченных словосочетаний собственно грамматическими признаются лишь те, в которых отношение одного предмета мысли к другому показано посредством грамматической формы зависимого слова, ср.: *воспитанник корпуса* и т. п. [Там же: 92], а неграмматическими — те, в которых данное отношение никак не маркируется формальными принадлежностями — предлогом и / или флексией — зависимого слова (ср. словосочетания типа *долго ждать*, где реализован такой тип подчинительной связи, как примыкание). Из этого следует, что в формальном синтаксисе Ф. Ф. Фортунатова словосочетание (в том числе и незаконченное) изучается, с одной стороны, в аспекте

собственной синтаксической формы, а с другой стороны, в аспекте форм его составляющих.

Н. Н. Дурново в своем «Грамматическом словаре», отражающем концепцию Ф. Ф. Фортунатова, указывает, что Московская лингвистическая школа «находит возможность изучать формы языка только как совокупность звуковой стороны формы и значений, обращая внимание на психологические процессы, находящие себе звуковое выражение в формах языка» [Дурново 2001: 118]. В словарной статье «Словосочетание» Н. Н. Дурново отмечает: «Для того чтобы выразить связь между словами в словосочетании и обозначить отношение этой связи к мысли говорящего, пользуются различными способами обозначения отношения слов, входящих в словосочетание, друг к другу и к мысли говорящего, которые и делают такое сочетание слов словосочетанием. Эти способы называются формами словосочетания или синтаксическими формами» [Там же: 97].

Очевидно, что, говоря о синтаксической форме словосочетания, Ф. Ф. Фортунатов и его последователи вовсе не отождествляют словосочетание как формально-семантическую целостность лишь с его формой и тем более не игнорируют его семантику, а, наоборот, делают акцент на неотторжимости формально-грамматической семантики словосочетания от его формально-конструктивной организации, т.е. на знаковой структуре словосочетания. В том, что формально-семантическая целостность словосочетания получила терминологическое наименование «синтаксическая *форма* словосочетания», нашли отражение признание приоритета формы в синтаксическом семиозисе, полемика с тезисом об асемантичности синтаксиса, а главное, понимание того, что синтаксическое построение предложения-высказывания и его комплексных сегментов, в частности словосочетаний (или незаконченных словосочетаний, по Ф. Ф. Фортунатову), обусловлено неким антиципирующим «формо-содержательным процессом» [Белый 1996: 51], предопределяющим содержание и форму данных синтаксических структур в их неразрывном единстве.

Представления Ф. Ф. Фортунатова о форме словосочетания были развиты А. М. Пешковским, который также не ограничивал эмпирическую массу синтаксической категории словосочетания лишь подчинительными сочетаниями и считал поэтому предметом синтакси-

са вообще изучение форм словосочетаний [Пешковский 2001: 37]. Согласно А. М. Пешковскому, «словосочетание... есть единство... физико-психическое» [Там же: 34], причем психическое единство словесного сцепления (словосочетания) является даже более существенным, чем физическое, так как физическое его единство при необходимости может быть установлено экспериментальным путем. Относя к словосочетаниям только такие слова, которые объединены в речи и в мысли [Там же: 35], А. М. Пешковский отказывает в статусе словосочетания субъективным синтагматическим «стяжениям» слов, подчас возникающим при восприятии текста. Характерно, что в эксперименте по субъективному вычленению словосочетаний, проведенном в 2005 г. в Колледже МИД РФ, $\approx 1,9\%$ испытуемых отмечают, например, словосочетание *шаги в воздухе* в таком предложении-высказывании из романа В. Набокова «Машенька»: *Шаги нечастых прохожих особенно чисто звучали в пустынном воздухе*.

А. И. Белов, давший глубокий анализ учения А. М. Пешковского о словосочетании, отмечает, что в форме словосочетания А. М. Пешковский видит «не только внешнюю, звуковую связь, когда при помощи форм слова образуются ряды слов (ср. *подарок отца* и *подарок отцу*, *пойду выброшу* и *пойду выбросить* и т.д.), но и значение» [Белов 1958: 97].

Как указывает А. М. Пешковский, «для того, чтобы какое-нибудь сочетание слов было словосочетанием, т.е. имело определенный смысл, недостаточно, чтобы каждое слово, входящее в него, имело свою форму, а нужно еще, чтобы все оно тоже имело определенный вид, определенное внешнее и внутреннее строение; и вот это-то строение того или иного словосочетания мы будем называть формой, но уже, конечно, не формой слова, а *формой словосочетания* (курсив автора. — К. С.). И эту общую, окончательную форму надо отличать от тех отдельных форм, которые ее создают» [Пешковский 2001: 35—36].

Форма словосочетания может быть «ограничена словарными условиями» (ср., в частности, почти обязательное наличие семы одушевленности у зависимого компонента в словосочетаниях $V + N_3$: *даю кому, льщу кому, помогаю кому* и т. д.) [Там же: 47], но такого рода ограничения не являются одинаково строгими у разных форм словосочетаний. «Так, например, форма словосочетания «согласуе-

мое прилагательное + существительное» характеризуется тем, что в ней может быть всякое прилагательное и всякое существительное, кроме местоименного (не говорят «*добрый я*», «*хороший он*» и т.д.)» [Там же]. Нельзя при этом не отметить, что, как показала Л. М. Меликова, атрибутивные словосочетания с личным местоимением в позиции главного компонента далеко не так редки в узусе, причем прономинальный компонент может как подвергаться субстантивации, так и сохранять категориальные свойства и парадигму личного местоимения (ср. у А. Ахматовой: *Мне с тобою пьяным весело — // Смысла нет в твоих рассказах*) [Меликова 1991]. Не так произвольна и собственно лексическая разрешимость словосочетаний N + Adj., ср.: *талантливый артист, журналист, менеджер*, но: **талантливый бухгалтер, дворник, охранник; щедрый взнос, подарок*, но: **щедрая подачка, сдача*. Однако «ограничивающие словарные условия» (А. М. Пешковский) относятся к сфере речевой реализации словосочетания и никоим образом не затрагивают его формальной семантики (в частности, атрибутивной), обусловленной формой словосочетания как знаковой структурой.

Форма словосочетания in abstracto, согласно А. М. Пешковскому, создается в результате взаимодействия пяти категориальных признаков: 1) комбинации форм слов; 2) бесформенных слов, «вступающих в постоянную связь с определенными формальными категориями» (ср. предлоги); 3) порядка слов; 4) интонации и ритма; 5) характера связей между словами [Пешковский 2001: 38, 46]. На «нераздельности» и «неслиянности» этих категориальных признаков в абстрактной форме словосочетания как знаковой структуре настаивал сам А. М. Пешковский. «Ведь ясно, — писал он, — что ни комбинацию форм, образующих данное словосочетание, ни синтаксическую сторону значения бесформенных слов, ни интонацию, ни характер связей между словами мы не можем вынуть из словосочетания и отложить, положим, направо, а весь остаток налево. Дело идет не о частях словосочетания (частями его являются только отдельные слова), а именно о его разных *сторонах* (курсив автора. — К. С.) как в звучании, так и в значении» [Там же: 47].

Анализ формы словосочетания (по А. М. Пешковскому) — эффективный инструмент обнаружения синтаксической омонимии. Что бы сказал А. М. Пешковский, например, о хрестоматийном словосо-

четании *посещение родственников*, допускающем, как известно, две смысловые интерпретации: ‘родственники посетили (кого-либо)’ и ‘(кто-то) посетил родственников’? Вероятно, А. М. Пешковский отметил бы, что «в двух таких пониманиях кроются две разные формы словосочетания» и что каждое из «двух пониманий» обуславливает особые ассоциативно-синтаксические связи данного словосочетания с другими конструкциями [Там же: 45]. Благодаря общности синтаксических ассоциаций «в одном случае говорящий и слушающий объединяются на одной форме словосочетания, в другом — на другой» [Там же: 45—46]. По-видимому, А. М. Пешковский думал еще об одном — шестом — категориальном признаке формы словосочетания — единообразии трансформов (интерпретант), отражающем системно-синтаксическую значимость словосочетания.

Форма словосочетания *in concreto* может оказаться, однако, довольно элементарно устроенной, ограниченной одним-двумя категориальными признаками: так, например, форма словосочетания Adv. + Adv. (ср., например, словосочетания с семантикой степени обстоятельственного признака: *слишком быстро, крайне неосмотрительно*), реализуя подчинительную связь двух бесформенных слов (наречий), конституируется исключительно порядком слов и интонацией. Примечательно, что, согласно А. М. Пешковскому, интонацию и еще в большей мере порядок слов нельзя «ставить по их роли в русском языке на одну доску с формами слов и со служебными словами» [Там же: 49], их «ранг» гораздо ниже [Там же: 52]. Из этого следует, что, размышляя о форме словосочетания, А. М. Пешковский допускал неравноценность и, более того, ранжированность, иерархичность ее категориальных признаков.

Определенный отход от идеи синтаксической формы словосочетания как знаковой структуры проявился у В. П. Сухотина, полагавшего, что понятие формы словосочетания (в грамматическом аспекте) исчерпывается способами выражения синтаксических отношений, а именно «синтаксическими приемами» согласования, управления и примыкания [Сухотин 1950: 157]. Вместе с тем именно В. П. Сухотин впервые отметил доминирующую роль семантики словосочетания, т.е. смысловых отношений между его главным и зависимым компонентами, в отождествлении и дифференциации форм словосочетания. «Ведущим, определяющим моментом в вы-

явлении формы словосочетания, — пишет он, — служит значение как обязательный, непреложный момент синтаксического анализа» [Там же: 158] (в связи с этим см., например, [Лашкевич 1985]).

По наблюдениям В. П. Сухотина, в разных формах словосочетаний корреляция смысловых отношений и средств их формального маркирования складывается неодинаково. В частности, в словосочетаниях с примыканием, где «отношения между словами формально не выражены», смысловые отношения оказываются тем фактором, который обеспечивает целостность формы словосочетания [Сухотин 1950: 158]. Согласно В. П. Сухотину, «единственным признаком и формой таких словосочетаний, как *быстро пишет, хорошо пишет, любит читать, шел покуривая* (т.е. словосочетаний с примыканием. — К. С.), оказываются внутренние признаки семантической связанности, поскольку ни аффиксы, ни служебные слова, ни словоупотребление и интонация здесь не используются как внешние показатели отношений между словами, не функционируют как их обязательные приметы» [Там же].

Безусловно, синтаксический механизм примыкания лишен таких формальных показателей зависимости одного компонента словосочетания от другого, которые характерны для флективной и аналитической морфологии детерминируемых (зависимых) словоформ, однако линейно-позиционные и фонопросодические параметры имеются и в словосочетаниях с примыканием. Для формы словосочетания с примыканием не может быть безразличной и сама синтаксическая «парадигма» примыкающих (т.е. неизменяемых) классов и подклассов слов (наречие, деепричастие, инфинитив, компаратив, аналитические прилагательные типа *беж*). Кроме того, при примыкании формально значимым показателем в организации словосочетания нельзя не признать разную степень факультативности главного и зависимого компонентов словосочетания и, соответственно, их разную реакцию на экспериментальный прием опущения. Ср.: *Он пишет очень быстро* → *Он пишет быстро* и **Он пишет очень*; *Он пишет быстро* → *Он пишет* и **Он быстро*. Поэтому форму словосочетания с примыканием нельзя сводить исключительно к семантической связанности компонентов словосочетания, хотя формообразующая роль смысловых отношений при примыкании, действительно, является в высшей степени актуализированной.

Приоритетным аспектом в освещении формы словосочетания у В. П. Сухотина стала дифференциация внутренней и внешней форм словосочетания, связанная с функциональной специализацией главного и зависимого компонентов словосочетания. Таким образом, В. П. Сухотин выделяет «а) собственную форму словосочетания, выражающую внутренние отношения между компонентами (например, формы согласования в конструкциях с прилагательными: *белая бумага*, *белую бумагу*), и б) несобственную, или внешнюю, зависящую от отношения данного словосочетания к другим словам и словосочетаниям предложения (форма падежа существительных в этих же конструкциях)» [Там же: 176]. Из этого следует, что внутренняя форма словосочетания, т.е. его синтаксическая «самость», обусловленная функцией маркирования смысловых отношений в словосочетании, является принадлежностью зависимого компонента, а внешняя форма словосочетания, обеспечивающая его включение в коммуникативно-синтаксическую перспективу предложения-высказывания, является принадлежностью главного компонента.

В качестве первостепенного достоинства намеченной у В. П. Сухотина дифференциации внутренней и внешней форм словосочетания следует назвать функциональную оппозицию главного и зависимого компонентов словосочетания, построенную на собственно синтаксических основаниях.

В развитии теоретико-грамматического концепта «(синтаксическая) форма словосочетания» весьма важными оказались идеи П. А. Леканта, изложенные им в статье «О форме словосочетания» [Лекант 1967]. Под формой словосочетания здесь понимается «грамматическая зависимость, или связь слов в словосочетании, выраженная тем или иным формальным способом», причем отмечается чрезвычайная сложность и многоплановость формы словосочетания, обусловленная всей сложностью и противоречивостью словосочетания как лингвистической категории [Там же: 12].

П. А. Лекант показывает, что отдельные формальные признаки словосочетания, как правило, не способны обеспечить самостоятельное различие разных форм словосочетаний, призванных выражать различные смысловые отношения. Например, указывается, что «было бы неверно отождествлять внутреннюю (или собственную) форму словосочетания с формой зависимого слова. Сама по

себе форма зависимого слова далеко не всегда достаточна для выражения синтаксических отношений в словосочетании. Так, в словосочетании *любовь брата* выражены атрибутивные отношения, а *поиски брата* — объектные, хотя форма зависимого слова одна и та же» [Там же]. «Не исчерпывается внешняя сторона словосочетания, его форма, и типом связи слов. При одинаковом типе связи в разных словосочетаниях могут быть выражены различные отношения (*говорить с другом* — *говорить с жаром* и т.п.)» [Там же: 12—13]. Тем более для выявления различных смысловых отношений формой словосочетания недостаточна сама по себе принадлежность главного компонента словосочетания к той или иной части речи (в словосочетании *пение птиц* — отношения атрибутивные, в *пение песен* — объектные) [Там же: 13].

Из этих наблюдений П. А. Лекант делает вывод о том, что качественную специфику формы словосочетания создают типы обусловленности формы подчиненного слова: категориальная, семантическая, словообразовательная и коммуникативная обусловленность, — по отдельности или во взаимодействии друг с другом определяющие характер и степень зависимости одного компонента словосочетания от другого [Там же: 13—15].

Правда, трактовка коммуникативной обусловленности у П. А. Леканта создает ощущение избыточности процесса образования новых моделей (синтаксических форм) словосочетания, относящихся к сфере реализации слабых связей (в частности, слабого управления). Коммуникативная обусловленность, по П. А. Леканту, состоит в том, что «зависимая форма обусловлена не свойствами главного слова, а коммуникативным заданием, т.е. необходимостью выразить определенные отношения и конкретные смысловые связи в предложении» [Там же: 14]. В частности, утверждается, что субстантивные словосочетания типа *лодка с парусом*, где конкретное (по принадлежности к лексико-грамматическому разряду) существительное имеет зависимую предложно-падежную словоформу, возникают на основе коммуникативной обусловленности формы зависимого компонента [Там же]. Является ли, однако, выбор формы зависимого компонента в подобных словосочетаниях случайным, подчиненным коммуникативному произволу? Оказывается, что нет. Согласно П. А. Леканту, «определение по наличию детали, части

или свойства» типично выражается «творительным падежом с предлогом *с* (*дом с мезонином, часы с боем, человек с умом*)» [Там же]. Из этого следует, что выбор зависимой формы определяется в данном случае вовсе не коммуникативными условиями, а сложившейся в языке моделью (структурной схемой) словосочетания.

Тем не менее коммуникативную обусловленность неправомерно лишать формообразующих потенций в области словосочетаний, так как ни одно окказиональное (по форме) словосочетание, пусть даже не способное создать в языке особую модель словосочетания, действительно, не может появиться помимо коммуникативных интенций, направленных к комбинаторно-синтаксическому механизму речи. Ср.: *Она* (Лара. — К. С.) *купалась и плавала, каталась на лодке, участвовала в ночных пикниках за реку, пускала вместе со всеми фейерверки и танцевала* (Б. Пастернак). Кроме того, относится это к узуальным (по форме) словосочетаниям, требующим в условиях конкретного предложения-высказывания обращения к валентностным резервам (в частности, атрибутивным) одного или обоих компонентов. Ср.: *Он* (врач. — К. С.) *прошел мимо Юрия Андреевича, с улыбкой поклонившись ему, и произвел несколько плавательных движений пухлыми и руками с толстыми ладонями в смысле того, что приходится ждать и смиряться, и направился по коридору покурить в приемную* (Б. Пастернак) и **руками с ладонями*.

В форме словосочетания, по П. А. Леканту, необходимо различать «парадигму форм словосочетания» и «собственную, внутреннюю, форму словосочетания» [Там же: 15]. «Парадигма форм словосочетания создается словоизменением главного компонента и служит средством подчинения данного словосочетания другому словосочетанию или слову в составе предложения: *подойти к кусту сирени, спрятаться за кустом сирени, любоваться кустом сирени* и т. д.» [Там же]. «Внутренняя форма словосочетания выражает отношения между его компонентами. Она складывается из следующих элементов: а) морфологической природы главного слова (принадлежность к определенной части речи); б) характера и степени зависимости подчиненного слова от главного, которая определяется типом обусловленности; в) способа выражения зависимости (согласование, управление, примыкание); г) аффиксов (в составе зависимого слова) и служебных слов — языковых средств выражения зависимости» [Там же].

Очевидно, что в представлениях П. А. Леканта о форме словосочетания получила развитие идея В. П. Сухотина о внутренней и внешней формах словосочетания. Однако П. А. Лекант делает акцент на двойной синтаксической функции главного компонента словосочетания: функциональное предназначение главного компонента за пределами словосочетания находит отражение в «номинативистской» по своему происхождению идее парадигмы форм словосочетания, а его функциональное предназначение внутри словосочетания — в иерархической выделенности частеречного статуса главного компонента среди других элементов внутренней формы словосочетания. По всей видимости, не включая в организацию внутренней формы словосочетания такие синтаксические средства, как интонация и порядок слов, П. А. Лекант относит их к уровню предложения-высказывания, где одно и то же словосочетание может предстать в различной коммуникативной «упаковке».

В своих размышлениях о форме словосочетания П. А. Леканту удалось показать, что форма словосочетания — это фактически формообразующее взаимодействие разных структурных элементов, нацеленное на выражение тех или иных смысловых отношений.

Фортунатовская традиция осмысления формы словосочетания как знаковой структуры была поддержана А. Н. Печниковым, по определению которого «форма словосочетания — это его грамматическая структура, обусловленная характером выражаемых отношений» [Печников 1973: 15]. Отсюда следует, что одинаковые по формально-грамматическому устройству словосочетания должны быть приспособлены к сигнификации вполне определенных смысловых отношений. В противном случае форма словосочетания потеряла бы свойство самotoждественного различия. По наблюдениям А. Н. Печникова, формальные показатели одной разновидности словосочетаний могут совпадать с показателями другой разновидности словосочетаний; ср., например, внешне сходные словосочетания *тосковать по родине* и *бежать по дороге* («глагол + предлог *по* + имя существительное в форме дательного падежа»), в которых выражаются объектные и обстоятельственные отношения соответственно. Более глубинным и поэтому менее заметным признаком разновидности словосочетаний является то, что в роли главного и зависимого компонентов в ней могут быть слова определенных се-

мантических разрядов [Там же: 22]. По сути дела, здесь ставится вопрос об уровнях абстракции форм (моделей) словосочетания: если для формально-семантического тождества одних словосочетаний достаточно обобщенного представления их компонентов как частей речи, то для формально-семантического тождества других словосочетаний может оказаться релевантной разнообразная семантическая информация об их компонентах — вплоть до категориально-лексического и деривационного значений (в связи с этим см. [Мишина 1993]).

Кроме того, А. Н. Печников убедительно показал, что так называемое формоизменение, или парадигма, словосочетания не имеет никакого отношения к форме словосочетания. Во-первых, изменения *новый дом, нового дома, новым домом*, обусловленные зависимым положением главного компонента в других словосочетаниях (*построили дом, нет дома, довольны домом*), неправомерно считать показателями формы данного (*новый дом*) словосочетания [Печников 1973: 19—20]. Во-вторых, «в качестве формальных показателей словосочетания могут быть приняты такие явления, которые взаимодействуют со значением словосочетания. Изменения же *читать книгу, читаю книгу, читал книгу* или *новый дом, нового дома, новому дому* не затрагивают выражаемых в этих словосочетаниях объектных и определительных отношений» [Там же: 20]. Очевидно, что, выдвигая идею парадигмы (формоизменения) словосочетания, лингвист отказывает словосочетанию в приобретении нового синтаксического качества, собственной формы (в фортунатовском понимании) и «редуцирует» форму словосочетания до словоизменительных потенций его главного компонента.

В концепции словосочетания, развиваемой Е. Н. Смольяниновой, различаются «форма существования» и «синтаксическая форма» (или «формальная организация») словосочетания. Согласно Е. Н. Смольяниновой, «словосочетание... обладает двумя неразрывно связанными формами существования (при построении связной речи), одна из которых является структурно-семантической организацией единицы как автономного в своих границах единства (внутренняя форма существования), а другая осуществляется в условиях окружения, в процессе формирования предложения как единицы коммуникации (внешняя форма существования)» [Смольянинова

1990: 14]. Следовательно, две формы существования словосочетания у Е. Н. Смольяниновой — это те же внутренняя и внешняя формы словосочетания, о которых писал В. П. Сухотин. При этом внутренняя форма существования словосочетания является знаковой структурой — «структурно-семантической организацией», в которую входит синтаксическая форма (формальная организация) словосочетания как его означающее. «Словосочетание — единица синтаксического уровня, обладающая синтаксическим значением и синтаксической формой» [Там же: 13]. И еще: «Структурно-семантическая организация двухкомпонентного словосочетания — это взаимно детерминированная семантическая и формальная организация его компонентного состава. Это новое, иное качество по сравнению с образующими его единицами» [Там же: 23].

Несмотря на то, что синтаксическая форма словосочетания у Е. Н. Смольяниновой отождествлена лишь с одной стороной знака — с означающим, указание на взаимную детерминацию формы и семантики словосочетания свидетельствует о том, что формальная организация (синтаксическая форма) словосочетания рассматривается в этой концепции как предназначенная для «сигнализации» вполне определенных смысловых отношений. По Е. Н. Смольяниновой, «в понятие формальной организации входят: компонентный состав — главный и зависимый компоненты, объединенные одним из видов подчинительной связи (согласование, управление, примыкание), модель бинарной конструкции, позиция и порядок следования компонентов» [Там же: 24]. Отмечается также, что «существует иерархия средств, оформляющих значение бинарного словосочетания: из них первое место занимают связи слов, затем позиция и, наконец, порядок компонентов» [Там же: 31].

Примечательно полемическое замечание Е. Н. Смольяниновой, касающееся «недифференцированности» понятия внутренней формы словосочетания у П. А. Леканта: «Внутренняя форма, при учете морфологической природы главного слова, оказывается рассредоточенной между главным и зависимым компонентами словосочетания, а между тем она принадлежит лишь зависимому компоненту» [Смольянинова 1980: 34]. Представляется, однако, что морфологические свойства главного компонента словосочетания могут обуславливать определенный показатель зависимости (ср. *купить*

кирпичО — *покупка кирпича*) или профилировать частную функцию (дублетную — «грамматический плеоназм» (по Ш. Балли) — либо категориально-смысловую) типового показателя зависимости (ср. *модные куртки* — *модные пальто*) у подчиненного компонента, а находящиеся также в ведении морфологии лексико-грамматические свойства главного компонента безразличны для формального маркирования словосочетанием в целом тех или иных смысловых отношений (ср. *кубок с вином* — атрибутивные отношения, *борьба с сорняками* — атрибутивно-объектные отношения). Поэтому полностью отрицать влияние морфологической природы главного компонента на внутреннюю (собственную) форму словосочетания было бы неверно.

Отличительной чертой взглядов Е. Н. Смольяниновой на словосочетание является признание облигаторным ингредиентом синтаксической формы словосочетания «модели бинарной конструкции», или, точнее говоря, конструктивной формулы словосочетания, которая относится исключительно к сфере означающего словосочетания и служит своеобразным аттрактором для всех остальных элементов формальной организации словосочетания. Нельзя не сказать, однако, о том, что в концепции Е. Н. Смольяниновой остаются без внимания формообразующие свойства интонации (просодии) в сфере словосочетания, в то время как они оказываются весьма существенными для перцептивного отождествления форм словосочетаний, причем особенно тогда, когда словосочетания соположены в том или ином дискурсивном фрагменте со своими предикативными «претерпеваниями» (ср.: *станция за рекой* и *Станция — за рекой*).

Отстаивая фортунатовский подход к синтаксической форме как единству средства и того содержания, которое этим средством выражается, Е. Н. Ширяев не принял характерную для последователей Ф. Ф. Фортунатова идею синтаксической всеобъемлемости формы словосочетания и поддержал узкую трактовку словосочетания. «Словосочетания, — констатирует он, — это те организованные подчинительной связью пары слов, которые распространяют предикативную основу предложения» [Ширяев 1989: 186]. Формально-конструктивным средством, организующим словосочетание как знаковую структуру, т.е. способствующим выявлению смысловых отношений между объединенными в его составе словами, Е. Н. Ширяев

считает тип подчинительной связи: согласование, управление или примыкание [Там же: 187 и сл.].

В действительности, типы (или способы) связи в словосочетании сами по себе, за счет собственных средств формального — флективного и / или аналитического — маркирования (а также отрицательного, или формоизолирующего, маркирования — при примыкании), не могут чаще всего обеспечить достаточного «сигнального» контекста для дифференциации разных синтаксических форм (моделей) словосочетания. Так, в частности, атрибутивные отношения, характеризующиеся довольно высоким уровнем синтаксической абстракции, выражаются и посредством согласования (*зоркие глаза*), и посредством управления (*глаза с поволокой*), и посредством примыкания (*глаза навывкате*), однако если при согласовании синкретизация атрибутивных отношений, например, с обстоятельственными достигается за счет лексического значения зависимого адъективного компонента (ср. *зарубежные новости*, т.е. *новости из-за рубежа*) [Шмелева 1997: 56], то при управлении — за счет принадлежности к тому или иному лексико-грамматическому разряду, а также дериивационной структуры главного субстантивного компонента и / или за счет грамматической семантики зависимого компонента — предложно-падежной словоформы имени существительного (ср. *отъезд с рынка* и *цветы с рынка*). При этом атрибутивные отношения только для согласования являются безальтернативной формальной семантикой, т.е., иначе говоря, на уровне словосочетаний одно-однозначное соответствие между типом связи и смысловыми отношениями наблюдается (и то не в полной мере!) лишь в случае «согласование — атрибутивные отношения».

Безусловно, описать синтаксическую форму (модель) словосочетания как знаковую структуру, опираясь исключительно на тип подчинительной связи, практически невозможно, ибо «сигнальная» потенция означающего оказывается в этом случае недостаточной, например, для дифференциации одноструктурных моделей словосочетаний с различными смысловыми отношениями (ср. *очки от солнца* и *отказ от работы*), с одной стороны, и для мотивации возникновения одинаковых смысловых отношений у разноструктурных моделей словосочетаний (ср. *полка для книг* и *книжная полка*), с другой.

Вместе с тем следует отметить, что типы связей — наряду с конструктивной формулой — образуют один из базовых сегментов формально-конструктивной организации словосочетаний, тогда как абстрактно-реляционная семантика типов связей (об отражательной природе семантики согласования, управления и примыкания см. [Попова 1964]) может детализироваться в отдельных моделях (структурных схемах) словосочетаний, чему способствует формообразующий потенциал дополнительных характеристик данных словосочетаний. По всей видимости, «средство» в синтаксической форме словосочетания — это всегда совокупность формально-конструктивных параметров, или категориальных признаков (на что прозорливо обратил внимание А. М. Пешковский), благодаря своей избыточности позволяющих отождествлять модель словосочетания в любых дискурсивных условиях, в том числе отличая ее от близких по «поверхностной» структуре предикативных конструкций (последнее, например, актуально для прототипической модели словосочетаний $N + Adj.$). «Значение словосочетания, — подчеркивает Ю. С. Долгов, — определяется не только... семантикой включенных в его состав знаменательных компонентов и служебных слов, но и формой всего словосочетания (разрядка моя. — К. С.), его структурой» [Долгов 1993: 72].

Таким образом, идея синтаксической формы словосочетания, возникшая в концепции Ф. Ф. Фортунатова, результативно применяется и к словосочетанию в его узкой трактовке, т.е. к подчинительным сочетаниям слов. То, что словосочетание обладает особой формой, ни у кого не вызывает сомнений, однако понимание формы словосочетания как целого знака или как части знака (а именно означающего) остается дискуссионным. Представляется, что расхождения между лингвистами в этом вопросе носят преимущественно терминологический характер. Признавая, что словосочетание имеет собственную структуру и выражаемую ею семантику, одни лингвисты называют формой словосочетания это структурно-семантическое единство в целом, а другие — лишь его структурный состав. Но при этом и те, и другие полагают, что структура и семантика словосочетания взаимообусловлены и неразъединимы (об этом свидетельствует, например, такая весьма распространенная речевая ошибка, как **прыгнул с парашюта*, когда орудийная сема модели словосочетания *прыгнул*

с парашютом автоматически заменяется локативной семой модели словосочетания прыгнул с трамплина). Но так как «чистой» структуры, не ассоциированной ни с какой смысловой информацией, у словосочетания быть не может (ср. оценки современными носителями языка древнерусской модели атрибутивно-целевого словосочетания земля пахать как «бессмыслицы» или же как синтаксически неправильного выражения объектных отношений в речи иностранца), то и говорить о форме словосочетания было бы уместно только как о единстве структуры и семантики словосочетания. Поэтому понимание синтаксической формы словосочетания как его структурно-семантической организации в целом является вполне обоснованным. Форма словосочетания (по Ф. Ф. Фортунатову) может быть отождествлена с моделью словосочетания как структурно-семантическим образованием, а следовательно, она может быть представлена на разных уровнях абстракции.

Благодаря «Русскому синтаксису в научном освещении» А. М. Пешковского стало очевидным, что для формы словосочетания характерна сложная устроенность означающего. Попутно заметим, что синкретизация семантики словосочетания обязательно отражается в появлении дополнительных значимых категориальных признаков означающего. После известной статьи В. П. Сухотина 1950 г., сохранившей свою актуальность до наших дней, почти общепризнанной стала делимитация внутренней и внешней форм словосочетания. Некоторые синтаксисты убедительно аргументируют отсутствие формообразующих качеств у так называемой парадигмы словосочетания. Тем не менее в целом разные исследователи неодинаковым образом определяют состав означающего словосочетания, находят у одних и тех же конструктивных элементов абстрактной модели словосочетания различные функции (ср., в частности, полемику Е. Н. Смольяниновой с П. А. Лекантом о функциональной релевантности морфологических свойств главного компонента на уровне словосочетания) и т. д. С чем это связано? Главная причина состоит в том, что исследователи стремятся описать форму словосочетания вообще, а это необходимо предполагает отвлечение от всего эмпирического разнообразия категориальных признаков, обладающих значимостью лишь для отдельных форм словосочетания. Вместе с тем нигде не ставится вопрос о том, что набор категори-

альных признаков формы словосочетания должен быть не столько абсолютным, сколько достаточным для выражения тех или иных смысловых отношений (ср. в связи с этим разграничение дифференциальных и конститутивных признаков в фонологии).

Из этого следует, что выявление формально-конструктивных свойств словосочетания и тем более обнаружение их внутренней иерархизации целесообразно вести, во-первых, индуктивным путем, наблюдая над функционированием в речи той или иной модели словосочетания, а во-вторых, с опорой на метод оппозиционного анализа, позволяющий определить уровень достаточной «сигнализации» конкретных смысловых отношений конструктивными средствами той или иной модели словосочетания.

Как известно, традиционные представления о синтаксисе формировались в процессе наблюдений над наличным словесным составом тех или иных конструкций. Вследствие этого некоторые принципиально различные конструкции казались либо тождественными, либо недостаточно дифференцированными. Так, например, младограмматики, в частности Г. Пауль, считали, что «отношение определяющего элемента к определяемому аналогично отношению сказуемого к подлежащему» [Пауль 1960: 165], т.е. фактически отождествляли атрибутивные и предикативные отношения. В русской синтаксической науке (во многом под влиянием А. А. Шахматова) дифференциация атрибутивных и предикативных отношений преимущественно сводится к единственному различию порядка слов в атрибутивных и предикативных конструкциях с одним и тем же наличным лексическим составом. Ср.: «Между определительными (или атрибутивными) отношениями и отношениями предикативными наблюдается самое тесное взаимодействие: они взаимнообратимы. Например: *белый потолок, сладкий сахар, черные сапоги*; ср.: [Лебедев] *На этом свете все просто. Потолок белый, сапоги черные, сахар сладкий* (А. Чехов)» [Виноградов 1975: 236]; «Непредикативные словосочетания с прилагательными: *высокий дом, хорошая погода* — при соответствующей перестройке словопорядка становятся предикативными: *дом высокий, погода хорошая*» [Сухотин 1950: 163]; «Изменение порядка слов превращает атрибутивное словосочетание (*солнечная погода*) в предикативное сочетание подлежащего со сказуемым (*погода солнечная*)» [Сиротина 2003: 39] и т. п.

Между тем в русистике отмечалось и то, что предикативные отношения отличаются от атрибутивных наличием временной (точнее, модально-временной) перспективы, способностью утверждать или отрицать признак и т. д. Применение логико-семантического подхода позволило Г. В. Колшанскому аргументировать тезис о том, что атрибутивные и предикативные отношения принципиально различны. «Логической основой атрибутивного отношения, — обобщает свои наблюдения Г. В. Колшанский, — является отношение понятия и его единичного признака, а логической основой предикативного отношения является отношение понятия к всеобщему признаку. Атрибутивное сочетание выявляет различие понятия и его конкретных признаков, в то время как предикативное доводит это различие до противоположности» [Колшанский 2005 (б): 119—120]. В. С. Юрченко подчеркивает, что атрибутивные и предикативные отношения конституируют инвариантную структуру словосочетания и предложения соответственно [Юрченко 2005: 86].

Обогащение теории и практики оппозиционного анализа за счет приемов синтаксического эксперимента, идеи синтаксической парадигматики и использования контекста, безусловно, могло бы способствовать осознанию того, что дифференциация атрибутивных и предикативных отношений является следствием дифференциации синтаксических форм атрибутивных и предикативных конструкций, которая не может не основываться на целом ряде формально-конструктивных параметров, поскольку изменение исключительно порядка слов приводит всего лишь к инверсии компонентов атрибутивного словосочетания, но не к его преобразованию в предикативную конструкцию (см. ниже объяснение причины подобного явления).

Ср. фрагмент из повести А. Солженицына «Раковый корпус»: *И осталась Вера одна. Не одна, конечно, не единственная, а — из миллионов одна. Было столько **одиноких женщин** в стране, что даже хотелось на глазок прикинуть по знакомым: не больше ли, чем замужних? И эти **женщины одинокие** — они все были ее ровесницы. Десять возрастов подряд. Ровесницы тех, кто лег на войне.* Нет сомнения в том, что как в случае препозиции, так и в случае постпозиции зависимого компонента (первая — конструктивная норма; вторая — стилистическая модификация) атрибутивное словосочетание остается здесь самым собой и вовсе не приобретает предикативный

статус (хотя А. А. Шахматов отмечал, что постпозитивное определение «имеет значение атрибутивно-предикативное» [Шахматов 2001: 309]).

Ясно, впрочем, и то, что различный словопорядок — это наиболее очевидный, лежащий на «поверхности» дифференциальный признак идентичных по своему наличному лексическому составу атрибутивных (*глиняный кувшин*) и предикативных (*Кувшин глиняный*) конструкций, попавший в первую очередь в зону наблюдения синтаксистов, но не являющийся, однако, доминирующим, иерархически выделенным среди тех признаков (формально-конструктивных параметров), которые обуславливают в языке дифференциацию соответствующих синтаксических форм.

Представляется, что метод оппозиционного анализа атрибутивных и предикативных конструкций, в которых носитель признака выражен именем существительным, а сам признак — именем прилагательным, позволяет не только выявить все системно значимые для синтаксической формы словосочетания $N + Adj$. формально-конструктивные параметры, но и определить специфику их внутренней иерархизации.

Данные конструкции различаются прежде всего своими конструктивными формулами, т.е. тем облигаторным составом позиций, которые могут занимать слова-компоненты, принадлежащие к определенным частям речи. Позиция — это функция одного компонента синтаксической конструкции по отношению к другому (другим), отражающаяся в характере мотивации его грамматической формы. Атрибутивные конструкции типа *оптимистическая сводка* обладают двухпозиционной конструктивной формулой $N + Adj$., тогда как предикативные конструкции типа *Сводка оптимистическая* — трехпозиционной конструктивной формулой $N_1 + \emptyset \text{ Cop}_f + Adj_{.1}$. Отсутствие падежных индексов в конструктивной формуле $N + Adj$. объясняется тем, что выбор падежной формы субстантивного компонента, «наследуемой» при согласовании адъективным компонентом, происходит за пределами атрибутивной конструкции (словосочетания). Обозначение падежных индексов в конструктивной формуле $N_1 + \emptyset \text{ Cop}_f + Adj_{.1}$ отображает позиционную обусловленность форм именительного падежа у субстантивного и адъективного компонентов предикативной конструкции.

Наличие позиции для связки в конструкции с адъективным предикатом обнаруживается благодаря синтаксической парадигме, в которой наряду с нулевым способом выражения предикативных значений наклонения и времени представлен и словесный способ. Ср.: *Сводка **была** сугубо оптимистическая* (В. Ардаматский). Незамещенная позиция связки в конструкции с адъективным предикатом грамматически закреплена с целью выражения презенса индикатива. Именно поэтому в диалогической коммуникации, например, предикативные конструкции с незамещенной позицией связки могут осложняться коннотацией актуальной обусловленности. Ср.: *Около вокзала на площади со сквером посредине стоял автобус, а около него — целая толпа пассажиров, которые почему-то не решились садиться. — Что ж не садятся-то? — спросила старушка с арбузом под мышкой. — **Шофер пьяный*** (П. Романов).

На уровне конструктивных формул главное различие атрибутивных и предикативных конструкций, в которых носитель признака выражен именем существительным, а сам признак — именем прилагательным, состоит в том, что в атрибутивных конструкциях признак и его носитель связаны непосредственно, а в предикативных конструкциях — опосредованно, через связку (см. об этом [Юрченко 2005: 84—86]). Из всего сказанного следует, что, обладая конструктивными формулами с неодинаковым составом позиций, атрибутивные конструкции и предикативные конструкции с нулевой связкой не могут преобразовываться друг в друга только путем перестановки их компонентов. Чтобы обеспечить подобное преобразование, необходимо постулировать такую синтаксическую операцию, как включение или исключение позиции связки. Линейная же конфигурация компонентов выступает здесь лишь как дополнительный фактор взаимообратимости двух конструкций.

Различие атрибутивных и предикативных конструкций проявляется и в типах связей, обуславливающих синтаксические функции компонентов данных конструкций в структуре предложения-высказывания. В атрибутивных конструкциях (где субстантивный компонент — потенциально любой член предложения (кроме согласованного определения), а адъективный компонент — согласованное определение) тип связи — согласование, при котором адъективный компонент маркирует своей флексией синтаксическую зависимость

от субстантивного компонента, «наследуя» его грамматические категории: род, число и падеж либо число и падеж. В предикативных конструкциях (где субстантивный компонент — подлежащее, а адъективный компонент — присвязочный член составного именного сказуемого) тип связи — согласование адъективного компонента с субстантивным в роде и / или числе, а также позиционная обусловленность формы падежа (именительного vs. творительного — при материально выраженной связке) адъективного компонента, управляемого связкой (в том числе и нулевой). «Компонент, который является одновременно и согласуемым, и управляемым, может быть только в предикативной основе. В сложном словосочетании компонент с двойной зависимостью невозможен» [Ширяев 1989: 201]. Необходимо отметить, что при нулевой связке у адъективного компонента допустима исключительно форма именительного падежа. Ср.: *Елена рыжеватая сразу постарела и подурнела. Глаза красные / *красными. Свесив руки, печально она слушала Тальберга* (М. Булгаков) и *Глаза были красные / красными*.

Кроме того, в атрибутивных конструкциях (словосочетаниях) субстантивный компонент может выступать в форме любого падежа, так как падежная форма главного субстантивного компонента словосочетания определяется его внешними синтаксическими связями в предложении-высказывании, тогда как в предикативных конструкциях для субстантивного компонента структурно обязательной является форма именительного падежа, что обусловлено занимаемой им позицией подлежащего, т.е. позицией абсолютно независимого компонента предикативной конструкции. Значит, в предикативных конструкциях с нулевой связкой типа *А церковь там деревянная!* (А. Чехов) единая форма именительного падежа у субстантивного и адъективного компонентов является позиционно обусловленной: у субстантивного компонента — номинативным характером подлежащего, а у адъективного компонента — отсутствием материально выраженной связки. Никакого согласования по падежу здесь нет и быть не может. Отсюда следует, что согласование по падежу — своеобразный индикатор, также позволяющий отличать атрибутивные конструкции от предикативных с нулевой связкой.

Между предикативными и атрибутивными (определительными) конструкциями (синтагмами) указанных разновидностей существу-

ют интонационные различия, главную роль в которых играют тональные (в первую очередь) и временные характеристики [Каплун 1970: 2]. Так, в ходе акустических экспериментов было установлено, что у предикативных синтагм по сравнению с атрибутивными больше частотный интервал ударного слога первого элемента, частотный диапазон синтагмы в целом и ее элементов, перепад частот между элементами, а также частотный контраст между высшими точками элементов синтагмы [Там же: 6]. Сравнительный анализ временных характеристик предикативных и атрибутивных синтагм показал, что предикативная синтагма в целом (исключая перерыв в фонации) регулярно продолжительней, чем атрибутивная и что время звучания ударного слога первого элемента предикативной синтагмы, как правило, больше времени звучания ударного слога первого элемента атрибутивной синтагмы [Там же: 7].

Как замечает Е. В. Кротович, «словосочетанию присущ строго определенный порядок слов. В языке имеются выработанные на протяжении его исторического развития определенные схемы живых словосочетаний, в которых отдельные их компоненты занимают свое определенное место. ...выяснение местоположения членов в составе словосочетания является вопросом первостепенной важности, тем более что порядок слов в этих единствах имеет исключительно грамматическое значение (стилистическое значение порядок слов может приобретать только в составе предложения)» [Кротович 1956: 18]¹⁵. Несмотря на то, что запись конструктивной формулы атрибутивных конструкций (словосочетаний) $N + Adj.$ отражает первенство главного (детерминирующего), субстантивного, компонента, задающего вектор подчинительной связи — согласования, нормой линейно-речевого построения атрибутивных конструкций является препозиция адъективного компонента. Для предикативных

¹⁵ Необходимо сказать о том, что значимость порядка слов (компонентов) в словосочетании трактуется исследователями по-разному. Так, если Т. Н. Молошная пишет о том, что «порядок слов является важнейшим средством организации словосочетания» [Молошная 1975: 18], то Е. Н. Смольянинова, несколько корректируя это общепринятое утверждение, замечает: «Для словосочетаний, в противоположность предложениям, порядок расположения компонентов является важным, но не первостепенным средством: среди средств оформления содержания главными являются связи, а уж затем порядок. И это потому, что словосочетание существует внутри предложения» [Смольянинова 1990: 58].

конструкций норму линейно-речевого построения, наоборот, образует постпозиция адъективного компонента. В узусе встречаются также атрибутивные конструкции с постпозицией и предикативные конструкции с препозицией адъективного компонента, однако такие линейно-речевые структуры обладают особой функциональной обусловленностью и относятся к менее частотным.

В современной теории синтаксиса представлены два противоположных взгляда на (контактную) постпозицию адъективного компонента (согласованного определения) в атрибутивных конструкциях. По мнению О. А. Лаптевой, в разговорной речи постановка определяемого имени существительного перед согласованным определением «служит цели, обратной задачам подчеркивания, акцентирования признака, — обратить внимание слушающего прежде всего на объект речи... Прилагательное в атрибутивных группах этого типа может проговариваться в убыстренном темпе, что свидетельствует о его коммуникативной второстепенности, и никогда не получает динамического ударения». Ср. один из примеров, приведенных О. А. Лаптевой: — *Мне сын наказал, чтобы я привезла жуков майских. Знаете, бутылку стеклянную и туда травку* [Лаптева 2008: 208—209]. Согласно О. Б. Сиротининой, «всюду расположение зависит от того, входит ли адъективное сочетание в предложение как единое целое или преобразуется. Постпозиция определения всегда является показателем и следствием того, что единство словосочетания в речи разрушено» [Сиротинина 2006: 29].

Если в первом случае постпозиция адъективного компонента подводится под определенную стратегию линеаризации компонентов атрибутивной конструкции (словосочетания), то во втором случае она объявляется линейно-структурным маркером разрушения данной конструкции.

Представляется, что постпозиция адъективного компонента несколько не разрушает единства словосочетания, поскольку формальный механизм согласования, преимущественно обеспечивающий здесь это единство, сохраняется. Вместе с тем постпозиция адъективного компонента в составе атрибутивной конструкции связана с более широким кругом речевых задач (т.е. не только с фокусировкой внимания адресата на объекте), ее функциональный диапазон весьма разнообразен (в связи с этим см. [Климовская 1986]).

Так, варьирование линейно-речевого построения атрибутивных конструкций с тождественными субстантивными компонентами и антонимическими адъективными компонентами позволяет акцентировать противопоставляемые признаки (например, темпоральные): *Вчерашний день*, таким образом, помаленьку высветлялся, но *Степу сейчас гораздо более интересовал день сегодняшний* (М. Булгаков); *Не теперешний хрусталь* Главпосуды собирала она (Алевтина Никаноровна. — К. С.) — *перекособоженный, прошедший конвейер равнодушных рук, но хрусталь старинный, с искорками своего мастера, с особенностью своего создателя* (А. Солженицын).

Постпозиция адъективного компонента может закрепляться в узусе за атрибутивными конструкциями (словосочетаниями), употребляющимися в определенной функционально-языковой или жанрово-речевой сфере. Такие линейно-речевые варианты свойственны деловому языку, в частности наименованиям товаров, услуг и т.п. Ср.: *Она (соседка по купе. — К. С.) торопливо ищет листочек, не находит, и на товарном чеке «сапоги женские» пишет имена о здравии. Валентина. Христина... О упокоении...* (Н. Сухина).

Атрибутивные конструкции (словосочетания) с постпозицией адъективного компонента, в том числе и подвергшиеся фразеологизации, узуально закреплены за таким речевым жанром (актом), как инвектива, например: *баба базарная, врун несчастный, галоша нерадиофицированная* (эта реализация словосочетания-инвективы взята из кинофильма «Весна на Заречной улице», 1956 г., реж. Ф. Миронер и М. Хуциев), *риелтор липовый* и т.п. Ср. также: *Не хотите и не надо!.. Пошли вы к черту с вашими деньгами, толстосумы проклятые! Много ли нужно, чтобы прокормиться, а остальное все пыль, мусор!..* (Т. Устинова).

Осознание носителем языка (в данном случае — писателем) постпозиции адъективного компонента как маркера инвективного употребления словосочетания, — а именно терминологического словосочетания, изначально не обладающего референцией к лицу, — прослеживается, в частности, в романе Т. Устиновой «Развод и девичья фамилия». Ср.: — *Кира, мы просто... очень разные. — Знаю, — вздохнула она, — мама всегда говорила, что ты мне не подходишь. Что ты не человек, а вычислительная машина. <...> Он (Сергей. — К. С.) никогда не смог бы этого объяснить — бревно*

бесчувственное! Кроме того, он почти не умел выражать словами сколько-нибудь сложные чувства — *машина вычислительная!* Сначала терминологическое словосочетание с препозицией адъективного компонента используется в характеризующей, оценочно-метафорической функции, чему способствует контекст фразеологизированной конструкции, затем вследствие возникновения речевого акта инвективы (точнее, автоинвективы во внутренней речи персонажа), маркером чего служит находящееся в предшествующем предложении-высказывании типичное инвективное словосочетание *бревно бесчувственное*, при повторе терминологического словосочетания происходит перемещение его адъективного компонента в постпозицию.

Далее. Постпозиция адъективного компонента может способствовать коммуникативной актуализации атрибутивного признака, приводящей к парцелляции, в том числе внутрифразовой. Ср.: *Он* (Бунин. — К. С.) *предчувствовал славу — мировую* (В. Лавров); — ...*Как все было-то? Поделитесь, раз уж такой разговор пошел. Откровенный* (Н. Андреева).

Отмеченные случаи далеко не исчерпывают функциональных возможностей постпозиции адъективного компонента в составе атрибутивной конструкции (словосочетания). Однако очевидная стилистическая маркированность рассмотренных линейно-речевых структур свидетельствует о вторичности их словопорядка, о его дискурсивной приобретенности.

В изоляции от контекста предикативная конструкция с препозицией адъективного компонента (ср.: *Тихая ночь*) представляет собой синтаксический омоним, соотносимый, по меньшей мере, с двумя моделями предложений. Это либо реализация модели односоставного номинативного предложения N_1 с атрибутивным распространителем — согласованным определением, либо коммуникативно-речевой вариант модели двусоставного предложения $N_1 + \emptyset \text{ Cop}_f + \text{Adj}_{-1}$. Первый случай представлен, например, в условиях текстовой интродукции, ср.: *Тихая ночь. Вокруг ни души. Только звезды неслышно парят в далеком небе* <и т. д.>, тогда как второй случай — одновременно при постановке логического ударения на вынесенном в инициальную позицию адъективном компоненте и при использовании эмоционального просодического паттерна (в частности, интонации

укора): *Ти'хая ночь!* (т.е., наоборот, ночь шумная или беспокойная, чего никак не ожидал говорящий).

Так как препозиция адъективного компонента в автономной предикации приводит к «нейтрализации» двух предикативных конструкций, она свидетельствует о вторичном характере подобного словопорядка для предикативной конструкции, в которой выносимый в препозицию адъективный компонент является структурно обязательным. А такой предикативной конструкцией оказывается в данном случае лишь модель $N_1 + \emptyset \text{Cop}_f + \text{Adj}_{\cdot 1}$, тогда как для модели N_1 атрибутивный распространитель факультативен. Значит, препозиция адъективного компонента в предикативных конструкциях типа $N_1 + \emptyset \text{Cop}_f + \text{Adj}_{\cdot 1}$ характеризуется дискурсивной обусловленностью.

Различаются атрибутивные и предикативные конструкции, в которых носитель признака выражен именем существительным, а сам признак — именем прилагательным, и своим отношением к актуальному членению предложения. Предикативные конструкции (предложения) типа *Книга интересная* актуализируются так, что подлежащее относится к теме, а присвязочный член составного именного сказуемого — к реме. Ср.: *Книга* (Т) / *интересная* (Р). Единую тему или единую рему подобные предикативные конструкции не образуют. В качестве исключения можно назвать лишь отдельные случаи их метакоммуникативного (цитатного) употребления. Ср., например: *Твое вечное «Книга интересная»* (Т) / *уже надоело* (Р), где предикативная конструкция в функции подлежащего входит в состав темы предложения-высказывания. Атрибутивные конструкции (словосочетания), наоборот, чаще всего выступают в составе единой темы или единой ремы предложения-высказывания. Ср.: *Интересную книгу* (Т) / *купили* (Р); *Купили* (Т) / *интересную книгу* (Р).

По мнению ряда исследователей, этим исчерпывается актуализационный потенциал словосочетаний в целом и атрибутивных конструкций (как разновидности словосочетаний) в частности. «Словосочетание, — пишет Я. Б. Крупаткин, — есть специальным образом организованная совокупность знаков, ориентированных быть темой либо ремой сообщения» [Крупаткин 1990: 89]. Р. М. Базылева в своей диссертации «Словосочетание в его отно-

шении к актуальному членению предложения» приходит к выводу о том, что «актуальное членение предложения в очень незначительной степени затрагивает расположение компонентов внутри словосочетания... В большинстве случаев, как правило, актуализируется все словосочетание в целом» [Базылева 1988: 15—16]. Если же актуальное членение разъединяет компоненты словосочетания, то, по мнению Р. М. Базылевой, происходит разрушение или ослабление единства словосочетания [Там же: 7].

Рассмотрим такие предложения-высказывания, как *Интересную* (Т) / *купили книгу* (Р) и *Книгу купили* (Т) / *интересную* (Р), где актуализация, действительно, разъединила компоненты атрибутивной конструкции (словосочетания). Можно ли сказать, что ее дистантно размещенные компоненты теряют свою принадлежность к единому словосочетанию? Безусловно, нет. Актуализация и, как следствие, дистанцирование одного из компонентов словосочетания не способны разрушить его подчинительной связи (в данном случае — согласования) с другим компонентом, доказательством чего служит функциональное тождество маркера зависимости (флексии адъективной словоформы). В связи с актуализацией компонентов словосочетания типа V + N₄ Е. Н. Смольянинова пишет: «По поводу же якобы разрушения в речи словосочетаний (при нерядоположенности компонентов) следует отметить тот факт, что дистантное расположение в той же мере распространено, что и контактное, хотя, в противоположность ему, не является нормой. Во всех речевых реализациях, которые могут быть (*Я ем яблоко; Я яблоко ем; Ем я яблоко*), выделение компонента *яблоко* подчинено задачам коммуникации в целом, определяется конситуацией и принадлежит сфере, иерархически более высокой, чем сфера данного предложения, — тексту» [Смольянинова 1990: 59].

По-видимому, идея разрушения словосочетания в результате актуализации и дистанцирования одного из его компонентов возникла из-за того, что словосочетание трактуется как номинативная единица, а реализация номинативной функции словосочетанием требует его линейно-структурной целостности (см. в связи с этим [Крылова 2009: 73]). При рассмотрении же словосочетания как синтаксической единицы, призванной отражать в своей линейно-речевой структуре актуализационную динамику предложений-

высказываний в дискурсе, нельзя не признать, что при варьировании задач актуального членения компоненты атрибутивной конструкции (словосочетания) могут выступать либо в составе единой темы или единой ремы, либо как распределенные между темой и ремой предложения-высказывания.

Распространение компонентов атрибутивных и предикативных конструкций приводит к образованию различных формаций на уровне словосочетаний. При распространении любого из компонентов атрибутивной конструкции возникает единое сложное словосочетание, построенное либо на основе соподчинения (при распространении субстантивного компонента, ср.: *интересная* ← *книга* → *о животных*), либо на основе последовательного подчинения (при распространении адъективного компонента, ср.: *очень* ← *интересная* ← *книга*). При распространении любого из компонентов предикативной конструкции возникают элементарные (простые) словосочетания, формирующие либо группу подлежащего (ср.: *Книга* → *о животных* / *интересная*), либо группу сказуемого (ср.: *Книга* / *очень* ← *интересная*). Так как применение одной и той же синтаксической операции — а именно распространения компонентов — к атрибутивным и предикативным конструкциям приводит к построению словосочетаний различной количественной структуры, становится понятно, что причиной подобной дифференциации является синтаксическая специфика самих этих конструкций.

Будучи элементарным словосочетанием, атрибутивная конструкция типа $N + Adj$ реагирует на распространение ее главного или зависимого компонентов превращением в сложное словосочетание. Тем самым сложное словосочетание — это потенциальный ближайший контекст атрибутивной конструкции, формируемый активными синтаксическими потенциями (валентностями) любого из ее компонентов. И наоборот. Обусловленная конструктивно значимой паузой и срединной, разделяющей позицией связки субъектно-предикатная расчлененность делает реализацию подчинительных связей частной синтаксической перспективой каждого из компонентов предикативной конструкции.

Несмотря на то, что сложные словосочетания могут формироваться при развертывании как субстантивного, так и адъективного компонента предикативной конструкции типа $N_1 + \emptyset \text{ Cop}_f + Adj_1$

в конкретном предложении-высказывании, в составе ни одного из этих сложных словосочетаний одновременно не способны находиться оба словесно выраженных компонента данной предикативной конструкции (ср.: *Книга* → *о животных* → *Австралии* / *интересная* или *Книга* / *недостаточно* ← *интересная* → *для взрослых*).

Необходимо отметить, что даже если бы факторы, обуславливающие субъектно-предикатную расчлененность, были устранены, то построению единого сложного словосочетания здесь препятствовала бы постпозиция адъективного компонента. Наблюдения показывают, что атрибутивные конструкции (словосочетания) с постпозицией зависимого адъективного компонента преимущественно оказываются не включенными в состав более крупных словосочетательных формаций.

Становясь компонентом атрибутивной или предикативной конструкции, имя прилагательное (как правило, относящееся к лексико-грамматическому разряду качественных прилагательных) по-разному проявляет свои формообразующие возможности. Так, в составе предикативной конструкции имя прилагательное может выступать как в полной, так и в краткой форме. Ср.: *Абажур священный* и *Никогда не сдергивайте абажур с лампы! Абажур священин* (М. Булгаков). При этом необходимо отметить, что в позиции присвязочного компонента составного именного сказуемого полная и краткая форма имени прилагательного (если обе они морфологически допустимы) вовсе не обязательно вступают в отношения свободной вариантности. Между ними нередко возникают семантические и почти всегда стилево-стилистические различия.

В составе атрибутивной конструкции краткая форма имени прилагательного практически не употребляется (ср., однако, фразеологические обороты типа *среди бела дня* или свободные словосочетания диалектной речи типа *черна смород(ин)а*). Почему? Представляется, что на синхронном срезе причину следует искать в том, насколько морфологические свойства компонента приспособлены для выполнения им своей синтаксической функции на уровне атрибутивной конструкции (словосочетания). Поскольку в атрибутивных конструкциях субстантивный компонент может принимать форму любого падежа, а адъективный компонент призван маркировать свою зависимость от субстантивного компонента посредством

согласования (в том числе и по падежу), одним из морфологических свойств адъективного компонента должна быть способность изменяться по падежам. Краткая же форма имен прилагательных не обладает этим морфологическим свойством и, следовательно, не может выступать в позиции зависимого компонента атрибутивной конструкции. Если же коммуникативно-эстетическая целесообразность (например, в поэтической речи) приводит к употреблению атрибутивной конструкции с краткой формой имени прилагательного (ср. в лирической песне из кинофильма «Любовь земная», 1975 г., реж. Е. Матвеев: *Сладка ягода в лес поманит*), то такой адъективный компонент выступает исключительно в препозиции, т.е. его инверсия невозможна (ср.: **Ягода сладка в лес поманит*), и относится к субстантивному компоненту либо в позиции подлежащего, либо в позиции прямого дополнения (ср. из этой же песни: *Сладку ягоду рвали вместе*). Безусловно, такие синтаксические ограничения вызваны здесь нетипичным выражением зависимого адъективного компонента в атрибутивной конструкции.

Итак, в результате оппозиционного анализа атрибутивных конструкций (словосочетаний) N + Adj. и предикативных конструкций типа N₁ + Ø Cop_r + Adj.₁ обнаруживаются семь формально-конструктивных параметров, имеющих системную значимость для синтаксической формы словосочетания N + Adj.: конструктивная формула; тип связи; интонация; порядок компонентов; реакция на актуальное членение предложения; реакция на распространение субстантивного или адъективного компонента; наличие / отсутствие ограничений на краткую форму адъективного компонента. Естественно, в данном случае должны учитываться лишь те эмпирические конкретизации перечисленных формально-конструктивных параметров, которые характерны для атрибутивных словосочетаний N + Adj.

Если считать вслед за рядом синтаксистов, что атрибутивные конструкции (словосочетания) в генетическом плане восходят к предикативным и обусловлены «свертыванием предикативного комплекса в непредикативную номинацию» [Попова 2009: 14], нельзя не заметить, что формально-конструктивная избыточность их синтаксической формы вызвана в первую очередь потребностью синтаксической системы языка в институционализации нового категориального статуса словосочетаний данного типа.

Однако несмотря на то, что без выявленных формально-конструктивных параметров синтаксическая категоризация атрибутивных отношений на уровне словосочетаний была бы невозможна, не все они одинаковы по своему формообразующему потенциалу и по своей устойчивости в условиях контекстных преобразований словосочетания. Так, например, при эллипсисе главного компонента в разговорной речи (ср.: *А что сегодня на завтрак? Опять манная?*) лишь ориентация на конструктивную формулу и на тип связи позволяет отождествить согласуемую адъективную словоформу как зависимый компонент атрибутивного словосочетания N + Adj. (ср.: *манная каша* или, в зависимости от ситуации, например, *манная запеканка*). Восприятию такой словоформы как «сигнала» структурной незавершенности и тем самым как «представителя» целого словосочетания способствует и интонация: согласно экспериментальному исследованию М. И. Каплуна, основная информация об атрибутивной связи локализуется в интонации первого элемента синтагмы — зависимого (адъективного) компонента словосочетания N + Adj. [Каплун 1970: 5].

При учете того, что абсолютно независимыми, т.е. выполняющими роль источника внутренней детерминации, среди формально-конструктивных параметров словосочетания N + Adj. являются лишь конструктивная формула и тип связи, именно их правомерно отнести к иерархически доминантным параметрам формально-конструктивной организации словосочетаний указанной модели. Несколько ниже в данной иерархии формально-конструктивных параметров следует интонация, за ней идет порядок компонентов, допускающий функционально обусловленное варьирование. Наконец, наименее иерархически выделенными оказываются те формально-конструктивные параметры, которые связаны с потенциальными свойствами словосочетания, реализуемыми в коммуникативном и синтаксическом построении предложения-высказывания (реакция на актуальное членение предложения, а также реакция на распространение субстантивного или адъективного компонента), и с регуляцией поведения отдельных компонентов словосочетания (наличие / отсутствие ограничений на краткую форму адъективного компонента).

По-видимому, чем более иерархически выделенным является тот или иной формально-конструктивный параметр словосочетания N + Adj. (а равным образом и словосочетания любой другой модели), тем более вероятна его общекатегориальная значимость на уровне словосочетаний в целом.

Внутренняя иерархизация формально-конструктивных параметров обуславливает развитие у синтаксической формы (модели) словосочетаний N + Adj. такого уровня абстракции, который максимально расширяет репертуар операционального опосредования при движении от модели словосочетания к ее речевой реализации (отметим, что здесь задействована не только актуализация валентностного потенциала слов-компонентов, но и, например, разного рода синтаксические смещения, сопровождаемые нередко стяжением линейно-синтаксической структуры предложения-высказывания; ср., в частности, *фантастические издательства*, т.е. издательства, специализирующиеся на фантастике (из радиобеседы с Д. Быковым) или *С носа слетели очки и шлепнулись с пластмассовым звуком* (Т. Устинова), т.е. со звуком, который возникает при падении пластмассовых очков), с одной стороны, и обеспечивает автоматизм перцептивного отождествления словосочетаний данного типа в любых коммуникативно-синтаксических условиях (в том числе при дистанцировании компонентов, при их попадании в зону парцелляции и т.д.), с другой.

Иными словами, полипараметрический характер формально-конструктивной организации и иерархический принцип ее устройства делают синтаксическую форму (модель) словосочетаний N + Adj. автономной репрезентацией атрибутивных отношений не только в системном, но и в функциональном плане.

ГЛАВА 4

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ СВОБОДНОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ ЕСТЕСТВЕННОЙ КАТЕГОРИЕЙ?

Представляется, что в современной лингвистике наиболее убедительным является многоаспектный подход к определению свободного словосочетания, учитывающий логические, семантические, структурно-синтаксические и психолингвистические дифференциальные признаки словосочетаний типа *бить посуду* (в противоположность таким несвободным словосочетаниям, как *бить баклуши*, т.е. фразеологизмам). Так, согласно А. Н. Печникову, свободные словосочетания включают наименования двух понятий и состоят из двух компонентов, служат для выражения смысловых отношений, представлены в языке в виде моделей и становятся фактом речи в результате лексического наполнения этих моделей, не являются единицами лексикона, не хранятся в памяти в «готовом» виде и тем самым не обладают воспроизводимостью, в процессе порождения предложения-высказывания создаются из отдельных слов, выполняющих функции разных членов предложения [Печников 1973: 32—33].

При одноаспектном подходе к определению свободного словосочетания обычно отдают приоритет такому дифференциальному признаку, как семантическая членимость и наличие смысловых отношений между компонентами. На первый взгляд, это свойство свободных словосочетаний довольно четко отличает их от фразеологизмов, которые, наоборот, семантически нечленимы и вследствие потери синтаксической формы исходного словосочетания не способны выразить смысловые отношения между наличными компонентами. Ср., например, свободное словосочетание *подложить записку* и фразеологизм *подложить свинью* ‘устроить неприятность’. Однако означает ли это, что омонимичное фразеологизму свободное словосочетание, заведомо не обладающее семантической целостностью и устанавливающее смысловые отношения между своими компонентами, окончательно и бесповоротно теряет «ауру» фразеологичности?

В одном из документальных рассказов Н. Павловой, вошедших в ее книгу «Михайлов день», читаем: *Фенька, поясню, это свинка, ибо однажды мне буквально **подложили свинью**, то есть поселили ее у меня в хлеву без всякого на то моего соизволения*. Здесь мы имеем дело как раз со свободным словосочетанием, омонимичным фразеологизму: благодаря синтаксической связи главного члена односоставного неопределенно-личного предложения с распространяющим его прямым дополнением выражаются объектные отношения. Причем омонимия намеренно подчеркивается автором, во избежание фразеологического «прочтения» сопроводившего это словосочетание метаязыковым «конвоем»: наречием *буквально* ‘действительно, в самом деле’ и пояснительной конструкцией с союзом *то есть*, включающей свободное словосочетание *поселили ее*, общемодельная и, главное, анафорическая соотносительность которого со словосочетанием *подложили свинью* дополнительно указывает на семантическую членимость и реляционно-смысловую специфику последнего.

В данном случае неизбежно возникает вопрос о том, для чего Н. Павловой понадобилось так тщательно выстраивать метаязыковые дейктические опоры свободного словосочетания, омонимичного фразеологизму? По-видимому, именно для того, чтобы избежать его фразеологической перцепции и апперцепции, т.е. чтобы не допустить его смыслового восприятия как фразеологизма. Получается, что сохранение в памяти и как бы условно-рефлекторная смысловая реакция на них при восприятии речи являются весьма существенными дифференциальными признаками фразеологизмов и что для отождествления словосочетания, омонимичного фразеологизму, как свободного может оказаться недостаточной вполне ясная пишущему (но не читающему) его «неидиоматическая» семантика, т.е. смысловая членимость и смысловая реляционность. Все это означает, что свободное словосочетание как целое обычно не закреплено в памяти и создается в процессе речи по той или иной синтаксической модели на основе конвенций лексической сочетаемости. Поэтому-то одноаспектный подход к определению свободных словосочетаний (в данном случае — семантический), не учитывающий, в частности, их психолингвистических отличий от фразеологизмов, явно недостаточен.

Свобода словосочетания, согласно С. Г. Тер-Минасовой, принадлежит к градуальным понятиям, поскольку в речевом узусе используются в разной степени свободные словосочетания, тогда как модели, по которым они образуются в речи, абсолютно свободны. По мнению ученого, «имеется большое количество словосочетаний, которые не являются явно заранее данными, но “свобода” образования которых ограничена какими-либо факторами» [Тер-Минасова 2004: 28]. Так, «сочетание *blue sky* ‘голубое небо’, будучи отражением определенного “физического” опыта говорящего, употребляется в речи настолько регулярно, что вряд ли можно говорить о “свободном” сочетании элементов *blue* ‘голубой’ и *sky* ‘небо’ каждым отдельным носителем языка»; ср., однако, словосочетание *brown sky* ‘коричневое небо’, в силу своего «остранения» (термин В. Шкловского) и неотмеченности в речевом узусе воспринимающееся как гораздо более свободное [Там же: 31].

С. Г. Тер-Минасова показывает, что свобода словосочетания значительно ограничивается его «социолингвистической обусловленностью» [Там же: 33], т.е. регулярным его употреблением носителями языка в их повседневной речи, приобретением им тех или иных культурных «коннотаций», его оценкой как привычного и не вызывающего «всплеска» метаязыковой активности при восприятии речи. Иначе говоря, вхождение в речевой узус и длительное обращение в нем ослабляет свободу словосочетания, тогда как окказиональные словосочетания, нарушающие обычно конвенции лексической сочетаемости и ориентированные на выполнение в речи функции эмоционального воздействия, являются свободными [Там же: 107 и сл.].

Возвращаясь к рассмотренному примеру из рассказа Н. Павловой, можно со всей уверенностью сказать о том, что пределом «социолингвистической обусловленности» словосочетания является его превращение во фразеологизм, который, даже приобретая в определенном метаязыковом контексте форму и семантику свободного словосочетания, на «заднем плане» смысловой перцепции и апперцепции до конца не перестает восприниматься как фразеологизм. Отсюда следует, что омонимичное фразеологизму свободное словосочетание обладает лишь определенной степенью свободы и остается так или иначе социолингвистически связанным.

Идею о градации степени свободы словосочетаний, ставших принадлежностью речевого узуса, можно переосмыслить с психолингвистической точки зрения: несомненно, что узуальные словосочетания, регулярно употребляющиеся в повседневной речи и тяготеющие тем самым к номинативной «изоляции», могут храниться в памяти (наряду с моделями таких словосочетаний и образующими их словами) и воспроизводиться в процессе порождения предложения-высказывания в целостном виде (а не создаваться всякий раз заново). Представляется, что такие узуальные словосочетания хотя и не становятся фразеологизмами в полной мере, но они могут обобщаться с теми речевыми фактами, которые были довольно удачно названы Б. М. Гаспаровым «коммуникативными фрагментами». Подобные узуальные словосочетания трактуются им как «устойчивые сочетания», «как бывшие свободные синтаксические построения, окостеневшие в результате многократного употребления» [Гаспаров 1996: 121].

Интроспективные наблюдения как будто бы дают основания согласиться с определением Б. М. Гаспарова, но только с одной существенной оговоркой: свободное словосочетание, ставшее устойчивым в речевом узусе и, возможно, хранящееся в памяти носителей языка, может как воспроизводиться в целостном виде (подобно «коммуникативному фрагменту», «заготовке» для коммуникации), так и производиться посредством тех же речевых механизмов, благодаря которым осуществляется «сборка» свободных словосочетаний в процессе порождения предложения-высказывания.

Полагаем, что если бы не было такой эвристической «развилки» в процедуре развертывания словосочетания в речи, говорящий (и тем более пишущий) постоянно встречал бы преграды в виде поиска нужного «готового» словосочетания по неимоверно обширной сети внутреннего лексикона и всячески старался бы избегать разнообразных трансформаций словосочетаний в ходе их лексико-синтаксической адаптации к условиям конкретного предложения-высказывания и текста.

Отличие свободных словосочетаний от фразеологизмов состоит вовсе не в том, что первые производятся, создаются в процессе речепостроения, а вторые воспроизводятся, как бы извлекаются из памяти. Оно заключается в том, что свободное словосочетание носит

эквивалентный характер: его воспроизводство в целостном виде не исключает возможности его производства другими говорящими / пишущими или тем же самым говорящим / пишущим в иных коммуникативных условиях, тогда как фразеологизм может быть только воспроизведен, поскольку процедура его создания деактуализована в языковом сознании говорящего / пишущего.

В синтаксических исследованиях в качестве свободных обычно рассматривают такие словосочетания, оба компонента которых выступают в так называемом свободно-номинативном значении. При любом нарушении элементарной семантической композиционности у того или иного словосочетания обнаруживают семантическую нечленимость, а иногда и потерю одним из компонентов синтаксической автосемантии, — иначе говоря, те свойства, которые не позволяют безоговорочно рассматривать словосочетание как свободное.

Хорошо известен, однако, тот факт, что при полисемии слово может обладать таким несвободным значением, как конструктивно обусловленное (термин В. В. Виноградова), которое хотя и реализуется в словосочетании конкретной синтаксической модели и при условии сочетаемости со словами определенной категориально-лексической семантики, но не является все же решающим фактором ограничения свободы образования словосочетаний. Вследствие этого, например, в словосочетаниях метафорического количества типа *лес граблей*, *лес вил*, *лес винтовок*, *лес рук* и т. д., образующих целую серию словосочетаний одной и той же лексико-синтаксической модели, мы видим не что иное, как свободные словосочетания: они семантически членимы (ср.: *лес* 'множество' + *чего-л.* 'возвышающихся предметов'), выражают смысловые отношения между компонентами — комплетивно-квантитативные.

Относительно потери синтаксической автосемантии компонентом в метафорическом значении и невозможности осмыслить его в качестве отдельного члена предложения следует сказать, что в подобных словосочетаниях эти свойства отражают не что иное, как особый тип несвободного лексического значения главного компонента: конструктивно обусловленное значение метафорического количества у имени существительного *лес* способно реализоваться только в сочетании с зависимой субстантивной словоформой роди-

тельного падежа множественного числа и при замещении позиции одного члена предложения этим словосочетанием в целом.

На то, что процедура построения в речи словосочетаний типа *лес рук* актуализована в языковом сознании говорящих / пишущих (т.е. что эти словосочетания не исключительно воспроизводимы), указывает их серийность и невозможность предсказать все допустимые реализации лексико-синтаксической модели $лес + N_{2pl}$ со значением метафорического количества. Поэтому нет оснований сомневаться в том, что вообще словосочетания с компонентом в метафорическом значении остаются все же свободными.

Возникновение конструктивно обусловленного (например, метафорического) значения слова как бы «на случай», с целью передачи своеобразия мироощущения субъекта речи и / или семантической установки речевого жанра, неизбежно приводит к разворачиванию окказионального словосочетания, обеспечивающего объективацию сигнификативной «перезагрузки» слова. В перцептивно-смысловом плане подобное словосочетание не может не оказаться слабо расчлененным, поскольку слово, наделенное окказиональным конструктивно обусловленным (метафорическим) значением, не обладает семантической отдельностью и не опознается семантической памятью за пределами словосочетания. Однако говорящий / пишущий такое словосочетание вовсе не извлекает из внутреннего лексикона, но производит в акте речевого творчества, т.е. оперирует им как свободным.

Кроме того, аналогия строения словосочетания и аналогия сочетаемостного потенциала его компонента с метафорическим значением могут поддерживать синтаксическое членение словосочетания в речи (ср., например: *необъятный лес винтовок* и *необъятные леса Сибири*), характеризующее его свободу с синтаксической точки зрения.

Совершенно очевидно, что понятие «свободное словосочетание» многоаспектно, но также не вызывает сомнений и то, что наиболее важными дифференциальными признаками свободных словосочетаний, отличающими их от фразеологизмов, оказываются психолингвистические (принципиальная возможность создания таких словосочетаний в процессе речепостроения, не исключающая, однако, частных случаев их воспроизводства; сохранение в памяти

преимущественно за счет моделей словосочетания и конвенций лексической сочетаемости, не исключаящее, однако, «гештальтной» кумуляции словосочетаний) и семантические (соотносительность компонентов словосочетания с разными понятиями, т.е. семантическая членимость, и маркирование смысловых отношений между компонентами).

В силу того, что словосочетание может оцениваться как свободное в той или иной степени (не случайно, по-видимому, в лингвистике до сих пор отсутствуют общепринятые представления о границах фразеологии) и что достаточность «набора» разных дифференциальных признаков «свободы» является изменяемой характеристикой словосочетания как факта речи, вполне допустимо полагать, что свободные словосочетания генерализованы в языковом сознании по принципу «естественной категории» [Кубрякова 2004: 103 и сл., 310 и сл.], т.е. что среди них могут быть обнаружены прототипические образцы, с одной стороны, и в разной степени отклоняющиеся от них, с другой.

ГЛАВА 5

О ДВУХ ТИПАХ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ АТРИБУТИВНЫХ КОМПОНЕНТОВ (ЕЩЕ РАЗ О ПРИРОДЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ)

В своей общеизвестной статье «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» Л. В. Щерба, пожалуй, впервые явным образом обозначил привычный для синтаксического анализа метод «челночного» движения от наблюдения над речевыми фактами к формулированию промежуточного (рабочего) правила и затем к проверке этого правила (гипотезы) на новых речевых фактах, в чем, согласно Л. В. Щербе, и заключается сущность лингвистического эксперимента [Щерба 1974: 24— 39]. Надо признать, что различные трансформационные приемы, в частности опущение, замена, перестановка, постановка в другой контекст и т. д., издавна использовались в практике синтаксического анализа и рассматривались как средство выявления структурных (в меньшей степени — семантических и — шире — функциональных) свойств той или иной формы синтаксического построения речи.

Правда, не везде в синтаксисе применение эксперимента является общепризнанным: так, например, в синтаксисе словосочетания даже традиционные приемы лингвистического эксперимента до сих пор используются с крайней осторожностью. Однако описательно-констатирующий (доэкспериментальный) подход, необходимый и, пожалуй, единственно возможный на начальных этапах синтаксического исследования тех же словосочетаний, не способен сам по себе обеспечить лингвиста средствами, позволяющими объяснить природу словосочетания, специфику его синтаксической формы, репертуар его структурных возможностей и др. На современном этапе развития синтаксиса словосочетания специальное обращение к лингвистическому эксперименту с целью «снять» целый ряд спорных и нерешенных теоретических вопросов нельзя не признать своевременным и необходимым.

Изложенное в настоящей главе исследование по способу верификации выдвигаемой в нем гипотезы является экспериментальным (в

традиционном понимании лингвистического эксперимента, идущем от Л. В. Щербы), а по характеру его осуществления — интроспективным.

Вполне убедительные доводы в пользу применения интроспекции в структурно-синтаксическом исследовании, как известно, приводил еще Л. Теньер.

В частности, Л. Теньер отмечал: «Сами условия, в которых выступают синтаксические факты, заставляют нас использовать... метод интроспекции. Деятельность говорящего невозможно анализировать в структурном плане иначе, чем с помощью интроспективного обращения к самой этой деятельности... Интроспективный метод можно обвинять в субъективизме, потому что он апеллирует к интуиции... Метод интроспекции действительно апеллирует к интуиции. Однако, кроме того, он апеллирует к внутреннему опыту. Тем самым этот метод становится экспериментальным и, следовательно, объективным. Интроспективный метод объективен еще и благодаря тому, что он опирается на факты. Конечно же, эти факты абстрактны. Но существуют же не только конкретные факты, воспринимаемые органами чувств. Можно даже утверждать, что в синтаксисе все факты абстрактны, поскольку в конечном счете конкретны только маркеры. Для постижения чисто абстрактных синтаксических фактов не существует другого метода, кроме метода внутреннего анализа... Само собой разумеется, что интроспективный метод применим только к родному языку исследователя. Этот метод предполагает, что языковед одновременно является субъектом речи» [Теньер 1988: 48—49].

Как известно, одной из главных задач теории синтаксиса в рамках любого частного языкознания, в том числе и в рамках русистики, является выделение синтаксических единиц в пределах грамматико-смысловой структурированности речи от уровня словоформ до уровня текста и обоснование их универсальных, типологических и национально-языковых свойств. В русистике последнего времени проблема синтаксических единиц, казалось бы, успешно решена, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что в любом современном вузовском учебнике этот вопрос излагается в духе «нормальной науки» (по Т. Куну), т.е. как некое вполне очевидное и общепринятое знание. Однако непредвзятый анализ отдельных речевых фактов по-

зволяет поставить под сомнение некоторые привычные и некритически усваиваемые теоретические положения.

В частности, оппозиция таких базовых синтаксических единиц, как словосочетание и простое предложение, в целом ряде вузовских учебников опирается либо на признаки непредикативность vs. предикативность, либо на признаки номинативность vs. коммуникативность, тогда как, адекватно отражая лишь какой-то определенный фрагмент языковой действительности и языкового сознания — так называемые прототипические явления, они не дают возможности непротиворечиво разбить некоторое множество синтаксических последовательностей (цепочек) на словосочетания и простые предложения соответственно (в особенности при учете реальных условий их создания в актах речевой деятельности).

В первом случае отнесение к разряду словосочетаний подчинительных конструкций с финитным глаголом в функции детерминирующего компонента, обычно не оспариваемое синтаксистами, явно противоречиво, поскольку именно в финитной глагольной словоформе выражаются предикативные субкатегории модальности, времени и лица (см. об этом также [Фурашов 2010: 13]). Кроме того, в круг словосочетаний, как непредикативных синтаксических единиц, в данном случае попадают различные сочинительные конструкции, в которых нет и не может быть отношений детерминации, конституирующих традиционные словосочетания.

Во втором случае словосочетание трактуется как «строительный материал» для распространенного простого предложения, хотя в реальной речевой деятельности словосочетания могут как воспроизводиться, подобно основной номинативной единице — слову, так и заново создаваться по продуктивным структурным схемам в процессе порождения предложения-высказывания, подобно предложению как коммуникативной единице, т.е. их номинативный характер и их лексичность далеко не так абсолютны (развернутую аргументацию этой точки зрения см. в [Задорожный 1980]), а простые предложения (и шире — предикативные конструкции) нередко используются в номинативной функции (ср. в разговорной речи: *Дай на чем писать!*).

Возможно, некоторым лингвистам кажется более убедительным использованный в ряде вузовских учебников многопризнаковый

подход к обоснованию оппозиции словосочетания и простого предложения как синтаксических единиц (ведь, как известно, естественный язык представляет собой коммуникативную систему с высокой степенью избыточности), хотя, на самом деле, и его применение связано с не меньшими по остроте теоретическими вопросами.

Например, правомерно ли противопоставлять парадигму словосочетания и парадигму простого предложения, если очевидно, что первая есть не что иное, как парадигма детерминирующего компонента словосочетания как представителя той или иной части речи?

Правомерно ли учитывать признак одно- или двухкомпонентности состава, вероятностный по характеру своего проявления: хотя простое предложение и имеет однокомпонентные структурные схемы типа N_1 (*Осень*) или Vf_{3pl} (*Стучат*), а словосочетание характеризуется двухкомпонентным составом всех структурных схем, нельзя не замечать того, что доминирующий структурный тип простого предложения представляют двухкомпонентные схемы и что в условиях неполного предложения-высказывания словосочетания (например, субстантивно-адъективные) могут реализоваться одним своим компонентом — преимущественно детерминируемым, отражающим синтаксическую форму словосочетания в целом?

Подобного рода вопросы можно было бы ставить еще и еще. Но даже сказанного вполне достаточно, чтобы понять: в современной русистике (да и в науке о языке вообще) пока нет непротиворечивого ответа на вопрос о том, каковы собственно синтаксические основания для выделения словосочетания как коммуникативно несамостоятельной минимальной комбинаторной единицы связной речи в противоположность простому предложению как минимальной единице коммуникативного плана (о словосочетании как микроединице связной речи см. [Смолянинова 2003: 24 и сл.; Анисимова 2007]).

Между тем словосочетание — это фундаментальная категория синтаксиса, недаром вся русская синтаксическая традиция «вышла» из синтаксиса словосочетания [Виноградов 1958], и это, безусловно, понятие, не чуждое не только научной, но и наивной метаязыковой рефлексии над синтаксисом языка / речи (см. гл. 2 этой книги). Иначе говоря, словосочетание — это не только и даже не столько лингвистический конструкт, сколько реальный факт языковой действительности и языкового сознания (обоснование этого тезиса в

психолингвистическом эксперименте см. выше — в гл. 1), и, значит, изучение природы, свойств и функций словосочетания является приоритетной задачей синтаксиса как науки.

Поэтому, не считая правильным отказываться вслед за Ю. В. Фоменко ни от самого термина-понятия «словосочетание», ни от определения его статуса как языковой единицы [Фоменко 1975] и в то же время не считая целесообразным абсолютизировать все чаще признаваемый в современной лингвистике вообще и в современной русистике в частности тезис о том, что языковые единицы и категории якобы принципиально не могут иметь четких дифференциальных признаков и, соответственно, о том, что их различия всегда в той или иной степени относительны, мы полагаем, что прямолинейный оппозиционный анализ вряд ли будет способствовать пониманию сути внутриязыковой дифференциации словосочетания и простого предложения как синтаксических единиц и, соответственно, выяснению природы словосочетания (ведь сущность словосочетания определяют обычно путем отрицания тех или иных признаков простого предложения, что, безусловно, не может исчерпать всех его эмпирических качеств, в том числе имеющих дифференцирующий характер).

Здесь мы хотели бы наметить другой возможный путь исследования, позволяющий по-новому взглянуть на обсуждаемые проблемы теории русского синтаксиса.

Исходя из теоретического положения (гипотезы) о том, что если словосочетание и простое предложение дифференцированы в языковой системе как синтаксические единицы, то в их построении и в их структурно-семантической организации одни и те же синтаксические (конструктивные) элементы должны обладать формальными, семантическими и функциональными различиями, рассмотрим такое синтаксическое явление, как обязательность атрибутивных компонентов.

Общая специфика структурной обязательности в синтаксисе заключается в том, что «данный элемент синтаксической конструкции обладает потенциальной синтаксической валентностью и требует для реализации этой валентности (т.е. для завершенности данной конструкции) обязательного присутствия определенной формы слова, словосочетания или предложения. При этом возникает не-

обходимость распространения части данной конструкции, вызванная синтаксическими или семантико-синтаксическими, но не контекстными условиями» [Иванчикова 1965: 85], а следовательно, и в том, что восполняющий синтаксическую конструкцию элемент, вне зависимости от его структурного типа, не может быть подвергнут трансформации опущения, или элиминации (другими словами, лингвистический эксперимент по опущению таких элементов приводит к «отрицательному» языковому материалу, в терминологии Л. В. Щербы).

Атрибутивные компоненты, выражающие признак предмета (это их обобщенно-грамматическое значение), становясь структурно обязательными, формируют новые типы словосочетаний — синтаксически неразложимые, новые типы членов предложения — дуплексивы, новые семантические типы простых предложений — полипропозитивные с атрибутивным компликатором и, главное, новые типы синтаксических отношений — атрибутивно-обстоятельственные в их семантических разновидностях (в частности, условно-выделительные и др.), и все эти эффекты, хотя и в неодинаковой степени, попадали в поле зрения синтаксистов (см. в связи с этим [Алиева 1992; Дьячкова 2002; Иванова 2006; Кормилицына 2003; Полищук 2011; Чеснокова 1980]). Однако дело в том, что названные эффекты проявляются не в любом обязательном атрибутивном компоненте, а в отдельных типах таких компонентов.

Наблюдения показывают, что в русском языке имеется, по меньшей мере, два типа обязательных атрибутивных компонентов, причем в один тип попадают те из них, которые способствуют семантическому распространению одного слова (формы слова) другим словом (формой слова), т.е. созданию словосочетания, а в другой тип — те из них, которые определены синтаксической и / или семантической организацией простого предложения либо его коммуникативно-речевыми вариациями.

Перейдем далее к анализу конкретного речевого материала, представленного синтаксическими конструкциями, в которых обязательный атрибутивный компонент выражен именем прилагательным.

Обязательные атрибутивные компоненты первого типа выполняют конструктивную функцию в процессе семантического распространения детерминируемого субстантивного компонента в слово-

сочетании первого порядка и, осуществляя его информативную конкретизацию, способствуют выражению целого ряда синтаксических отношений на уровне словосочетания, но преимущественно атрибутивных: *Отворила дверь **женщина с простым миловидным лицом*** (М. Алданов) — и обстоятельственных образа действия: *Молодая же родственница Аркадия Аполлоновича вдруг **расхохоталась низким и страшным смехом*** (М. Булгаков).

При опущении атрибутивного компонента, одиночного или представленного в форме однородного / неоднородного ряда, как в приведенных примерах, предложение-высказывание теряет структурно-семантическую завершенность и становится аномальным по смыслу (ср.: **Отворила дверь **женщина... с лицом***; **Молодая же родственница Аркадия Аполлоновича вдруг **расхохоталась... смехом***), что подтверждает обязательный характер атрибутивного компонента. Тем не менее если трансформацию опущения произвести иначе и удалить не только атрибутивный компонент, но и имеющий на него синтаксическую валентность субстантивный компонент, то предложение-высказывание, теряя в своем информационно-семантическом потенциале, остается приемлемым (ср.: *Отворила дверь **женщина***; *Молодая же родственница Аркадия Аполлоновича вдруг **расхохоталась***).

Отсюда следует, что, во-первых, данные атрибутивные компоненты являются обязательными не в структуре простого предложения, а в структуре словосочетания, так как их обязательность возникает в результате семантического распространения одного слова другим при порождении высказывания (распространенного простого предложения), а во-вторых, подобные обязательные атрибутивные компоненты на уровне реализации подчинительных связей создают синтаксически неразложимые словосочетания, а на уровне синтаксического членения простого предложения — единый второстепенный член предложения со структурой субстантивно-адъективного словосочетания.

Согласно Л. Д. Чесноковой, в таких структурах, квалифицируемых ею как сложные словосочетания, мы имеем дело с сильным согласованием [Чеснокова 1980: 56].

В сложных словосочетаниях, как известно, каждый акт подчинительной связи самостоятельно, т.е. без использования воспол-

няющих валентностных резервов, выражает определенное синтаксическое отношение и каждый его компонент является отдельным членом предложения. Однако рассматриваемые синтаксически неразложимые словосочетания, состоящие всегда более чем из двух компонентов (по этому признаку они, действительно, сближаются со сложными словосочетаниями), базируются на восполняющем использовании атрибутивной валентности детерминируемого в первом акте подчинительной связи субстантивного компонента (отсюда и обязательность атрибутивного распространителя) и соотносятся с меньшим на единицу количеством членов предложения (так, в примере из М. Алданова: *женщина* — подлежащее, *с простым миловидным лицом* — несогласованное определение; в примере из М. Булгакова: *расхохоталась* — сказуемое, *низким и страшным смехом* — обстоятельство образа действия), что обуславливает их отнесение к простым словосочетаниям особой структуры.

В русистике высказано, кроме того, мнение о переходном статусе подобных словосочетаний [Перетрухин 2007: 253—254], представляющееся также вполне приемлемым.

Обязательные атрибутивные компоненты первого типа используются, как правило, лишь в нескольких структурных схемах словосочетаний с детерминируемым субстантивным компонентом, в силу своей частеречной принадлежности имеющим активную синтаксическую валентность на атрибут: $N + N_2$ (*человек щедрой души, мебель черного дерева*), $N + c$ (прер.) + N_5 (*женщина с веснушчатым личиком, передняя с бруснично-красноватыми стенами*), $V + N_5$ (*идти несмелой походкой, писать крупным почерком*), $Adj_{кр.} + N_5$ с однокоренными компонентами (*бледен меловой бледностью, красив киношной красотой*), реже — $V + N_4$ (*говорить полезные вещи*).

Обязательные атрибутивные компоненты реализуют преимущественно синтаксические валентности синсемантических имен существительных, причем семантическая недостаточность последних в наиболее явном виде представлена в предикативной позиции, где имена существительные типа *человек, вещь, штука, дело* и т. п. оказываются неспособными создать законченную по смыслу предикацию. Ср.: — ...*Да, я держусь за работу, потому что родители мои — простые люди* (Н. Андреева) и **Родители мои — люди; ...я подумала, что жизнь — штука удивительная* (Т. Полякова) и **Жизнь*

— *штука*. Обязательность подобных атрибутивных компонентов зависит, однако, в большей степени не от характера синтаксической позиции детерминирующего субстантивного компонента (предикативная / непредикативная) и не от структурной схемы словосочетания, а от семантики имени существительного, требующего в тех или иных синтаксических условиях атрибутивного распространителя.

Так, например, в предложении-высказывании *Это был человек лет пятидесяти с очень приятным, умным лицом, с окладистой... бородой* (М. Алданов) в одних и тех же синтаксических условиях, — а именно в условиях предикативного использования словосочетания со структурной схемой N + c (прер.) + N₅, — атрибутивный компонент в первом случае является обязательным (однородный ряд опустить нельзя, ср.: *человек с... лицом), во втором же случае — факультативным (ср. человек с бородой), что обуславливается семантикой отторжимой / неотторжимой принадлежности и семантической предрасположенностью зависимой предложно-падежной словоформы с бородой (в отличие от предложно-падежной словоформы с лицом) к выполнению характеризующей функции. В этой ориентации на семантико-синтагматический потенциал слова (формы слова) также проявляется словосочетательная природа обязательности атрибутивных компонентов рассматриваемого типа.

Необходимо отметить, что если обязательный атрибутивный компонент представлен в предложении-высказывании однородным рядом, то опущение однородного ряда в целом приводит к аномальной по смыслу конструкции. Опущение же лишь некоторых (в частности, одного из двух) членов однородного ряда в этом случае вполне допустимо. Ср.: *Это был человек с приятным, умным лицом* и **Это был человек с лицом*; но: *Это был человек с приятным лицом*; *Это был человек с умным лицом*. Если же однородный ряд выступает в функции факультативного атрибутивного компонента, то беспрепятственно может быть элиминирован как однородный ряд в целом, так и любой из его членов по отдельности. Ср.: *Кто-то покупает красивые и дорогие безделушки* и *Кто-то покупает безделушки*; *Кто-то покупает красивые безделушки*; *Кто-то покупает дорогие безделушки*.

Те же самые наблюдения можно сделать и для конструкций с обязательным / факультативным атрибутивным компонентом, представ-

ленным неоднородным рядом. Ср., с одной стороны: *Вошла девушка с красивыми васильковыми глазами* и **Вошла девушка с глазами*; но: *Вошла девушка с красивыми глазами*; *Вошла девушка с васильковыми глазами*; с другой же стороны: *Дети с удовольствием ели душистый липовый мед* и *Дети с удовольствием ели мед*; *Дети с удовольствием ели душистый мед*; *Дети с удовольствием ели липовый мед*.

Все это подтверждает правоту П. А. Леканта, который относит как однородные, так и неоднородные ряды определений к одному и тому же приему усложнения членов предложения — расширению [Лекант 2004: 196—197]. Примечательно, однако, то, что на уровне словосочетаний эти конструкции различаются как по формально-структурным, так и по семантическим свойствам (см. гл. 6 этой книги).

Словосочетательную природу обязательных атрибутивных компонентов рассматриваемого типа подчеркивают и факты обязательности атрибутивного распространителя в устойчивых глагольно-именных словосочетаниях, ср.: *Мамонтов спросил дорогу у полицейского, который в этом городке не имел внушительного грозного вида* (М. Алданов) — **не имел... вида*, но: *иметь совесть, иметь терпение*; *Игорь, который данную реплику, безусловно, слышал, улыбнулся, намереваясь придать словесной перепалке шутиливый характер* (Т. Полякова) — **придать... характер*, но: *придать уверенность*. Как видим, и здесь обязательность атрибутивного распространителя определяется не чем иным, как степенью семантической обобщенности имени существительного, по своей частеречной природе обладающего синтаксической валентностью на атрибут.

Нельзя не сказать и о том, что в определенных контекстных условиях, в принципе иррелевантных для установления структурной обязательности в синтаксисе, обязательный атрибутивный компонент может элиминироваться. Здесь мы сталкиваемся с языковым экспериментом художников слова или обычных говорящих / пишущих.

Например, в рассказе А. Чехова «Счастливчик» один из персонажей произносит: — ...*Этакая блондиночка с носиком... с пальчиками... Душечка моя!* В норме в словосочетаниях со структурной схемой N + с (prep.) + N₅ при обозначении детерминируемым компонентом неотторжимой части целого он требует атрибутивного рас-

пространителя (ср.: *девушка с голубыми глазами*), так как зависимая предложно-падежная словоформа не обладает достаточным характеризующим семантическим потенциалом. Однако в чеховском рассказе новобрачный, по авторскому определению — счастливчик, с восторгом и вполне понятным возбуждением говорит о своей молодой жене, и в его речи даже без атрибутивных конкретизаторов зависимые предложно-падежные словоформы-димиутивы передают индивидуальность, неповторимость и свежесть данных предметных характеристик в восприятии мужа-счастливчика (по-видимому, этому способствует и особая выделительная интонационная «разметка» соответствующих синтагм, на пунктуационном уровне обозначенная с помощью повторяющихся многоточий). Вместе с тем, думается, что устранение димиутивных суффиксов лишит приведенное предложение-высказывание любых прав на узуально допустимое — вне специального стилистического целеполагания — употребление (ср.: *— ...*Этакая блондинка с носом... с пальцами...*).

При наделении качественно-оценочными коннотациями даже обобщенно-прономинальные имена существительные в предикативной позиции могут употребляться без атрибутивного распространителя, ср.: — ...*Человеком Галина Пак была творческим, но она была человеком! Отдадим ей должное* (А. Гудков).

Приведенные примеры показывают, что «блокировка» обязательной реализации атрибутивной валентности связана с контекстно-семантическим преобразованием компонента-носителя активной синтаксической валентности на атрибут (ср. также свободные словосочетания *девушка с неуживчивым характером* или *девушка с покладистым характером* и прецедентное словосочетание *девушка с характером*, которое по своей семантике соотносится скорее с первым из свободных словосочетаний, чем со вторым). По принципу «от противного» здесь мы также находим подтверждение словосочетательной природы обязательности атрибутивных компонентов первого типа.

Обязательные атрибутивные компоненты второго типа являются конструктивно значимыми при речевой реализации отдельных структурных схем простого предложения, а также в особых коммуникативно-речевых вариациях простых предложений, с одной стороны, и в результате компрессии двух находящихся между собой

в отношениях логической обусловленности пропозиций с общим субъектом (и реже — объектом), формирующей полипропозитивное простое предложение с атрибутивным компликатором, — с другой. Рассмотрим более подробно каждое из этих синтаксических явлений.

Наблюдения показывают, что структурная обязательность атрибутивного компонента возникает при речевой реализации структурной схемы простого предложения $N_1 — N_1$ с лексическим повтором компонентов предикативного ядра и с нулевой связкой, ср.: — ...**хороший свидетель** — **мертвый свидетель** (Т. Полякова). Применение трансформации опущения свидетельствует о том, что лексически различные атрибутивные компоненты в обеих частях предикативной конструкции являются обязательными (ср.: *Свидетель — свидетель), а значит, при синтаксическом членении этого предложения-высказывания в состав подлежащего и сказуемого должны войти субстантивно-адъективные словосочетания в целом.

Любопытно, что при материально выраженной связке (*есть, это*) атрибутивное распространение компонентов предикативного ядра либо невозможно (ср.: Свидетель — это (*есть*) свидетель), либо оно также должно соответствовать принципу лексической итерации, например: Мертвый свидетель — это (*есть*) мертвый свидетель. Наоборот, при нулевой связке компоненты структурной схемы простого предложения $N_1 — N_1$ не могут распространяться лексически повторяющимися атрибутивными компонентами, ср.: *Мертвый свидетель — мертвый свидетель.

Отсюда следует, кстати, что здесь мы имеем дело не с одной структурной схемой простого предложения и ее речевыми вариациями с нулевой и материально выраженной связкой, а с различными структурными схемами, поскольку они дифференцированы как в структурно-трансформационном, так и в семантическом отношениях. Предложения-высказывания, построенные по структурной схеме $N_1 — N_1$ с нулевой связкой, выражают семантику характеристики по признаку, а с материально выраженной связкой — семантику тавтологического тождества с широким кругом контекстно-ситуативных импликаций (так, например, смысл высказывания *Свидетель есть свидетель* может быть следующим: ‘свидетеля нужно охранять’, ‘свидетелям свойственно менять показания’, ‘свидетели падки на деньги’ или др.).

Атрибутивный распространитель является обязательным, в частности, при одном из компонентов субстантивной сочинительной конструкции, в которой синтаксически равноправными отношениями связаны лексически повторяющиеся однофункциональные компоненты, ср.: *И не только с сотрудниками, но и с бывшими сотрудниками он* (Леонидов. — К. С.) *разговаривал* (Н. Андреева). При опущении такого атрибутивного компонента предложение-высказывание становится бессмысленным, информативно опустошенным: **И не только с сотрудниками, но и с... сотрудниками он разговаривал*. В данном случае структурная обязательность атрибутивного распространителя второго сочиненного компонента обусловлена таким семантическим ограничением на компоненты сочинительной конструкции, согласно которому между ними должны быть как сходства, так и различия [Сигал 2004: 172—198].

В неполном распространенном предложении-высказывании нередко наблюдается эллипсис субстантивного распространителя при сохранении детерминируемого им атрибутивного компонента. В таких случаях атрибутивный компонент остается единственным представителем той или иной семантической роли и, соответственно, не может быть элиминирован без разрушения структурно-семантической целостности неполного предложения-высказывания и его относительной автосемантической в микротексте. Например: *Выбор был невелик, но парочка платьев заслуживала внимания. Я удалилась в примерочную кабину и вскоре позвала Ковалева. // — Ну? — спросила с вызовом. // — ...Ты для него (для Строева. — К. С.) слишком хороша, даже если будешь в телогрейке. // — Мерси, но я надеюсь, мне никогда в жизни не придется ее надевать. Берем **черное*** (Т. Полякова). В последнем, контекстуально неполном определенно-личном предложении опущено прямое дополнение *платье*, а его семантическую, да и конструктивную, роль берет на себя атрибутивный распространитель, согласованный с ним в роде, числе и падеже.

«Русская грамматика» 1980 г. трактует подобные сегменты в неполных предложениях-высказываниях как «неполные словосочетания» или, точнее, как «неполные реализации словосочетаний» [РГ 1980: 142] (см. также [Долгов 1993: 64; Моисеенко 1992]). Нельзя не отметить, однако, парадоксальности термина-понятия «неполное словосочетание» или «словосочетание неполной структуры» в свете

номинативной концепции словосочетания (а ведь именно ее и отстаивает так или иначе «Русская грамматика» 1980 г.!), перенесения благодаря этому термину-понятию в сферу словосочетания тех коммуникативно-речевых вариаций, которые характеризуют уровень простого предложения. В свое время В. Г. Адмони (опять-таки с точки зрения номинативной концепции словосочетания!) указывал на то, что «введение понятия нулевых форм (частичного аналога неполноты. — К. С.) в словосочетание в общем виде... нецелесообразно. Ведь вся сущность словосочетания заключается в расширении номинации, т.е. в прибавлении к одному наличному “номинирующему” компоненту другого наличного “номинирующего” компонента» [Адмони 2004: 11].

Выдвижение термина-понятия «неполное словосочетание» в рамках номинативной (!) концепции словосочетания, где словосочетание трактуется как «строительный материал» для распространенного простого предложения, в функциональном и операциональном плане аналогичный слову, свидетельствует о том, что в русистике пока нет сложившихся непротиворечивых (!) представлений о взаимодействии структурных схем простых предложений и словосочетаний при порождении речевого высказывания (см., однако, гл. 7 этой книги).

Наиболее сложен синтаксический механизм обязательности атрибутивных компонентов в так называемых полипропозитивных простых предложениях, которые в формально-структурном плане являются простыми, созданными одной синтаксической формой предикативности, а в семантическом плане — сложными, имплицитно устанавливающими определенное логическое отношение между двумя пропозициями: «развернутой» и «свернутой». Так, в предложении-высказывании — ...*Богатые* люди *порядочными не бывают* (Н. Андреева), монопредикативном по своей синтаксической структуре, на основе семантики компонентов (членов предложения) устанавливаются условно-следственные отношения между двумя пропозициями: *Если люди богатые, то они порядочными не бывают*. В результате трансформации опущения атрибутивного компонента предложение-высказывание структурно остается приемлемым, но его семантика существенным образом меняется: *Люди порядочными не бывают*.

Отсюда следует, что обязательность атрибутивного компонента возникает в данном случае не в структурной схеме простого предложения и тем более не в процессе семантического распространения его субстантивного компонента-подлежащего, а в ходе семантической компрессии двух предикаций, связанных отношениями логической обусловленности, в «мысленном черновике» (термин Л. С. Выготского) говорящего / пишущего. В описательной «Русской грамматике» 1980 г., базирующейся на принципах интерпретации речи слушающим, подобные синтаксические конструкции рассматриваются как созданные в результате конситуативно обусловленной неразложимости атрибутивного словосочетания [РГ 1980: 137—138], хотя поверхностное атрибутивное словосочетание «результатирует» здесь явно не семантическое распространение одного слова другим, а действие сложного механизма компрессии.

С точки зрения синтаксического членения приведенного простого предложения обязательный атрибутивный компонент является дуплексивом, а именно атрибутивно-обстоятельственным второстепенным членом предложения с двойными связями: одной — формальной, эксплицитно выраженной согласованием с подлежащим в числе и падеже, другой — семантической, имплицитно выраженной в смысловой корреляции атрибутивного компонента и присвязочного члена составного именного сказуемого.

Наблюдения показывают, что в подобных полипропозитивных простых предложениях обязательный атрибутивный компонент согласуется чаще всего с подлежащим, как в рассмотренном выше примере, и реже — с дополнением (как правило, косвенным): — ...из **любовных** свадеб ничего путного никогда не выходит (И. Тургенев); Сейчас опасно проявлять доверие к **малоизвестным** людям (А. Гудков).

Среди типов обстоятельственной семантики в полипропозитивных простых предложениях с атрибутивным компликатором преобладает условный (и минимально представлены уступительный и причинный, в том числе при синкретизации с условной семантикой), ср.: — ...Только **фальшивая** любовь так себя рекламирует (Н. Андреева); С **плохими** вестями никто не торопится (Она же); — ...У **скромной** девушки в журналистике нет будущего (Т. Полякова).

Атрибутивная связь в подобных структурах также специфична: поскольку детерминирующий субстантивный компонент не может быть полноправным представителем всего атрибутивного словосочетания в предложении-высказывании (т.е. он информативно иррелевантен без атрибутивного распространителя), на собственно определительные отношения здесь накладываются выделительные, на что впервые было обращено внимание в [Шмелев 2006: 67]. Ср. афоризм М. Вольпина: *Советская колыбельная песня должна будить ребенка* (М. Ардов), где выделительные отношения явно преобладают над возможными обстоятельственными коннотациями.

Показательно, что семантический синкретизм обязательного атрибутивного компонента отражается и в просодической организации предложения-высказывания: при произнесении собственно атрибутивного компонента тон повышается, а после детерминирующего субстантивного компонента (обычно постпозитивного) делается небольшая пауза (эти наблюдения вполне могут быть верифицированы в специальном акустическом эксперименте).

Характерной чертой полипропозитивных простых предложений с атрибутивным компликатом является их тяготение к финально-резюмирующей позиции в структуре сложного синтаксического целого или даже целого текста (в сфере монолога) или к позиции ответно-замыкающей реплики (в сфере диалога) и меньшая их встречаемость в инициальных / медиальных позициях в монологе и в позициях инициативных реплик диалога. Это связано с тем, что по своей общей семантике данные предложения-высказывания близки к сентенциям и разного рода эмпирическим, житейским обобщениям и умозаклучениям. Ср. предложение-высказывание *Богатая княжна Вяземская не смогла бы оставить нам такого богатого наследства*, завершающее рассказ православного журналиста Н. Сухининой «Колюпановские тайны», посвященный судьбе княжны Евдокии Вяземской, оставившей светские увеселения и ставшей монахиней, впоследствии — старицей Евфросинией. После смерти блаженной старицы Евфросинии многие верующие чудесно исцелились у ее могилки, посещают ее святой источник и т.д. Атрибутивный компликат позволяет журналисту компактно и без нарочитого дидактизма выразить свою авторскую позицию.

Проведенный анализ не оставляет сомнений в том, что обязательные атрибутивные компоненты второго типа свою конструктивную функцию выполняют на уровне простого предложения, а не на уровне словосочетания, хотя при поверхностном взгляде может показаться, что их роль ограничена ролью детерминируемого компонента в атрибутивном словосочетании.

Как видим, обязательные атрибутивные компоненты первого и второго типа обладают различиями формального, семантического и функционального плана. Формальное различие состоит в их неодинаковой реакции на трансформацию опущения (элиминации), семантическое — в их способности / неспособности совмещать атрибутивное и обстоятельственное значения, функциональное — в компенсирующей, восполняющей роли обязательных атрибутивных компонентов первого типа в структуре словосочетания с детерминируемым субстантивным компонентом, с одной стороны, и в обеспечении обязательными атрибутивными компонентами второго типа речевой реализации отдельных структурных схем простого предложения и коммуникативно-речевых вариаций простого предложения (сочинение, эллипсис), а также в «свертывании» пропозиций, — с другой.

Безусловно, структурная обязательность в синтаксисе вообще и структурная обязательность атрибутивных компонентов в частности возникает при порождении речевого высказывания, так как именно в свободном речетворческом процессе нарабатываются те или иные константные синтаксические структуры. Однако же внутриязыковая дифференциация двух типов обязательных атрибутивных компонентов и приуроченность их к сфере словосочетания и простого предложения соответственно косвенно указывает на то, что словосочетание и простое предложение дифференцированы в системе языка на синтаксической основе, а значит, и являются отдельными синтаксическими единицами. Таким образом, на материале обязательных атрибутивных компонентов выдвинутое исходное теоретическое положение (гипотеза) подтверждается.

Что касается природы словосочетания, то рассмотренные речевые факты позволяют высказать следующее соображение. Словосочетание представляет собой синтаксическую форму, определяющую при порождении высказывания (распространенного

простого предложения) весьма различные речедетельностные операции, а именно семантическое распространение одного слова (формы слова) другим словом (формой слова) с целью конкретизации номинации или «достраивание» предложения-высказывания определенной синтаксической структуры, с одной стороны, и, с другой стороны, семантическую компрессию, в частности «свертывание» предложения характеристики по признаку (предикации) в именную группу, вводимую в состав другого предложения (предикации).

Поэтому нельзя не согласиться с Г. А. Золотовой в том, что словосочетание является, с одной стороны, средством распространенной номинации предмета, явления, а с другой стороны, способом номинализации предложения [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 55]. Существенно, однако, то, что с точки зрения синтаксических связей, без привлечения лингвистического эксперимента в виде трансформации опущения (элиминации), различить эти две функциональные «ипостаси» словосочетания практически невозможно. И, следовательно, нельзя не констатировать большей адекватности синтаксического взгляда на природу словосочетания (по сравнению с номинативным), т.е. взгляда, который всегда доминировал в русистике.

Представляется, что ни одного синтаксиста в начале XXI в. не требуется убеждать в правомерности обращения к экспериментальным приемам анализа, почти каждый из нас подвергает экспериментальным тестам себя и других, а затем так или иначе учитывает сделанные наблюдения как частный случай «жизни» определенной синтаксической модели в речевом узусе. Однако, став важнейшей категорией описательной грамматики, словосочетание в какой-то степени оказалось заложником ее методологического подхода: словосочетания именно описывают, но, описывая их исключительно в режиме констатирующего наблюдения, т.е. не пытаясь создавать и варьировать экспериментальным путем условия их функционирования (за редчайшими исключениями!), не могут оценить степень адекватности понимания природы словосочетаний и принципов их моделирования в различных синтаксических концепциях.

Между тем в русистике наших дней к синтаксису словосочетания накопилось немало вопросов, связанных преимущественно с выяснением природы словосочетания, — вопросов, на которые не представляется возможным дать всесторонне аргументированный ответ

в рамках описательного (в том числе и таксономического) подхода, доминирующего в этой синтаксической дисциплине. Именно поэтому в настоящей главе мы стремились продемонстрировать высокий эвристический потенциал лингвистического эксперимента в обсуждении хотя бы одного дискуссионного вопроса, имеющего непосредственное отношение к синтаксису словосочетания.

В заключение, перефразируя строки малоизвестного письма И. А. Бодуэна де Куртенэ, адресованного его ученику Л. В. Щербе и обнаруженного в академическом архиве А. А. Леонтьевым, считаем нужным сказать следующее: перспективу экспериментального (объективно-психологического, в терминах И. А. Бодуэна де Куртенэ) изучения словосочетаний в синтаксическом аспекте можно видеть в том, что, «применив к этой области лингвистико-психологическое мышление (читай: экспериментальный метод. — *К. С.*), можно... делать изумительные и поразительные открытия» [Леонтьев 2005: 185].

ГЛАВА 6

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЧЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СЛОЖНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

Одним из вполне очевидных доказательств несостоятельности абсолютизации представлений о словосочетании как о «строительном материале» для предложения-высказывания, обладающем номинативной функцией, скорее извлекаемом из памяти говорящего / пишущего, чем создаваемом им в процессе речи и т.д., т.е. представлений, согласно которым словосочетание в языковом механизме во многом (во всяком случае, функционально и операционально) отождествлено со словом как основной номинативной единицей языка, является возникновение в ходе порождения предложения-высказывания многокомпонентных словосочетаний и обнаружение устойчивых языковых (конструктивных) закономерностей их создания на основе синтаксических форм бинарных, двухкомпонентных (иначе говоря, простых, элементарных) словосочетаний.

Продуцируя словосочетания со сложным квантитативным составом, говорящий / пишущий преследует явно иные цели, чем просто осуществление номинативного акта: в первую очередь здесь для него существенной оказывается возможность построить развернутую дескрипцию объекта (в широком понимании), что и происходит благодаря комбинаторному взаимодействию нескольких синтаксических форм словосочетания (ср. имя существительное *беляши* и его словарную дефиницию ‘*маленькие круглые пирожки*’ [СО 1990: 49] — сложное субстантивное словосочетание, по функции — аналитическую дескрипцию, не обнаруживающую к тому же референциальной однозначности, так как, безусловно, не всякий маленький круглый пирожок можно назвать беляшом).

На тот факт, что формирование сложных словосочетаний обусловлено не чем иным, как правилами синтаксического конструирования речи, обратил внимание еще Е. В. Кротевич, который писал: «Объем словосочетания, т.е. количество составляющих его членов, зависит не только от намерения говорящего (или пишущего), который, желая более полно и точно обозначить (именовать) тот или иной предмет, явление, процесс, признак и т.п., может воспользоваться воз-

возможностью распространения членов простого (двусловного) словосочетания (ср., например, *большой стол* и *очень большой стол*, *просьба друга* и *настойчивая просьба моего лучшего друга*), но и от лексико-семантических особенностей и грамматических свойств, присущих словам-частям речи и их отдельным группам (разрядам), из состава которых берутся составные части этих единств. Так, например, местоименные словосочетания типа *мы с тобой* не могут быть «распространены» и всегда остаются простыми, двусловными» [Кротевич 1956: 35—36] (ср., однако, возможность распространения этого местоименного словосочетания в целом на основе связи примыкания: *мы с тобой вдвоем*).

Эти наблюдения свидетельствуют о том, что сложные, многокомпонентные словосочетания возникают в речи не только и не столько по коммуникативной воле описывающего мир субъекта (ведь его дескриптивная интенция может не найти поддержки в закономерностях синтаксической комбинаторики), сколько благодаря «кооперации», или функциональной координации, коммуникативно-познавательной (т.е. прагматической) установки говорящего / пишущего с теми допущениями и ограничениями, которые налагает языковая система на комбинаторно-синтаксическое взаимодействие двух или более форм словосочетания. Более того, можно определенно говорить о том, что сложное, многокомпонентное словосочетание — это явление еще в большей степени синтаксическое, чем простое (бинарное) словосочетание, так как последнее благодаря лексикализации (и фразеологизации) все же довольно легко меняет тип воспроизводимости: синтаксический (воспроизводимость словосочетания как структурной схемы) — на лексико-фразеологический (воспроизводимость словосочетания как целостной прямой / косвенной номинации) и обеспечивает преобладающий структурный генотип фразеологических единиц.

Несмотря на то, что объем словосочетания и его количественно-структурная типология долгое время считались примером схоластических проблем в синтаксисе (достаточно вспомнить споры вокруг выделения однокомпонентных словосочетаний А. М. Пешковским [Виноградов 1950: 43 и сл.; Прокопович 1974: 68—70]), и на то, что изучению многокомпонентных, сложных словосочетаний во всем многообразии их речевых конфигураций не

уделялось должного внимания [Столярова 1990 (а): 8—9] (ср., однако, [Сайрамбаев 1981; Шишканова 1991]), вследствие чего даже сам термин «сложное словосочетание» не имеет в синтаксических трудах однозначного и общепринятого истолкования, нет никаких сомнений в том, что без обоснования подлинно синтаксического критерия простоты / сложности в сфере словосочетания и без выявления конструктивных (строевых) и психолингвистических закономерностей речевой организации сложных словосочетаний лингвистам вряд ли удастся целиком и полностью раскрыть механизмы синтаксической комбинаторики при порождении предложения-высказывания, т.е. вряд ли удастся решить одну из фундаментальных задач синтаксиса как науки.

В качестве основного объекта исследования в данной главе рассматриваются сложные словосочетания линейно-структурного типа Adj. + (Adj. + N), т.е. *красивая старинная тарелка* (В. Дудинцев), *по чистому сухому асфальту* (А. Солженицын) и т. п., так как именно в их функционировании наиболее наглядно проявляется психолингвистическая обусловленность структурирования многокомпонентных синтаксически целостных сегментов предложения-высказывания в речи. Текстовые реализации сложных словосочетаний этой разновидности послужили и в качестве материала для двух представленных здесь экспериментальных исследований, которые составляют эмпирическую базу обобщений психолингвистического плана.

В синтаксисе коммуникативных единиц простота / сложность предложения-высказывания определяется по наличию в его составе одной или более одной предикативной конструкции. Несмотря на то, что предикативные конструкции в функции членов предложения, предикативные конструкции во вставках (т.е. парентезные сообщения), серийные сказуемые с нулевыми анафорическими подлежащими, «свернутые» предикации в форме обособленных членов предложения, предикативные номинации (или номинализированные предикативные конструкции), устойчивые фразы и др., безусловно, вносят в типологизацию предложений-высказываний по признаку простоты / сложности качественный момент и формируют «рельеф» переходной синтаксической зоны между простыми и сложными предложениями, в целом критерий простоты / сложности в синтаксисе коммуникативных единиц относится к собственно квантита-

тивному типу, он ориентирован почти исключительно на количество предикативных конструкций в составе предложения-высказывания.

Простота / сложность в сфере словосочетаний как синтаксических единиц докоммуникативного уровня — это только отчасти характеристика их объема, или количественного состава, поскольку словосочетания строятся не из слов (и словоформ), как это иногда постулируется в синтаксических описаниях, а из вступающих в детерминативные (подчинительные) отношения компонентов, каждый из которых может иметь различное словесное наполнение. Благодаря тому, что «счет» лексических и синтаксических элементов в речевой цепи не совпадает, двухкомпонентное, т.е. в своей сущности простое, словосочетание может состоять не только из двух, но также из трех, четырех и более знаменательных слов (ср., например, *девочка с голубыми глазами* — тип словосочетания, получивший в синтаксической науке самые противоречивые интерпретации). Осознание того, что лексически и синтаксически неразложимые сочетания слов, аналитические формы слов, а также сочинительные конструкции в структурной схеме словосочетания занимают одну позицию и что тем самым в позиции любого из компонентов словосочетания, как детерминирующего (главного), так и детерминируемого (зависимого), и — реже — в каждой из них может оказаться при развертывании предложения-высказывания семантически целостное несколькословное образование с единой синтаксической функцией на уровне словосочетания и членов предложения, еще несколько десятилетий назад привело лингвистов к пониманию того, что подлинно синтаксический критерий простоты / сложности в сфере словосочетания должен быть качественным, структурно-семантическим.

На это указывает, в частности, замечание В. П. Сухотина, автора одной из первых теоретических работ по синтаксису словосочетания, о том, что определение словосочетания как «двух слов» является крайне недостаточным и требует внимательного отношения к смысловым границам словосочетания в предложении-высказывании [Сухотин 1950: 157].

Проблемы поиска критерия простоты / сложности словосочетания и, соответственно, обоснования количественно-структурной типологии словосочетаний активно разрабатывались целым рядом синтаксистов (см. обзор их исследований в [Столярова 1988]).

Перейдем далее к анализу того варианта решения этих проблем, который был изложен в «Русской грамматике» 1980 г. и получил наибольшее распространение в современной синтаксической науке.

В «Русской грамматике» 1980 г. (т. II, §§1886—1889) по своему составу словосочетания делятся на три типа: простые, сложные и комбинированные.

Простые словосочетания образуются на основе одиночной сильной или слабой связи (*строить дом* — одиночное сильное управление, *новый дом* — одиночное согласование, слабая связь), двойной сильной связи (*отдать книгу ученику*), а также такого соединения сильной и слабой связи, при котором слабая связь возможна только при наличии сильной связи (*открыть дверь гостю*). Отмечается также, что «простое словосочетание является минимальной конструкцией, на основе которой образуются словосочетания усложненных типов» [РГ 1980: 81].

Сложные словосочетания создаются на основе двух или более разных подчинительных связей, исходящих от одного главного слова. В сложных словосочетаниях допускаются следующие комбинации связей (подчеркнем, что они даны как «закрытый» список): согласование и примыкание (*неудержимое желание странствовать*), согласование и управление (*неожиданный приход начальника*), управление и примыкание (*лов рыбы зимой*), примыкание и примыкание (*возвращение ночью домой*), управление и управление (*осмотр больного врачом*) [Там же: 82].

В комбинированных словосочетаниях структурообразующие связи исходят от разных стержневых слов, причем эти словосочетания обязательно включают в себя такое слово, которое в одном акте подчинительной связи является главным, а в другом — зависимым. Комбинированные словосочетания могут быть несвязанными, т.е. образованными на основе свободно расчленимых словосочетаний (*исследовать из космоса состав земной коры*), и связанными, т.е. содержащими нерасчленимые словосочетания, в том числе «конструкции, в которых из образовавшегося соединения не может быть изъято согласуемое определяющее слово» (*девочка с голубыми глазами*) [Там же].

Вполне очевидно, что представленная в «Русской грамматике» 1980 г. количественно-структурная типология словосочетаний но-

сит синтаксический характер, поскольку типы словосочетаний дифференцированы здесь не по количеству составляющих их слов (ведь этот признак сам по себе в «счете» синтаксических элементов речевой цепи не является релевантным), а по собственно синтаксическим признакам. Среди последних эксплицированы сила подчинительной связи (сильная / слабая связь), количество связей (одиночная / двойная связь) и количество стержневых слов в словосочетании (одно / более одного), а также комбинации этих признаков (ср. «двойная сильная связь»). Помимо них имеются, однако, и подразумеваемые типологически значимые признаки, не получившие эксплицитного описания.

Так, например, словосочетания с двойной сильной связью отнесены к простым, в то время как словосочетания с двумя связями управления, исходящими от одного главного слова, без всяких дополнительных разъяснений причислены к сложным словосочетаниям. Отсюда необходимо вытекает, что в сложном словосочетании хотя бы одна из связей управления должна быть слабой, но, как мы видим, при выделении типа сложных словосочетаний признак силы связи не учитывается. Если же принять во внимание тот факт, что сила связи управления в «Русской грамматике» 1980 г. определяется во многих случаях противоречиво и без каких-либо строгих объяснений (так, на с. 28 связь в словосочетании *выстрелить из чего-нибудь* отнесена к сильному управлению, а на с. 30 связь в словосочетании *стрелять из автомата* — к слабому управлению и др. [Осипов 2001: 81 и сл.]), то вряд ли можно, целиком и полностью полагаясь на анализируемую концепцию синтаксиса словосочетания, найти разумные аргументы в пользу однозначной квалификации многокомпонентных словосочетаний типа *стрелять по танку из орудия* как простых словосочетаний с двойной сильной связью управления или как сложных словосочетаний с двумя связями управления, исходящими от одного слова.

Отнесение к типу комбинированных словосочетаний конструкций с обязательной согласуемой атрибутивной словоформой типа *девочка с голубыми глазами* (**девочка с глазами*), т.е. с синтаксически неразложимым сочетанием слов, свидетельствует о неявном использовании в типологизации словосочетаний по их составу признака семантической / асемантической подчинительной связи. Однако

при учете синтаксического членения этих словосочетаний в предложении-высказывании на два члена предложения, двухкомпонентной структуры синонимичных им словосочетаний (ср. *голубоглазая девочка*) и, наконец, выражения ими одного типа синтаксических отношений — атрибутивных — имеются основания считать, что эти построения стоят гораздо ближе к простым словосочетаниям. Признание же в данном случае асемантического характера синтаксической связи в словосочетании — это не что иное, как парадокс таксономического подхода, стремящегося любое синтаксическое явление поместить в одну конкретную рубрику и не предполагающего наличия в синтаксической системе языка переходных, синкретичных образований (в связи с этим см. [Бабайцева 2000]).

Квантитативно-структурная типология словосочетаний, базирующаяся на столь различных синтаксических признаках, как названных, так и подразумеваемых, не могла не привести, с одной стороны, к перекрещиванию выделяемых типов словосочетаний, а с другой стороны, к неполному охвату эмпирических данных. Так, в частности, вне рассматриваемой типологии словосочетаний и, соответственно, никак не охарактеризованными с точки зрения их квантитативного состава оказались в «Русской грамматике» 1980 г. интересующие нас словосочетания Adj. + (Adj. + N) с двумя (или более) связями согласования. Правда, о них говорится в §1861 как об одном из случаев совместности присубстантивных связей. Ср.: «Совместность двух одинаковых слабых связей — согласуемых форм, из которых одна определяет существительное, а вторая — все в целом сочетание «существительное + согласуемая форма»; при этом вторая форма обычно несет или качественно-характеризующее, или указательное значение... Возможно и дальнейшее расширение такого ряда согласуемых форм» [РГ 1980: 73]. Тем не менее остается непонятным, к какому квантитативно-структурному типу словосочетаний относятся субстантивные конструкции с двумя (или более) связями согласования и в чем заключается их семантико-синтаксическое своеобразие как регулярно воспроизводимой в речевой деятельности модели многокомпонентного словосочетания.

Дать научно обоснованный ответ на поставленные вопросы не представляется возможным без обоснования единого синтаксически релевантного критерия простоты / сложности словосочетаний

во всем их эмпирическом разнообразии и без обращения к созданной на его основе непротиворечивой типологии словосочетаний по их квантитативному составу.

Вне зависимости от своего объема, а именно от своей протяженности, или квантитативного состава, словосочетание должно сохранять тождество самому себе как особой синтаксической единице, т.е. должно соответствовать базовому принципу синтаксической формы словосочетания — выражению одного типа синтаксических отношений (атрибутивных, объектных или иных) посредством подчинительной связи двух и только двух компонентов (но не слов!), изоморфно проецируемых в сферу членов предложения.

Анализ речевого материала свидетельствует о том, что учет количества взаимодействующих синтаксических форм словосочетания при создании единой аналитической дескрипции предмета, явления, признака или процесса как синтаксически релевантный критерий позволяет дифференцировать не только простые и сложные словосочетания, но и словосочетания переходных типов (опыт типологизации словосочетаний см. в [Перетрухин 2007]).

В квантитативно-структурной типологии В. Н. Перетрухина, учитывающей собственно синтаксическую природу словосочетаний в таком ее понимании, выделяются простые словосочетания типа *белый снег*, *более удачный ход* (с аналитической формой зависимого компонента), *дни бабьего лета* (с фразеологизмом в позиции зависимого компонента), состоящие из двух компонентов (не слов!), выражающие один тип синтаксических отношений и в предложении-высказывании выступающие в позиции не более двух его членов [Там же: 253]; словосочетания переходного типа, «по своей семантике близкие к простым, а по синтаксической структуре внешне напоминающие сложные», состоящие более чем из двух знаменательных слов (и при этом только из двух компонентов!), но выражающие один тип синтаксических отношений и занимающие позиции двух членов предложения: *девушка с голубыми глазами* (с синтаксически неразложимым зависимым компонентом), *наивный или глупый ход* (с сочинительной конструкцией в позиции зависимого компонента) [Там же: 253—254]; наконец, сложные словосочетания, образующиеся в результате распространения простых и переходных словосочетаний, выража-

ющие столько типов синтаксических отношений и занимающих позиции стольких членов предложения, сколько у них зависимых компонентов (но не слов!): *белый пушистый снег, рослая девушка с голубыми глазами* и др. [Там же: 254].

Опираясь на специфику синтаксических связей в кругу подобным же образом понимаемых сложных словосочетаний, как было установлено еще Н. Н. Прокоповичем, можно разграничить три типа комбинаций: 1) «простое словосочетание + зависимое от него отдельное слово»: *близкие ему по крови, с мольбой просить о помощи*, к этому же типу относятся и словосочетания Adj. + (Adj. + N): *черкесская мохнатая шапка* (М. Лермонтов), *из почтенной краснодонской семьи* (А. Фадеев); 2) «стержневое (главное) слово + зависимое от него простое словосочетание»: *кудрявый от мелкого кустарника, в доме с белыми колоннами*; 3) «стержневое слово + два (или три) зависимых слова, не связанных друг с другом и не образующих словосочетания»: *вложить патрон в ружье* [Прокопович 1974: 71—76]. Исходя из номинативной концепции словосочетания, Н. Н. Прокопович указывает на то, что «границы сложного словосочетания... определяются возможностью выступать в качестве единого, хотя и сложного обозначения предметов, действий, признаков» [Там же: 71]. Думается, однако, что границы сложного (да и любого другого) словосочетания определяются не единством номинации, а, скорее, единством и тождеством референта аналитической дескрипции и необходимой для адресата высказывания мерой восполнения информативно-семантической недостаточности того или иного компонента предикативной конструкции.

Применение подлинно синтаксического критерия количественно-структурной типологии словосочетаний позволило увидеть, что минимальную конструкцию словосочетания составляют не только простые словосочетания, но и словосочетания переходных типов, поскольку и те, и другие служат основой для построения сложных словосочетаний. Тем не менее выделенные типы словосочетаний по их количественному составу, в особенности тип сложных словосочетаний, слишком укрупнены, и при оперировании ими от внимания исследователя ускользает тот факт, что, скажем, в сфере сложных словосочетаний имеется своя периферия, своя тенденция к переходности, т.е., иначе говоря, такие модели сложных, многокомпонент-

ных словосочетаний, которые обладают структурной предрасположенностью к «смещению» в переходную зону.

Это напрямую относится к объекту исследования в настоящей главе — словосочетаниям Adj. + (Adj. + N), в которых при определенном коммуникативно-смысловом задании синтаксически подчиненные препозитивные адъективные компоненты могут быть соединены сочинительной связью (бессоюзной или союзной), т.е. которые способны трансформироваться в двухкомпонентные словосочетания переходного типа (Adj. + Adj.) + N. Ср.: *В комнату вошел невысокий, толстый человек в фиолетовом костюме, залитом драгоценными камнями* (М. Алданов) и *невысокий толстый человек*; *Вся большая и полутемная передняя была загромождена необычными предметами и одеянием* (М. Булгаков) и *большая полутемная передняя*.

Остановимся далее на структурно-семантической характеристике многокомпонентных словосочетаний Adj. + (Adj. + N), относящихся к периферии сложных словосочетаний и, несомненно, содержащих в самой своей модели и закономерностях ее речевой реализации «следы» своего «пограничного» статуса.

Прежде всего необходимо отметить, что в авторской картотеке речевого материала, которая формировалась путем сплошной выборки преимущественно (но не исключительно) из текстов русской художественной прозы XX — начала XXI вв., имеется 2000 текстовых фрагментов, включающих сложные, многокомпонентные словосочетания модели Adj. + (Adj. + N). Среди них 80% составляют речевые реализации этой модели словосочетания с двумя препозитивными адъективными компонентами, 19,1% — с тремя, 0,9% — с четырьмя.

Приведем лишь некоторые примеры словосочетаний различной протяженности в той форме, в которой они были извлечены из текста-источника. Словосочетания с двумя препозитивными адъективными компонентами: *нехороший тусклый вечер, крупный мягкий снег* (М. Булгаков); *под густыми седоватыми бровями* (М. Алданов); *в строгий вертикальный порядок, цепкими длинными пальцами, тонкую кадыкастую шею, хмурого деревянного дома* (В. Дудинцев); *с холодным мелким дождиком, по круглому румянному пятну, толстый недоброжелательный старшина* (А. Солженицын).

Словосочетания с тремя препозитивными адъективными компонентами: *темный холодный парадный ход* (М. Булгаков); *теплым осенним полевым духом* (В. Дудинцев); *долгий залихватый паровозный гудок* (А. Солженицын); *за большим уютным письменным столом* (Т. Устинова). Словосочетания с четырьмя препозитивными адъективными компонентами: «*дополнительной*» *прокислой стограммовой пшенной бабке* (А. Солженицын); *огромные красные крепкие курские яблоки* (Т. Устинова).

Существенно, что на 2000 речевых реализаций данной модели сложного словосочетания в текстах разных авторов и разных хронологических отрезков в пределах обозначенного времени не встретилось ни одного словосочетания с пятью или более препозитивными адъективными компонентами. Все это означает, что, несмотря на отсутствие каких-либо структурных ограничений на увеличение количества препозитивных адъективных компонентов, реально в своей речевой деятельности пишущие (и тем более говорящие) обходятся словосочетаниями с двумя, тремя и четырьмя подобными компонентами, причем первые являются доминирующим способом речевой реализации модели, т.е. представляют собой эталон, или генерализованный образец, данной модели сложного, многокомпонентного словосочетания, отображенный в языковом сознании коммуникантов и допускающий возможность аналогического развертывания при создании предложения-высказывания.

Именно этими соображениями обусловлена лингвистическая формализация данной модели словосочетания в виде схемы Adj. + (Adj. + N) с двумя препозитивными адъективными компонентами, в которой, что следует особо подчеркнуть, порядок символов отражает не направление синтаксической детерминации ($N \rightarrow \text{Adj.}$ и $(N + \text{Adj.}) \rightarrow \text{Adj.}$), а линейное упорядочивание компонентов сложного словосочетания в речевой цепи. То же самое относится и к схеме словосочетаний переходного типа $(\text{Adj.} + \text{Adj.}) + N$, которая с точки зрения синтаксических связей (а не линейно-речевого порядка) должна была бы выглядеть так: $N \rightarrow (\text{Adj.} — \text{Adj.})$, поскольку здесь имеется один детерминирующий компонент и один детерминируемый компонент, представленный объединенными сочинительной связью, т.е. синтаксически равноправными, адъективными словоформами.

А. А. Шахматов в своем «Синтаксисе русского языка» писал о сложных, многокомпонентных словосочетаниях Adj. + (Adj. + N) так: «некоторые из определений относятся к следующему за ними сочетанию определения с определяемым словом» [Шахматов 2001: 300]. Анализируя сложное словосочетание данной структуры *красные осенние листья*, Л. Д. Чеснокова делает следующее важное пояснение этой мысли А. А. Шахматова: «атрибутивные отношения устанавливаются между словом *красные* и сочетанием *осенние листья*, формальная же связь — между словом *красные* и существительным *листья*. Здесь мы сталкиваемся с тем случаем, когда смысловые отношения между словами в речевых построениях оказываются более широкими..., чем лежащие в их основе формальные связи: формально слово связано с одним словом, а по смыслу поясняет целое словосочетание, т.е. рамка формальной связи оказывается уже смысловой» [Чеснокова 1980: 23].

Тем самым структурно-семантическая организация сложных словосочетаний Adj. + (Adj. + N) базируется на противоречии между формально-конструктивными и смысловыми связями их составляющих, более того, на различном членении последних в формальном и смысловом отношении, что делает саму эту модель сложного словосочетания в высшей степени подверженной речевой лабильности, подвижности, т.е. внутривидовой вариативности и преобразованиям в близкие по синтаксическому устройству словосочетания в процессе порождения предложения-высказывания, а главное, напрямую зависящей от коммуникативно-смыслового задания говорящего / пишущего.

В то же время сложные словосочетания Adj. + (Adj. + N) производятся в речевой деятельности именно по модели, которая обладает и своей синтаксической спецификой, и своим типовым (формальным) смысловым содержанием (т.е. языковой семантикой). Не учитывая этого обстоятельства, лингвисты подчас дают сложным словосочетаниям Adj. + (Adj. + N) весьма спорные семантико-синтаксические интерпретации (см., например, отнесение их к сфере аппозитивных отношений у А. М. Ломова, нивелирующее, с одной стороны, различие признаков-референтов у согласуемых адъективных компонентов, а с другой стороны, отсутствие у них взаимосогласования при наличии тождественного инициатора синтакси-

ческой связи согласования — единого субстантивного компонента [Ломов 2004: 18]).

Синтаксическую специфику сложных словосочетаний Adj. + (Adj. + N) показал А. А. Шахматов, отметивший недопустимость оформления соподчиненных определяющих компонентов средствами сочинительной просодии (в частности, интонацией перечисления или соединения), что на пунктуационно-графическом уровне выражается отсутствием между ними разделяющего знака препинания — запятой, и дифференциацию этих компонентов на основе их линейного порядка (ср. в терминологии А. А. Шахматова — ближайшее или дальнейшее определение по отношению к определяемому слову) [Шахматов 2001: 300]. По этим признакам сложные словосочетания Adj. + (Adj. + N) противопоставлены в синтаксической системе языка словосочетаниям переходного типа (Adj. + Adj.) + N с сочинением соподчиненных согласуемых компонентов, но они противопоставлены также и простым атрибутивным словосочетаниям N + Adj., по сравнению с которыми у них «рамка формальной связи оказывается уже смысловой» (Л. Д. Чеснокова). В этих противопоставлениях обнаруживается языковая семантика сложных словосочетаний Adj. + (Adj. + N).

Если простые атрибутивные словосочетания N + Adj., обозначая предмет вместе с его признаком, позволяют осуществлять такую семантическую (когнитивную) операцию, как субкатегоризация (ср. *календарь* и *отрывной календарь*, *перекидной календарь*, *настольный календарь*), то сложные словосочетания Adj. + (Adj. + N) предназначены для выражения вторичной (и шире — последовательной, продолжающейся) субкатегоризации, с их помощью можно описать и тем самым выделить какой-либо элемент из его субкатегории (ср. *старый настольный календарь*). Вторичная субкатегоризация как языковая семантика сложных словосочетаний Adj. + (Adj. + N) наиболее эксплицитно проявляется в речи при воссоздании всякого рода классификаций или их фрагментов, а также при спонтанной классификации предметов. Приведем иллюстративные примеры на каждый случай. — *...Какие бывают сыры, Евдоким?// — Сычужные и кисломолочные. Сычужные делятся на твердые и мягкие... //* — *Сычужные делятся на коровы, овечьи и козьи, а уж потом на твердые и мягкие. Какие есть коровьи мягкие? — обратился он*

(Михайлов. — К. С.) к Якимовой. // — Лимбургский, бри, камамбер, жерве, куломье (М. Алданов); — А как сейчас на пересылках кормят? // — На челябинской пересылке... // — **На челябинской новой или челябинской старой?** // — По вашему вопросу видно знатока (А. Солженицын).

В противоположность словосочетаниям переходного типа (Adj. + Adj.) + N, выражающим семантически одноплановые признаки предмета, которые обладают общей семой или, по крайней мере, единой коннотацией, сложные словосочетания Adj. + (Adj. + N) обозначают семантическую неодинаковость, разноплановость признаков предмета. Типовой характер этой семантики сложных словосочетаний Adj. + (Adj. + N) и ее относительная независимость от степени лексико-семантической близости соподчиненных адъективных компонентов наиболее очевидны в речевых реализациях данных словосочетаний, где позиции соподчиненных компонентов занимают такие имена прилагательные, лексическая семантика которых вполне допускает (если не сказать, «провоцирует») их сочинительную связь. Ср.: *Гартман снова принялся рассказывать, но ему совестно было повторять те же подробности, и его смущал **хмурый неприветливый вид** хозяина дома* (М. Алданов) и *хмурый, неприветливый вид*; ***Недалекие поверхностные люди** могли бы из неосторожного слова вывести, что автор попросту предлагает возродить христианские храмы без Христа — но это глубоко не так!* (А. Солженицын) и *недалекие, поверхностные люди*.

При анализе подобных речевых построений, как правило, указывают на то, что объяснение синтаксического структурирования требует здесь проникновения в замысел создателя высказывания [Норман 1976: 69; Ширяев 1989: 228], и это, безусловно, так. Однако в данном случае следует говорить также об относительной автономности схем синтаксических связей от лексической семантики слов и, главное, о семантической значимости конкурирующих синтаксических моделей словосочетаний. Выбирая при порождении предложения-высказывания модель сложного словосочетания Adj. + (Adj. + N), говорящий / пишущий намеренно маркирует семантическую неоднородность, или неодинаковость, нескольких признаков предмета, являющуюся результатом особой когнитивно-языковой интерпретации этих признаков.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что семантика сложных словосочетаний Adj. + (Adj. + N) не двойственна, не расчленена, а едина, поскольку выражение вторичной субкатегоризации предметной сущности возможно только и исключительно на основе комбинации семантически разноплановых признаков. Ср. высказывание, в котором возникшая по ходу его порождения необходимость обозначить особый «сорт» композиторов путем вторичной субкатегоризации потребовала от автора синтаксического маркирования неодинаковости, разноплановости признаков (изначально, скорее, семантически одинаковых, допускающих уточнение одного другим), для чего и использована модель сложного словосочетания Adj. + (Adj. + N): *Не так давно Жюдит просила его (Вагнера. — К. С.) прочесть партитуру какого-то **молодого**, будто бы **многообещающего**, **композитора** Бенедиктуса, и ради нее Майстер согласился, хотя ненавидел **молодых многообещающих композиторов*** (М. Алданов). Оба типа языковой семантики сложных словосочетаний Adj. + (Adj. + N) в их единстве делают саму синтаксическую модель, по которой произведены эти комплексные непредикативные конструкции, целостным знаковым образованием, мотивируют ее структурную организацию и обеспечивают ее продуктивность в речевой деятельности.

На то, что модель сложных словосочетаний Adj. + (Adj. + N) является самостоятельным синтаксическим образованием и осознается говорящими / пишущими как синтаксически целостная, завершенная структура при порождении предложения-высказывания, указывают, во-первых, узуализация сопровождающих ее использование в речи синтаксических трансформаций, во-вторых, весьма частотные случаи ее синтаксической персеверации, а в-третьих, наработка в свободной речевой деятельности особых приемов синтаксической симплификации сложных словосочетаний этого типа, состоящих в переструктурировании их соподчиненных адъективных компонентов. Рассмотрим эти эмпирические обобщения на конкретном речевом материале.

Узуализация, т.е. регулярное воспроизводство в речевой деятельности и стабильная встречаемость в однотипных речевых построениях, охватывает два типа синтаксических трансформаций сложных словосочетаний Adj. + (Adj. + N): семантико-синтаксическое пространство одного из соподчиненных компонентов и деформа-

цию порядка размещения соподчиненных компонентов относительно детерминирующего компонента в линейной структуре сложного словосочетания.

Семантическим фактором, обуславливающим распространение одного из адъективных компонентов и тем самым развертывание адъективного словосочетания на более низком уровне глубины подчинения (исчерпывающее описание типов адъективных словосочетаний см. в [Прокопович 1966]), является в данном случае стремление ограничить, лимитировать сферу проявления обозначаемого признака во времени или в пространстве либо определить его каузацию. Подобные адъективные словосочетания могут способствовать и дальнейшему синтаксическому развертыванию предложения-высказывания на основе реализации валентностей их детерминируемых компонентов (как правило, это валентности атрибутивного типа).

Анализ речевого материала выявляет следующую закономерность: синтаксическая трансформация распространения может охватывать как первый (дистантно-препозитивный), так и второй (контактно-препозитивный) адъективный компонент сложного словосочетания, однако соотношение тех и других речевых построений (80% и 20%) показывает, что при создании высказывания говорящий / пишущий чаще всего осуществляет семантико-синтаксическое распространение того соподчиненного адъективного компонента, который следует первым в линейной структуре сложного словосочетания. Ср., с одной стороны: *Когда они* (Николай Сергеевич, Катя и Рыжков. — К. С.) *проходили мимо курзала, из боковой двери вышел крупный, грузный, некурортного вида человек в необычном здесь темном сюртуке* (М. Алданов); *В эту вторую сторону тихого звукового фона Федор Иванович вник уже позднее, когда ровным ходом летел через черный безлюдный парк, когда спланировал на мутно-белое в ранней ночной тьме необъятное поле реки и летел над ним, не чувствуя лыж* (В. Дудинцев); с другой же стороны: *Здесь, под этим милым тучевым буро-дымчатым от ночного освещения небом, ...Рубин замер, закрыл глаза* (А. Солженицын).

Неслучайный характер этого эмпирического обобщения подтверждается тем, что в словосочетаниях переходного типа

(Adj. + Adj.) + N с сочинительной связью соподчиненных адъективных компонентов, т.е. в словосочетаниях, противопоставленных в синтаксической системе языка сложным словосочетаниям Adj. + (Adj. + N), семантико-синтаксическому распространению во всех изученных речевых построениях подлежит второй (контактно-препозитивный) компонент. Ср.: *В громадной, до крайности запущенной передней, слабо освещенной малюсенькой угольной лампочкой под высоким, черным от грязи потолком, на стене висел велосипед* (М. Булгаков); — ...*Был один даже матрос в рваной, замызанной тельняшке и с жесткими, рыжими от постоянного курения усами* (В. Лавров).

Узуализация семантико-синтаксического распространения первого, т.е. дистантно-препозитивного, адъективного компонента в сложных словосочетаниях Adj. + (Adj. + N) обнаруживает, во-первых, предпочтительность реализации активной синтаксической валентности того из соподчиненных компонентов, который первым включается в предложение-высказывание в качестве представителя сложного словосочетания в целом, а во-вторых, значимость противопоставления контактной / дистантной препозиции соподчиненных адъективных компонентов в линейно-речевой структуре подобных сложных словосочетаний.

Порядок размещения соподчиненных адъективных компонентов относительно детерминирующего компонента в сложных словосочетаниях Adj. + (Adj. + N) характеризуется устойчивостью к различным его деформациям. По данным Е. С. Скобликовой, «постпозитивные определения... грамматически всегда однородны, независимо от своей семантической одноплановости или разноплановости» [Скобликова 2006: 248]. Проведенные наблюдения показывают, однако, что постпозиция соподчиненных адъективных компонентов сама по себе не имеет решающего значения для их сочинительной синтаксизации. Ср.: *Рубин не был поэтом, но иногда набрасывал стихи задумчивые, милые* (А. Солженицын) и — ...*Показал он (генеральчик. — К. С.) мне хрусталь. Хлебницу старинную серебряную, с хрустальной крышкой* (В. Дудинцев). Тем не менее такие речевые построения, как в примере из В. Дудинцева, в которых соподчиненные (но не сочиненные) адъективные компоненты помещены в постпозицию, встречаются крайне редко ($\approx 3,5\%$).

Еще более раритетны рамочные структуры, отличающиеся интерпозицией детерминирующего компонента. В собранной картотеке речевого материала имеется всего один подобный пример, ср.: *Правила были неоспоримы, но он* (Дмитриев. — К. С.) *любил облагородить сухую теорию прозаическую образами поэзии* (Ю. Тынянов). Однако в 2006 г. в Московском метрополитене появились объявления о приеме на работу *старших кассиров билетных*. По-видимому, порядок согласованных определений обусловлен в данном случае характерной для делового языка постпозицией единичных определений-гипонимов в субстантивно-адъективных словосочетаниях и доминирующей препозицией согласуемых распространителей, относящихся к таким словосочетаниям в целом (ср. **кассиров билетных старших*, но: *старших билетных кассиров* — стилистически не отмеченное словосочетание), что указывает на неокончательное забвение рамочной структуры порядка соподчиненных согласованных определений.

Вполне очевидно, что для сложных словосочетаний Adj. + (Adj. + N) препозиция соподчиненных компонентов является структурно релевантной, позволяющей четко противопоставить эти соподчиненные компоненты по дополнительному признаку контактность / дистантность.

Явление синтаксической персеверации отражает одну из закономерностей порождения речи, обнаруженную И. П. Павловым и верифицированную Н. И. Жинкиным: «так или иначе возникшее слово имеет... тенденцию повторяться. Тонус его повышен. В результате... в тексте в изобилии появляются навязчиво повторяющиеся слова. То же происходит и с оборотами предложений» [Жинкин 1998: 313]. Подобная инертность словесных и синтаксических образований, препятствующая, согласно Н. И. Жинкину, упреждающему синтезу речи и относящаяся тем самым к негативным психолингвистическим явлениям, обладает, однако, огромной эвристической ценностью. Ведь если говорящий / пишущий, употребив, например, словосочетание той или иной модели, начинает далее при развертывании предложения-высказывания (или единого текстового блока) использовать тождественные по структуре словосочетания, но с другим лексическим наполнением, то это означает не что иное, как задержку его внимания на самой этой модели словосочетания

(безусловно, благодаря ее предварительному опытному знанию) и самоиндуцирование последней (ср. в связи с этим понятие «обнажение приема» в структуралистской поэтике). Синтаксическая персеверация состоит в однократном (и реже — многократном) повторе одной и той же модели словосочетания (или предложения) в едином текстовом блоке, причем в условиях синтаксической персеверации эта модель выступает обычно в том виде, как она обобщена, генерализована в языковом сознании говорящего / пишущего.

Приведем далее примеры, иллюстрирующие включение модели сложных словосочетаний Adj. + (Adj. + N) в механизм синтаксической персеверации. Ср.: ...на смену **ясной звездной ночи** пришло **дождливое хмурое утро** (М. Алданов); ...арестантам не готовили, как везде, **грубую тяжелую пищу**, а приносили из соседнего дома отдыха **ароматную нежную еду** (А. Солженицын); Федор Иванович прошел через двор, взойшел **по скрипучей деревянной лестнице** на второй этаж и позвонил **у высокой старинной двери**. Открыла **маленькая желтолицая жена Порая** (В. Дудинцев). В данных примерах синтаксическая персеверация отображает своего рода условно-рефлекторную воспроизводимость модели сложных словосочетаний Adj. + (Adj. + N) при порождении речи, причем этому несколько не препятствует «сверхмодельное» появление третьего и т.д. соподчиненного адъективного компонента. Ср.: **Мокроватое куцее вафельное полотенце** Нержин повесил себе на шею **вроде кашне**, а на голову нахлобучил **старую фронтową офицерскую шапку**, уже **расходящуюся по швам** (А. Солженицын). Наоборот, не существующее в языке в качестве самостоятельной, целостной синтаксической структуры сложное, многокомпонентное словосочетание, являющееся случайной комбинацией двух или более схем простых и / или переходных словосочетаний в речи и не генерализованное языковым сознанием говорящего / пишущего в виде особой модели, не может индуцировать собственную синтаксическую персеверацию.

Опережающую оценку (или прогноз) восприятия модели сложных словосочетаний Adj. + (Adj. + N) адресатом, и в частности ощущение ее как громоздкой многокомпонентной конструкции с однообразными атрибутивно-согласовательными связями, т.е. как синтаксической конструкции, не всегда соответствующей речемыслительному принципу экономии, раскрывают используемые говорящими /

пишущими приемы симплификации, приводящие либо к преобразованию сложных словосочетаний Adj. + (Adj. + N) в простые словосочетания N + Adj., либо к уменьшению объема соподчиненного ряда в сложных словосочетаниях более чем с двумя адъективными компонентами, либо, наконец, к созданию на основе межчастеречной транспозиции одного из адъективных компонентов таких сложных словосочетаний, которые конституируются различными подчинительными связями (согласованием и примыканием либо согласованием и управлением). Сущность приемов симплификации сложных словосочетаний Adj. + (Adj. + N) состоит в переструктурировании соподчиненных адъективных компонентов, целью которого является упрощение количественного состава словосочетаний или же дифференцирование способов подчинения, в результате чего преодолевается однообразие и, главное, фокусный моноцентризм атрибутивно-согласовательных связей.

Тем не менее отдельные приемы симплификации сложных словосочетаний Adj. + (Adj. + N) обладают собственной коммуникативно-прагматической значимостью, и поэтому обращение к ним создателя предложения-высказывания может не быть исключительно зависящим от стремления упростить количественный состав многокомпонентной конструкции на уровне словосочетания или разнообразить характер формирующих ее подчинительных связей.

В изученном речевом материале обнаружены следующие приемы симплификации сложных словосочетаний Adj. + (Adj. + N):

1) образование сложного имени прилагательного из двух соподчиненных адъективных компонентов, ср.: *И стоял рядом **темно-металлический** кувшин* (А. Солженицын) и *темный металлический кувшин*; *Над головой зашумела, закачалась древесная зелень, пестро замелькала, обнажая **знойно-эмалевое** небо* (В. Лавров) и *знойное эмалевое небо*; ***Странное бледно-солнечное** пятно на потолке вдруг зарябило* (А. Солженицын) и *странное бледное солнечное пятно*;

2) образование наречия на -о от дистантно-препозитивного соподчиненного адъективного компонента (качественного прилагательного), ср.: *Хотя день был будничнейший, у всех чувствовалось какое-то **неестественно праздничное** настроение* (В. Лавров) и *неестественное праздничное настроение*. Производные качественные наре-

чия на -о, подчиняясь находящемуся в постпозиции адъективному компоненту, в подобных случаях обозначают не признак уже охарактеризованного предмета, а признак его признака. Потенциально от любого из соподчиненных адъективных компонентов сложных словосочетаний Adj. + (Adj. + N), вне зависимости от их позиции по отношению к детерминирующему компоненту (контактная / дистантная препозиция) и от их принадлежности тому или иному лексико-грамматическому разряду (качественные / относительные прилагательные), может быть также образовано наречие с конфиксом по...-ому (-ему), ср.: *Вдобавок еще начал накрапывать, а потом и всерьез разошелся мелкий осенний дождь* (В. Дудинцев) и *по-осеннему мелкий дождь*; *Но это был и тот особенный тюремный лютый спор, каких не могло быть на воле с господствующим единым мнением власти* (А. Солженицын) и *по-особенному лютый тюремный спор*. Очевидно, что конструктивная перестройка словосочетаний отражается и на их семантике: ведь наречия обозначают здесь признак частного адъективного признака, лимитируя сферу его проявления либо так или иначе выделяя его;

3) образование деадъективного имени существительного от одного из неинициальных соподчиненных адъективных компонентов (чаще всего от контактно-препозитивного), ср.: *Но Юлия уже не радовал ни этот светлый июньский день в запущенном барском саду, ни нежные облака в голубой беспредельности неба* (В. Лавров) и *в голубом беспредельном небе*; *Иногда, присев к земле, оглядывался, не замечая мягкой теплоты майской ночи* (В. Дудинцев) и *мягкой теплой майской ночи*. Данный прием симплификации неизбежно модифицирует и конструктивный тип словосочетания, и его семантику. «Приписывая объекту простой признак, мы держим в фокусе сам объект (фигуру), но при использовании номинализации равное внимание уделяется одновременно двум объектам (фигурам) и конструкция приобретает вид двухфокусной» [Кубрякова 2004: 435];

4) сокращение соподчиненного адъективного компонента *маленький* (или его синонима) за счет образования диминутивного производного от детерминирующего субстантивного компонента, ср.: *Вдоль стены, очень осторожно, скользя ладонями по шершавой штукатурке, Добровольский добрался до люка в крыше, к которому была приставлена шаткая деревянная лестничк-а* (Т. Устинова).

Этот прием симплификации используется, однако, довольно редко, так как семантика диминутивности сплошь и рядом требует избыточного выражения (а именно лексического и морфемного), чему способствует, скорее всего, синкретизм диминутивного суффикса, наряду с семей 'малость' передающего субъективно-оценочную и эмотивную смы. Ср., в частности, следующие примеры: **В тесном маленьком коридорчик-е** уже висело в меру мужских и женских пальто (А. Солженицын); *Через два дня утром до начала занятий во всех залах, кабинетах и лабораториях читали **свежую маленькую газет-к-у** — многотиражку института* (В. Дудинцев);

5) образование на основе детерминирующего субстантивного компонента и контактно-препозитивного соподчиненного адъективного компонента производного имени существительного путем универбации, ср.: *Прошел год! — и его* (Сталина. — К. С.) *перевели в кутаисскую тюрьму, **в темную сырую одиночку*** (А. Солженицын) и *в темную сырую одиночную камеру*. Использование данного приема симплификации может ограничиваться семантическими факторами, так как идиоматичность производного слова исключает относительную свободу семантической комбинаторики в сфере словосочетаний. Так, например, имя существительное *дубленка* могло быть создано путем универбации как на базе атрибутивного словосочетания *дубленая шуба*, так и на базе атрибутивного словосочетания *дубленый полушубок* [СО 1990: 184], однако само по себе это производное слово не способно однозначно указать на одно из производящих словосочетаний. Именно поэтому в следующем предложении-высказывании автор не решился симплифицировать сложное словосочетание Adj. + (Adj. + N), ср.: *Он* (Кондаков. — К. С.) *был **в фиолетовом дубленом полушубке с кожаными шнурками на груди*** (В. Дудинцев);

6) образование деадъективного глагола от дистантно-препозитивного соподчиненного адъективного компонента и его перемещение в позицию базового предиката предложения, ср.: *Калитка была забита большими гвоздями, и на ней **желтели** знакомые **две восковые печати**, соединенные ниткой* (В. Дудинцев) и *виднелись... две желтые восковые печати*;

7) вынесение одного из соподчиненных адъективных компонентов (как правило, дистантно-препозитивного) за пределы синтакси-

ческих границ сложного словосочетания Adj. + (Adj. + N) в правый контекст с целью актуализации обозначаемого им признака и дополнительной характеристики последнего по параметрам «временная локализация», «мера и степень проявления» и др. в сфере обособления, ср.: *В татарском городке, тогда еще совсем маленьком, нашему семейству довелось прожить не один год* (М. Ардов) и *в маленьком татарском городке; А в погребке у тети Мани стоял холодный квас, такой вкусный, что я до сих пор его не забыл* (М. Ардов) и *вкусный холодный квас*. Ср. также актуализацию признака как такового, осуществленную благодаря внутрифразовой парцелляции: — ...У него (у «Контумакса». — К. С.) *кремовый цветочек, маленький* (В. Дудинцев) и *маленький кремовый цветочек*;

8) замена «ядерного» словосочетания N + Adj. синонимичным ему словосочетанием N + N₂, ср.: *Каждый вечер устраивалась иллюминация на главных площадях и улицах столицы* (М. Алданов) и *на главных столичных площадях и улицах* (о семантической дифференциации словосочетаний, созданных на основе данных структурных схем, см. гл. 11 этой книги). Благодаря данному приему симплификации можно не только упростить соподчиненный ряд адъективных компонентов, но и «актуализировать признаки посессора» [Кубрякова 2004: 435], так как заменяющее относительное прилагательное имя существительное в форме родительного падежа способно реализовать свою активную синтаксическую валентность на атрибут. Ср.: *Воскресное утро, может быть, последнее ласковое утро уходящего лета, тихо, как младенец, играло солнечными пятнами и тенями* (В. Дудинцев) и *последнее ласковое летнее утро*;

9) сочинительная синтаксизация, сокращающая количество членов соподчиненного ряда в сложных словосочетаниях с тремя или более адъективными компонентами, ср.: *Несколько нарядных и юных тоненьких девиц... разносили на блюдах и подносах бутерброды* (В. Дудинцев) и *нарядных юных тоненьких девиц*.

Описанные здесь приемы симплификации сложных словосочетаний Adj. + (Adj. + N), представляющие собой, по всей видимости, открытый список, были выделены благодаря специальному синтаксическому анализу так называемых «готовых» текстов, однако симплификация как особая речемыслительная операция является

ненаблюдаемой, равно как недоступны прямому наблюдению ее интенции и сам акт ее интенционального предпочтения. Вместе с тем гипотетически можно думать о том, что симплификация далеко не всегда является переходом от конструкции A к конструкции A_1 и тем самым ее вовсе не обязательно используют лишь в условиях редактирования «готового» текста или текста-«полуфабриката» и что, напротив, названные приемы симплификации могут конкурировать с моделью сложных словосочетаний $Adj. + (Adj. + N)$ непосредственно на этапе лексико-грамматического развертывания компонентов внутренней программы при порождении предложения-высказывания, когда говорящий / пишущий только ищет в сфере «малого» синтаксиса (т.е. в сфере непредикативных синтаксических связей слов) коммуникативно релевантную «упаковку» созданной им смысловой конфигурации и когда еще не сложилась окончательно синтаксическая структура будущего высказывания как целостная речевая формация.

Кроме того, необходимо отметить, что большинство приемов симплификации сложных словосочетаний $Adj. + (Adj. + N)$ тесно связаны с различными способами словообразования, в том числе с теми, которые обеспечивают межчастеречную транспозицию, и что синтаксическая комбинаторика в области сложных словосочетаний $Adj. + (Adj. + N)$ в значительной степени осуществляется как бы в противовес потенциальной реализации тех или иных правил словообразования, приводящей к изменению синтаксической композиции речевого высказывания и вследствие этого к перераспределению смысловой информации между разными звеньями его синтаксической структуры или же внутри этих звеньев. Данные приемы симплификации создают «смычку» между номинацией и синтаксисом, однако не отождествляя этих двух языковых механизмов, а выявляя компенсирующий (или супплементный, в терминологии В. Г. Адмони [Адмони 2004: 21 и сл.]) характер их взаимодействия в речевой деятельности.

Исследование приемов симплификации сложных словосочетаний $Adj. + (Adj. + N)$ позволяет поставить под сомнение тот широко распространенный в синтаксической науке взгляд, согласно которому любые комбинации синтаксических форм дают лишь их «механическое» объединение, а не синтез, предполагающий зарождение ново-

го синтаксического качества. Совершенно очевидно, что далеко не все способы «свертывания» сложных словосочетаний, построенных по данной структурной схеме, могут быть реализованы в ее прототипе среди элементарных (бинарных) словосочетаний — структурной схеме N + Adj., в которой имеется комбинаторика словоформ определенного частеречного типа, но отсутствует комбинаторика синтаксических форм словосочетания.

Итак, тезис о том, что сложные словосочетания Adj. + (Adj. + N) являются целостным в структурно-семантическом отношении синтаксическим образованием, генерализованным в языковом сознании коммуникантов в виде особой модели, можно считать аргументированным. Однако ставя в настоящей главе вопрос о речевой организации подобных сложных словосочетаний, т.е. о том, как реально осуществляется их построение в речевой деятельности и какими факторами оно определяется, нельзя не обратить внимания на тот факт, что если для «чистого» лингвиста модель словосочетания и ее речевое воплощение связаны между собой отношениями реализации (или, по-иному, актуализации виртуального знакового образования), причем эта реализация характеризуется автоматизмом и, главное, предсказуемостью формы конкретного словосочетания в речи, то для психолингвиста, понимающего речевую деятельность как сложный многовариантный эвристический процесс, та или иная модель словосочетания — это всего лишь один из вероятностных способов синтаксического структурирования тех смысловых отношений, в которые вступает тот или иной компонент базовой пропозиции (или внутренней программы) предложения-высказывания, а следовательно, она может оказаться только «вехой» в поиске говорящим / пишущим подходящей для выполнения его коммуникативно-смыслового задания синтаксической формы словосочетания (и не только словосочетания!).

По-видимому, именно об этом пишет в своем фундаментальном труде «Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания» А. А. Леонтьев, когда, допуская грамматическую нецельность высказывания на определенном (достаточно раннем) этапе его порождения, ученый предполагает, что «отдельным компонентам программы соответствуют в основном независимые грамматические конструкции, лишь в дальнейшем вторично организуе-

мые внутри предложения» [Леонтьев 1969: 206]. Процесс вторичной организации состоит, как представляется, в соотношении значений «независимых» синтаксических конструкций (в частности, словосочетаний) и их компонентов со смыслом высказывания в целом, а затем либо в сохранении этих синтаксических конструкций в первоначальном виде, либо в их замене (в том числе посредством симплификации) или опущении, либо, наконец, в их внутрисконструктурном преобразовании или в их преобразовании в близкую по структуре и по составу компонентов синтаксическую конструкцию.

Применительно к сложным словосочетаниям Adj. + (Adj. + N) можно говорить о двух наиболее типичных и регулярно отображаемых в речевой эмпирии преобразованиях: во-первых, о сочинении соподчиненных адъективных компонентов (чаще всего средствами бессоюзной связи), а во-вторых, о введении принципа инверсии в линеаризацию соподчиненных адъективных компонентов. Оба отмеченных преобразования обусловлены системными синтаксическими характеристиками сложных словосочетаний Adj. + (Adj. + N) как таковых.

Преобразование первого типа определено тем, что при соподчинении нередко возникает семантическое сближение компонентов, приводящее к их объединению в одну сочинительную конструкцию (по А. А. Леонтьеву, при внутреннем программировании в таких случаях операция включения «побеждается» операцией перечисления [Леонтьев 1999: 115]), а также тем, что отсутствие сочинительной связи между соподчиненными компонентами — это единственный собственно структурный признак, отличающий сложные словосочетания Adj. + (Adj. + N) от словосочетаний переходного типа (Adj. + Adj.) + N.

Преобразование второго типа вызвано тем обстоятельством, что конструктивно значимое размещение в контактной / дистантной препозиции по отношению к детерминирующему компоненту соподчиненных компонентов, принадлежащих одной и той же части речи и употребленных в одной и той же грамматической форме, в тенденции оказывается семантически значимым, а следовательно, оно может требовать актуализации, достигаемой путем инверсии.

Полагая, что только благодаря экспериментальному изучению обоих типов преобразований сложных словосочетаний Adj. + (Adj. + N)

при порождении предложения-высказывания можно добыть психолингвистически релевантные знания о речевой организации последних, мы осуществили два экспериментальных исследования (оба эксперимента были проведены в 2006 г.), к обоснованию и подробному описанию которых теперь и переходим.

Эксперимент № 1

Хорошо известно, что такое преобразование сложных словосочетаний Adj. + (Adj. + N), как сочинение соподчиненных адъективных компонентов, в традиционной грамматике, уделявшей значительное внимание формам синтаксического представления последних в предложении-высказывании, было отражено путем дифференциации однородных и неоднородных определений. Между тем не хуже известно и другое: непосредственная зависимость однородности / неоднородности определений от степени их семантической аккомодации (в том числе за счет подчеркивания причинно-следственных отношений) и беспрепятственное действие в сфере соподчинения определений семантического механизма окачества относительных прилагательных, способствующего контекстной (а иногда и узуальной) синонимизации определений-прилагательных, обуславливают четкую дифференциацию однородных и неоднородных определений только на уровне эталонных конструкций и почти свободную вариативность синтаксической «упаковки» соподчиненных определений, связанную с влиянием на выбор их представления как однородных или неоднородных членов предложения несобственно синтаксических факторов (ср. в связи с этим показательную трактовку и однородных, и неоднородных определений как реализаций единого синтаксического приема усложнения членов предложения — расширения в [Лекант 2004: 196—197]).

Синтаксическая ослабленность категории однородности / неоднородности у определений заключается в том, что в зависимости от коммуникативно-познавательной установки говорящего / пишущего один и тот же лексический и лексико-грамматический состав соподчиненных адъективных компонентов позволяет структурировать как однородные, так и неоднородные определения, на уровне вхождения в словосочетания различающиеся в первую очередь с

синтаксической точки зрения (см. приведенные выше замечания А. А. Шахматова по данному вопросу). Ср.: — *Потом увидишь большой каменный дом...* (одна соседка объясняет другой, где находится окружной центр занятости) и «Сваха, например, расхваливая приданое, может сказать *большой и каменный дом* (или *большой, каменный дом*. — К. С.), потому что для нее оба прилагательных указывают на обильное приданое» [Пешковский 2001: 442—443]. Думается, что ситуативная однородность обусловлена в последнем случае семантической аккомодацией соподчиненных определений, при этом возникшей не вследствие сближения лексических значений прилагательных, а благодаря их семантическому тяготению в ассоциативном признаковом пространстве лексемы (концепта) *дом* (см. [РАС 2002: т. 1, 175]).

В наиболее полном дескриптивном исследовании однородных / неоднородных определений, выполненном М. И. Дибровой, обнаружена следующая закономерность: «Выбор однородного или неоднородного ряда определений-прилагательных в конечном итоге зависит от прагматической установки автора (говорящего). Прагматической установке автора (говорящего) подчеркнуть общее, тождественное в значениях определений-прилагательных соответствует выбор однородного ряда, а прагматической установке автора (говорящего) подчеркнуть различное в значениях двух определений-прилагательных — выбор неоднородного ряда» [Диброва 1988: 9].

Однако несмотря на то, что приведенное эмпирическое обобщение обладает значительной объяснительной силой и, безусловно, охватывает целый пласт селективных предпочтений говорящего / пишущего при порождении предложения-высказывания, оно никоим образом не учитывает конструктивной организации соподчиненных определений-прилагательных, — а именно их отнесенности к тому или иному лексико-грамматическому разряду и порядка их размещения по отношению друг к другу, — и не допускает ее конкурирующего влияния на выбор одной из двух синтаксических форм представления соподчиненных определений в предложении-высказывании. Вступая в то или иное противоречие с конструктивной стороной создаваемого предложения-высказывания, прагматика может преодолевать почти любые собственно синтаксические ограничения в его структуре (на этом, собственно, основаны общность индущи-

рующих условий у различных по своей природе синтаксических единиц и в целом возникновение феномена свободной вариативности в синтаксисе), но гораздо чаще бывает так, что коммуникативно-познавательная, или прагматическая, установка полностью согласуется с теми семантическими эффектами, которые создаются в самой конструкции высказывания и его синтаксически целостных сегментов, не противоречит им, и именно в таких случаях на уровне интроспекции обнаруживается то, какие конструктивные элементы единиц «большого» и «малого» синтаксиса (об этих понятиях см. [Кубрякова 1986: 107—108]) оказываются удовлетворяющими коммуникативной воле автора высказывания.

В этих случаях мы как раз и имеем дело с эталонами соответствующих конструкций, с их прототипическими формами, образцами, в которых те или иные синтаксические явления генерализованы в языковом сознании говорящего / пишущего.

Применительно к исследуемому в эксперименте № 1 преобразованию собственно соподчиненных адъективных компонентов сложных словосочетаний Adj. + (Adj. + N) в сочиненные, или, в терминах традиционной грамматики, неоднородных определений в однородные, существенный интерес представляет то, каким видится эталон неоднородных определений современным лингвистам и психологам. Представляется, что эталон неоднородных определений является синтаксически редуцированной (так как не учитывает детерминирующего компонента и вообще полного контекста выражения атрибутивных отношений в словосочетании), но лексико-грамматически конкретизированной проекцией эталона, генерализованного образца модели сложных словосочетаний Adj. + (Adj. + N) в сферу членов предложения.

По мнению Е. С. Скобликовой, своеобразным эталоном неоднородных определений является сочетание качественного прилагательного с относительным, которое стоит непосредственно перед существительным, так как это сильная позиция для выражения относительным прилагательным семантики отличительного признака предмета, значимой для развертывания неоднородных определений [Скобликова 2006: 249—250].

Д. Э. Розенталь более типичными, эталонными неоднородными определениями считает сочетания относительных прилагательных и

сочетания качественного прилагательного с относительным, а менее типичными — сочетания качественных прилагательных [Розенталь 1996: 122—123].

Е. Д. Божович, исследуя так называемые субъективные правила, создаваемые детьми в процессе школьного обучения русскому языку как родному, обнаружила, в частности, такое: «если ряд определений выражен только качественными или только относительными прилагательными, то они однородны» [Божович 2002: 133]. По принципу «от противного» это субъективное правило показывает, что в языковом сознании детей школьного возраста сочетание качественного прилагательного с относительным также является неким эталоном неоднородных определений.

Подобное единодушие в выделении эталона неоднородных определений указывает на максимально обобщенный характер данного мыслеречевого образования, а также на то, что эталон неоднородных определений выработан в условиях предельного отвлечения от контекстных факторов (например, от регулярного семантического окачествления относительных прилагательных) и от некоторых возможных конструктивно значимых элементов в сфере соподчинения определений-прилагательных (ср., в частности, размещение относительного прилагательного перед качественным).

Специфику эталона неоднородных определений следует двояким образом преодолевать в эксперименте: предлагать испытуемым для оценки, во-первых, однотипные построения, в которых эталон то действует, то не действует под влиянием тех или иных контекстных факторов, а во-вторых, построения, в которых по-разному взаимодействуют все эмпирически значимые конструктивные элементы неоднородных определений, в том числе не отраженные в их эталонной форме.

Тем не менее анализ речевого материала из авторской картотеки позволяет предположить, что эталон неоднородных определений, скорее всего, является весьма устойчивым мыслеречевым образованием, удерживающим говорящего / пишущего от произвольного отображения любой своей коммуникативно-познавательной, или прагматической, установки в синтаксической форме представления соподчиненных адъективных компонентов («чистое» соподчинение vs. бессоюзное сочинение), о чем может свидетельствовать, в част-

ности, использование неоднородных определений там, где прагматическая установка на подчеркивание общего, тождественного в значениях соподчиненных определений-прилагательных требовала бы их сочинительной связи. Ср. примеры, в которых полностью сохранена авторская пунктуация: — *Ведь ты же заложил у меня ружье!* — говорит **тоненьким, бабьим голоском** Семен (А. Чехов) и Михайловский *встал со стула, его качнуло и он завыл **высоким бабьим голосом*** (В. Ардаматский).

В эксперименте № 1 и надлежит прежде всего верифицировать это общее гипотетическое положение, а кроме того, эксплицировать собственно лингвистические факторы, обуславливающие предпочтение однородных определений неоднородным (и наоборот) при вторичной организации единиц «малого» синтаксиса (в данном случае сложных и переходных словосочетаний Adj. + (Adj. + N) и (Adj. + Adj.) + N соответственно или аналогов их детерминируемых (зависимых) компонентов на уровне членов предложения) в составе предложения-высказывания.

При выборе экспериментальной методики было решено использовать модифицированную процедуру «close procedure» (завершения), в которой для восстановления пропущенного в тексте синтаксически целостного сегмента испытуемым предлагаются на выбор два речевых построения (авторское и деформированное экспериментатором), отличающиеся друг от друга конструктивно и семантически. Как известно, экспериментальная методика «close procedure» нередко используется в психолингвистике как способ инициирования и контекстной объективации возможных при порождении предложения-высказывания и текста речемыслительных операций.

В соответствии с этой модифицированной методикой завершения при подготовке экспериментального материала в серии высказываний (простых и сложных предложений, а также связных микротекстов), включающих в свой состав либо однородные, либо неоднородные определения-прилагательные, эти члены предложения были опущены вместе с детерминирующим (главным) субстантивным компонентом, а на их месте ставились пробелы. В результате преобразования неоднородных определений в однородные (и наоборот) в составе словосочетания были созданы варианты заполнения пропусков (лакун), причем каждому из двух вариантов присваивался циф-

ровой индекс (1 или 2). При подборе экспериментального материала учитывались такие конструктивно значимые признаки, как отнесенность прилагательных к тому или иному лексико-грамматическому разряду — качественным (далее — *K*) или относительным (далее — *O*) прилагательным — и порядок их размещения по отношению друг к другу. Таким образом, в анкеты для эксперимента были включены четыре типа схем однородных / неоднородных определений: *K + K*, *O + O*, *K + O*, *O + K*. В целях предотвращения автоматизации действий испытуемых высказывания, из которых были изъяты однородные / неоднородные определения, построенные по различным схемам, даются в анкете для эксперимента вперемежку, а цифровые индексы 1 и 2 непоследовательно относятся к авторским и к деформированным конструкциям соответственно.

В анкете для эксперимента испытуемым были предложены 18 высказываний с лексико-синтаксической лакуной указанной разновидности и к каждому из них по два варианта заполнения лакуны, внешне различающиеся только наличием или отсутствием разделяющего пунктуационного знака — запятой — между определениями-прилагательными. Именно поэтому в тексте инструкции экспериментальное задание было представлено испытуемым как собственно пунктуационное и эксплицитно дана ориентировка на смысловой принцип пунктуации — пожалуй, наиболее стабильный операциональный принцип в пунктуационной компетенции пишущего. В доэкспериментальном лексико-грамматическом представлении соподчиненных определений-прилагательных, включающих относительные прилагательные, в качестве относительных было условлено рассматривать все прилагательные, являющиеся таковыми в своем прямоименном значении, поскольку вероятностный качественный сдвиг в их семантике как раз и требуется установить при выполнении экспериментального задания.

Нельзя не отметить и того, что пунктуационный характер экспериментального задания во многом оправдывает описание преобразования сложных словосочетаний Adj. + (Adj. + N) в переходные словосочетания (Adj. + Adj.) + N в терминах однородности / неоднородности их соподчиненных адъективных компонентов как членов предложения. Однако это никоим образом не свидетельствует в пользу отождествления словосочетаний и членов предложения,

ибо «концепция словосочетаний за элементарную синтаксическую единицу принимает контекст отношения, взятый в его полном объеме, включая господствующий и зависимый компоненты, тогда как концепция членов предложения принимает за единицу лишь зависимый компонент отношения, обозначая его по характеру отношения» [Печников 1983: 70].

Речевой материал для эксперимента был выбран в основном из русской художественной прозы XX — начала XXI вв., и лишь стимульное высказывание № 2 относится к XIX в., однако оно несколько не противоречит современному узусу в сфере синтаксиса. Привлечение стимульного материала из художественных (прозаических) текстов определяется тем, что их языковой строй является документированным отражением узуальных предпочтений того или иного времени, «очищен» авторской и редакторской правкой, воспринят и, как правило, одобрен массовым адресатом, а главное, при использовании синтаксических его составляющих в условиях эксперимента исключается появление таких артефактов, которые возникают обычно вследствие конструирования экспериментальных высказываний «под конкретную гипотезу» самим исследователем. Кроме того, при интерпретации результатов эксперимента синтаксические решения писателей удобно принять за некое идеальное воплощение замысла, за прямую сигнификацию последнего, относительно которой в каждом случае получает свое объяснение статистически доминирующий (особенно не совпадающий с авторским) синтаксический вариант. Важно подчеркнуть, что стимульный материал в анкетах, полученных испытуемыми, не был авторизован (см. ниже образец анкеты для эксперимента № 1).

В качестве испытуемых выступили студенты I курса вечернего отделения Колледжа МИД РФ (всего 49 чел.), получающие вторую специальность на базе высшего и неоконченного высшего образования, в возрасте — от 20 до 28 лет. Родным языком всех испытуемых является русский язык (при этом одна испытуемая назвала себя билингвом; ее второй язык, который она осваивала в детстве, но уже не использует, — молдавский). Цель экспериментального исследования испытуемым не раскрывалась, они сами восприняли выполняемое задание как тест по пунктуации. Перед началом эксперимента никаких образцов выполнения экспериментального задания не да-

валось. Однако по просьбе нескольких испытуемых экспериментатор осуществил семантизацию таких слов, как *стэк*, *шрапнельный*, *шомпол* и *сердюк* (стимульное высказывание № 10). После ознакомления испытуемых с анкетой для эксперимента путем опроса было лишь выяснено, насколько точно они поняли инструкцию. При этом испытуемым было сказано, что время на выполнение задания не ограничено, однако проведенные замеры показали, что в среднем участие в эксперименте заняло у испытуемых 18—20 мин.

ОБРАЗЕЦ АНКЕТЫ ДЛЯ ЭКСПЕРИМЕНТА № 1

ИНСТРУКЦИЯ

Внимательно прочитайте приведенные ниже текстовые фрагменты. На месте пробелов с помощью цифрового индекса 1 или 2 укажите тот вариант постановки знаков препинания, который, по Вашему мнению, соответствует смыслу, передаваемому в каждом конкретном случае.

1. Там оказался _____, а в него — семь распахнутых дверей.

- 1) _____ длинный, узкий коридор
- 2) _____ длинный узкий коридор

2. Часа четыре спустя он ехал домой. Тарантас его быстро катился _____.

- 1) _____ по проселочной, мягкой дороге
- 2) _____ по проселочной мягкой дороге

3. Но ходил он удивительно _____ и был поистине неутомим.

- 1) _____ легкой, спортивной походкой
- 2) _____ легкой спортивной походкой

4. Разобранная и разрушенная постель, которая непристойно свети­лась в сумерках зимнего утра, не давала ей покоя, и, отшвырнув джинсы, она в два приема кое-как набросила на нее _____.

- 1) _____ громадное, неудобное покрывало
- 2) _____ громадное неудобное покрывало

5. _____ телеграфа три окна горели ярко, и слышался сквозь стекла непрекращающийся стук трех аппаратов.

- 1) В низком, желтом бараке
- 2) В низком желтом бараке

6. А тут больная, да еще сильно обиженная, разговаривала со здоровым человеком таким же _____.

- 1) докторским, веселым тоном
- 2) докторским веселым тоном

7. Его он оставил жить, а _____ Чикобавы решил дать бесмертное изложение и гениальное развитие.

- 1) простеньким, провинциальным мыслям
- 2) простеньким провинциальным мыслям

8. _____ показывали только девять, но день уже был настолько жарок, что Олег стал расстегивать верхние крючки шинели.

- 1) Уличные, электрические часы
- 2) Уличные электрические часы

9. Николка давал пить, но не холодную, витую струю из фонтана, а лил _____, отдающую кастрюлей.

- 1) теплую, противную воду
- 2) теплую противную воду

10. И удары лейтенантских стэков по лицам, и _____ по непокорным деревьям, спины, исполосованные шомполами гетманских сердюков, и расписки на клочках бумаги почерком майоров и лейтенантов германской армии.

- 1) шрапнельный, беглый огонь
- 2) шрапнельный беглый огонь

11. Все поплыло в этот _____, хотя солнца совсем не было видно.

- 1) субботний, апрельский день
- 2) субботний апрельский день

12. Они довольно часто вместе коротали вечера за шахматами и бутылкой доброго французского вина, вели _____.

- 1) неторопливые, доверительные беседы
- 2) неторопливые доверительные беседы

13. За многими блюдами, бокалами, анекдотами и разговорами хорошо убивалось четыре-пять часов, и одновременно брался разгон, собирались толчки _____ второй половины ночи.

- 1) для созидательных, законодательных актов
- 2) для созидательных законодательных актов

14. И этот был действительно тот _____, который бывает слышен иногда в симфоническом оркестре.

- 1) носоглоточный, деревянный голос
- 2) носоглоточный деревянный голос

15. Не сама только болезнь, непредусмотренная, неподготовленная, налетевшая как шквал за две недели _____, — но не меньше болезни угнетали теперь Павла Николаевича то, что приходилось ложиться в эту клинику на общих основаниях, как он лечился уже не помнил когда.

- 1) на беспечного, счастливого человека
- 2) на беспечного счастливого человека

16. — Ради Бога, — сказал над головой _____, — глотните, глотните. Вы дышите? Что же теперь делать?

- 1) грудной, слабый голос
- 2) грудной слабый голос

17. Бывший завлаб погрузился _____, позвякивая ложкой в стакане.

- 1) в загадочные, каменные размышления
- 2) в загадочные каменные размышления

18. Он знал, что жизнь сложнее, чем понимает ее _____, — но вот она оказывалась и еще гораздо сложнее.

- 1) прямолинейный, прямодушный отец
- 2) прямолинейный прямодушный отец

Примечание. Стимульные высказывания взяты из следующих художественных (прозаических) текстов: В. АрдаMATский «“Сатурн” почти не виден» — 3, 11, 12; М. Булгаков «Дни Турбиных» — 5, 9, 10, 16; В. Дудинцев «Белые одежды» — 6, 14, 17; А. Солженицын «В круге первом» — 1, 7, 13; А. Солженицын «Раковый корпус» — 8, 15, 18; И. Тургенев «Дворянское гнездо» — 2; Т. Устинова «Гений пустого места» — 4.

В результате от испытуемых в виде реакций было получено высказываний с заполненными лакунами — 881 (при одном отказе на стимульное высказывание № 2). Обработка реакций испытуемых свидетельствует о том, что 55,5% (10 из 18) преобладающих вариантов заполнения пропусков не совпадают с авторскими. Столь высокий статистический показатель, по всей видимости, указывает на то, что словосочетания с соподчиненными определениями-прилагательными, действительно, в достаточной мере подвержены влиянию прагматических установок, позволяющих структурировать из одних и тех же определений-прилагательных то однородные, то неоднородные ряды.

Представляет интерес и такой факт: ни один из вариантов заполнения лакун не остался неиспользованным и ни один вариант тем самым не оказался безальтернативным, что обнаруживает принципиально неформальный характер осуществляемого испытуемыми выбора и его обусловленность взаимопротиворечащими факторами. Кроме того, ни в одной анкете не наблюдается полного совпадения реакций с опущенными авторскими словосочетаниями и также ни в одной анкете нет абсолютного расхождения с авторским выбором, что свидетельствует о принадлежности объективируемого в эксперименте типа вторичной организации синтаксической структуры предложения-высказывания к творческой стороне речи, с одной стороны, и об относительной стабилизации обуславливающих его факторов, с другой.

Описание результатов эксперимента (на уровне преобладающих реакций испытуемых) и их качественный анализ целесообразно построить по принципу единства схем соподчиненных определений-прилагательных (причем сначала однотипного, а затем смешанного лексико-грамматического состава) в лакунизированных словосочетаниях.

В стимульных высказываниях №№ 1, 4, 5, 9, 12, 15, 18 были опущены словосочетания с соподчиненными определениями-прилагательными, соответствующими схеме $K + K$. Причем если в стимульных высказываниях №№ 1, 5, 12 преобладающей частью испытуемых был выбран авторский вариант заполнения лакуны, то в стимульных высказываниях №№ 4, 9, 15, 18 — вариант, деформированный экспериментатором.

В стимульных высказываниях № 1 и № 5 авторские варианты с неоднородными определениями *длинный узкий коридор* и *в низком желтом бараке* выбрали 30 (61,2%) и 39 (79,5%) испытуемых соответственно. По всей видимости, такой выбор определен стремлением подчеркнуть различное в значениях определений-прилагательных, что находит поддержку в лексической семантике этих слов, а именно в том, что они обозначают разноплановые признаки предмета ('длина' и 'ширина', с одной стороны, и 'высота' и 'цвет', с другой). В стимульном высказывании № 12, наоборот, авторский вариант с однородными определениями *неторопливые, доверительные беседы* выбрали 37 (75,5%) испытуемых, отнеся, скорее всего, обозначаемые данными определениями-прилагательными признаки к сближенным по характеру модально-оценочной семантики (положительной) и согласованным поэтому с прагматической установкой на подчеркивание общего в их коннотативных значениях.

В стимульных высказываниях №№ 4, 9, 15, 18 были лакунизированы авторские словосочетания с неоднородными определениями, однако большинство испытуемых предпочли здесь варианты заполнения с однородными определениями. В стимульном высказывании № 4 вариант *громадное, неудобное покрывало* выбрали 30 (61,2%) испытуемых, в № 9 вариант *теплую, противную воду* — 36 (73,4%) испытуемых, в № 15 вариант *на беспечного, счастливого человека* и в № 18 вариант *прямолинейный, прямодушный отец* — по 41 (83,6%) испытуемому. По-видимому, в первых трех случаях такое решение испытуемых определено семантической аккомодацией определений-прилагательных, вызванной подчеркиванием причинно-следственных отношений между ними, ср.: «громадное, и поэтому неудобное», «теплую, а потому противную», «счастливого, поэтому и беспечного». В последнем случае выбор испытуемых объясняется, скорее всего, тем, что определения-прилагательные *прямолинейный*

и *прямодушный* являются лексическими синонимами (их совпадающий семный состав — гиперсемы ‘откровенный, прямой’ [СО 1990: 628]) и обладают общей морфемной частью *прямо-*, также способствующей сочинительному объединению соподчиненных определений (ср. анализ индуцирующей роли морфемного повтора при порождении сочинительных конструкций в [Сигал 2004: 173—175]). Почему же в исходных текстах все эти соподчиненные определения-прилагательные были интерпретированы как неоднородные? Думается, что такое синтаксическое решение обусловлено коммуникативно-познавательной, или прагматической, установкой писателей на подчеркивание различного в значениях определений-прилагательных, вследствие чего факторы, индуцирующие сочинительную связь, не были оценены ими как достаточные.

В стимульных высказываниях №№ 8, 11, 14 были опущены словосочетания с неоднородными определениями-прилагательными, построенными по схеме *О + О*. В стимульных высказываниях № 8 и № 11 авторские варианты с неоднородными определениями *уличные электрические часы* и *субботний апрельский день* выбрали 45 (91,8%) и 40 (81,6%) испытуемых соответственно. Будучи так называемыми «предметно-классификационными определениями» [Виноградов 1938: 190], семантически связанными с разными предметными сущностями, эти неоднородные определения полностью удовлетворяют прагматической установке на подчеркивание различного в значениях прилагательных. В реакциях же на стимульное высказывание № 14 преобладает деформированный вариант с однородными определениями *носоглоточный, деревянный голос*, обнаруженный в анкетах 31 (63,2%) испытуемого. Такое решение испытуемых можно объяснить тем, что определение-прилагательное *деревянный* в данном случае обладает узуальной качественной семантикой (ср.: 3. ‘Лишенный естественной подвижности, маловыразительный, бесчувственный’ [СО 1990: 164]) и по сходству производимого впечатления, т.е. благодаря эмоционально-перцептивному единству семантики, способно вступить в сочинительные отношения с предшествующим соподчиненным определением-прилагательным. Однако в исходном тексте эти соподчиненные определения-прилагательные интерпретированы как неоднородные, чему, скорее всего, способствовала генетическая (или первично-дерива-

ционная) трактовка окачествленного прилагательного *деревянный* как относительного, не учитывающая его семантических связей ни в сфере согласования (ср.: *деревянный дом* и *деревянный голос*), ни в сфере соподчинения, где происходит семантическая аккомодация определений-прилагательных.

Если вслед за Д. Э. Розенталем усматривать эталон неоднородных определений и в сочетаниях $O + O$, то авторское словосочетание с неоднородными определениями *носоглоточный деревянный голос* нельзя не признать ориентированным на такой эталон, противодействующий в данном случае прагматической установке на однородность определений.

В стимульных высказываниях №№ 3, 7, 13, 17 были опущены словосочетания с соподчиненными определениями-прилагательными, соответствующими схеме $K + O$, на базе которой сформировался эталон неоднородных определений. При отборе стимульного материала для эксперимента намеренно были взяты по два высказывания с однородными и неоднородными определениями, построенными по схеме $K + O$, однако в реакциях на все стимульные высказывания преобладающий вариант заполнения лакун не совпал с авторским, т.е. основания выбора между однородными и неоднородными определениями оказались взаимоисключающими.

Так, в стимульных высказываниях № 3 и № 7 вместо авторских вариантов с неоднородными определениями 30 (61,2%) и 35 (71,4%) испытуемых выбрали варианты с однородными определениями *легкой*, *спортивной походкой* и *простеньким*, *провинциальным мыслям* соответственно. По-видимому, такой выбор обусловлен узуальным окачеством контактно-препозитивных прилагательных (ср.: *спортивный* 2. 'С качествами, внешностью спортсмена, такой, как у спортсменов' [Там же: 755]; *провинциальный* 2. 'Отсталый, наивный и простоватый' [Там же: 604]) и контекстной синонимизацией соподчиненных определений, т.е. факторами, отражающими прагматическую установку на подчеркивание общего в значениях соподчиненных определений-прилагательных. Авторские же варианты отражают действие эталона неоднородных определений, вопреки узуальному окачеству побуждающего оценивать определение-прилагательное в позиции перед существительным как относительное (маркером подобной оценки служит отсутствие

разделяющего пунктуационного знака — запятой — между определениями).

Наоборот, в стимульных высказываниях № 13 и № 17 вместо авторских вариантов с однородными определениями 34 (69,3%) и 27 (55,1%) испытуемых выбрали варианты с неоднородными определениями для *созидательных законодательных актов* и *в загадочные каменные размышления* соответственно. Этот выбор осуществлен, скорее всего, под влиянием эталона неоднородных определений, действующего благодаря номинативной (терминологической) целостности субстантивно-адъективного словосочетания *законодательных актов*, препятствующей окачеству детерминируемого прилагательного *законодательный*, в первом случае и вопреки окачеству определения-прилагательного *каменный* во втором (ср. его контекстно преобразованное значение ‘скрытый, недоступный пониманию’). Обращает на себя внимание почти одинаковое представительство авторских (55,1%) и деформированных экспериментатором (44,9%) вариантов среди реакций на стимульное высказывание № 17, что указывает на сложный характер противодействия эталона неоднородных определений и прагматической установки на подчеркивание общего в значениях определений-прилагательных, обуславливающей их сочинительную связь.

Можно предположить, что следование эталону неоднородных определений или, наоборот, коммуникативно-познавательной, прагматической установке на развертывание ряда однородных определений преимущественно отражает разные индивидуально-речевые стратегии синтаксической «упаковки» соподчиненных определений.

В стимульных высказываниях №№ 2, 6, 10, 16 были опущены словосочетания с соподчиненными определениями-прилагательными, соответствующими схеме $O + K$ (по сравнению с эталоном неоднородных определений порядок компонентов здесь обратный). Если в стимульном высказывании № 2 авторское словосочетание содержало однородные определения, а в стимульных высказываниях №№ 6, 10, 16 — неоднородные, то преобладающим вариантом заполнения лакун испытуемыми во всех стимульных высказываниях оказалось словосочетание с неоднородными определениями. В стимульном высказывании № 6 авторский вариант *докторским веселым тоном* выбрали 34 (69,3%), в № 10 авторский вариант *шрапнель-*

ный беглый огонь — 33 (67,3%), в № 16 авторское словосочетание *грудной слабый голос* — 30 (61,2%) испытуемых. В стимульном же высказывании № 2 предпочтение деформированному варианту с неоднородными определениями отдали 29 (60,4%) испытуемых (при одном отказе), тогда как в исходном тексте здесь было использовано словосочетание с однородными определениями *по проселочной, мягкой дороге* (в связи с этим см. в [Сигал 2004: 157] наблюдение, согласно которому размещение относительного прилагательного перед качественным может способствовать их сочинительной связи).

Статистически доминирующие реакции испытуемых свидетельствуют о том, что эталон неоднородных определений действует и при обратном порядке соподчиненных определений-прилагательных, так как в схеме $O + K$ сохраняются условия для прагматического акцентирования различного в их значениях. Причем, согласно данным эксперимента, действие эталона неоднородных определений в схеме $O + K$ является даже более устойчивым, чем в схеме $K + O$, где он постоянно испытывает давление прагматической установки, обуславливающей сочинительную связь определений-прилагательных. Объяснить это можно тем, что в общем случае инверсия сама по себе не способна обеспечить окачествления относительного прилагательного, так как основная функция инверсии — осуществлять актуализацию компонентов высказывания, а семантическая аккомодация, являющаяся естественным следствием окачествления в условиях соподчинения определений и обладающая преимущественно регрессивной направленностью (т.е. последующее соподчиненное определение семантически сближается с предыдущим), подчеркивает смысловую одноплановость компонентов, преодолевая их актуализационное различие.

Качественный анализ результатов эксперимента № 1 позволяет сформулировать следующие выводы и обобщения.

Во-первых, оказалось, что при синтаксической интерпретации соподчиненных определений-прилагательных создатель предложения-высказывания вовсе не стремится к обязательному отражению своих прагматических установок в форме синтаксического представления соподчиненных определений, чему способствует аналогизирующее воздействие эталона неоднородных определений. Несмотря на то, что прагматика является весьма мощным факто-

ром микросинтаксического построения речи, призванным «расшатывать» структурно-семантические ограничения синтаксического механизма, на уровне словосочетаний с соподчиненными определениями-прилагательными ее влияние небезгранично, так как эталон неоднородных определений прочно удерживает в сфере «чистого» соподчинения даже такие определения-прилагательные, которые приобрели общую сигнификативную и / или коннотативную сему — синтагмему, т.е. семантически преодолели свою изначальную лексико-грамматическую специализацию. Более свободно отображение прагматических установок осуществляется в схеме соподчиненных определений-прилагательных $K + K'$, тогда как в оперировании остальными схемами соподчиненных определений-прилагательных прослеживается сложный и неоднозначный по своим результатам процесс взаимодействия прагматических установок с эталоном неоднородных определений.

Во-вторых, отдавая предпочтение одной из двух форм синтаксического представления соподчиненных определений-прилагательных, испытываемые, возможно неосознаваемо, учитывают те или иные собственно лингвистические факторы. В объеме имеющихся экспериментальных данных обнаружены следующие факторы, обуславливающие однородность определений: окачество относительного прилагательного, входящего в соподчиненный ряд определений; семантическая аккомодация соподчиненных определений как результат либо их лексической синонимии, либо контекстного подчеркивания общей части их сигнификативного и / или коннотативного значения, либо актуализации причинно-следственных отношений между ними; морфемный повтор. Характерно, что факторы однородности определений преимущественно действуют не изолированно, а в своеобразных имплекативных блоках, т.е. наличие одного фактора предполагает появление другого. Неоднородность определений индуцируется таким базовым фактором, как контекстная «консервация» прямономинативного значения соподчиненного относительного прилагательного, достигаемая, в частности, за счет включения последнего в терминологическое (т.е. номинативно целостное) словосочетание, в составе которого возможности окачества предельно ограничены, за счет выдвижения относительно прилагательного в позицию дистантно-препозитивного (иници-

ального) компонента соподчиненного ряда, а чаще всего — за счет отсутствия семантической итерации у соподчиненных определений-прилагательных.

Названные собственно лингвистические факторы могут способствовать реализации прагматических установок на акцентирование общего или различного в значениях соподчиненных определений-прилагательных, но, как показывает эксперимент, обязательной зависимости между этими факторами и соответствующими прагматическими установками не существует.

Эксперимент № 2

В современной синтаксической науке доминирует точка зрения, согласно которой размещение соподчиненных адъективных компонентов по отношению друг к другу не является произвольным, арбитрарным и обусловлено оно весьма разнообразными факторами, преимущественно же лексико-грамматическими и семантическими (обзор зарубежных публикаций см. в [Sichelschmidt 1989]). Именно благодаря этим факторам соподчиненные компоненты сложных словосочетаний Adj. + (Adj. + N) приобретают привычный, закреплённый в узусе и тем самым наиболее частотный взаимопорядок, который, собственно говоря, и преобразуется в обратный, инверсивный под влиянием прагматических, контекстных, просодических и других коммуникативно значимых условий реализации соподчиненного ряда в предложении-высказывании (в связи с экспериментальным исследованием просодической стороны явления см. [Danks, Schwenk 1972]). Инверсивный взаимопорядок в данном случае характеризуется тем, что прагматически, контекстно или просодически выделенный соподчиненный адъективный компонент сложного словосочетания Adj. + (Adj. + N) оказывается инициальным в ходе линейно-речевой развертки синтаксической структуры предложения-высказывания и создает позицию актуализации для всего соподчиненного ряда.

Согласно С. А. Хаврониной и О. А. Крыловой, взаимное размещение соподчиненных компонентов в сложном словосочетании Adj. + (Adj. + N) диктуется особенностями их лексико-грамматической (в терминологии авторов, морфологической) параметризации.

Так, если среди соподчиненных компонентов один является качественным прилагательным, а другой — относительным, то «ближе к определяемому существительному ставится относительное прилагательное, как выражающее более существенный или постоянный признак» [Хавроница, Крылова 1989: 14]. По данным этих исследователей, в речи иностранцев отмеченное правило нередко нарушается (по-видимому, здесь имеются в виду коммуникативно не мотивированные отступления от правила), ср.: *кристаллическое мягкое вещество* (вместо *мягкое кристаллическое вещество*), *болгарскому молодому актеру* (вместо *молодому болгарскому актеру*) и т. д. [Там же: 64].

Однако, как показывают наблюдения, носители русского языка также сплошь и рядом нарушают это правило, стремясь выделить относительный признак предмета как таковой и / или поддержать его актуализацию в контексте. Ср. пример, в котором инверсивный взаимопорядок соподчиненных компонентов обусловлен воплощением обеих названных целеустановок: *Вдруг его (Федора Ивановича. — К. С.) внимание остановила редкостная фигура — осанистый и вельможный бородач, стоявший на перекрестке аллей. Чесучовые серебристо-желтые брюки, чесучовый балахончик с рукавами до локтей* (В. Дудинцев). Инверсивный взаимопорядок соподчиненных компонентов мотивирован в данном случае, во-первых, выделенностью относительного признака ‘чесучовый’ (ср. *чесуча* ‘Плотная шелковая ткань, обычно желтовато-песочного цвета’ [СО 1990: 881]), воспринимавшегося в середине XX в. (т.е. в описываемое в романе В. Дудинцева «Белые одежды» время) как модный и весьма распространенный в летней мужской одежде, а во-вторых, включением относительного прилагательного *чесучовый* в структуру лексического повтора атрибутивных распространителей существительных-наименований одежды, которое отражает актуализованность семантического признака ‘материал’ в контексте предложения-высказывания.

Скорее всего, отмеченный исследователями стабильный взаимопорядок соподчиненных адъективных компонентов «качественное прилагательное + относительное прилагательное» основан не на соблюдении некоего облигаторного правила, не знающего исключений, а на вероятностном учете говорящими / пишущими определенной

тенденции, согласно которой относительное прилагательное, семантически указывающее на тот или иной предмет либо субстанцию, благодаря категориальному тяготению ставится ближе к детерминирующему существительному. Тем не менее лексико-грамматическое объяснение, предложенное С. А. Хаврониной и О. А. Крыловой, не способно мотивировать взаимное размещение соподчиненных прилагательных, относящихся к одному и тому же лексико-грамматическому разряду, тогда как, будучи только качественными или только относительными, соподчиненные адъективные компоненты также не характеризуются константностью взаимопорядка.

А. Р. Катанская (кстати говоря, задолго до З. Вендлера [Vendler 1968]) обосновала зависимость взаимопорядка английских соподчиненных прилагательных от их принадлежности к тому или иному семантическому типу [Катанская 1959].

Согласно исследованию А. Р. Катанской, «прилагательные, обозначающие такие признаки предметов, как размер, объем, мягкость, температура, влажность, тяжесть, форма, возраст и цвет, обычно размещаются в таком порядке перед определяемым существительным, в каком они здесь перечислены» [Там же: 139—140]. Отсюда следует, что «в большинстве случаев существительные... устанавливают наиболее тесные связи с определениями цвета и классифицируются в первую очередь по цвету» [Там же: 117] (соответственно, ближайшее к определяемому существительному прилагательное в сложном словосочетании Adj. + (Adj. + N) маркирует «точку отсчета» последовательной субкатегоризации предметной сущности) и что прилагательное цвета в условиях соподчинения с прилагательным иного семантического типа (а именно размера, объема, мягкости, температуры, влажности, тяжести, формы или возраста), как правило, размещается в контактной препозиции по отношению к детерминирующему компоненту сложного словосочетания Adj. + (Adj. + N). Поэтому более обычным и более частотным является взаимопорядок соподчиненных адъективных компонентов типа «форма + цвет» (*round blue eyes* ‘круглые голубые глаза’), «температура + цвет» (*cold white hand* ‘холодная белая рука’), «размер + цвет» (*little dim mirror* ‘маленькое тусклое зеркало’) и т.п., чем обратный взаимопорядок [Там же: 110—114]. Отклонения от обычного размещения соподчиненных определений-прилагательных А. Р. Катанская объ-

ясняет влиянием таких факторов, как выдвижение определения на первое место в соподчиненном ряду с целью подчеркивания смысла этого определения (ср. *pale small face* ‘бледное маленькое лицо’ в высказывании о больном человеке) и приближение определения к определяемому слову из-за наличия между ними более тесных смысловых связей (ср. *dark narrow stairs* ‘темная узкая лестница’, где дистантно-препозитивное прилагательное цвета не обозначает непосредственного признака самой лестницы) [Там же: 118—121]. По мнению А. Р. Катанской, обнаруженные ею закономерности взаимопорядка соподчиненных прилагательных характерны и для русского языка [Там же: 139].

Существенно, что в работах З. Вендлера [Vendler 1968] и его последователей (см. в особенности основанную на данных русского языка статью [Иорданская 2000]), в которых учтено больше семантических типов прилагательных, эмпирические обобщения А. Р. Катанской в рамках исследованной ею семантической выборки прилагательных получили дополнительную верификацию.

Кроме того, в этих работах было показано, во-первых, что семантические факторы «перекрывают» лексико-грамматические в объяснении взаимопорядка соподчиненных компонентов в сложных словосочетаниях Adj. + (Adj. + N), так как семантические факторы способны мотивировать взаимное размещение как смешанных, так и однотипных в лексико-грамматическом плане соподчиненных прилагательных, а во-вторых, что стереотипизированная комбинаторика прилагательных разных семантических типов в условиях соподчинения «запускается» лишь тогда, когда говорящий / пишущий не стремится наделить одно из соподчиненных прилагательных бóльшим коммуникативным весом, помещая его в инициальную позицию соподчиненного ряда [Иорданская 2000: 387].

Между тем в психолингвистическом аспекте представляет значительный интерес выяснение того, как осуществляется взаимодействие лексико-грамматических и семантических факторов при выборе взаимопорядка разных семантических комбинаций соподчиненных прилагательных смешанного лексико-грамматического состава, а также того, какие семантические комбинации соподчиненных адъективных компонентов оказываются наиболее стереотипизированными, а следовательно, и наиболее устойчивыми при порождении

предложения-высказывания. Не меньший интерес, особенно при взгляде на колебания взаимопорядка соподчиненных компонентов с точки зрения семантической организации сложного словосочетания Adj. + (Adj. + N), представляют наблюдения над тем, какие ограничения в выбор взаимопорядка соподчиненных прилагательных вносит характер их семантической связи с детерминирующим существительным и насколько четко эти ограничения ощущаются в речепорождающем процессе. Поиску ответов на все эти вопросы, так тесно связанные между собой, и посвящен эксперимент № 2.

В авторской картотеке, откуда был отобран речевой материал для эксперимента — текстовые фрагменты из русской художественной прозы XX — начала XXI вв., заметно выделяются такие сложные словосочетания Adj. + (Adj. + N), в которых один из соподчиненных компонентов является прилагательным цвета ($\approx 10\%$). В этой массе речевых построений чаще всего встречаются сочетания прилагательных цвета с прилагательными размера, формы, объема, материала, функционального предназначения и оценки, что составляет шесть разновидностей соподчиненных адъективных компонентов с точки зрения комбинаторики прилагательных цвета с прилагательными иных семантических типов. Показательно, что ни в одной из шести разновидностей не обнаружено безальтернативного взаимопорядка соподчиненных компонентов, а доминирующий взаимопорядок (с контактной или — реже — с дистантной препозицией прилагательного цвета по отношению к детерминирующему компоненту) охватывает от 52,9% до 75% случаев. Прилагательные цвета преобладают в контактной препозиции в сочетаниях с прилагательными формы, объема, функционального предназначения и оценки, в дистантной препозиции — в сочетаниях с прилагательными размера и материала. Причем минимальная статистическая разница между вариантами взаимопорядка наблюдается в сочетании соподчиненных адъективных компонентов «цвет + материал» (52,9%), а максимальная — в сочетании «функциональное предназначение + цвет» (75%).

Для эксперимента были взяты по четыре высказывания, включающих сочетания соподчиненных прилагательных цвета с прилагательными размера, формы, объема, материала, функционального предназначения и оценки в составе сложных словосочетаний

Adj. + (Adj. + N) (всего — 24 высказывания), причем такие, где в двух случаях прилагательное цвета помещено после прилагательного иного семантического типа, а в двух случаях — предшествует ему. Так как по своей методике эксперимент № 2 полностью повторяет эксперимент № 1, сложные словосочетания Adj. + (Adj. + N) были лакунизированы, а для заполнения лакун испытуемым предлагались по два варианта (с взаимопорядком соподчиненных компонентов — авторским и деформированным экспериментатором), каждому из которых присваивался цифровой индекс (1 или 2). В анкете для эксперимента высказывания с соподчиненными прилагательными одной и той же семантической комбинации намеренно давались вразбивку с целью предотвратить отрицательный перенос навыка принятия решения испытуемыми в сходных речевых условиях, а цифровые индексы последовательно соответствуют: 1 — авторскому варианту, 2 — деформированному экспериментатором, поскольку авторские варианты содержат равное число несовпадающих взаимопорядков в одних и тех же семантических комбинациях соподчиненных прилагательных. Так же, как и в эксперименте № 1, стимульный материал в анкетах, полученных испытуемыми, подавался в неавторизованном виде (см. ниже образец анкеты для эксперимента № 2).

Эксперимент № 2 проводился два месяца спустя в той же самой студенческой аудитории, что и эксперимент № 1, при участии 34 испытуемых. Подлинная цель эксперимента испытуемым не раскрывалась, однако им было сообщено о том, что они участвуют в проверке эффективности нового типа письменных упражнений по редактированию текста.

Ознакомившись с анкетой для эксперимента, испытуемые были удивлены тому, что им предлагается задание, с которым они никогда прежде не сталкивались (действительно, при обучении русскому языку как родному не принято обращать внимание на взаимопорядок соподчиненных прилагательных), и что они не представляют себе, по какому принципу выбирать тот или иной вариант. Несколько испытуемых попросили объяснить им лексическое значение слов «Обершлезен» из стимульного высказывания № 20 и *тонзура* из стимульного высказывания № 21, что и было сделано экспериментатором. После повторного чтения инструкции все испытуемые принялись за работу. Отметим, что, несмотря на возникшие у испытуемых

затруднения, никаких образцов выполнения экспериментального задания им не давалось. Временные рамки эксперимента специально не ограничивались, однако проведенные замеры показали, что участие в эксперименте заняло у испытуемых от 32 до 45 мин.

ОБРАЗЕЦ АНКЕТЫ ДЛЯ ЭКСПЕРИМЕНТА № 2

ИНСТРУКЦИЯ

Внимательно прочитайте приведенные ниже текстовые фрагменты. На месте пробелов с помощью цифрового индекса 1 или 2 укажите тот вариант расположения имен прилагательных, который, по Вашему мнению, является более предпочтительным.

1. Академик развернул лист, подошел поближе к окну, достал большие очки _____.

- 1) в черной квадратной оправе
- 2) в квадратной черной оправе

2. _____ к обсаженной елками проруби бабы гнали скот на водопой.

- 1) По белой просторной Ангаре
- 2) По просторной белой Ангаре

3. Но удивительнее всего были двое спутников черного мага: длинный клетчатый в треснувшем пенсне и _____.

- 1) черный жирный кот
- 2) жирный черный кот

4. — Да что ты! — удивился Галахов и вынул кожаную записную книжку _____.

- 1) с белым костяным карандашиком
- 2) с костяным белым карандашиком

5. Самолет взлетал в абсолютной темноте душной летней ночи. Когда он стал делать разбег, на каких-нибудь десять-пятнадцать секунд вдоль взлетной полосы зажглись _____.

- 1) оградительные багровые огоньки
- 2) багровые оградительные огоньки

6. Совсем близко он видел _____, повисший нос, но ему было некогда разбираться в Лавровском и его эмоциях.

- 1) карие несчастные глаза
- 2) несчастные карие глаза

7. Павел Николаевич опешил. У него покраснели верхние кончики его чутких белых ушей и на щеках кое-где выступили _____.

- 1) красные круглые пятна
- 2) круглые красные пятна

8. Там стояла невысокая тяжеловесная женщина с тройным блинчатым подбородком, как бы в тройном ожерелье, да еще с двумя нитками _____.

- 1) красных крупных бус
- 2) крупных красных бус

9. А она сидела спокойно и прямо и своими белыми волосами и _____, как и раньше, была похожа на прислушивающуюся курицу.

- 1) красными плоскими серьгами
- 2) плоскими красными серьгами

10. Пришедшие поднимаются _____.

- 1) по белой мраморной лестнице
- 2) по мраморной белой лестнице

11. Капа, _____ со многими крупными пуговицами, медногriвая, помолодевшая от радости, отпускающе кивнула старшей сестре и пошла под руку с мужем.

- 1) в демисезонном абрикосовом пальто
- 2) в абрикосовом демисезонном пальто

12. Павел Иосифович уже спешил к месту действия. Это был представительный мужчина _____, как хирург, и с карандашом, торчащим из кармана.

- 1) в белом чистом халате
- 2) в чистом белом халате

13. Академик не спеша причесал _____, начесал их вперед.

- 1) прямые серые волосы
- 2) серые прямые волосы

14. Цетлин появилась с морозца раскрасневшаяся, в песцовой шубе, сияя _____.

- 1) громадными темными глазами
- 2) темными громадными глазами

15. _____ полковника уже вытянулись в трубку.

- 1) Толстые светло-розовые губы
- 2) Светло-розовые толстые губы

16. _____ затинула ему руку выше локтя и стала скручивать, следя японскими глазами, сколько будет довольно.

- 1) Резиновым красным жгутом
- 2) Красным резиновым жгутом

17. Приготовился и Цвях — он уже успел выгладить _____.

- 1) темный командировочный костюм
- 2) командировочный темный костюм

18. В парке, одетом _____, он набрал скорость и, чуть прихрамывая, побежал по мягкой просыхающей тропе.

- 1) в веселый зеленый туман
- 2) в зеленый веселый туман

19. Здесь, на стеллажах, стояли горшки и ящики с разными растениями, и он сразу узнал высокий ветвистый стебель красавки с несколькими _____.

- 1) колокольчатыми фиолетово-розовыми цветками
- 2) фиолетово-розовыми колокольчатыми цветками

20. Несчастный «Обершлезен», почти совсем не защищенный от гриба, заметно начал желтеть, ботва его покрылась _____.
1) крупными черными крапинами
2) черными крупными крапинами
21. Его _____ скрывали тонзуру.
1) густые седые волосы
2) седые густые волосы
22. Маргарита Николаевна сидела перед трюмо в одном купальном халате, наброшенном на голое тело, и _____.
1) в замшевых черных туфлях
2) в черных замшевых туфлях
23. За дверями стал виден коридор, освещенный _____.
1) синими ночными лампочками
2) ночными синими лампочками
24. А _____ опустился на косой пол из шатких несогнанных половиц.
1) щегольский синий чемодан
2) синий щегольский чемодан

Примечание. Стимульные высказывания взяты из следующих художественных (прозаических) текстов: М. Алданов «Истоки» — 21; В. Ардаматский «“Сатурн” почти не виден» — 5; М. Булгаков «Мастер и Маргарита» — 3, 12, 22, 23; В. Дудинцев «Белые одежды» — 1, 8, 9, 13, 15, 17, 18, 19, 20; В. Лавров «Катастрофа» — 10, 14; А. Солженицын «В круге первом» — 2, 4, 24; А. Солженицын «Раковый корпус» — 7, 11, 16; Т. Устинова «Гений пустого места» — 6.

В результате от испытуемых в виде реакций было получено высказываний с заполненными лакунами — 815 (при одном отказе на стимульное высказывание № 15). В ходе обработки реакций установлено, что в 13 (54,2%) стимульных высказываниях предпочтение испытуемых было отдано авторскому варианту взаимопорядка

соподчиненных адъективных компонентов, а в 11 (45,8%) стимульных высказываниях — варианту, деформированному экспериментатором. Более того, в сочетаниях соподчиненных прилагательных разных семантических типов доля совпадений реакций испытуемых с авторскими вариантами заполнения пропусков неодинакова: наибольшая — в сочетаниях прилагательных цвета с прилагательными объема и функционального предназначения (75%), наименьшая — в сочетаниях прилагательных цвета с прилагательными оценки (25%). В сочетаниях же прилагательных цвета с прилагательными формы, размера и материала доли совпадений реакций испытуемых с авторскими и деформированными вариантами заполнения пропусков оказались равными (по 50%).

Все эти статистические показатели свидетельствуют о том, что взаимопорядок соподчиненных компонентов в сложных словосочетаниях Adj. + (Adj. + N) является таким неотъемлемым элементом их синтаксической формы, внутривидовые вариации которого обусловлены различной степенью закреплённости обычного взаимопорядка в сочетаниях соподчиненных прилагательных разных семантических типов и, скорее всего, вполне ожидаемой в условиях эксперимента ориентацией испытуемых на обычный взаимопорядок соподчиненных адъективных компонентов там, где автором исходного текста была осуществлена инверсия под влиянием прагматических факторов, подчас неявных в лексико-синтаксической организации межсловных связей в предложении-высказывании.

Перейдем далее к качественному анализу результатов эксперимента, для чего рассмотрим по отдельности преобладающие реакции испытуемых в каждой из шести семантических разновидностей сочетаний соподчиненных прилагательных.

В стимульных высказываниях №№ 1, 7, 13, 19 были лакунизированы сложные словосочетания, включающие соподчиненные прилагательные цвета и формы. Взаимопорядок «форма + цвет» выбрали 18 (52,9%) испытуемых в сложном словосочетании *круглые красные пятна* (№ 7) и 22 (64,7%) испытуемых — в сложном словосочетании *прямые серые волосы* (№ 13). Взаимопорядок «цвет + форма» предпочли по 25 (73,5%) испытуемых в сложных словосочетаниях *в черной квадратной оправе* (№ 1) и *фиолетово-розовыми колокольчатыми цветками* (№ 19). Так как в авторской картотеке речевого

материала взаимопорядок «форма + цвет» преобладает над взаимопорядком «цвет + форма» (56,3%), будем считать, что взаимопорядок «цвет + форма» является инверсивным. Однако в доминирующих реакциях на стимульные высказывания № 1 и № 19 (кстати, только в № 1 преобладающий среди реакций испытуемых взаимопорядок совпадает с авторским), по-видимому, наблюдается не инверсия, а ограничение на обычный взаимопорядок в сочетании соподчиненных прилагательных формы и цвета, вызванное семантикой и денотацией определяемого существительного.

Так, в сложном словосочетании *в черной квадратной оправе* для денотата определяемого субстантивного компонента *оправа* более существенным представляется признак формы, чем признак цвета. Вполне очевидная и для здравого смысла, эта семантическая гипотеза подтверждается при анализе лексикографических данных (по методике «шести семантических шагов» Ю. Н. Караулова): на третьем семантическом шаге у существительного *оправа* и на втором семантическом шаге у прилагательного *квадратный* обнаруживается интегральная семная конструкция (потенциальная синтагма) ‘четыреугольник, у которого все углы прямые’. Ср.: *оправа* ‘Рамка, то, во что вставляется, вделывается что-нибудь’ [СО 1990: 454]; *рамка* 1. ‘Небольшая рама’ [Там же: 655]; *рама* 1. ‘Четыреугольное, овальное или иной формы скрепление для обрамления чего-нибудь (стекла, картины)’ [Там же]; *четыреугольный* 1. ‘В форме четырехугольника, у которого все углы прямые’ [Там же: 881] и *квадратный* 1. ‘см. квадрат’ [Там же: 272]; *квадрат* 1. ‘Равносторонний прямоугольник, а также предмет или участок такой формы’ [Там же]; *прямоугольник* ‘Четыреугольник, у которого все углы прямые’ [Там же: 628].

В сложном словосочетании *фиолетово-розовыми колокольчатыми цветками* контактная препозиция прилагательного формы обусловлена тем, что для цветков растения (в данном случае — красавки) признак *колокольчатые* ‘в форме колокольчиков’ является отличительным, опознавательным: недаром в исходном тексте он вынесен в инициальную позицию соподчиненного ряда как прагматически выделенный в ситуации узнавания красавки среди других растений (см. стимульное высказывание № 19).

В стимульных высказываниях №№ 2, 8, 14, 20 были опущены сложные словосочетания с соподчиненными прилагательными цве-

та и размера. Во всех стимульных контекстах испытуемые отдали предпочтение взаимопорядку «размер + цвет», а именно в сложном словосочетании *по просторной белой Ангаре* (№ 2) — 20 (58,8%), в сложном словосочетании *крупных красных бус* (№ 8) — 27 (79,4%), в сложном словосочетании *громадными темными глазами* (№ 14) — 26 (76,4%) и, наконец, в сложном словосочетании *крупными черными крапинами* (№ 20) — 25 (73,5%) испытуемых. Очевидно, что взаимопорядок «размер + цвет» осознается как обычный (хотя в картотеке речевого материала он составляет лишь 41,1% случаев), поэтому прагматически обусловленный взаимопорядок «цвет + размер» в авторских словосочетаниях *по белой просторной Ангаре* и *красных крупных бус*, выделяющий семантический признак ‘цвет’, оказался недостаточно востребованным у испытуемых.

В стимульных высказываниях №№ 3, 9, 15, 21 были лакунизированы сложные словосочетания, включающие соподчиненные прилагательные цвета и объема. Взаимопорядок «объем + цвет» предпочли 22 (64,7%) испытуемых в сложном словосочетании *жирный черный кот* (№ 3), 29 (87,8%) испытуемых — в сложном словосочетании *толстые светло-розовые губы* (№ 15) и 27 (79,4%) испытуемых — в сложном словосочетании *густые седые волосы* (№ 21). Взаимопорядок «цвет + объем» использовали 26 (76,4%) испытуемых в сложном словосочетании *красными плоскими серьгами* (№ 9). Поскольку в авторской картотеке речевого материала взаимопорядок «объем + цвет» также преобладает над взаимопорядком «цвет + объем» (66,7%), будем считать взаимопорядок «цвет + объем» инверсивным. В доминирующей реакции на стимульное высказывание № 9, совпадающей с авторским вариантом заполнения лакуны, отражена прагматическая выделенность, актуализация семантического признака ‘цвет’.

Особого комментария требует выбранное большинством испытуемых сложное словосочетание *жирный черный кот* (№ 3), не совпадающее с авторским вариантом по характеру взаимопорядка соподчиненных прилагательных. По всей видимости, в данном случае испытуемые ориентировались в своей реакции на прецедентное словосочетание *черный кот*, существующее в их языковом сознании как номинативно целостная структура, причем воспроизводству этого прецедентного словосочетания в условиях его синтаксическо-

го усложнения, несомненно, способствовал обычный взаимопорядок «объем + цвет» при соподчинении прилагательных указанных семантических типов.

В стимульных высказываниях №№ 4, 10, 16, 22 были опущены сложные словосочетания с соподчиненными прилагательными цвета и материала. Во всех стимульных высказываниях испытуемые предпочли взаимопорядок «цвет + материал», а именно в сложном словосочетании *с белым костяным карандашиком* (№ 4) — 31 (91,2%) испытуемый, в сложном словосочетании *по белой мраморной лестнице* (№ 10) — 21 (61,7%) испытуемый, в сложном словосочетании *красным резиновым жгутом* (№ 16) — 19 (55,8%) испытуемых и, наконец, в сложном словосочетании *в черных замшевых туфлях* (№ 22) — 26 (76,4%) испытуемых. Из этого следует, что взаимопорядок «цвет + материал» является обычным (в 52,9% случаев он преобладает и в авторской картотеке речевого материала), поэтому, скорее всего, прагматически обусловленный взаимопорядок «материал + цвет» в авторских словосочетаниях *резиновым красным жгутом* и *в замшевых черных туфлях*, акцентирующий семантический признак 'материал', показался большинству испытуемых неуместным.

В стимульных высказываниях №№ 5, 11, 17, 23 были лакунированы сложные словосочетания, содержащие соподчиненные прилагательные цвета и функционального предназначения. Взаимопорядок «цвет + функциональное предназначение» выбрали 26 (76,4%) испытуемых в сложном словосочетании *багровые оградительные огоньки* (№ 5), а также по 24 (70,6%) испытуемых — в сложных словосочетаниях *темный командировочный костюм* (№ 17) и *синими ночными лампочками* (№ 23). Взаимопорядок «функциональное предназначение + цвет» предпочел 21 (61,7%) испытуемый в сложном словосочетании *в демисезонном абрикосовом пальто* (№ 11). Очевидно, что взаимопорядок «цвет + функциональное предназначение» осознается испытуемыми как обычный, чему, по всей вероятности, способствует принадлежность прилагательных цвета и прилагательных функционального предназначения к качественным и относительным прилагательным соответственно (тем не менее в картотеке речевого материала с долей в 75% преобладает взаимопорядок «функциональное предназначение + цвет»).

Дополнительным фактором, упрочивающим обычный взаимопорядок «цвет + функциональное предназначение», является образование детерминирующим существительным и контактно-препозитивным соподчиненным прилагательным терминологического (либо в той или иной степени терминологизированного) словосочетания. Именно такой случай наблюдается в сложном словосочетании *багровые оградительные огоньки*, которое, кстати сказать, по взаимопорядку соподчиненных компонентов не совпадает со сложным словосочетанием в исходном тексте. Тем не менее испытуемые довольно стабильно оценивают прагматическую выделенность семантического признака 'функциональное предназначение' при инверсивном взаимопорядке «функциональное предназначение + цвет», на что указывает доминирующая реакция испытуемых на стимульное высказывание № 11, совпадающая с авторским вариантом заполнения лакуны.

В стимульных высказываниях №№ 6, 12, 18, 24 были опущены сложные словосочетания с соподчиненными прилагательными цвета и оценки. Взаимопорядку «оценка + цвет» отдали предпочтение 31 (91,2%) испытуемый в сложном словосочетании *несчастные карие глаза* (№ 6), 22 (64,7%) испытуемых — в сложном словосочетании *в чистом белом халате* (№ 12) и 27 (79,4%) испытуемых — в сложном словосочетании *в веселый зеленый туман* (№ 18). Взаимопорядок «цвет + оценка» использовали 23 (67,6%) испытуемых в сложном словосочетании *синий щегольский чемодан* (№ 24). Так как в авторской картотеке речевого материала взаимопорядок «оценка + цвет» преобладает над взаимопорядком «цвет + оценка» (55,1%), будем считать, что взаимопорядок «цвет + оценка» является инверсивным.

Таким образом, в доминирующей реакции испытуемых на стимульное высказывание № 24, не совпадающей с авторским вариантом заполнения пропуска, использован инверсивный взаимопорядок соподчиненных прилагательных, чему способствует, скорее всего, перцептивная выделенность признака 'цвет', хотя подобная смысловая интерпретация сложного словосочетания никак не обусловлена текстом. Ср., наоборот, акцентированность в исходном тексте именно оценочного прилагательного, подчеркивающую всю нелепость изображаемой картины: «щегольский» чемодан, принадлежащий московскому франту, дипломату Володину, «на косом полу из

шатких несогнанных половиц» в бедном доме его тверского дядюшки Авенира (сфера интерпретации смысла взаимоотношения соподчиненных прилагательных намеренно расширена здесь за счет дополнительных сведений из романа А. Солженицына «В круге первом»).

Предпринятый качественный анализ результатов эксперимента № 2 дает возможность последовательно ответить на те вопросы, которые и побудили нас к постановке этого эксперимента.

Во-первых, при выборе взаимоотношения соподчиненных прилагательных смешанного лексико-грамматического состава в сложных словосочетаниях Adj. + (Adj. + N) относительное прилагательное, действительно, в общем случае ставится ближе к детерминирующему существительному, чем качественное, причем это происходит вне зависимости от того, к какому семантическому типу принадлежит относительное прилагательное (в частности, к прилагательным материала или функционального предназначения). Тем не менее взаимоотношение «цвет + материал» испытуемые предпочли во всех четырех стимульных контекстах, тогда как взаимоотношение «цвет + функциональное предназначение» — только в трех, что указывает на некую эталонность именно такой линейной композиции семантических признаков 'цвет' и 'материал' для соподчиненных прилагательных смешанного лексико-грамматического состава.

Во-вторых, по параметру частотности воспроизводства среди реакций, полученных от испытуемых, можно определить наиболее стереотипизированные и тем самым наиболее устойчивые взаимоотношения соподчиненных прилагательных разных семантических типов в сложных словосочетаниях Adj. + (Adj. + N). Так, например, в условиях эксперимента с максимальной частотностью (по 100%) воспроизводятся взаимоотношения «размер + цвет» и «цвет + материал», что свидетельствует об отображении в них типичного направления последовательной субкатегоризации предметной сущности: от цвета к размеру, с одной стороны, и от материала к цвету, с другой.

В-третьих, определенные ограничения на выбор взаимоотношения соподчиненных прилагательных способны оказывать следующие внутривербальные семантические факторы, действующие в сфере сложных словосочетаний Adj. + (Adj. + N): семантическое тяготение между детерминирующим существительным и контактно-препозитивным адъективным компонентом на основе синтагмемы (итера-

тивной семы либо семной конструкции) и / или денотативной приоритетности признака предмета; номинативная целостность базового (простого) атрибутивного словосочетания N + Adj. вследствие его прецедентности или терминологичности. Данные семантические факторы, как показывает эксперимент, могут не только обуславливать инверсию обычного взаимопорядка соподчиненных прилагательных, но и выступать как дополнительное условие выбора именно обычного их взаимопорядка.

Представленные в настоящей главе два экспериментальных исследования позволяют высказать более конкретные суждения о том, какими особенностями обладает речевая организация сложных словосочетаний Adj. + (Adj. + N) в целом.

Прежде всего стало очевидным, что сложные словосочетания Adj. + (Adj. + N) принципиально не являются номинативными единицами — строительным материалом для предложения, существующим до момента порождения высказывания и независимо от высказывания и извлекаемым, подобно устойчивым сочетаниям слов, из внутреннего лексикона в «готовом» виде; наоборот, эти непредикативные многокомпонентные подчинительные конструкции создаются в ходе сложного взаимодействия смысловой интенции говорящего / пишущего, связанной с выражением вторичной субкатегоризации предметной сущности, и целого ряда селективных актов, нацеленных на формирование отдельного комплексного непредикативного сегмента в синтаксической структуре будущего предложения-высказывания.

Синтаксическое структурирование непредикативной конструкции с двумя препозитивными адъективными компонентами, а именно ее синтаксическая «упаковка» в форме сложного словосочетания Adj. + (Adj. + N) или переходного словосочетания (Adj. + Adj.) + N и линеаризация соподчиненных прилагательных, в значительной мере обусловлено лексическим и / или лексико-грамматическим составом соподчиненного ряда, а это указывает на то, что так называемая вторичная организация словосочетаний осуществляется на довольно поздних этапах порождения предложения-высказывания (при всей условности темпоральных атрибуций этого процесса), когда смысловая конфигурация предложения-высказывания в общих чертах уже создана и когда первичная синтаксическая организация

отдельных (особенно непредикативных) его сегментов испытывает не только индуцирующее, но и формокорректирующее воздействие досинтаксических уровней речевой интеграции.

Построение сложных словосочетаний Adj. + (Adj. + N) в речи поддерживается эталоном неоднородных определений, с одной стороны, и стереотипизированной комбинаторикой прилагательных разных семантических типов в условиях соподчинения, с другой, — т.е. такими составляющими психолингвистической грамматики (обоснование термина-понятия «психолингвистическая грамматика» см. в [Сигал 2004: 298—299]), которые отображают и обобщают семантико-синтаксические свойства межсловных связей, обуславливающих выражение отношений вторичной субкатегоризации всей структурой сложного субстантивного словосочетания с «чистым» соподчинением адъективных компонентов и маркирование «точки отсчета» последовательной субкатегоризации предметной сущности ближайшим к определяемому существительному соподчиненным адъективным компонентом соответственно.

ГЛАВА 7

ЭЛЛИПСИС КАК РЕЧЕВОЙ ПРОЦЕСС (НА МАТЕРИАЛЕ СУБСТАНТИВНО-АДЪЕКТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ)

Как известно, основоположник отечественной психолингвистики (теории речевой деятельности) А. А. Леонтьев не раз высказывал мысль о том, что «лингвист органически не способен думать в терминах процессов: он оперирует только единицами и их свойствами» (разрядка автора. — К. С.) [Леонтьев 1969: 104]. Размышляя над этим тезисом А. А. Леонтьева, В. М. Павлов писал: «Совершенно независимо от того, думает или не думает лингвист в терминах процессов и вообще в психологических терминах, он постоянно и неотвратно имеет дело с психическими феноменами» [Павлов 2008: 22].

Практика изучения эллипсиса в синхронии [Реунова 2000; Факторович 1991; Głazek 1995; Hennig (Hrsg.) 2013; McShane 2005; Ortner 1987] свидетельствует о том, что, с одной стороны, обращение к идее процесса и к элементам процессуального моделирования вовсе не чуждо лингвистике, а с другой стороны, в описании процессов отражены в разной мере осознанные действия с теми или иными речевыми структурами. Важно отметить, что как в традиционной, так и в новейшей генеративной или функциональной лингвистике здесь имеются в виду ненаблюдаемые, но имеющие место в актах живой речи процессы, благодаря которым происходит формирование эллипсиса для носителя языка [Кубрякова 1980: 226—227]. Независимо от того, как лингвист представляет эти процессы (опущение, усечение, сокращение, предпочтение неполного варианта полному или как-то иначе), он стремится понять, как делается эллипсис, т.е. какие операции и какие условия требуются для его осуществления.

При этом, вопреки А. А. Леонтьеву, лингвисту присуще делать акцент скорее на процессуальной стороне эллипсиса, чем на той единице, которая подвергается его действию, однако, как представляется, с точки зрения теории речевой деятельности необходимо делать акцент на обеих сторонах эллипсиса. Именно по этой причине,

рассматривая эллипсис как речевой процесс, в настоящей главе мы ограничиваем сферу его применения только и исключительно одной синтаксической единицей — субстантивно-адъективным словосочетанием, закрепившимся в метаязыковых представлениях носителей русского языка как прототипическая модель словосочетания.

Правомерность такого ограничения обусловлена тем, что, по наблюдениям лингвистов, эллипсис главного компонента в субстантивно-адъективном словосочетании создает в большей степени неполноту словосочетания (разрядка моя. — К. С.), чем неполноту предложения [Попова 1953: 51—52]. Тем не менее эллипсис в словосочетании — не самодостаточный процесс, его принципиально невозможно ни осуществить, ни опознать вне предложения-высказывания (и, наоборот, номинативная исключительность словосочетания как бы сопротивляется его неполноте, о чем см. [Адмони 2004: 11]). Эллипсис в словосочетании, или, иначе говоря, неполнота словосочетания, не имеет синтаксической «самости», это речевая вариация словосочетания, обусловленная тем, как осуществлялась развертка предложения-высказывания и / или его адаптация к смысловой структуре текста. Неполная реализация субстантивно-адъективного словосочетания отличается от полной его реализации лишь тем, что позиция одного из компонентов (чаще всего — субстантивного, т.е. главного) оказывается не замещенной конкретным словом (словоформой)¹⁶. Преобразование подобной лексической незамещенности позиции в ее синтаксическую факультативность, а затем в синтаксическую невоплощенность приводит к «девальвации» синтаксической формы словосо-

¹⁶ По мнению Ю. С. Долгова, «к неполным словосочетаниям относятся такие конструкции, в которых отсутствуют необходимые структурные компоненты (разрядка моя. — К. С.), легко восстанавливаемые из окружающего контекста или ситуации» [Долгов 1993: 64]. Очевидно, что такая трактовка не может быть принята при сугубо синтаксическом подходе: ведь в результате эллипсиса отсутствует в словосочетании вовсе не «необходимый структурный компонент», а его конкретное лексическое выражение. Правда, у Ю. С. Долгова это, по-видимому, неточность формулировки, так как, рассматривая затем субстантивно-адъективное словосочетание с опущенным главным компонентом, он подчеркивает, что «главное слово отсутствует, однако словосочетание свое значение (и грамматическое, и лексическое) сохраняет» [Там же: 71], т.е. что неполное субстантивно-адъективное словосочетание не отличается в плане синтаксической формы от полного.

четания и к возникновению субстантивации, смысловой конденсации и т. д., в своих истоках связанных с субстантивно-адъективным словосочетанием.

Кстати сказать, синтаксическим тождеством неполного субстантивно-адъективного словосочетания его полной реализации объясняется во многом тенденция к неэллиптируемости зависимого компонента, в котором представлены конститутивные для формы подобных словосочетаний маркеры атрибутивно-согласовательной связи. Допустимое в разговорной речи устранение зависимого компонента субстантивно-адъективного словосочетания путем семантического включения [Капанадзе 1973: 420—424], с одной стороны, разрушает это словосочетание, а с другой стороны, превращает его в интерпретанту семантически комплексированного существительного — бывшего главного компонента субстантивно-адъективного словосочетания (ср.: *Боюсь не увижу / у меня **зрение***, т.е. ‘с л а б о е зрение’).

Делая акцент и на эллипсисе как процессе, и на субстантивно-адъективном словосочетании как единице, в которой действует эллипсис, и стремясь представить то, как осуществляется эллипсис носителем языка, оперирующим словосочетанием при порождении речи, лингвист, также являющийся носителем языка, вынужден обратиться к методу интроспекции. По мысли Л. Теньера, интроспекция при изучении синтаксических фактов применима по той причине, что «деятельность говорящего невозможно анализировать в структурном плане иначе, чем с помощью интроспективного обращения к самой этой деятельности» [Теньер 1988: 48]. Деятельностный аспект эллипсиса в субстантивно-адъективном словосочетании вполне осознаваем и, как показал А. М. Пешковский, поддается экспликации в режиме метаязыкового описания. «Если отсутствие существительного случайно..., — разъяснял он, — то это отсутствие чувствуется, т.е. мы осознаем, что мы что-то опустили, хотя большей частью и не держим в уме опущенного слова» [Пешковский 2001: 136]. Посредством интроспективного наблюдения лингвист способен дифференцировать внешне похожие синтаксические факты, в частности такие неполные субстантивно-адъективные словосочетания, где эллипсис вовсе не характеризуется одинаковой «деривационной историей». Главное же достоинство

интроспекции, производимой лингвистом, состоит в том, что он способен зафиксировать и обосновать для себя сохранение (в той или иной мере!) синтаксической формы субстантивно-адъективного словосочетания в условиях эллипсиса и, соответственно, неполной реализации этого словосочетания. Метод интроспекции основывается в данном случае на метаязыковой экспертизе собственно «эллиптического восприятия» [Jakobson 1988: 494] со стороны лингвиста, вследствие чего «этот метод становится экспериментальным» [Теньер 1988: 49].

Поскольку словосочетание вообще и субстантивно-адъективное словосочетание в частности лишь подвергается действию эллипсиса в рамках внутреннего программирования и / или речевой развертки предложения-высказывания, эллипсис никогда, по сути дела, не характеризовали особо в его применении к эмпирическим (а не образцово-схемным) словосочетаниям, отличающимся, как известно, функционально-генетической разнокачественностью. Однако, не обладая такого рода эмпирическим «расширением» представлений об эллипсисе, лингвист не способен ответить на вопрос о том, на каком этапе осуществляется эллипсис конкретного субстантивно-адъективного словосочетания при порождении предложения-высказывания, т.е. идет ли он из внутренней речи и, соответственно, из внутренней программы либо оказывается прецедентом «овнешнения» (Е. Ф. Тарасов), а также о том, благодаря чему обеспечивается лексический доступ к тому компоненту субстантивно-адъективного словосочетания, который был эллиптирован, т.е. выполняется ли эта функция контекстом и / или ситуацией либо внутренним лексиконом.

Поэтому-то, изучая эллипсис в субстантивно-адъективных словосочетаниях, традиционно называемых свободными¹⁷, среди них

¹⁷ При этом свобода субстантивно-адъективного словосочетания — относительное, изменчивое, градуируемое свойство. Так, согласно Е. Н. Смольяниновой, «потеря двухкомпонентным единством “живых” отношений и связей в конкретных условиях высказывания приводит к передвижке словосочетания из ранга синтаксических единиц в ранг слова» [Смольянинова 1980: 50]. Для говорящего / пишущего свободным является субстантивно-адъективное словосочетание, созданное им в собственной речи, для адресата — синтаксически и лексически разложимое субстантивно-адъективное словосочетание. Обычно позиции коммуникантов в трактовке свободы словосочетания не различаются, что заметно снижает операциональность этого понятия (см., например, [Ахманова 2004: 395]).

надо различать «“связанное” автором речевого произведения в ситуативно исполненном акте речи», с одной стороны, и «“связанное” в доречевом состоянии “готовой” языковой единицы», с другой [Павлов 1996: 31]. По всей видимости, не принимая во внимание того обстоятельства, что субстантивно-адъективное словосочетание обладает одним из этих функционально-генетических статусов и является результатом производства либо воспроизводства, лингвист обрекает себя на противоречия в трактовке эллипсиса в субстантивно-адъективном словосочетании.

При том, что стабилизация субстантивно-адъективного словосочетания не относится к его имманентным и, главное, константным свойствам и обнаруживается исключительно в акте речетворчества конкретного говорящего / пишущего, нет сомнений в том, что разграничение, по крайней мере, двух типов эллипсиса в субстантивно-адъективных словосочетаниях (далее — эллипсис I и эллипсис II) объясняется тем, что эти словосочетания неоднородны в функционально-генетическом плане.

Эллипсис I возникает в субстантивно-адъективных словосочетаниях, создаваемых *ad hoc* с опорой на такой предшествующий субстантивный компонент — в аналогичном по модели словосочетании или вне его, — который лексически дублируется в эллиптированном главном компоненте субстантивно-адъективного словосочетания. Ср.: *Чужая душа — потемки, а кошачья и подавно...* (А. Чехов); — *...Хорошие к н и г и надо ругать, дурные хвалить* (А. Солженицын), с одной стороны, и *Я направилась в переулок, поглядывая на редкие таблички на домах с названиями ул и ц . Наконец обнаружила нужную и свернула* (Т. Полякова), с другой. По-видимому, эллипсис I в субстантивно-адъективных словосочетаниях включает в себя те синтаксические факты, которые описывались когда-то в генеративной лингвистике с помощью таких трансформаций, как «Симметрический эллипсис» и «Эллипсис с сохранением представителя» [Падучева 1974: 178].

Целостность субстантивно-адъективного словосочетания и тем самым удержание его синтаксической формы обеспечивается в условиях эллипсиса I анафорическим семиозисом контекстной связи опущенного субстантивного компонента субстантивно-

адъективного словосочетания с его лексическим дублетом¹⁸. Отсюда следует, что «описанию способностей слова к связыванию с другими словами... в ситуации “на длинной дистанции”» [ЧФЯ 1991: 106], в том числе нулевого анафорического компонента субстантивно-адъективного словосочетания с его антецедентом [Jakobson 1971], должно быть отведено особое место в синтаксисе словосочетания.

Разновидности эллипсиса I в субстантивно-адъективных словосочетаниях отличаются друг от друга тем, что только первая из них требует от своего синтаксического контекста симметричной организации. Подобным свойством обладают, например, сопоставительно-противительные полипредикативные предложения с союзом *а* или с бессоюзной связью, в которых субстантивно-адъективные словосочетания формируют конструктивно значимые центры сопоставления.

Несимметричная организация синтаксического контекста внутри таких предложений обычно препятствует эллипсису I в субстантивно-адъективном словосочетании. В подобном контексте выдвижение адъективного (зависимого) компонента субстантивно-адъективного словосочетания как особая прагматическая акция осуществляется не посредством эллипсиса субстантивного (главного) компонента, а посредством инверсии, т.е. постпозиции, этого адъективного компонента. Ср.: *Подлинник вкладывался в личное дело агента, хранившееся в синей папке, а копия — в папку зеленую* (В. Ардаматский). Это собственно синтаксическое ограничение, за которым вполне мог бы быть закреплен термин «анти-эллипсис», надо отличать, однако, от антиэллипсиса как стилистического явления [Сковородников 2003 (а)].

¹⁸ Катафорическая связь встречается в таких речевых структурах крайне редко. Скорее всего, это обусловлено тем, что говорящему / пишущему трудно подвергать эллипсису I компонент субстантивно-адъективного словосочетания, еще отсутствующий в контексте. Однако катафора оказывается вполне приемлемой, если, например, два лексически тождественных субстантивно-адъективных словосочетания употреблены в синтаксических рамках одной предикации так, что у первого из них субстантивный компонент опущен, а у второго — вербализован. Ср.: *На брани мира сего **противная** **противную** с т о р о н у видит...* (Свт. Тихон Задонский).

Разновидности эллипсиса I в субстантивно-адъективных словосочетаниях неразрывно связаны с контекстом, без которого неполные субстантивно-адъективные словосочетания становятся «непрозрачными» в перцептивно-смысловом плане. При эллипсисе I контекст по отношению к неполным субстантивно-адъективным словосочетаниям выполняет возмещающую функцию, тогда как неполные субстантивно-адъективные словосочетания по отношению к контексту — функцию маркера смысловой связности. Важно отметить, что контекст в условиях эллипсиса I не является чем-то отдельным от субстантивно-адъективного словосочетания, так как «контекст появляется... в момент формирования фразы» [Колшанский 2005 (а): 24], предвосхищая и обуславливая так или иначе особенности отбора и лексического воплощения модели субстантивно-адъективного словосочетания. Эллипсис I служит в субстантивно-адъективном словосочетании контекстным маркером «перераспределения нагрузок» [Смолянинова 1973: 126], указывающим на актуализацию неэллиптированного компонента¹⁹.

При эллипсисе I обратная валентность адъективного компонента может замещаться остенсивно, поскольку подразумеваемый предмет наличествует в ситуации диалогического контакта. Ср.: *И она (Зоя. — К. С.) потянула книгу одной рукой, потом двумя. Но он (Костоготов. — К. С.) легко удерживал. — Порвем библиотечную!* (А. Солженицын). Примечательно, что в рамках повествования этот предмет неизбежно вербализуется, в результате чего происходит дифференциация способов лексического доступа к опущенному компоненту субстантивно-адъективного словосочетания: если для адресата реплики это исключительно ситуация, то для адресата повествования — прежде всего контекст.

¹⁹ Эллипсис I в субстантивно-адъективных словосочетаниях связан с актуализацией нового атрибутивного признака предмета. При актуализации известного атрибутивного признака, приводящей к повтору обозначающей его адъективной словоформы в отрыве от субстантивно-адъективного словосочетания, эллипсиса I не возникает. Для коммуникативного смысла создаваемого такой адъективной словоформой предложения-высказывания синтаксическая форма субстантивно-адъективного словосочетания несколько не значима. Ср. в условиях монолога: *Тогда, наверное, в ней (в Елене Викторовне. — К. С.) шевельнулась бы к нему (к Кислякову. — К. С.) былая любовь. Да, былая...* (П. Романов); в условиях диалога: — *Меня... общественная жизнь очень разжигает. — Общественная?.. Ох, Демка, с техникой — спокойней жить. Учись лучшие приемники собирать* (А. Солженицын).

Эллипсис I в субстантивно-адъективном словосочетании не является каким-либо побочным автоматизмом, наоборот, это осмысленное, прагматически нагруженное действие, ориентированное на учет контекста и / или ситуации.

В эллипсисе I, включенном в механизм создания субстантивно-адъективного словосочетания, по-особому опосредовано функциональное развитие высказывания (в трактовке этого процесса Л. С. Выготским). Тот факт, что неполнота субстантивно-адъективного словосочетания, возникающая при эллипсисе I, несколько не меняет его синтаксического качества, свидетельствует, с одной стороны, о противоречивом единстве фазической и семантической сторон речи [Выготский 2006: 963, 968], а с другой стороны, о том, что синтаксическая форма субстантивно-адъективного словосочетания, только в ином — чисто семантическом — субстрате, появляется во внутренней речи и в ней же, «полной... элизий и пропусков» [Там же: 1008], вступает во взаимодействие с эллипсисом I. Вовсе не случайно Л. С. Выготский настаивал именно на «к а ж у щ е й с я отрывочности (разрядка моя. — К. С.)» внутренней речи [Там же: 988].

Во внутренней программе, вероятнее всего, субстантивно-адъективное словосочетание с эллипсисом I учитывается дважды: как смысловое звено предложения и как способ «кумуляции содержания» [Леонтьев 1969: 192], вербализованного ранее. Эффект двойного программирования обусловлен зависимостью лексической «достройки» субстантивно-адъективного словосочетания с эллипсисом I от контекста. Переход во внешнюю речь не устраняет эллипсис I в субстантивно-адъективном словосочетании потому, что такое неполное субстантивно-адъективное словосочетание, семантически ничем не отличаясь от полного, позволяет «ярче подчеркнуть качество» [Долгов 1993: 71].

Эллипсис II в субстантивно-адъективных словосочетаниях создается посредством такой процедуры, как семиозис «подразумеваемого знака», когда возмещение происходит в механизме языка (!) путем ассоциации со структурой, «имеющей эксплицитную форму и такое же значение» [Балли 1955: 175]. При эллипсисе II отсутствует дейктическая проекция в контекст, но имеются, также дейктические по своей природе, семантико-предсказующая функ-

ция неэллиптированного компонента субстантивно-адъективного словосочетания и предметно-ситуативное опосредование употребления субстантивно-адъективного словосочетания как особой номинации. Эллипсис II охватывает те субстантивно-адъективные словосочетания, которые извлекаются говорящим / пишущим из внутреннего лексикона (= из памяти)²⁰ и которыми принято оперировать не только в целостном виде, но и в усеченном.

При эллипсисе II в субстантивно-адъективных словосочетаниях подвергаться усечению может как главный, так и зависимый компонент. Ср.: *Третий снаряд лег совсем около **наблюдательного*** (Б. Пастернак) — <**пункта**>; — ...*На меня **наградной** написали. На «Отечественную»... Второй степени* (В. Быков) — <**лист**>, с одной стороны, и *Надежда Петровна бросается к комоду, достает пачку денег. Трубников отправляет их в мешок. — **На книжке** у нас пусто?* (Ю. Нагибин) — <**сберегательной**>, с другой.

Эллипсис II в субстантивно-адъективном словосочетании «создает как бы (разрядка автора. — К. С.) “условное название”, знак, по коллективной договоренности сопоставляемый с определенной реалией» [Винокур 1965: 36].

Усечение при эллипсисе II в субстантивно-адъективных словосочетаниях отличается избирательностью и тяготеет к своеобразной лексикализации: безотносительно к конкретному субстантивно-адъективному словосочетанию трудно прогнозировать, какой его компонент, главный или зависимый, может быть эллиптирован. Ср. в связи с этим фрагмент диалога, где в субстантивно-адъективном словосочетании *Учредительное собрание* под эллипсис II попадает сначала главный компонент, а вслед за ним — зависимый: — ... *Бог дал России бесконечные земные просторы, богатые недра, талантливый народ... И вот ныне все затоптано в грязь! — Это поправится, Ян. Вот сегодня **Учредительное...***

²⁰ Такого рода субстантивно-адъективные словосочетания возможны, однако, и при обеих разновидностях эллипсиса I. Ср.: *Фуфлыгин посмотрел на часы, захлопнул крышку и стал глядываться в даль, откуда **к железной дороге** приближалась **шоссейная*** (Б. Пастернак); ...*женищину всегда тянуло **на вокзалы**, откуда можно уехать, и сегодня они с девочкой уже побывали **на железнодорожном*** (В. Распутин). Наоборот, субстантивно-адъективные словосочетания, создаваемые ad hoc, обычно не допускают эллипсиса II (естественно, при их неповторяемости в рамках одного речевого события).

*Бунин взорвался: — Да что вам всем это **собрание!*** (В. Лавров). Очевидно, что если в первом случае имеется «подразумеваемый знак», тождественный целостному субстантивно-адъективному словосочетанию, то во втором — обобщенная номинация, вне этого диалога теряющая тождество с целостным субстантивно-адъективным словосочетанием.

Отсюда следует, что в субстантивно-адъективных словосочетаниях при эллипсисе II не подвергается усечению либо гипоним, либо гипероним с узуальной семантической конденсацией, обусловливающей его ситуативную конкретизацию.

Эллипсис II в «готовых» субстантивно-адъективных словосочетаниях — стилистически ограниченная форма, поэтому ее предпочтение в речи определяется во многом стилистическим чутьем говорящего / пишущего. Так, например, в деловой речи эллипсис II в субстантивно-адъективных словосочетаниях менее употребителен, чем в повседневной свободной речи, в том числе при повествовании. Ср.: — *Вы хотите улучшить жилищные условия за счет ребенка, у вас же **однокомнатная квартира**, — сказала, зло сверкая очками, чиновница из департамента* (Н. Сухина) и *В начале осени он* (Леонидов. — К. С.) *переехал к жене, в **однокомнатную*** (Н. Андреева).

Эллипсис II в субстантивно-адъективном словосочетании должен быть непременно связан с презумпцией понимания у адресата. По-видимому, эллипсис II в субстантивно-адъективных словосочетаниях гораздо в большей мере, чем эллипсис I, носит социально-стереотипный, или, иначе выражаясь, конвенциональный, характер. Понять субстантивно-адъективное словосочетание, подвергнутое эллипсису II, под силу только тому, кто способен подобным же образом употреблять это словосочетание в надлежащих социально-речевых условиях. При этом негативный результат смысловой перцепции словоформы как субстантивно-адъективного словосочетания, подвергнутого эллипсису II, свидетельствует о том, что в языковом сознании адресата не произошло ее отождествление с субстантивно-адъективным словосочетанием как номинацией и, главное, с субстантивно-адъективным словосочетанием как синтаксической формой.

Ср., например, то, как «обыгрывается» характерный для языка советского времени эллипсис II в субстантивно-адъективном словосочетании <жилая> *площадь*, в рассказе Ф. Раневской: *Когда моя сестра решила переехать из Парижа в Москву — это было в пятидесятых годах, — я прислала ей письмо. <...> — Я не могу ехать, — ответила она. — Моя сестра в Москве сошла с ума. Смотрите, что она пишет: «Ни о чем не волнуйся, приезжай, **площадь** для тебя есть». Зачем мне площадь? Что я, памятник? Нет, она явно не в себе* (Г. Сорокоходов).

Чаще всего эллипсис II в субстантивно-адъективном словосочетании не возникает при порождении предложения-высказывания, а берется как семантически ничем не отличающаяся от субстантивно-адъективного словосочетания его усеченная вариация, содержащаяся во внутреннем лексиконе. Это объясняется тем, что, являясь неотъемлемой частью либо становясь оперативной принадлежностью внутреннего лексикона, субстантивно-адъективное словосочетание отображается в нем, с одной стороны, как отдельная единица, а с другой стороны, как представитель разнообразных способов обращения с ним [ЧФЯ 1991: 104]. Думается, что наряду с «готовыми» субстантивно-адъективными словосочетаниями во внутреннем лексиконе имеются их «претерпевания» в форме эллипсиса II, универбации и т. д. (ср., в частности: *однокомнатная квартира — однокомнатная, однушка*), а также правила их выбора, отображающие стилистическую компетенцию говорящего / пишущего²¹.

Поэтому, скорее всего, эллипсис II в субстантивно-адъективном словосочетании — не только *у с е ч е н и е*, но и прежде всего *у с е ч е н н о е*, это своеобразная эллиптема как форма номинации, задействуемая при «овнешнении» определенного предметно-ситуативного компонента предложения-высказывания. При этом субстантивно-адъективное словосочетание, подвергаясь эллипсису II и даже закрепляясь в форме эллиптемы во внутреннем лексиконе, не теряет окончательно своей синтаксической формы. Вследствие этого «продукты» эллипсиса II в субстантивно-адъективных словосочетаниях неизменно обладают семантической ин-

²¹ В связи с этим см. [Краснова 2007], где обсуждается стилистическая проблематика словосочетания.

терпретантой атрибутивного типа и, что особенно значимо, осознаются как тождественные целостному субстантивно-адъективному словосочетанию²².

Безусловно, правы лингвисты, полагающие, что «языковая редукция пронизывает все этапы порождения высказывания — от возникновения смыслового задания до его конечной звуковой манифестации» [Бергельсон, Кибрик 1980: 159]. Однако эллиптическая динамика, в действительности, оказывается еще более разнообразной, поскольку к эллипсису, происходящему на разных фазах создания предложения-высказывания, может добавляться неоднородность эллиптических процессов в таких его относительно автономных структурах, как субстантивно-адъективные словосочетания.

²² Любопытно, что субстантивно-адъективные словосочетания в статусе фразеологизмов не только полностью лишены своей синтаксической формы, но и «фактически не подвергаются опущению компонентов. Опускание любого из компонентов может привести к исчезновению фразеологизма» [Третьякова 2011: 98]. По-видимому, без сохранения и, главное, без осознания синтаксической формы субстантивно-адъективных словосочетаний эллипсис в них неосуществим.

ГЛАВА 8

ДИСЛОКАЦИОННО-КОМПРЕССИВНАЯ МЕТОНИМИЯ В СФЕРЕ СУБСТАНТИВНО-АДЪЕКТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

Традиционно в лингвистике метонимию трактовали как семантический перенос, троп и — реже — механизм речи, отображающий в сигнификативной «перезагрузке» имени смежность двух предметов, включенных, например, в модель «часть вместо целого», что неизбежно ограничивало действие метонимии сферой вторичной словесной номинации и тем самым замыкало метонимию в пределах лексикологии. Между тем Р. О. Jakobson допускал метонимию на разных уровнях языка, в том числе на синтаксическом, причем как в собственно позиционном, так и в семантическом аспектах [Jakobson 1996: 47]. Возникает вопрос: как же от традиционного, сугубо лексикологического, понятия метонимии перейти к понятию метонимии в сфере синтаксиса, или, говоря иначе, к понятию синтаксической метонимии?

Представляется, что здесь было бы уместно обратиться к следующему тезису А. А. Потебни: «Независимо от отношения слов первообразных и производных, *всякое слово*, как звуковой знак значения, основано на сочетании звука и значения по одновременности или последовательности, следовательно, *есть метонимия* (курсив мой. — К. С.)» [Потебня 1905: 203]. Очевидно, что А. А. Потебне была близка мысль о том, что метонимия создает словесный знак как таковой и что участие метонимии в первичном знакообразовании вообще весьма значительно. Усилиями специалистов по когнитивной лингвистике была осуществлена экстраполяция тезиса А. А. Потебни, почти никогда, к сожалению, не приводимого ими, на весь спектр языковых знаков: любой из них (и синтаксический — не исключение!) представляет своим конвенциональным значением ту или иную когнитивную структуру «редуцированно и метонимически» [Кубрякова 2012: 163].

Поэтому не приходится сомневаться в том, что возникновение синтаксических образцов разной обобщенности было обеспечено когда-то не чем иным, как метонимической сигнификацией: ведь,

действительно, семантика той или иной модели словосочетания, например, «вычерпывает» из онтологии предметного отношения лишь то, что могло становиться регулярной прагматико-смысловой «скрепой» этого отношения, и, что крайне важно, предельно отвлечена от множества однотипных отношений в их предметной воплощенности. Генезис синтаксических образцов — результат действия первичной синтаксической метонимии: так, в сфере словосочетаний, какой бы денотативный диапазон предметов и их признаков ни был вовлечен в формирование атрибутивных отношений, способом их вербализации окажется одна из субстантивных моделей.

Л. С. Выготский, показавший особую роль принципа метонимии в дифференциации смысловой и фазической сторон речи, писал о том, что «смысловая сторона речи развивается от целого к части, от предложения к слову, а внешняя сторона речи идет от части к целому, от слова к предложению» [Выготский 2006: 963]. Вследствие этого для объяснения функционального генезиса синтаксических структур, в частности словосочетаний, привычная для лингвистов идея реализации является недостаточной, так как ею имплицитруется «готовность» этих структур, слитность их смысловой и фазической сторон, а главное, отсутствие у них взаимодействия с другими, в чем-то аналогичными, структурами предложения-высказывания (и дискурса). Не удивительно поэтому, что при объяснении всякого рода синтаксических деформаций, демонстрирующих искусственность подобных ограничений, лингвисты обращались к метонимии, о чем свидетельствуют такие термины, как, например, «метонимический эпитет» [Москвин 2007: 403]. Это уже не что иное, как вторичная синтаксическая метонимия, проявляющаяся в таких прецедентах «овнешнения» (Е. Ф. Тарасов), которые нарушают предметно-смысловую стереотипность синтаксических связей при порождении / смысловом восприятии предложения-высказывания.

Получается, что если первичная синтаксическая метонимия способствует формированию синтаксических образцов в языке, то вторичная — предоставляет равновозможный доступ к воплощению определенного синтаксического образца в речи. Метонимия в синтаксисе — это, с одной стороны, факт языка / речи, а с другой стороны, способ (но, безусловно, отнюдь не единственный) объяснения

того, как происходит синтаксическая развертка предложения-высказывания в условиях нестандартного семантико-синтаксического интерфейса.

Изучение синтаксической метонимии в такой ее трактовке, несомненно, согласуется с новыми тенденциями освещения метонимии в лингвистике. Так, например, если Дж. Лакофф отмечает, что «метонимия представляет собой одну из базовых характеристик познания» [Лакофф 2004: 111], а Р. Гиббс описывает метонимию как существенную часть повседневной мыслительной и речевой деятельности [Gibbs 1999: 61], то Р. Лангакер в рамках когнитивной грамматики выдвигает идею грамматики метонимической (*metonymic grammar*) [Langacker 2009]. По мнению Р. Лангакера, метонимическая природа грамматики состоит в том, что информация, передаваемая ее средствами, не исчерпывается их конвенциональными значениями [Langacker 2009: 46]. Метонимия как особый операциональный механизм рассматривается ныне в психо- и нейролингвистике [Bierwiazzonek 2013; Denroche 2015]. Правда, следует сказать о том, что собственно синтаксису, если не сводить его преимущественно к косвенным речевым актам, отводится весьма скромное место в той таксономии метонимических процессов, которая намечена в лингвистике последнего времени.

Исключение в этом плане составляет теория дискурсивной метонимии, где разнообразные синтаксические прецеденты включены в обоснование ключевой идеи о том, что в своих истоках «метонимия — явление дискурсивное *par excellence*» [Раевская 1999: 3], т.е. «реализуется только в рамках текста и вне его не существует» [Раевская 2000: 50]. К сожалению, в теории дискурсивной метонимии постулируется непроходимая граница между синтаксическим генезисом отдельных метонимических конструкций и их лексикализацией, а также не обсуждается метонимическая перцепция таких устойчивых словесных конструкций, которые по своему происхождению никак не связаны с синтаксической метонимией. Кроме того, метонимия в синтаксисе предстает здесь прежде всего в риторическом и семантико-стилистическом ракурсах [Сандакова 2004], тогда как описание подлинно синтаксических разновидностей метонимии с учетом их структурного механизма не рассматривается как приоритетная задача.

Очевидно, что сейчас наиболее перспективно изучение отдельного типа синтаксической метонимии на материале одной синтаксической единицы, состоящее в объяснении его структурного механизма, семиотико-семантической природы, дискурсивных свойств, обращения с ним в речевой деятельности. В настоящей главе в качестве объекта подобного изучения избран такой тип синтаксической метонимии, как дислокационно-компрессивный, и такая синтаксическая единица, как субстантивно-адъективное словосочетание, являющееся в языковом сознании носителей русского языка прототипическим словосочетанием. Несмотря на то, что к речевым фактам, о которых пойдет речь далее, не раз обращались в синтаксисе, в семантике, а главное, в стилистике (и риторике), даже по отношению к ним справедливо мнение, согласно которому метонимия «настолько естественна в речи и широко используется в ней, что осознать ее часто очень трудно» [Рябцева 2005: 83].

Дислокационно-компрессивная метонимия представляет собой такой тип вторичной синтаксической метонимии, при котором компонент, отделяясь от целостной конструкции, смещается вверх по дереву синтаксической зависимости и ближе к началу линейно-речевой структуры предложения-высказывания, а «остатки» этой некогда целостной конструкции сокращаются. Дислокационно-компрессивная метонимия приводит к такому синтаксическому переоформлению предложения-высказывания, при котором достигается компактность непредикативного сектора, связанная с распадом словосочетательной цепи (I), либо, наоборот, развертка непредикативного сектора, осуществляемая в результате смещения в матричное или — чаще — в новое предложение компонента из полупредикативной (II) или придаточной предикативной (III) конструкции. В том случае, когда дислокационно-компрессивная метонимия приводит к созданию субстантивно-адъективного словосочетания, смещенный зависимый компонент может как сохранять свой частеречный статус, так и менять его за счет транспозиции. Образованная посредством дислокационно-компрессивной метонимии новая целостная конструкция — субстантивно-адъективное словосочетание — характеризуется «расхождением между грамматической и семантической зависимостью прилагательного» [Раевская 2000: 51] и тем самым показывает, что ее генезис никак не обусловлен валентностным синтаксисом.

Рассмотрим подобные субстантивно-адъективные словосочетания с учетом достаточного для нужд их функционально-генетического анализа синтаксического контекста, в котором оказались со вмещены исходные структуры и их дериваты — словосочетания, полученные благодаря дислокационно-компрессивной метонимии.

I. *Как показали результаты опытов, **больные с поражением передних отделов речевых зон** резко отличались от больных с поражением теменно-затылочных отделов коры. У «передних» **больных** ошибки носили чисто синтагматический характер* (А. Лурия). Исходное сложное словосочетание и его дериват семантически тождественны, но вместо словосочетательной цепи с базовым атрибутивным отношением, обладающей четырьмя уровнями глубины подчинения, посредством смещения определения-прилагательного с третьего уровня глубины подчинения на первый и стяжения всей конструкции образуется простое атрибутивное словосочетание. «Запуск» дислокационно-компрессивной метонимии вызван тем, что на целое переносится признак его внутренней части. Важно отметить, что адъективный компонент словосочетания-деривата снабжен кавычками, выступающими в качестве маркера смещенности и нестандартности семантической программы субстантивно-адъективного словосочетания. Употребление кавычек в таких случаях спорадически встречается в письменно-речевом узусе, но не является обязательным.

Применение дислокационно-компрессивной метонимии к словосочетательным цепям, в определенных лексико-грамматических условиях ставшее типичным, может казаться, однако, прагматически неприемлемым, что приводит к такому самоисправлению говорящего / пишущего, при котором более сложно устроенное словосочетание предпочитается менее сложно устроенному. Ср.: — *...но шмотки — это не твоя личная жизнь, это часть имиджа **моего главного редактора**, прости, **главного редактора моего издательства*** (Е. Вильмонт). По-видимому, метонимия, в частности дислокационно-компрессивная метонимия, далеко не всегда «делает... коммуникацию... в целом более “прагматичной”» [Рябцева 2005: 82].

II. *...и тем не менее он (человек. — К. С.) догнал и оставил за собой **двух странных пожилых бегунов — мужчину и женщину, обтянутых синими шерстяными трико, в белых кедах**. <...>*

Это была все та же **пара синих бегунов** (В. Дудинцев). От полупредикативной конструкции, представленной определяемым словом — субстантивом в атрибутивно-аппозитивном обрамлении — и обособленным атрибутивом — причастным оборотом, в результате дислокационно-компрессивной метонимии образуется такое сложное словосочетание, в составе которого имеется зависимое субстантивно-адъективное словосочетание, построенное из исходного определяемого слова и смещенного определения-прилагательного. При референциальном тождестве исходной синтаксической структуры и словосочетания-derivata очевидна их информационно-смысловая неравнообъемность, обусловленная сокращениями как в группе определяемого слова, так и в обособленном атрибутиве. Дислокационно-компрессивная метонимия обеспечена характерным для вторичных словосочетаний со смещенным определением «переносом» на человека признака его одежды (в данном случае — цвета), поскольку «одежда служит как бы продолжением человеческого тела» [Коротеев 1964: 8].

Такие субстантивно-адъективные словосочетания с дислокационно-компрессивной метонимией, как *синие бегуны*, допуская эллипсис главного компонента, способствуют возникновению однословной номинации — субстантивата (*синие*), встречающегося, например, в спортивных комментариях. Этот факт свидетельствует о том, что вообще смещенный адъективный компонент «как бы субстантивируется семантически, но не грамматически» [Никитин 1996: 261], хотя при разрушении вторичного словосочетания такая субстантивация приобретает грамматический характер.

III. *Ничего особенного не было в этой комнате, где должна начаться новая эпоха в русской литературе, ему (Жоржу Дансу. — К. С.) нравилось так думать. <...> В эпохальной комнате стояли стол, креслице, компьютер и было много дамских безделушек* (Т. Устинова). Придаточная предикативная конструкция с атрибутивной семантикой, присоединяемая союзным словом *где*, действием дислокационно-компрессивной метонимии преобразуется в субстантивно-адъективное словосочетание, в котором позицию зависимого компонента занимает прилагательное, образованное от существительного, выполнявшего функцию подлежащего в придаточной конструкции. Опорный компонент придаточной конструк-

ции и главный компонент словосочетания-деривата — одна и та же локативная предложно-падежная словоформа. Этот случай дислокационно-компрессивной метонимии демонстрирует эмпирическую ограниченность термина-понятия «смещенное определение»: тот компонент, который в результате смещения оказывается определением, в исходной конструкции может являться не только определением, но и другим членом предложения. По сравнению с предикативной конструкцией словосочетание — не более чем ее смысловой «концентрат», но их единая референциальная отнесенность поддерживается самим построением дискурса. Применение дислокационно-компрессивной метонимии вызвано тем, что помещению дается оценочная характеристика, связанная с событием, которое должно в нем произойти. Перенос оценки из сферы концепта 'событие' в сферу концепта 'контейнер' придает ей ироническую коннотацию.

Субстантивно-адъективные словосочетания, возникшие вследствие дислокационно-компрессивной метонимии, способны решать различные собственно дискурсивные задачи. Ведущая их функция — более обобщенное и «сжатое описание» [Москвин 2007: 404] новых категориальных (точнее, субкатегориальных) сущностей. В дискурсе таким словосочетаниям обычно предшествуют более развернутые синтаксические структуры, в том числе полу- или полнопредикативные (см. приведенные выше примеры). В этом случае категоризация осуществляется в самом дискурсе и за счет дискурсивных связей. Менее характерная функция — введение в дискурс «готовой» (суб)категории, в частности в цитатном режиме, побуждающее к ее разъяснению посредством целой предикации. Ср.: *Некоторые богословы говорят, что есть «религиозные» бесы. Имеются в виду такие бесы, которые искажают характер религиозной жизни человека* (Прот. О. Стеняев). В этом случае категоризация путем дислокационно-компрессивной метонимии состоялась прежде, второе словосочетание только воспроизводится, но вслед за ним требуется развернуть в дискурсе пояснительную конструкцию, выполняющую метаязыковую функцию.

Дислокационно-компрессивная метонимия, операционально объединяя исходные структуры и словосочетания-дериваты, способствует такому насыщению дискурса атрибутивной семантикой, при котором по-разному происходит дозировка информации, а опи-

сательный модус ее подачи конкурирует либо взаимодействует с категоризационным.

Дислокационно-компрессивная метонимия создает словосочетания метасемиотического характера, в которых «содержание и выражение... вместе становятся выражением для нового содержания на новом “мета”-уровне» [Тер-Минасова 2004: 7] и которым свойственна «семантическая стереоскопия» [Раевская 1999: 12]. «С помощью дискурсивного метонимического словосочетания, — комментирует это свойство М. В. Сандакова, — говорящий вычленяет и помещает в фокус внимания двух участников ситуации — одного, названного существительным, и другого, который репрезентируется через свойство, заимствованное у него и переданное первому» [Сандакова 2004: 106]. Важно отметить, что дислокационно-компрессивная метонимия чаще всего выступает как «средство выражения субъективной системы знаний» [Манчинова 1998: 13], основанной вместе с тем на вполне типичных метонимических отношениях между понятиями [Норман 1994: 184]. Не менее важен, однако, тот факт, что «живая» дислокационно-компрессивная метонимия неотрывна от дискурса, в котором созданные благодаря ей словосочетания обретают свою семантическую конкретность. Даже лексикализация словосочетаний, возникших в результате дислокационно-компрессивной метонимии, не столько освобождает их от дискурса, сколько «тянет» его за собой, превращая в импликационный фон (ср.: *колбасный поезд* и т. п.). При этом почти неизбежна идиоматическая трансформация семантики словосочетания: так, во времена дефицита на колбасных поездах ездили в Москву, конечно, не только за колбасой. Ср.: *А еще мне запомнился так называемый «колбасный поезд». На нем ярославцы ездили в столицу, чтобы покупать колбасу и мясо, т.е. продукты, каковых в их родном городе достать было невозможно* (М. Ардов).

Дислокационно-компрессивную метонимию, осмысляемую как частный случай гиппалаги, считают чуть ли не исключительной принадлежностью художественного дискурса [Коротеев 1964: 11; Москвин 2007: 716—717; Сковородников 2003 (б): 131]. Представляется, что дислокационно-компрессивная метонимия, результатом которой является субстантивно-адъективное словосочетание, выступает, скорее, как такой общедискурсивный механизм,

активизация которого наиболее заметна также в современной публицистике. Приведем несколько примеров из публикаций в газете «Московский комсомолец», связанных с недостатками в проведении переписи населения в 2010 г. Ср.: *На некоторых участках давали указания составлять как можно больше «женатых» анкет, не указывать данные о вдовах и одиноких женщинах* (Кс. Конюхова, 4 марта 2011 г.); *Говорят, переписчики сидели в ЖЭКах и в ДЭЗах — переписывали домовые книги. В процессе этой бумажной работы у них могло получиться гораздо больше бумажных людей. И стимул был: чем больше напишешь — тем больше заработаешь* (А. Минкин, 29 марта 2011 г.). По-видимому, для современной публицистики, в которой сделан особый акцент на синтаксисе воздействия, такие словосочетания с дислокационно-компрессивной метонимией интересны своей семантической напряженностью, нарушением семантических ожиданий, выработанных валентностным синтаксисом, побуждением к «снятию» семантического конфликта и обретению неочевидного вначале наглядного образа. Все эти семантические эффекты, несомненно, характеризуют созданные в результате дислокационно-компрессивной метонимии словосочетания как принадлежащие к сфере экспрессивного синтаксиса.

«Синтаксическая единица, — отмечал А. А. Леонтьев, — своего рода застывшая операция, вернее, отображение этой операции» [Леонтьев 2001: 219], еще же точнее, — отображение одной из возможных операций, участвующих в ее речевом построении. Очевидно, что дислокационно-компрессивная метонимия и есть одна из ряда таких операций, способных к отображению в форме субстантивно-адъективного словосочетания. Причем дислокационно-компрессивная метонимия ничуть не привязана к субстрату конкретного словосочетания в дискурсе, она носит абстрактно-обобщенный характер. Это видно, например, из семантического курьеза, о котором рассказал известный педагог Е. Ямбург в статье «Конца света не видно. Мартовские тезисы»: *Еще в прошлом веке в составе высокой комиссии я оказался на открытом уроке молоденькой учительницы начальных классов сельской школы. После каждого произведенного арифметического действия дети вскакивали и начинали бегать вокруг парт. После урока, когда я осторожно поинтересовался загадочной методикой обучения арифметике, учи-*

тельница удовлетворила мое любопытство: «Так в методическом пособии написано: обучение *беглому счету*» (Московский комсомолец, 22 марта 2011 г.).

Учительница явно восприняла словосочетание-термин сквозь призму дислокационно-компрессивной метонимии, поэтому для нее *беглый счет* — это, по всей видимости, ‘счет, после выполнения которого учащиеся бегают вокруг парт’. В действительности, это словосочетание вовсе не связано с дислокационно-компрессивной метонимией, его генезис — в валентностном синтаксисе: *беглый* 2. ‘быстрый, не задерживающийся’ [ТСРЯ 2007: 34], т.е. имеет-ся в виду ‘счет без затруднений’. Курьезный случай, рассказанный Е. Ямбургом, беспристрастно свидетельствует о том, что опытное знание дислокационно-компрессивной метонимии как таковой дает возможность воспользоваться ею (точнее, семантическими гипотезами на ее основе) даже в том случае, когда происходит смысловое восприятие неметонимического по своему синтаксическому генезису субстантивно-адъективного словосочетания. Поэтому, скорее всего, прав Р. Гиббс, настаивая на отграничении «переработки метонимического языка» (*processing metonymic language*) от «метонимической переработки языка» (*metonymic processing of language*) [Gibbs 1999: 69].

Словосочетания, созданные в результате дислокационно-компрессивной метонимии, подобно любым другим метасемиотическим словосочетаниям, являются «абсолютно свободными», поскольку «в сочетаниях такого рода бросается в глаза абсолютная свобода говорящего, его индивидуальное творчество при соединении слов в речи» [Тер-Минасова 2009: 139]. Хотя в порождении таких словосочетаний не меньшую роль, чем в синтаксисе вообще, играет ориентация на тот или иной способ оперирования этими структурами и, в конечном счете, на один из вариантов речевого опосредования конкретной модели словосочетания, нет сомнений в том, что дислокационно-компрессивная метонимия, действительно, позволяет говорящему / пишущему строить словосочетания (и контекст вокруг них) не автоматически и отчужденно, а как бы «отливая» их «по себе» [Флоренский 1999: 153].

Вместе с тем наблюдения показывают, что словосочетание чем менее свободно, тем более независимо от дискурса. Наоборот, так

называемые абсолютно свободные словосочетания, возникшие, в частности, вследствие дислокационно-компрессивной метонимии, оказываются, образно говоря, привязанными к дискурсу. Достаточно напомнить, что у А. Лурия «*передние*» *больные* — вовсе не ‘больные, находящиеся впереди’, а ‘больные с поражением передних отделов речевых зон’, но в отрыве от дискурса обеспечить такой результат смыслового восприятия словосочетания почти невозможно. Вероятнее всего, подобные факты послужили основанием для утверждения о том, что «дискурсивная метонимия (в том числе дислокационно-компрессивная метонимия. — К. С.) вне контекста, как правило, непонятна (или понятна лишь отчасти)» [Сандакова 2004: 107]. Это утверждение, представляющее собой не что иное, как гипотезу, нуждается в экспериментальной проверке. Кроме того, рассчитывая на то, что в отрыве от дискурса словосочетание с дислокационно-компрессивной метонимией даст целый «веер» смысловых интерпретаций, можно надеяться найти среди неединичных реакций наиболее частотную и наименее частотную и тем самым определить те смысловые интерпретации, которые образуют границы перцептивных ожиданий, приемлемых в узусе.

Эксперимент был проведен со студентами вечернего отделения Колледжа МИД РФ в 2008 г. (39 чел.) и 2010 г. (64 чел.). Стимульное субстантивно-адъективное словосочетание с дислокационно-компрессивной метонимией было извлечено из заметки, помещенной в журнале «Лиза» (№ 20, 2008 г.): *Трудно требовать от ног безостановочного дансинга в клубе или многочасовых прогулок при луне, если их обладательница просиживает в офисе по 8—9 часов в сутки. «Офисные» ноги не адаптированы к активной физической нагрузке! Однако ситуация поправима, ведь ты можешь делать секретную (для шефа и коллег) гимнастику под столом.* Каждый участник эксперимента получил следующее задание: «Как Вы понимаете словосочетание *офисные ноги*? Что оно может обозначать? Дайте все допустимые, с Вашей точки зрения, варианты понимания». При подаче стимула не сообщался контекст и были «сняты» кавычки с адъективного компонента словосочетания. Время выполнения задания не ограничивалось.

При обработке анкет участников эксперимента всего было обнаружено 197 реакций. Наиболее частотной среди неединичных ре-

акций оказалась такая смысловая интерпретация, как *курьер*, — 55 (28%) реакций. Наименее частотными среди неединичных реакций оказались смысловые интерпретации, связанные с дислокационно-компрессивной метонимией, — 6 (3%) реакций. Приведем каждую из них в порядке извлечения из анкет участников эксперимента: *ноги сотрудниц офиса; ноги человека, работающего в офисе; ноги работника, который сидит в офисе на одном месте; ноги помощника руководителя или другого сотрудника офиса; ноги человека, продолжительное время находящегося на службе в офисном помещении; ноги работающей в офисе женщины*.

Получается, что, по данным эксперимента, в отрыве от дискурса словосочетание крайне ограниченно воспринимается сквозь призму дислокационно-компрессивной метонимии, хотя такие смысловые интерпретации образуют все же нижнюю границу перцептивных ожиданий. При этом смысловые интерпретации такого рода осуществляются не в произвольной синтаксической форме, а в форме тех синтаксических конструкций, из которых благодаря дислокационно-компрессивной метонимии создаются субстантивно-адъективные словосочетания. Так, из 6 реакций выделяются 3 сложных словосочетания, 2 полупредикативные конструкции и 1 придаточная предикативная конструкция, причем все они выступают в функции синтаксической интерпретанты одного и того же словосочетания. Верхняя граница перцептивных ожиданий, согласно эксперименту, создается метафорической интерпретацией, косвенно указывающей на такую тенденцию в семантике субстантивно-адъективных словосочетаний, как «тяготение... к... семантической монолитности» [Смолянинова 1980: 15], к целостно-гештальтному обозначению. Словосочетание-стимул, возникшее в результате дислокационно-компрессивной метонимии, вполне допускает метафорическую перцепцию, но, понятое как метафора, оно оказывается не отделенным окончательно от метонимии, в данном случае — от типичной для нее модели «часть вместо целого».

Важно сказать, однако, о том, что такой добытый в эксперименте преобладающий вариант смыслового восприятия словосочетания *офисные ноги*, как ‘курьер’, неотвратимо оказывается неадгерентным в смысловой организации дискурса-источника. Из этого следует, что перцептивным «гарантом» дислокационно-компрессив-

ной метонимии в сфере словосочетаний выступает дискурс, или, по-другому, что смысловое восприятие словосочетаний с дислокационно-компрессивной метонимией является дискурсивно обусловленным. Этот факт с неизбежностью демонстрирует, что словосочетания, построенные с помощью дислокационно-компрессивной метонимии, являются если и не абсолютно свободными (ср. мнение С. Г. Тер-Минасовой), то свободными в весьма значительной степени.

В заключение необходимо прежде всего отметить, что в ракурсе дислокационно-компрессивной метонимии словосочетание предстает как порождаемая синтаксическая структура, неразрывно связанная с тем, как осуществляется семантическое программирование и синтаксическая развертка предложения-высказывания или целого тематико-смыслового «кластера» предложений-высказываний в дискурсе.

«Деривационные истории» словосочетаний с дислокационно-компрессивной метонимией свидетельствуют о том, что порождение словосочетания не исчерпывается в операциональном аспекте валентностным синтаксисом и что формирование словосочетания в дискурсе во многом подчинено такой отмеченной еще Н. И. Жинкиным закономерности, согласно которой «предложения возникают при сжатии задуманного текста» [Жинкин 1982: 107]. По-видимому, такого рода виртуальное / актуальное опосредование вбирает в себя не только вербальные, но и невербальные структуры — образы так называемого «mentalese» [Warren 2013: 17], придающие словосочетаниям с дислокационно-компрессивной метонимией наглядность и эстетическую действенность.

Несмотря на то, что спонтанное порождение словосочетаний с дислокационно-компрессивной метонимией, обладающих, в частности, статусом оговорки, то и дело фиксируется в записях разговорной речи, как правило, порождение словосочетания с дислокационно-компрессивной метонимией является намеренным, целесообразным, попадающим в поле метаязыкового внимания. Вовсе не случайно было отмечено, что «конечная цель процесса “становления” (Гегель) гипаллаги (в том числе словосочетаний с дислокационно-компрессивной метонимией. — К. С.) — порождение экспрессивного высказывания» [Манчинова, Мурзин 1995: 65]. Однако

экспрессивность обычно не рассредоточена по всему такому высказыванию, она концентрируется именно на словосочетаниях, догадка о дислокационно-компрессивной метонимии в функциональном генезисе которых позволяет «отчетливо насладиться художественностью их, в их отдельности» [Флоренский 1999: 115].

Являясь одним из ведущих дискурсивных механизмов, дислокационно-компрессивная метонимия создает словосочетания, неотторжимые от дискурса, которые, даже пройдя путь лексикализации, в превращенной форме сохраняют «память» дискурса. Не менее значимо другое: обращение к дислокационно-компрессивной метонимии, ставящей словосочетание в фокус синтаксического прогнозирования и представляющей словосочетание в качестве образа своего результата, показывает, что свободное словосочетание выступает как особая оперативная единица речевой деятельности и, несомненно, как особая синтаксическая единица языка.

ГЛАВА 9

ОБ ИНТЕГРАЦИИ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

Для всех поколений ученых Московской психолингвистической школы было очевидно: «какая психологическая работа сознания стоит за каждым шагом развертывания речи и каковы эти шаги — вот один из главных вопросов психолингвистики» [Березин, Головин 1979: 45]. Несмотря на то, что именно в рамках Московской психолингвистической школы общая модель порождения высказывания была построена с учетом принципа эвристичности [Леонтьев 1969], до сих пор отдельные шаги развертывания речи, в особенности факкультативные и не обладающие статусом универсального языкового процесса, такие как, например, интеграция словосочетания (в терминах синтаксиса) или сращение (в терминах словообразования), не рассматривались в ракурсе их участия в актах речевой деятельности. Между тем одновременное существование в речи словосочетания и его аналога в форме сложного слова, неизбежно приводящее к их разноплановой дифференциации, дает возможность понять, какие факторы способствуют интеграции словосочетания, а какие — препятствуют ей, а также высказать предположение о том, как интеграция словосочетания опосредована в языковом сознании субъекта речевой деятельности. В связи с этим интеграция словосочетания как особый шаг развертывания речи подлежит изучению как со стороны лингвистики, так и со стороны психолингвистики.

Трансформация словосочетания в сложное слово отражает действие «метаморфизма», т.е. «процесса трансформации одних классов в другие» [Бенвенист 1974: 255]. Интеграция словосочетания приводит к преобразованию синтаксической единицы в лексическую, по мысли Э. Бенвениста, — к «этой, быть может, самой своеобразной работе языка» [Там же: 256]. Тем не менее интеграция словосочетания не выступает как общезыковой механизм: более свободно она осуществляется в языках аналитического строя, в частности в английском языке [Квеселевич 1983: 5]. По Д. И. Квеселевичу, «интеграция словосочетания — одно из проявлений процесса метаморфизма, заключающееся в трансформации словосочетания в сложное слово с сохранением линейного порядка компонентов и приводящее

к межуровневой равноименности» [Там же: 8]. При переходе от словосочетания к сложному слову рема становится сигнификативной, а номинация приобретает цельный идиоматический характер [Там же: 29—32]. По мнению Д. И. Квеселевича, в русском языке интеграция словосочетания — «явление сравнительно малораспространенное» [Там же: 67].

С. Г. Тер-Минасова также отмечает, что «словосочетание в русском языке, даже при условии максимальной — идиоматической — цельности его семантики (например, *железная дорога*), не может стянуться в сложное слово (подобно английскому *railway*), так как этому препятствует морфологическая оформленность и самостоятельность прилагательного, которое изменяется в соответствии со своими правилами, по падежам и числам, и никакой тенденции к слиянию с определяемым словом не имеет» [Тер-Минасова 2009: 6]²³.

Действительно, интеграция более характерна для русских словосочетаний со связью примыкания, при которой взаимоприспособляемость между компонентами может быть равна нулю [Милославский 1977: 58]. Ср., например, такие сложные прилагательные, как *быстровозводимый*, *быстрогорящий*, *быстрогустеющий*, *быстродействующий* [РОС 1999: 91], которые за пределами языка для специальных целей становятся словосочетаниями с примыкающим наречием. Кроме того, путем сращения в русском языке может быть создано сложное слово далеко не любой кардинальной части речи. Так, по мнению Е. А. Земской, «сращение используется только в словообразовании имен прилагательных» [Земская 2005: 305]. Показывая наибольшую продуктивность сращения для прилагательных и наречий, Л. С. Филиппова настаивает на его чуждости глаголу, поскольку из словосочетания возник только один глагол — *заблагорассудится*, и нехарактерности для существительных (хотя имеются слова с начальным *пол-*) [Филиппова 2009: 192—195].

²³ В рамках диахронического подхода такое эмпирическое обобщение не следует, однако, абсолютизировать: если при согласовании компоненты словосочетания не являются многосложными, то их интеграция вполне осуществима. Ср., например: *Новгород* и название повести Н. Карамзина *«Марфа-посадница, или Покорение Новгорода»*, созданной в самом начале XIX в. Ср. также в этой повести: *Псковитянин в Новгороде забывал, что он не в отчизне своей; сопротивление обратится в гибель Новугороду* и т.п.

Несмотря на то, что вне сферы примыкания интеграция словосочетания в русском языке резко ограничена по причине флективной «нагруженности» компонентов, ее речевые прецеденты встречаются и в словосочетаниях со связью управления, причем как глагольного, так и субстантивного. Поэтому обратимся далее к рассмотрению подобных речевых фактов, первый из которых может быть отнесен к архаизированному узусу, а второй носит подчеркнуто окказиональный характер.

Наряду с глагольно-субстантивным словосочетанием *пить чай*, а точнее — наряду с его линейно-позиционной (инверсивной) вариацией *чай пить*, в начале XX в. начинает довольно активно употребляться сращение *чайпить* — сложный глагол с объединяющим ударением на первом слоге. Ср.: *Давно уже слово «чайпить» стало одним глаголом...* (В. Вересаев; НКРЯ); *Перекрестившись, мы садимся «чайпить»*; *так говорилось у нас везде, а не двумя словами «пить чай»* (Митр. Вениамин Федченков). Кавычки при записи сращения объясняются тем, что языковое сознание пишущих зафиксировало стилистическую «инаковость» этого сложного глагола, вошедшего в речевой узус их современников.

Любопытно, что в романе А. Малышкина «Люди из захолустья», относящемся к концу 1930-х гг., это сращение употребляется без кавычек, что показывает его социально-речевую и, несомненно, стилистическую приемлемость. Ср., например: *Журкин тоже недолюбливал этих шумных гостей, без стеснения в одежде разваливающихся по койкам; раньше срока кончал чайпить, с гармоньками удалялся к Поле или А барачные потягивались, слонялись от койки к койке, чайпили и с утра начали так зверски накаливать печи, такую нагнали огненную духоту, что Поля засуматошилась опять: кабы не сожгли барак* (НКРЯ).

По мнению Л. В. Щербы, «что даже такое словосочетание, как *чай пить*, начинает ощущаться сложным словом, явствует из такого очень распространенного новообразования, как *мы уже почайпили*» [Щерба 1974: 52]. Показательно, что для Л. В. Щербы раздельнооформленная запись словосочетания не препятствует его осмыслению в качестве сложного слова. Интеграцию словосочетания *чай пить* ученый видит в том, что оно включается в словообразовательный процесс как единое производящее: префикс *по-* присоединяется к целому слову.

Правда, глагол *почайнить* связывают и с иной «derivационной историей». Так, Г. А. Хайрутдинова полагает, что здесь «глагол *попить* расчленяется на два элемента и на месте морфемного шва между префиксом *по-* и корневой морфемой вставляется существительное *чай*» [Хайрутдинова 2009: 32]. Подобная реконструкция не обладает, однако, доказательностью с точки зрения словообразовательной системы. Вовсе не случайно в специальной лексикографии «derivационная история» глагола *почайнить* представлена так: *по-чай/нить* [ССРЯ 1990: 754]. В этой формуле косая черта обозначает границу между компонентами слова, образованного по способу сращения, а дефис «служит для выделения в производных словах частей, с помощью которых они образованы» [Там же: 5].

Конечно, новый префиксальный глагол получал негативные метаязыковые оценки. Ср., в частности: *...если кто скажет: «они почайпили», мы поправляем: «они напились чаю»* (В. Вересаев; НКРЯ). Но это нисколько не помешало ему закрепиться в литературно-речевом обиходе: *Клавдия Никифоровна снова просунула голову: — ...пойдемте лучше ко мне почайнить. Милости просим без церемоний, как соседи и интеллигенты!* (В. Ардов); *Ариадна Сергеевна, видя наше состояние, позвала нас зайти к себе «почайнить»* (М. Белкина), а также получить «права гражданства» в словаре: *почайнить* (прост.) ‘Попить чаю’. *Мы уже почайпили* [ТСРЯ 2007: 711], где, кстати говоря, отсутствует производящее слово — *чайнить*.

Интеграции словосочетания *пить чай* способствовал целый ряд структурно-функциональных условий, ведущим среди которых является инверсия зависимого компонента. Ср.: — *Чай пью...* — *отозвалась Тося и отхлебнула из кружки, показывая непонятливым девчатам, как люди пьют чай* (Б. Бедный). Препозиция односложного компонента с нулевой флексией и вместе с тем жесткая контактность компонентов словосочетания привели к формированию единого акцентологического центра — ударения на первом слоге. При этом нулевая флексия оказалась «парализованной» и превратилась в своеобразный интерфикс, что обусловило потерю способности реализации активной синтаксической валентности на атрибут. Наоборот, тормозить интеграцию словосочетания *чай пить*, в том числе при недистанцированности компонентов, могли бы атрибу-

тивные распространители. Ср.: *Стану я, говорит, в а ш чай пить!* (В. Короленко; НКРЯ); *Куда нам, Иванам, с простотой нашей — т а к о й чай пить?* (Завтра, 22.08.2003; НКРЯ).

Из этого следует, что семантическим мотивом создания сложного глагола *чайпить* могло послужить стремление обозначить процесс чаепития как таковой, без потенциального обращения к характеристикам чая. Ср.: — *Я чай пью.* — *Какой?* и — *Я чайпью.* — **Какой?* Однако поскольку с такой семантической задачей справляется и словосочетание, сложный глагол *чайпить* оказался дублетом, причем с осязаемым «налетом» просторечности, отраженным в словарной помете (ср. похожую семантико-стилистическую судьбу отсубстантивных глаголов *чаевать*, *чаевничать*, *чайничать*).

В очерке М. Цветаевой «Мой Пушкин» употребляется не только бисубстантивное словосочетание *памятник Пушкина*, но и образованное в результате его интеграции сложное имя существительное *Памятник-Пушкина* (именно с прописной буквы!). Так как у М. Цветаевой «в словесных метаморфозах... всегда сохраняется преданность принципу “суть перечеркивает язык”» [Ляпон 2010: 25], она, всецело осознавая свою вербальную интенцию, стремится объяснить, что стоит в данном случае за трансформацией словосочетания в сложное слово. Ср.: *Памятник Пушкина был не памятник Пушкина (родительный падеж), а просто **Памятник-Пушкина**, в одно слово, с одинаково непонятными и порознь не существующими понятиями памятника и Пушкина. То, что вечно, под дождем и снегом, — о, как я вижу эти нагруженные снегом плечи, всеми российскими снегами нагруженные и усиленные африканские плечи! — плечами в зарю и метель, прихожу я или ухожу, убегаю или добегаю, стоит с вечной ильпой в руке, называется **«Памятник-Пушкина»***. Получается, что «преодоление» формы словосочетания потребовалось потому, что в языковом сознании М. Цветаевой сочетание понятий преобразовалось в единое понятие.

Важно отметить, что в бисубстантивном словосочетании с главным компонентом *памятник* и с зависимым — *Пушкин* объектные отношения должны были бы выражаться формой дательного падежа (-у), тогда как у М. Цветаевой используется форма родительного падежа (-а), маркирующая субъектно-притяжательные отношения

[Сиротинина 2003: 36]. Причем подобная нейтрализация форм родительного и дательного падежа весьма характерна. Ср.: *В недавнем прошлом деревенская жительница, все еще не знавшая, где в Москве стоит **памятник Пушкину**, Раиса Петровна работала поваром в детском саду одного весьма привилегированного института* (Р. Фрумкина; НКРЯ) и *И еще, — отец был очень рад, — главный какой-то комитет поручил ему парадные «места» ставить на Страстной площади, где **памятник Пушкина** будут открывать* (И. Шмелев; НКРЯ). Ср., однако, семантическое разграничение этих падежных форм в сложном словосочетании, где выражаются как объектные, так и субъектно-притяжательные отношения: *Павла Леонтьевна обсуждала с Меркуровым **памятник Пушкину скульптора Опекушина***... (А. Щеглов; НКРЯ).

Есть мнение, что приименной родительный падеж может быть связан с «перебоями в употреблении того или иного падежа, не вызванными грамматической ситуацией или семантикой участвующих в конструкции слов» [Исаченко 2003: 99]. Дело, однако, в том, что при замене имени собственного частотность флексии *-а / -я*, не маркирующей объектные отношения в словосочетаниях типа «*памятник* + зависимое имя существительное», резко сокращается. Так, если словосочетания *памятник Пушкину* и *памятник Пушкина* в НКРЯ имеют по 54 и 31 вхождению соответственно²⁴, то словосочетание *памятник Ленина* отмечено только один раз, *памятник Гоголя* — вообще ни разу. По-видимому, это связано как со способностью приименного родительного падежа «выявлять признаки любого субстантивно выраженного понятия» [Сухотин 1950: 173], так и, главное, с мнемической формальной аналогией со словосочетанием «*Памятник Пушкина*» стихотворение Пушкина «Памятник», где зависимый компонент на *-а* выражает субъектно-притяжательные отношения и передает семантику авторства. Ср.: *Славу русский поэт искони предоставляет военным и этой славе преклоняется. — а «Памятник» Пушкина? Прозрение — ничего другого* (М. Цветаева; НКРЯ).

²⁴ Примечателен такой факт: в «Русском ассоциативном словаре», отражающем коллективное языковое сознание конца XX в., на стимул *памятник* от испытуемых получены исключительно реакции в форме дательного падежа: *Пушкину* 78 (причем это 1-я реакция), *А.С. Пушкину* 1 (5-я реакция) [РАС 2002: т. 1, 432], в чем проявляется тенденция к семантической обусловленности падежного маркирования в словосочетаниях со связью управления.

Интеграция словосочетания *памятник Пушкина*, состоящего из контактных, но акцентологически отдельных компонентов, оказалась возможной потому, что главный компонент обладает нулевой флексией, которая, полностью не теряя своей структурной функции (ср. *мой Памятник-Пушкина*), оказывается во многом «парализованной»: **моего Памятник-Пушкина*, у М. Цветаевой — *до Памятник-Пушкина*. «Внешний» синтаксис цветаевского сращения обеспечивается общей конечной флексией, падежная «маневренность» которой резко ограничена (ср.: **о Памятник-Пушкине*) и сводится к семантическому варьированию форм родительного и дательного падежа. Ср.: *У тех глаза были совсем белые, а у Памятник-Пушкина — совсем черные, совсем полные; ...к нам в гости приходил сын Памятник-Пушкина; ...мы, ожидая няню на прогулку к Памятник-Пушкину, едим снег или лижем лед.*

Как показывают оба речевых прецедента, интеграция словосочетания «устраняет противоречие между расчлененностью (сверхсловностью) формы и единством объекта мышления» [Квеселевич 1983: 66] и поэтому не может не приводить к более или менее очевидным семантическим «сдвигам», в частности «к преобразованиям в степени расчлененности семантического представления одного и того же» [Кубрякова 2008: 71]. В рамках дериватологии сращение связывают обычно с «“абстрактным” транспозиционным значением» [Менгель 2006: 132]. Однако семантические основания для интеграции словосочетания все же могут оказаться (и, действительно, оказываются) более конкретными, чем воспроизводство семантики словосочетания в формате однословного наименования. Интеграция словосочетания — это не столько «редукция высказывания» [Квеселевич 1983: 64], сколько способ переоформления известного словосочетания, обусловленный таким преобразованием его конвенционального синтаксического смысла, которое требует нетривиальной семантической калькуляции.

Посредством интеграции словосочетания, выступающей в функции «превращенной формы» [Тарасов 1987: 142—147], отображается то, что отношение между действием и предметом или между предметами получает осмысление как действие или предмет, взятые сами по себе. В рамках когнитивной семантики интеграция словосочетания могла бы служить «индикатором имевшего место акцен-

ционального сдвига», или дефокусирования [Ирисханова 2014: 69]. При этом семантическая потребность в интеграции словосочетания подчас оказывается нереализованной по формально-грамматическим причинам. Речевые факты свидетельствуют о том, что, например, интеграция некоторых словосочетаний со связью управления возможна только тогда, когда их препозитивный компонент (причем не важно, главный он или зависимый) имеет нулевую флексию, в той или иной мере утратившую функцию маркера «внешних» для словосочетания синтаксических связей.

Разноплановая дифференциация словосочетаний и сложных слов, образованных путем их интеграции (сращения), не позволяет, однако, согласиться с категоричным суждением о том, что эти «сложные слова принципиально не сводимы к словосочетаниям» [Полужин, Омельченко 1997: 7]. Так, в идиостиле М. Цветаевой встречаются «разрывы связи» внутри подобных сложных слов, причем и эти сложные слова, и базовые для них словосочетания, подвергнувшиеся когда-то интеграции, могут употребляться в составе единого синтаксического контекста (в частности, при уточнении): *О, я их видела! Я их знаю! Другому кому-нибудь о здравомыслии и скуке немцев. Это страна сумасшедших, с ума сшедших, на высоком разуме-духе* [Ляпон 2010: 20]. Поэтому вовсе не случайно было подмечено, что «иногда сложное имя и синтагма оказываются, по-видимому, взаимозаменяемыми по желанию» [Бенвенист 1974: 244].

В рамках модели порождения высказывания А. А. Леонтьева интеграция словосочетания не может быть представлена во внутренней программе, которая складывается из «смысловых “вех”» и отвлечена от всего «конкретно-языкового, не универсального» [Леонтьев 1969: 159]. Интеграция словосочетания возникает при «овнешнении» (Е. Ф. Тарасов) такого смыслового компонента внутренней программы (например, субъекта или предиката), комплексированность которого допускает его развертку в формате как словосочетания, так и сложного слова. При этом интеграция словосочетания, будучи фактом «овнешнения», генетически связана с таким явлением внутренней речи, как «слипание слов» [Выготский 2006: 1009].

Интеграция словосочетания выступает в двух формах: актуальной и «снятой», причем за первой из них стоит действенно-творче-

ская операция, а за второй — лексикализованная. Однако в обеих формах интеграция словосочетания может осознаваться и стимулировать метаязыковое «переключение» высказывания. Это связано с тем, что словосочетание неизменно присутствует в этом процессе в качестве производящей и / или конкурирующей синтаксической конструкции. Как подчеркивал А. М. Шахнарович, «говорить об образовании производного слова из синтаксической структуры или после синтаксической структуры... можно только имея в виду процессы... “срастания”, когда синтаксическая конструкция превращается в одно оформленное слово» [Шахнарович 2001: 658—659].

Интеграция словосочетания вообще требует от говорящего (и — в особенности — от пишущего) актуализации метаязыковых представлений как о словосочетании, так и о сложном слове, а также соотнесения функциональных, семантических, структурных и графических²⁵ качеств того и другого, отраженных и обобщенных в его языковом сознании. Поэтому интеграция словосочетания — не только речевая, но и метаязыковая операция.

²⁵ Графические обобщения чаще всего таковы: если в словосочетании компоненты пишутся раздельно, то в сложном слове — слитно или полуслитно (через дефис). Тут важно учитывать характерологию языка и его орфографию: например, в английском языке подобной эквиополентной оппозиции в графике словосочетаний и образованных из них сложных слов, скорее всего, нет [Квеселевич 1983: 25—26]. Л. В. Щерба трактовал как сложное слово, в частности, словосочетание *железная дорога*, так как «оно значит больше, чем сумма значений образующих его слов» [Щерба 1974: 52]. При этом разглядеть здесь сложное слово несколько не помешала ему раздельность написания! И все же в русском языковом сознании эти графические обобщения сложились вовсе не случайно. Графика словесных «сцеплений» демонстрирует то, как они осмыслены пишущим. Ср.: *глубокоуважаемый* и *глубоко почитаемый*. Как показывают речевые факты, рассмотренные в настоящей главе, в сращениях выбор между слитным и полуслитным (дефисным) написанием также получает свое объяснение: слитное написание отражает полную демотивацию нулевой флексии препозитивного компонента, через дефис — неполную.

ГЛАВА 10

СМЫСЛОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ СВОБОДНОГО СЛОВСОЧЕТАНИЯ ВНЕ КОНТЕКСТА (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

В настоящей главе представлено экспериментальное исследование, направленное на обнаружение психолого-речевых операций и стратегий²⁶, обеспечивающих смысловое восприятие окказиональной реализации модели словосочетания $V + N_4$ с метафорическим глагольным компонентом. Окказиональное словосочетание, в котором реализованы необычное и, главное, не встречавшееся прежде метафорическое значение главного компонента и обусловленное этой семантической инновацией неожиданное лексическое выражение зависимого компонента, обладает всеми отличительными признаками свободного словосочетания [Печников 1973: 32—33]. Крайне важно, что такое словосочетание является свободным с точки зрения адресата: ему неизвестно не только словосочетание в целом, но и неизвестен эмоционально-концептуальный «поворот» метафорического акта, побудивший говорящего / пишущего преодолеть конвенции лексической сочетаемости и создать «оригинальный и инновативный семантический фрагмент» [Шувалов 2005: 30] предложения-высказывания и текста. Вследствие этого в языковом сознании адресата нет и не может быть конвенционального смыслового отображения подобного свободного словосочетания.

Покажем, что окказиональное словосочетание *исповедовать огород*, извлеченное из текста притчи и взятое в качестве стимула для эксперимента, является свободным. Ср.: *Однажды один старец копал свой огород, чтобы посадить несколько кустов помидоров. К нему пришел посетитель и спросил: — Что ты делаешь? — Да вот, исповедую свой огород, — отозвался старец. — Неужели огород тоже нуждается в исповеди? — опешил посетитель. — Конечно, нуждается, — ответил ему старец. — Я убедился, что когда поисповедую огород, то есть вычищу землю от камней, сорняков, колючек и того подобного, то овощи, которые он родит, бы-*

²⁶ Операции и стратегии отражают собственно психологическую сторону речевых механизмов. Операция — способ решения речевой задачи. Стратегия — одна из моделей активности в рамках операции.

вают крепкими, здоровыми, как на подбор! А если оставить огород без исповеди, то и вырастут на его грядках какие-то недоразвитые желтенькие и сморщенные помидорчики... [ЖЧ 2009: 57].

Жанровую специфику притчи создают семантическая двуплановость рассказа или диалога, с одной стороны, и эзотеричность смысла ключевых слов, словосочетаний, предложений-высказываний, с другой. Тяготение притчи к «свертыванию» в предложение императивно-этического содержания, к параллелизму конкретного и универсального планов изображения, к иносказательности [Тамарченко 2008: 187] — все это обусловлено семантическими установками притчи как вторичного речевого жанра (по М. М. Бахтину). Жанровой природой притчи определены такие свойства ее семантической фактуры, как нарушение конвенций лексической сочетаемости, непредсказуемое смысловое варьирование слов, повышенный «тонус» метафоризации, композиционно-смысловое «напряжение», преодолеваемое за счет прямых / косвенных толкований (интерпретант), отказ от непрерывности семантической изотопии. Представляется, что в притчевой истории довольно предсказуемо появление такого окказионального свободного словосочетания с метафорой, как *исповедовать огород*, смысловое восприятие которого способно затруднить не только внутреннего адресата (посетителя старца), но и внешнего (читателя / испытуемого в эксперименте²⁷).

Метафора старца поражает своей духовной продуманностью, это, безусловно, не семантический «экспромт». Огород нуждается в исповеди (= в 'очищении') так же, как нуждается в ней душа человека, — вот тот духовный урок, который извлек посетитель из беседы со старцем. В притче благодаря метафоре эмоционально-этическое воздействие становится «опосредованным», «что дает большой воспитывающий эффект» [Харченко 2007: 46]. Во внутренней речи старца это свободное словосочетание с метафорой, по всей видимости, сложилось давно и служило средством аутосуггестии, но для посетителя оно, никогда не слышанное прежде, поистине стало семантическим «откровением». Действительно, «метафора способна

²⁷ Весьма показателен тот факт, что в ходе проведения эксперимента не было ни одного испытуемого, не посетовавшего на то, что это словосочетание является *никогда не слышанным, странным, невозможным, бессмысленным* и т. п. По-видимому, подобные первоначальные впечатления не могут не указывать на то, что в качестве стимула перед участниками эксперимента предстало именно окказиональное словосочетание.

обнаружить потаенные, неочевидные связи или открыть такую перспективу, с которой мы можем по-другому взглянуть на мир и на самих себя» [Шувалов 2005: 24].

В притче свободное словосочетание с метафорой, отсутствующее в речевом «багаже» посетителя старца, нисколько не препятствует общению и, главное, передаче духовного опыта, так как старец сопровождает неизвестное посетителю свободное словосочетание метаязыковым обрамлением: во-первых, прямым смысловым толкованием посредством пояснительной конструкции с союзом *то есть*; во-вторых, косвенным смысловым толкованием — межфразовой связью двух аналогичных по строению сложных синтаксических конструкций (*когда... то — если... то и*) на основе сопоставительно-противительного союза *а* и лексических центров сопоставления антонимического типа.

Для метафоры вообще характерно употребление в контексте метаязыковых показателей. Недаром еще Цицерон считал, что если употребление метафоры в речи неизбежно, то «ее целесообразно снабжать смягчающей формулой *ut ita dicam* ‘так сказать’» [Там же: 5]. Н. Гудмен писал о том, что «предложение *Озеро — сапфир* истинно в своем метафорическом применении, если, и только если, истинно предложение *Выражаясь метафорически, озеро — сапфир*» [Гудмен 1990: 195], полагая тем самым, что истинность метафорической предикации должна подтверждаться особой метаязыковой рамкой. Конечно, метаязыковую рамку типа вводно-комментирующего оборота *выражаясь метафорически* вряд ли стоит считать узаконенной в повседневном речевом узусе, однако отказывать ей в имплицитном, подразумеваемом присутствии в предложениях-высказываниях с метафорой было бы слишком неосмотрительно.

Согласно В. Н. Телия, «метафора угадывается по “сбою” в логическом порядке выбора лексико-грамматических средств организации предложения» [Телия 1988: 47]. В первой ответной реплике старца подобный «сбой» наблюдается в сочетании сказуемого с прямым дополнением, т.е. в свободном словосочетании модели $V + N_4$. Понятно, что зависимый субстантивный компонент *огород* использован в значении ‘участок земли — гряды под овощами, обычно вблизи дома, жилья’ [ТСРЯ 2007: 555]. Однако глагол *исповедовать*, выступающий в функции главного компонента, в значении 2. *кого*

‘у христиан: принять (-нимать) исповедь’²⁸ [Там же: 308] может управлять только личным субстантивным компонентом (ср.: *исповедовать паломника*). Лексико-грамматический «сбой» вызван здесь семантическим преобразованием глагола и его объектной сочетаемости (для последней определяющим фактором оказывается «погашение» синтагмемы ‘лицо’), на что указывает прямое смысловое толкование, которое в притче дает старец свободному словосочетанию *исповедовать огород*: ‘вычищать землю от камней, сорняков, колючек и того подобного’. Действительно, глагол *исповедовать* становится в притче метафорическим окказионализмом: его «притчевое» значение возникает за счет осознаваемого старцем сходства грехов человека, например, с растущими в огороде сорняками в том, что как от тех, так и от других необходимо очищение²⁹.

Окказиональное словосочетание *исповедовать огород* — ключевое в композиционно-смысловой организации притчи — обладает как семантической, так и синтаксической членимостью, выражает смысловые отношения между компонентами — объектные, произведено в речи по продуктивной модели $V + N_4$ путем метафорического «сдвига» главного компонента и неконвенционального лексического выражения зависимой от него субстантивной словоформы, не хранится в памяти носителей языка как отдельный «гештальт», побуждает к метаязыковой активности, нацелено на эмоционально-этическое воздействие через живой образ, вызывающий интерес у адресата, — т.е., иначе говоря, данное словосочетание является свободным, и поэтому оно, будучи частным случаем свободного словосочетания, вполне может использоваться в качестве стимула для эксперимента.

Учение о смысловом восприятии речевого сообщения как о «сложной перцептивно-мыслительно-мнемической деятельности» адресата [Зимняя 2001: 312] было создано в рамках Московской

²⁸ *Исповедь* 1. ‘у христиан: признание в своих грехах перед священником, отпускающим грехи от имени церкви и Бога, церковное покаяние’ [Там же].

²⁹ Подобное метафорическое преобразование глагола *исповедовать* оказывается безразличным и для лексического выражения потенциального субъекта действия. Если в значении ‘принимать исповедь’ глагол-сказуемое может иметь в качестве субъекта-подлежащего исключительно то или иное обозначение представителя иерейского чина (*отец Иоанн, батюшка, иеромонах* и т.д.), то в «притчевом» значении отмеченное ограничение преодолевается.

психолингвистической школы. Этот психолого-речевой процесс включает в себя прием, осмысление и понимание (или непонимание) речевого сообщения, а также сохраняющиеся в памяти «единицы и правила оперирования ими на всех уровнях языковой иерархии», без которых смысловое восприятие неосуществимо [Там же: 311—312].

Несмотря на то, что И. А. Зимняя допускает понимание как «одномоментное решение типа инсайта в процессе осмысления» [Там же: 310], ей предложена такая психологическая схема смыслового восприятия, в которой выделяются несколько уровней (или этапов) активности адресата: побуждающий, формирующий и реализующий. Так, «побуждающий уровень объединяет ситуативно-контекстуальную сигнальную (стимульную) информацию и мотивационную сферу. <...> Формирующий уровень... содержит четыре взаимосвязанные и взаимовключающиеся фазы: 1) фазу смыслового прогнозирования; 2) фазу вербального сличения; 3) фазу установления смысловых связей а) между словами и б) между смысловыми звеньями и 4) фазу смыслоформулирования. <...> Реализующий уровень на основе установления... общего смысла формирует замысел ответного речевого действия» [Там же: 340—341].

Применительно к изучению смыслового восприятия свободного словосочетания особую ценность приобретает идея о том, что «процесс смыслового восприятия осуществляется путем установления смысловых связей между... словами» [Там же: 332], в результате чего «формируется определенное смысловое звено, показателем которого является возможность перевода его на уровень нерасчлененного, монолитного представления — образа», причем в создание смыслового звена «включается механизм семантических и одновременно грамматических правил» [Там же: 341]. Поскольку же свободное словосочетание возникает в ходе комбинаторно-синтаксического взаимодействия слова и словоформы, с одной стороны, и в ходе соблюдения (или — реже — отступления от) конвенций лексической сочетаемости, с другой стороны, можно полагать, что в перцептивно-смысловом плане свободному словосочетанию соответствует конкретное смысловое звено и что в оперативной памяти адресата свободное словосочетание остается в виде образа, который лишен жесткой «привязки» к речевой форме этого свободного сло-

восочетания. Далеко не случайно А. А. Леонтьев высказывал мысль о том, что «вообще понятно то, что может быть иначе выражено» и что пониманием является «процесс перевода смысла... в любую другую форму его закрепления» [Леонтьев 1999: 141—142].

Правомерность перцептивно-смыслового анализа свободного словосочетания в отдельности обусловлена тем, что, во-первых, в долговременной памяти адресата хранится «кодовый эталон», на основе которого происходит узнавание свободного словосочетания [Берман 1976: 102], а во-вторых, смысловое звено и, главное, образ, в котором отображен личностно окрашенный вариант понимания свободного словосочетания, оказывается относительно автономным. Последнее подтверждается тем, что одно и то же свободное словосочетание, взятое как в контексте предложения-высказывания, так и в изоляции от него, является осмысленным. И даже возможная при контекстной изоляции свободного словосочетания «множественность его толкования не имеет ничего общего с произвольностью. Она не безгранична, а допустима лишь в известных пределах» [Габ 1992: 56]. Поэтому в чем-то справедливо мнение о том, что «смысл словосочетания... самодостаточен в той мере, чтобы обеспечить восприятие этой единицы в отрыве от условий, в которых она существует» [Смолянинова 1990: 14].

По наблюдениям А. Р. Лурия, которые вполне можно распространить и на свободное словосочетание, «слушающий (или читающий) никогда не ставит своей задачей понять отдельные слова или изолированные фразы; оба этих процесса — понимание отдельных слов или фраз... — играют роль подчиненных, вспомогательных *операций* (курсив автора. — К. С.) и лишь в некоторых случаях превращаются в специально осознанные действия» [Лурия 1998: 279].

Совершенно очевидно, что именно таким случаем оказывается намеренно созданная экспериментальная ситуация, в которой свободное словосочетание, оторванное от своего семантико-синтаксического контекста, становится объектом смыслового восприятия. В подобной экспериментальной ситуации имеется некая неполнота перцептивно-смыслового акта (например, здесь нет полноценного момента узнавания и, соответственно, перцептивного обособления свободного словосочетания, равно как нет проверки гипотез о смысловом толковании свободного словосочетания в контексте), но это

нисколько не препятствует обнаружению в эксперименте тех психолого-речевых процедур, благодаря которым осуществляется смысловое восприятие одного и того же (!) свободного словосочетания как такового.

Несмотря на то, что ни одна из синтаксических моделей свободного словосочетания не может считаться специализирующейся исключительно на реализации метафоры [Шендельс 2006: 261], обращаясь к изучению смыслового восприятия свободного словосочетания с метафорическим компонентом, необходимо разобраться в том, как вообще происходит перцептивно-смысловая обработка метафоры вне зависимости от ее синтаксической оформленности.

Прежде всего стоит отметить, что смысловое восприятие метафоры, соединяющее воедино семантическую компетенцию адресата и его воображение (П. Рикер), принадлежит к сфере креативных процессов, где вместо стандартной правилосообразности действует эвристика. «Понимание... метафоры, — пишет Д. Дэвидсон, — есть результат творческого усилия: оно столь же мало подчинено правилам» [Дэвидсон 1990: 173]. Процесс осмысления метафоры активизирует имплицитный диалог с ее создателем³⁰, поскольку если смысл метафоры «где-то и содержится, то только в отношении “говорящий — язык — слушающий”, а не в каком-то компоненте этого отношения» [Бикертон 1990: 289]. Обращая внимание на «диалогическое начало в метафоре, ее ориентацию на восприятие и воздействие», В. Н. Телия подчеркивает, что «для метафоры существенно, что она изначально настроена на диалогическую форму развития ее содержания и понимания благодаря модусу “как если бы”, который ориентирован на “внутреннее” соглашение принять это условие фиктивности (и убедить в ней адресата)» [Телия 1988: 32, 48]. Поэтому «истолкование метафор несет на себе отпечаток и творца, и интерпретатора» [Дэвидсон 1990: 173].

Перцептивно-смысловую обработку метафоры в современной науке принято рассматривать как сложную деятельность, каждая фаза которой нацелена на решение нетривиальной когнитивной за-

³⁰ Не исключено, что в ходе восприятия окказиональной метафоры, творимой преимущественно из «подручного» номинативного материала, адресат может строить субъективные представления о ее создателе, поскольку в окказиональной метафорике, как и в выразительной речи вообще, «обычно выявляется весь психологический облик личности» [Рубинштейн 2001: 416].

дачи. Так, согласно В. И. Шувалову, сначала «слушатель или читатель должен установить, следует ли вообще искать метафорический смысл в том или ином высказывании либо тексте. Далее он должен прибегнуть к определенной стратегии понимания, чтобы проникнуть в истинный смысл метафорической лексемы. Он должен, наконец, вовремя остановиться и поставить точку в своих семантических изысканиях, иначе произойдет избыточная интерпретация, выходящая за рамки авторских намерений» [Шувалов 2005: 74]. «Оба элемента метафоры, знак-объект и знак-носитель, даются... в восприятии одновременно, так что разум, перепрыгивая мгновенно с одного полюса на другой и опираясь на контекст (в том числе предельно ограниченный, как, например, в эксперименте, где метафора предъявляется испытуемым в таком минимальном достаточном для нее контексте, как свободное словосочетание. — К. С.), сам вычисляет нужное решение» [Там же: 75].

«Продукт» смысловой перцепции метафоры сохраняется в оперативной памяти адресата в виде такой «записи», в которой использован смешанный вербально-изобразительный код, совмещающий как мнемические отображения интерпретант — слов и схем их сочетаемости, так и наглядно-образные представления («картинки»), обеспечивающие обрисовку столкновения двух «конфликтных» визуализаций, т.е. метафорической и буквальная. Безусловно, также остается в памяти адресата «след» от «того нередуцируемого эмоционально-семантического элемента», который довольно трудно (если не невозможно) воспроизвести в случае перефразирования метафоры [Там же: 30]. Тем не менее при необходимости вербализации «продукта» смысловой перцепции метафоры носителями языка обычно даются разнообразные речевые реакции, содержащие такие варианты толкования, в которых пусть и «погашен» эмоционально-образный настрой метафоры, но зато воссозданы процедуры ее «рецептивного порождения» (И. М. Берман).

Полагаем, что экспериментальное исследование смыслового восприятия той или иной речевой структуры, в том числе и свободного словосочетания с метафорой, может носить исключительно поисковый характер, поскольку строить конкретные гипотезы по поводу латентного процесса, никогда в полной мере и, главное, в динамике его осуществления не «овнешнегомого» (Е. Ф. Тарасов) в речевых

реакциях испытуемых, практически невозможно. Сообщая о том, как они понимают, например, свободное словосочетание с метафорой, испытуемые «овнешняют» обычно свои интерпретационные решения, но не то, как они были получены. Однако не приходится сомневаться в том, что благодаря инструментарию коммуникативно-структурного и структурно-семантического анализа экспериментатор вполне обоснованно может дифференцировать речевые реакции и даже высказать догадку о приведших к ним психолого-речевых операциях и стратегиях.

Описанный ниже эксперимент был проведен в Колледже МИД РФ среди студентов 1-го курса вечернего отделения в 2012 г. В эксперименте приняли участие 30 испытуемых в возрасте от 20 до 25 лет с высшим, неоконченным высшим и средним специальным образованием. Процедура эксперимента состояла в следующем: после предъявления испытуемым свободного словосочетания с метафорическим компонентом *исповедовать огород* каждый из них в своей индивидуальной анкете письменно отвечал на два вопроса: 1) Как Вы понимаете это словосочетание? и 2) Кто, по Вашему мнению, мог его употребить? Постановка таких вопросов перед испытуемыми объясняется тем, что экспериментатор стремился получить сведения о том, как именно могло быть понято стимульное свободное словосочетание с окказиональной метафорой в режиме «in vacuo», а также о том, связано ли смысловое восприятие такого свободного словосочетания с субъективными представлениями испытуемых о создателе метафоры. Время выполнения экспериментального задания никак не ограничивалось.

В процессе работы над экспериментальным заданием некоторые испытуемые спрашивали о том, должен ли ответ на каждый из вопросов быть единственным или же допускается запись всех возникших вариантов ответа. На это им было замечено, что можно писать все, что они считают необходимым. Вследствие этого в письменных отчетах нескольких испытуемых оказалось по два разных ответа на тот или на другой вопрос экспериментального задания. Например: *Очищать огород или, возможно, много жаловаться, изливать душу. Простые люди (например, деревенские); Исповедовать огород — это очистить его от сорняков и т.д. Старик или человек, которому принадлежит огород.* По-видимому, в двояком смысловом толкова-

нии стимульного свободного словосочетания отображена нетипичность лексической сочетаемости его компонентов, а в неединственности субъективного представления о том, кто мог употребить это свободное словосочетание, — необязательная закреплённость окказиональной метафоры за конкретным социально-ролевым речевым типажом.

Коммуникативно-структурный анализ полученных от испытуемых смысловых толкований как особых микротекстов показывает, что в перцепции стимульного свободного словосочетания задействованы такие психолого-речевые операции, как смысловая субституция, фабулизация и диалогизация, причем среди них преобладающей операцией является первая (94%). Это объясняется тем, что смыслом свободного словосочетания «будет то, что предметно тождественно в разных лексических оформлениях» [Жинкин 1982: 81], но обычно все же в форме свободного словосочетания. Активизация смысловой субституции в процессе восприятия стимульного свободного словосочетания свидетельствует о том, что носителем номинации в словосочетании вообще или, иначе говоря, его номинативной задачей является отношение между компонентами.

При смысловой субституции стимульное свободное словосочетание заменяется на не совпадающее с ним по лексическому составу глагольное словосочетание той же самой или — реже — другой модели (в том числе и многокомпонентной), выступающее либо автономно, либо как синтаксический «сегмент» предложения-высказывания. Например: *Очистить огород от сорняков* или *Следить за огородом: удалять сорняки, высаживать разнообразные культурные растения*, где представлен гиперо-гипонимический «сегмент» нереализованного предложения-высказывания, осложненного однородными членами с обобщающим компонентом. Смысловая субституция нередко сопровождается метаязыковым рассуждением, в котором делается предположение о «деривационной истории» стимульного свободного словосочетания. Ср., пожалуй, наиболее показательный случай: *В моем понимании, исповедь — это очищение. В церковном лексиконе употребляется в значении очищения души от мирских грехов. Следовательно, исповедовать огород значит приводить его в нормальный вид, очищать от сорняков.*

При ф а б у л и з а ц и и происходит создание миниатюрной зарисовки с простым сюжетом, возникшим как смысловая реакция на стимульное свободное словосочетание. В этом случае для фабульной зарисовки произвольно отбирается тот или иной персонаж и помещается в череду событий, как бы predetermined субъективной интерпретацией стимульного свободного словосочетания. Ср.: *Юный агроном всегда разговаривал со своими овощами. Он рассказывал им про свои проблемы, а они ему открывали свои тайны. Общение с овощами, с растениями и фруктами давало удивительные результаты. Больше никто не собирал такой урожай. Он никогда не рассказывал про свой секрет, про то, как исповедует огород.*

При д и а л о г и з а ц и и стимульное свободное словосочетание становится синтаксическим «сегментом» реплики воображаемого бытового диалога, причем дается наименование жанровой формы диалогического общения и определяются его участники. Так как при диалогизации создается контекст, субъективно приемлемый для так или иначе осмысленного стимульного свободного словосочетания, «контурную» обрисовку воображаемого бытового диалога здесь предваряет смысловая интерпретация свободного словосочетания. Ср.: *Увлечение «овощным» земледелием, и почему-то активно навязываемое другим. Употребить это словосочетание мог внук бабушки, заядлой огородницы, вероятно, в ссоре: «Да ты ничего не понимаешь! Исповедуешь свой огород и больше ничего не видишь вокруг!».*

Структурно-семантический анализ толкований стимульного свободного словосочетания на фоне метаязыкового комментария, содержащегося в тексте-источнике, позволяет разграничить несколько психолого-речевых стратегий, к которым обращаются испытуемые в ходе смыслового восприятия свободного словосочетания с метафорой. По всей видимости, эти стратегии, во-первых, практически не осознаются испытуемыми и действуют подобно своеобразным перцептивным автоматизмам. Во-вторых, одни и те же стратегии смыслового восприятия обеспечивают активность испытуемых в рамках разных операций. На это указывает тот факт, что в случае фабулизации и диалогизации (отметим, однако, что в экспериментальном материале такие реакции единичны) наблюдаются стратегии, встречающиеся также при смысловой субституции.

Наиболее востребованная испытуемыми стратегия метафорической перцепции на основе синтаксической формы свободного словосочетания (54,5%) состоит в том, что метафорическое переосмысление подчиняется собственно синтаксическому ранжированию компонентов стимульного свободного словосочетания: смысл главного компонента «вычисляется» посредством механизма метафорического переноса (т.е. слово, находящееся в позиции главного компонента, выступает в качестве фокуса метафоризации), тогда как смысл зависимого компонента отождествляется с его предметным значением, всецело относящимся к прямой сигнификации. Во многих письменных отчетах испытуемых, обратившихся к этой стратегии, стимульному свободному словосочетанию *исповедовать огород* было дано смысловое толкование ‘очистить / очищать огород от сорняков’³¹. Полагаем, что у этих испытуемых возникли в чем-то сходные образные ассоциации между двумя действиями, название одного из которых показалось им вполне подходящим для наименования другого. Ср., например, некоторые метаязыковые комментарии: *Очищать огород от вредителей, от всего ненужного, т.е. освободить от «грехов», а именно от сорняков, жуков и т.д.; Очистить огород от разных сорняков. Это выражение могли употребить по отношению к своим участкам глубоко верующие люди, которые смешивают церковную терминологию с бытовой*. Пониманию окказиональной метафоры в данном случае способствовала, однако, не только использованная испытуемыми стратегия, но и их предметно-практическая, когнитивная и языковая компетентность, а также созревшее у них творческое отношение к речи, в частности процедурно-семантическая и метаязыковая готовность к осмыслению свободного словосочетания с окказиональной метафорой.

Стратегия опосредованной ассоциативной связи (17%) заключается в том, что зависимый компонент стимульного свободного словосочетания побуждает испытуемых вспомнить хранящиеся во внутреннем лексиконе устойчивые сочетания с этим словом, в результате чего смысловое восприятие свободного

³¹ Испытуемые предложили также иные по формулировке смысловые толкования, которые не выходят, впрочем, за пределы предметно-ассоциативной аналогии единой метафорической интерпретации. Например: *Убрать все лишнее с грядки; Проверить все растущее в огороде; Излечить огород* и т.п.

словосочетания осуществляется за счет *blending*'а с устойчивыми сочетаниями. Особенно важно отметить, что такие опосредующие звенья, определяющие специфику смысловой перцепции, всецело остаются достоянием внутренней речи. Ср.: *Говорить бред, нести чепуху*; *Может быть, нести чушь*; *Навязывать свою точку зрения, которая изначально является чепухой*. По всей видимости, стимульное свободное словосочетание *исповедовать огород* возбудило ассоциативную связь с устойчивым сочетанием *огород городить* 'затевать какое-н. сложное, хлопотливое дело' [ТСРЯ 2007: 555], а то — в свою очередь — обусловило ассоциативное «притяжение» вариантных устойчивых сочетаний *городить чушь (чепуху)*. Возникающий здесь сигнификативный «сдвиг» осмысливаемого свободного словосочетания как бы ставит ассоциативный «заслон» обнаружению иных образно-смысловых оснований метафоризации.

В качестве такого опосредующего звена при смысловой перцепции стимульного свободного словосочетания может выступить также один из узуальных лексико-семантических вариантов его главного компонента — глагола. Ср.: *Высказывать свои мысли*; *Возможно, много жаловаться, изливать душу*. В этих смысловых толкованиях отражено опосредующее воздействие архаичного значения глагола *исповедовать* 3. 'откровенно сообщить (-щать)' [Там же: 308]. В случае диалогизации, когда внук, ссорясь с бабушкой, заядлой огородницей, заявляет ей: *«Исповедуешь свой огород и больше ничего не видишь вокруг!»*, глагол явно воспринят в его характерном для книжной речи значении 1. 'следовать... какому-н. учению, убеждению' [Там же]. Впрочем, здесь нельзя полностью исключить опосредованной ассоциативной связи с более сложными в структурном плане свободными словосочетаниями типа *исповедовать сокровенные мысли* или *исповедовать христианские ценности*, в которых реализованы соответствующие лексико-семантические варианты глагола. Обращение испытуемых к разным узуальным значениям полисемичного глагола, несомненно, сдерживает их воображение и не позволяет представить обозначенное стимульным свободным словосочетанием событие-метафору.

Стратегия буквального «прочтения» (14%) состоит в осмыслении компонентов стимульного свободного словосочетания

как знаков прямой сигнификации. Буквализм смыслового восприятия не только не позволяет обнаружить образную ассоциацию, побуждавшую создать это свободное словосочетание именно как метафорический «контейнер», но и препятствует осмыслению его синтаксической формы. Например: *Исповедует обычно священник, а огород может быть местом, где происходит исповедь*. Получается, что в языковом сознании испытуемого стимульное свободное словосочетание было отождествлено как *исповедовать в огороде*, т.е. здесь имеет место перцептивно-смысловая аномалия: вопреки падежной семантике зависимой словоформы объект, претерпевающий действие, воспринимается как локус. Буквальное «прочтение» не исключается также при создании на основе стимульного свободного словосочетания сюжетной истории с элементами волшебной сказки (вспомним о том, что *овощи открывали свои тайны юному агроному* в случае фабулизации).

Наконец, довольно раритетная стратегия синтаксической метатезы фокуса метафоризации (8,5%) выражается в том, что в зону метафорического переосмысления попадает зависимый компонент стимульного свободного словосочетания, в то время как его главный компонент получает ту или иную допустимую узуально-гиперонимическую интерпретацию. Ср.: *Выслушивать простых (деревенских или, может быть, малообразованных) людей; Может быть, объяснять элементарные понятия*. Подобные смысловые толкования весьма необычны не только потому, что «перестановка» метафорического фокуса неизбежно приводит к нарушению смысловой цельности текста-источника (к тому же испытуемые не могли учесть этот фактор в созданной экспериментальной ситуации), но и потому, что имя существительное *огород* в норме и узусе является моносемичным и как будто бы вовсе не стремится к обогащению своей смысловой структуры.

Среди отмеченных в письменных отчетах наименований лиц, которые, по мнению испытуемых, могли употребить стимульное свободное словосочетание, имеются как единичные реакции (в частности, *человек, находящийся под воздействием алкоголя или наркотиков; глава государства* и др.), так и повторяющиеся. В ряду последних преобладают такие, как *старик / старец; бабушка; священник; <глубоко> верующий; простые / деревенские люди; человек,*

которому принадлежит огород; философ; писатель. Весьма важно здесь следующее: те испытуемые, которые произвели соответствующее тексту-источнику метафорическое означивание стимульного свободного словосочетания, по-разному представляют себе того, кто его употребил. Поэтому, во-первых, представление о творце окказиональной метафоры довольно опосредованно связано с тем, как осуществляется ее смысловая реконструкция; во-вторых, возникновение подобного представления отражает прагматическую «склеенность» слов (и, несомненно, того, что ими обозначено), например, с возрастными или профессиональными образами людей, но не сам окказиональный «вектор» метафорического преобразования.

Примечателен, однако, тот факт, что испытуемым все же удалось создать аутентичное интерсубъективное представление о человеке, который мог употребить стимульное свободное словосочетание: из притчевой истории доподлинно известно, что это, действительно, *старец, <глубоко> верующий, человек, которому принадлежит огород.*

Итак, более чем у половины испытуемых получилось единообразно и, главное, правильно понять свободное словосочетание с метафорой, хотя оно предъявлялось им вне контекста и оценивалось ими как окказиональное. По-видимому, компенсация нулевого контекста была осуществлена здесь за счет привычного обращения к своему жизненному — деятельностному и познавательному — и речевому опыту, возникшему в непрерывном процессе социализации и отображающему соответственно их социально-культурные и обыденные (мета)языковые знания. Однако, вообще говоря, окказиональные семантические прецеденты почти неотрывны от контекста, т.е. от связной речи, которая «может быть вполне понята на основе ее собственного предметного содержания» [Рубинштейн 2001: 404]. Поэтому также многими испытуемыми окказиональная метафора в свободном словосочетании была понята совсем не так, как этого требовал контекст, или вовсе осмыслена в неметафорическом плане. Не случайно и то, что в притче это окказиональное свободное словосочетание с метафорой оказалось сопровождено двойным метаязыковым обрамлением: смысловая очевидность и понимаемость слов и свободных словосочетаний должны обеспечиваться внутри контекста речи.

Кроме того, благодаря эксперименту стало очевидно, что при смысловом восприятии адресат оперирует свободным словосочетанием как относительно автономной сложной структурой и что вне контекста оперирование свободным словосочетанием носит вариативный характер. Отсюда следует, что не только в продуктивном, но и в рецептивном аспекте речевой деятельности свободное словосочетание является не чем иным, как особой оперативной единицей.

ГЛАВА 11

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ СИНТАКСИЧЕСКИХ СИНОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АТРИБУТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ)

Одним из результатов применения семиотического подхода к анализу языковых единиц разных уровней (начиная с морфологического) является, как известно, обнаружение базового принципа устройства знаковых структур в языке — «принципа асимметрического дуализма», проявляющегося в том, что каждая языковая единица является омонимом и синонимом одновременно [Карцевский 2004: 241]. Принцип асимметрического дуализма был обоснован на лексическом материале, хотя, безусловно, далеко не каждое слово включено в языковой системе в омонимическую и синонимическую парадигму. Проявление этого семиотического принципа в синтаксисе и его основных единицах также не является обязательным: несмотря на то, что в языке существует и синтаксическая омонимия, и синтаксическая синонимия, чаще всего они не реализуются в структурно-семантической организации и в структурно-семантических отношениях одной и той же единицы синтаксического уровня.

Синтаксическая омонимия формируется благодаря тому, что в структуре предложения или словосочетания происходит переразложение синтаксических связей и / или допускается одновременная корреляция данной синтаксической структуры с двумя различными семантическими интерпретациями. Синтаксическая синонимия возникает между двумя функционально эквивалентными предложениями или словосочетаниями, обладающими сходствами и различиями как в семантике, так и в структуре. При этом если синтаксическую омонимию признают «помехой» в коммуникативном акте (и, как известно, проблема разрешения омонимии на синтаксическом уровне входит в круг задач прикладной лингвистики [Митренина 2005]), то синтаксическая синонимия, наоборот, трактуется обычно как средство обогащения репертуара синтаксических возможностей языка.

Тем не менее синтаксическая синонимия рассматривается в лингвистической литературе достаточно однобоко, поскольку в конкретном синтаксическом анализе, как правило, констатируется «макси-

мальное тождество и минимальное различие синтаксических единиц: тождество содержания и конструктивное различие» [Лекант 2004: 204] (ср. также [Сухотин 1960: 14]) и не предпринимаются попытки выявить коммуникативно-смысловые основания конструктивных различий синонимичных словосочетаний и предложений и тем самым установить прагматическую ценность конкретных синтаксических синонимов в речевой деятельности говорящего / пишущего.

Подход к решению этой сложной теоретической проблемы, которой и посвящена настоящая глава, был предвосхищен Г. В. Колшанским в его размышлениях о природе лексической синонимии: «коммуникативная ценность синонимии зиждется не на их (слов. — К. С.) тождестве, но, наоборот, на их различии... Цель коммуникации состоит не в том, чтобы дублировать значения слов, а в том, чтобы адекватно выразить соответствующую мысль» [Колшанский 2005 (а): 108—109]. Коммуникативный смысл синтаксической синонимии еще в большей степени обусловлен дифференциальными смысловыми признаками функционально эквивалентных синтаксических конструкций, так как последние либо непосредственно выполняют коммуникативную функцию (предложения), либо участвуют в реализации коммуникативно-смыслового задания говорящего / пишущего путем включения их структурной схемы в речевую структуру предложения-высказывания на основе детерминативной связи (словосочетания).

Выдвигая понятие прагматической ценности синтаксических синонимов и стремясь обосновать его в ходе анализа конкретного речевого материала, мы встаем перед необходимостью разъяснить в начале главы сущность и задачи лингвистической прагматики, а также ее соотношение с психолингвистикой, которая, равно как и последняя, устремлена к постижению механизмов речевой деятельности, в том числе управляющих выбором одного из имеющихся в языке синтаксических синонимов. Вместе с тем подчеркнем, что предлагаемое нами понимание прагматической ценности синтаксических синонимов является предварительным и, безусловно, в дальнейшем может быть уточнено.

Лингвистическая прагматика возникла в науке о языке как аспект анализа знаковых структур — от морфемы и слова до коммуника-

тивно целостного предложения-высказывания и текста — с точки зрения того, каким образом они связаны с интенциями говорящего / пишущего и пресуппозициями адресата речи, т.е. каковы функции билатеральных языковых единиц в речевой деятельности как форме кооперации говорящего / пишущего и адресата. Такое понимание лингвистической прагматики, безусловно, восходит к Ч. Моррису, выделившему прагматику как особый функциональный план знака (наряду с семантикой и синтактикой) [Моррис 1983]. Напомним, что в концепции Ч. Морриса прагматика — это «отношения знаков к их интерпретаторам», т.е. непосредственным участникам коммуникативного акта [Там же: 42].

Эвристический смысл лингвистической прагматики как особой научной дисциплины состоит в анализе коммуникативной функции (и частнокоммуникативных функций) языковых единиц в контексте сознательного использования их говорящим / пишущим в речевой деятельности с целью реализации своего коммуникативно-смыслового задания и управления речевыми и неречевыми действиями адресата. Более того, при изучении речевой деятельности как феномена кооперации говорящего / пишущего и адресата лингвистическая прагматика преимущественно фиксирует внимание не на языковых единицах как таковых, а на поведении людей, пользующихся этими единицами. Причем поведение берется здесь не только и не столько как система исключительно речевых действий (выбор, замена, повтор, сегментация, перестановка, употребление), сколько как взаимодействие речевых и неречевых действий, с учетом их детерминации, координации и в целом диалектического аспекта интеграции речевой деятельности человека в сферу его социальной активности. В связи с этим следует сказать, что перед лингвистической прагматикой ставятся такие приоритетные практические задачи, как выявление всех форм объективации имплицитных смыслов в речевом высказывании, экспликация механизмов речевого воздействия на адресата и поиск управляющих ими факторов, изучение особенностей коммуникативно-речевого поведения говорящего / пишущего в ситуации выбора между функционально эквивалентными языковыми структурами и многие другие.

Нередко лингвистическую прагматику отождествляют с теорией речевых актов, в которой наиболее эксплицитно было показано ком-

муникативное движение говорящего / пишущего от иллокутивной цели через ее осуществление (локуцию) к перлокутивному эффекту, отражающему изменение конфигурации фрагмента объективной действительности. Однако теория речевых актов искусственно сузила прагматический потенциал языковых знаков, ограничив типы локутивных актов глаголами в их перформативном употреблении, тогда как языковая система всецело прагматична и праксеологична, а следовательно, та или иная иллокутивная цель может быть реализована благодаря более широкому кругу языковых знаков.

Наверное, не менее спорным является и распределение компетенций лингвистической прагматики по компонентам коммуникативного акта: «субъект речи (говорящий / пишущий)», «адресат», «ситуация общения», — при котором происходит обособление внутренне связанных явлений [Алефиренко 2005: 221—223]. Так, например, согласно Н. Ф. Алефиренко, выбор знака из множества других языковых знаков в том или ином парадигматическом блоке, в том числе и синонимическом, относится к анализу прагматических свойств языковых единиц в связи с ситуацией общения [Там же: 222—223]. Однако выбор одного из синонимов осуществляется в ситуации общения конкретным говорящим / пишущим, реализующим определенное коммуникативно-смысловое задание и ориентирующим свое высказывание на конкретного адресата, который получает от говорящего / пишущего не просто сообщение, а «квант» интерпретированного знания, т.е., другими словами, то, что отнесено исследователем к одному компоненту коммуникативного акта, в реальной речевой деятельности охватывает все три его компонента. Отсюда следует, что в анализе языковых структур и, главным образом, причин и факторов их использования в речи лингвистическая прагматика вынуждена опираться на речевую деятельность во всей полноте ее характеристик.

Вместе с тем речевая деятельность человека глубоко и всесторонне изучается в другой лингвистической дисциплине — в психолингвистике, и поэтому нам необходимо разобраться в том, как соотносятся между собой лингвистическая прагматика и психолингвистика и в чем может заключаться специфика подхода каждой из названных дисциплин к функционально эквивалентным языковым знакам.

Несмотря на то, что лингвистическую прагматику и психолингвистику объединяет внимание к речевой деятельности человека, а именно к процессам продуцирования речи, с одной стороны, и ее понимания и интерпретации, с другой, в их соотношении, по наблюдениям методологов лингвистической науки, выявляется больше различий, чем сходств. Так, Е. С. Кубрякова полагает, что лингвистическая прагматика отличается от психолингвистики следующими характеристиками: 1) «прагматика явно уходит от постановки проблем о языке и мышлении, о роли языка в процессах познания, о соотношении языка и действительности в отражении действительности и т. д., но для психолингвистики они по праву продолжают считаться едва ли не центральными»; 2) если в психолингвистике весь ход анализа сконцентрирован на говорящем / пишущем, то в прагматике исследуется преимущественно влияние речи на слушающего / читающего; 3) если прагматика изучает не язык, а поведение человека, пользующегося языком, то психолингвистика занимается лишь речевым поведением человека, причем «в фокусе постоянно находится связь между содержанием, мотивом и формой речевой деятельности, с одной стороны, и между структурой и элементами языка, использованными в речевом высказывании, с другой»; 4) в проблеме понимания речи прагматика исследует то, что находится за языковой манифестацией содержания, а психолингвистика — то, что непосредственно выводимо из текста, т.е. из языковых знаков и особенностей их сочетания [Кубрякова 1986: 15—17].

По-видимому, такое резкое противопоставление двух лингвистических дисциплин было в большей степени свойственно раннему периоду их развития, тогда как в современной науке о языке, скорее, можно констатировать их симбиоз, проявляющийся в том, что и лингвистическая прагматика, и психолингвистика так или иначе обращены к порождению и пониманию речевого высказывания (текста), т.е. к деятельности и говорящего / пишущего, и адресата, охватывают как собственно речевые, так и неречевые, т.е. предметно-практические и когнитивные, действия и эмоциональные состояния участников коммуникативного акта и, наконец, приходят к осознанию проницаемости порождения / понимания речи и их продуктов — текста / смысла текста — невербальными кодами и целой системой имплицитных, невербализованных зна-

ний о мире и метазнаний о привычном структурировании информации в тексте.

В то же время внимание к внутренним, интериоризованным процессам и операциям, а именно к организации ментального лексикона и грамматики, к планированию и программированию речевого высказывания, к фазам «претерпевания» замысла и др., отличает, безусловно, психолингвистику, а выявление разного рода конвенций, максим, постулатов, правил, допущений и ограничений речевого общения, описание речевого диапазона социальных ролей и коммуникативных «масок», коммуникативных эффектов и ожиданий и т. п. занимает в первую очередь лингвистическую прагматику. По сути дела, это различие является основным, конституирующим особый гносеологический ракурс анализа речевой деятельности в каждой из двух названных дисциплин: если психолингвистика изучает речевую деятельность для того, чтобы познать устройство языковой способности человека, понять ее ингерентные механизмы и обнаружить закономерности их функционирования, то лингвистическая прагматика изучает речевую деятельность для того, чтобы систематизировать социально-коммуникативные условия ее эффективности, т.е. аксиологические параметры и иерархии речевой кооперации.

Отсюда следует, что одно и то же языковое явление в психолингвистике и лингвистической прагматике должно рассматриваться по-разному: в первой — со стороны его психологического механизма и сигнификации актуального для говорящего / пишущего (и, возможно, для адресата) смысла, во второй — с точки зрения того, как осуществляется выбор одной языковой единицы вместо (или наряду с) другой и с какими контекстно-деятельностными факторами и условиями он связан. Однако эти аспекты, по-видимому, могут быть объединены в рамках более широкого подхода к предмету психолингвистики (ср., например, теорию речевой деятельности А. А. Леонтьева и Московской психолингвистической школы), при котором речевая деятельность человека трактуется не как абсолютно бессознательная и бесконтрольная и при котором, наоборот, допускается наличие особых прагматических «фильтров» на каждой из осуществляемых человеком речемыслительных операций. К анализу феномена синонимии подобный, более широкий подход до сих пор не был применен.

Обратимся к краткому рассмотрению двух концепций синонимии в психолингвистике (А. М. Шахнарович) и лингвистической прагматике (Г. В. Колшанский), которые в большей степени, чем другие ориентированы на симбиоз в рамках отмеченного более широкого подхода к синонимии языковых знаков.

По мнению А. М. Шахнаровича, «все синонимы синонимичны только до определенной границы, т.е. синонимия всегда относительна. И это связано с тем обстоятельством, что эквиваленты языковых знаков посредством предметно-изобразительного кода соотносятся с физиологическими субстратами представлений, образов и механизмов первой сигнальной системы. <...> Не бывает “синонимичных” ощущений: либо это одно и то же ощущение, либо это разные ощущения. <...> Каждая поверхностная языковая структура имеет свою собственную глубинную структуру, психологическую, когнитивную. Синонимичные языковые структуры в потоке речевой деятельности появляются... одна вместо другой. Причем это происходит не случайно, не по произволу говорящего, а по предписанию думающего, в полном соответствии с тем, что совершается на уровне довербального кода: *выбора как такового нет, он предрешен* (курсив мой. — К. С.)» [Шахнарович 2001: 669—670].

Очевидно, что при абсолютизации такого подхода синонимия вообще не может считаться феноменом речевой деятельности говорящего / пишущего, так как всякий раз его психофизиологический речевой механизм находит для объективации близких, но не тождественных сигнификативных смыслов разные слова, формы слов или конструкции. Вполне вероятно, что в «стерильных» условиях порождающей модели дело так и обстоит, но в реальной речевой деятельности говорящий / пишущий постоянно сталкивается с необходимостью выбирать тот или иной языковой знак из синонимической парадигмы, а не сумев остановиться на единственном знаке, использует сразу два (или более) синонима, например в пояснительных конструкциях. Психолингвистическая реальность операции выбора одного из синонимов доказывается возможностью осознания, а иногда и метаязыковой экспликации говорящим / пишущим того смыслового компонента, который дифференцирует синонимичные слова, формы слов или конструкции. На наш взгляд, А. М. Шахнарович также учитывал это обстоятельство, когда писал,

что, «если мы хотим исследовать процесс порождения речи, процесс перехода от кода мышления к вербальному, мы должны ориентироваться не на сходство языковых синонимов..., а на их различия» [Там же: 670].

Г. В. Колшанский, как уже было отмечено, тоже акцентировал внимание на различиях синонимов как коммуникативном условии их использования в речи. Сущность трактовки синонимии этим исследователем заключается в том, что «синонимия как категориальное семантическое явление в языке в принципе может рассматриваться *только на уровне контекста* (курсив мой. — К. С.), ибо адекватность сигнификативного содержания слов и выражений определяется в рамках всего высказывания, а не выбором отдельных слов, встречающихся в различных контекстах и имеющих некоторую общность значения». Отсюда вытекает понимание Г. В. Колшанским основной функции контекста как *десинонимизирующей* [Колшанский 2005 (а): 110].

Переводя эту лингвопрагматическую интерпретацию синонимии на метаязык психолингвистики, можно предположить, что синонимы, по-видимому, хранятся в языковом сознании человека не в виде парадигматических блоков или тем более не в виде линейных списков, как в грамматических и лексикографических описаниях соответственно, а в виде действующих по принципу динамического стереотипа «связок» слов или конструкций (точнее, их эквивалентов в памяти) и генерализованных, обобщенных, преобразованных в аналоговые структуры контекстов их употребления. Подобный способ хранения и использования синонимов многократно верифицирован в обычных лингвистических экспериментах, основанных на приеме субституции: взаимозамена близких по семантике языковых знаков приводит к смысловой и / или стилистической деконструкции текста. Наоборот, допустимость одного и того же, совпадающего контекста (или нескольких таких контекстов употребления) для разных слов или конструкций, близких по значению, свидетельствует либо о дублетности двух языковых знаков (в частности, вследствие недосформированности или, напротив, отмирания в языке конкретной синонимической парадигмы или ее отдельных сегментов), либо о «нейтрализации» в условиях определенного контекста тех смысловых признаков, которые дифференцируют члены данной синонимической парадигмы.

По-видимому, вполне резонно предположить, что прагматическая ценность синонимов формируется в результате накопления у каждого из них несовпадающих контекстов употребления, хотя сама вероятность появления таких «сильных» позиций для синонимов связана с отображением в этих языковых знаках разных концептуализаций явлений и фрагментов объективной действительности. В таком понимании прагматической ценности синонимов, вне зависимости от их уровневой принадлежности в языковой системе, объединяются рассмотренные выше интерпретации функционально эквивалентных языковых знаков в психолингвистике и лингвистической прагматике. Сформулировав свое представление о прагматической ценности синонимов как особого типа языковых знаков (как пронизательно подметил А. М. Шахнарович, в невербальном коде, скорее всего, синонимичных репрезентаций нет), перейдем к подробной характеристике собственно синтаксических синонимов.

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре», отражающем наиболее устоявшиеся трактовки языковых явлений и процессов, синтаксическая синонимия ограничивается «синтаксическими преобразованиями предложения, имеющими общее значение» [Новиков 1990: 446]. Однако сводя отношения функциональной эквивалентности в синтаксисе лишь к трансформационным процессам (и тем самым не замечая синонимии синтаксических моделей, существующих в системе языка независимо от каких-либо преобразований одной синтаксической конструкции в другую), и притом только в сфере предложений (не включая тем самым в объект анализа синонимические отношения в области другой базовой единицы синтаксиса — словосочетания), лингвист фактически упрощает языковую действительность и усиливает роль субъективного начала в синтаксическом анализе: ведь критерии идентичности «продуктов» синтаксических трансформаций устанавливаются априорно, а кроме того, не все синтаксические синонимы образуются в результате разного рода трансформаций.

В синонимические отношения могут вступать как предложения, так и словосочетания, но основания синтаксической синонимии не могут быть столь же элементарными, как в лексике: во-первых, семантика синтаксических единиц не описывается в лексикографии и объем эксплицированных смысловых элементов (синтаксических

сем) в семантико-синтаксическом анализе может варьироваться; во-вторых, семантика синтаксических единиц создается в результате «амальгамирования» значений синтаксической модели, морфологических форм ее строевых компонентов и их лексической семантики, что требует от синтаксических синонимов отождествления на разных уровнях семантического описания. Кроме того, если в лексике синонимическая парадигма формируется словами и лексико-семантическими вариантами как целостными языковыми единицами, то в синтаксисе синонимия моделей предложений или словосочетаний не охватывает их как целостные структуры, так как функциональная эквивалентность в синтаксисе должна иметь опору не только в самой синтаксической модели, но и в лексической сочетаемости, в деривационных связях компонентов и др. Поэтому синтаксическая синонимия более прихотлива, более избирательна и стремится от уровня синтаксических моделей к уровню лексико-грамматически оформленных предложений или словосочетаний определенных типов.

«Синонимия различных типов простого предложения, — пишет П. А. Лекант, — не имеет глобального характера, не приходится говорить о том, что любое предложение какого-либо типа имеет соответствующий синоним другого типа» [Лекант 2004: 204]. Еще в большей степени это утверждение относится к словосочетаниям, где при выражении одного и того же смыслового отношения, например атрибутивного, используется множество разных структурных схем, среди которых далеко не всегда можно найти синонимичные структурные схемы словосочетания при условии значительного совпадения лексического (корневого) состава их компонентов и общности их денотативного значения. Тем не менее отнесение предложения и словосочетания к базовым единицам синтаксического уровня языка предполагает существование общих критериев или оснований синтаксической синонимии, в равной мере относящихся и к предложению, и к словосочетанию. С незначительными вариациями эти критерийные признаки выделяются всеми синтаксистами.

Так, в концепции П. А. Леканта «основаниями синтаксической синонимии являются: а) тождество содержания; б) тождество лексического состава; в) тождество (или близость) основного грамматического значения; г) различие показателей этого значения — конструктивное различие. <...> Синонимика определяется комплексом

всех признаков; ни один из них не может быть опущен, не учтен, ни одному из них не должно быть отдано предпочтение» [Там же].

Тот же список критериев дается в специальной работе [Везерова, Сиверина 1999], но с одним важным уточнением. М. Н. Везерова и Е. Г. Сиверина отмечают, что «тождество» является слишком сильной характеристикой семантики и лексического состава синтаксических синонимов, и предпочитают говорить о «близости вещественного и грамматического значения» и о «соотносительности лексического состава (при значительном совпадении)» [Там же: 65]. К сожалению, авторы цитируемой работы никак не объясняют вводимого ими уточнения, но, скорее всего, оно обусловлено тем, что при общности денотативного значения конструктивно различные словосочетания и предложения имеют различные сигнификативные значения, т.е. по-разному концептуализируют одно и то же явление или один и тот же фрагмент объективной действительности.

Момент тождества относится, как представляется, к метаязыковой операции отождествления, осуществляемой лингвистом при сопоставлении синтаксических синонимов, но не к условию синонимизации двух (или более) различных синтаксических конструкций в речевой деятельности человека. Понятие «близость» гораздо в большей степени отражает такое кардинальное свойство порождения речи, как лабильность и возможность достраивания (и перестраивания) синтаксической структуры предложения-высказывания в самом процессе речи. Этим же свойством определяется «расслоение» синонимических связей в синтаксисе, выражающееся в наличии двух типов синтаксических синонимов: одноуровневых и разноуровневых. «Одноуровневые синонимы — это однотипные структуры одного синтаксического уровня (синонимия словосочетаний, синонимия членов предложения, синонимия простых предложений, синонимия сложных предложений). Разноуровневые синонимы — это разнотипные синтаксические конструкции разных уровней синтаксической системы, например, синонимия причастных, деепричастных оборотов и соответствующих им придаточных предложений» [Там же: 67].

В настоящей главе объектом специального анализа является одноуровневая синтаксическая синонимия, а именно синонимия атрибутивных словосочетаний со структурными схемами $N + N_2$ и $N + Adj_{отн.}$ в современном русском языке.

При собственно лингвистическом анализе синонимов, согласно обобщению М. И. Черемисиной, применяются два подхода: «субстанциональный» и «функциональный». При первом подходе близость денотатов языковых знаков определяется по степени близости (совпадения) их лексикографических описаний, при втором считается, что «близости денотатов соответствует полный или частичный параллелизм (или дополнительность) употребления», а взаимозаменяемость языковых знаков служит ведущим критерием их синонимичности [Черемисина 2004: 19]. Оба эти подхода возможны только в лексикологии, так как слова и лексико-семантические варианты детально описаны в лексикографии (заметим только, что дефиниция в толковом словаре описывает не денотативное, а сигнификативное значение лексических единиц) и в то же время могут быть подвергнуты экспериментальному приему субституции в конкретном тексте, «единственно возможный подход к исследованию нелексических синонимов — функциональный, так как нет словарей этих единиц» [Там же]. Методологический потенциал функционального подхода к нелексическим, т.е. в том числе и к синтаксическим, синонимам, как он раскрыт в трудах М. И. Черемисиной, позволяет вплотную подойти к выявлению прагматической ценности синтаксических синонимов: «Наблюдая за использованием языковых форм, можно попытаться эксплицировать те принципы, которыми носители языка бессознательно (а нередко и вполне осознанно. — К. С.) руководствуются в своем языковом поведении, в частности предпочитая какой-то один из множества знаков, интуитивно оцениваемых как синонимы» [Там же: 20].

Необходимо лишь четко определить роль денотативного и сигнификативного значения синтаксической единицы в установлении синонимических отношений. Современная семасиология, не ограничивающая объект своего исследования единицами только лексического или какого-либо другого из уровней языка, полагает, что в семантике любого языкового знака выделяются аспект денотации и аспект сигнификации. Применительно к базовым синтаксическим единицам — словосочетанию и предложению — денотативное значение есть отображение в содержании языкового знака той или иной предметной ситуации либо тех или иных предметных отношений, а сигнификативное значение — отображенная в формальной

структуре языкового знака определенная концептуализация данной предметной ситуации или данных предметных отношений. Иначе говоря, денотативное значение синтаксической единицы обращено к объективной действительности, а сигнификативное ее значение — к закрепленному в синтаксической форме, или в структурной схеме, словосочетания или предложения смысловой интерпретации того или иного фрагмента объективной действительности.

Соответственно, при ориентации в определении синтаксической синонимии на семантическое сходство двух (или более) синтаксических единиц лингвист будет делать акцент на денотативном аспекте их семантики, а при ориентации на семантические различия и, соответственно, на экспликацию прагматической ценности синтаксических синонимов — на сигнификативном. В отношении атрибутивных словосочетаний все сказанное можно конкретизировать следующим образом: атрибутивность как выявление непредикативного признака предмета средствами детерминативной синтаксической связи относится к грамматическому значению словосочетания, связь предмета и признака как таковая, вне ее синтаксической маркированности в словосочетании определенного структурного типа, относится к денотативному аспекту значения словосочетания, а собственно синтаксический смысл словосочетания как особой знаковой формы, определяющей непосредственное (в словосочетаниях с согласованием) или опосредованное (в словосочетаниях с управлением) выражение признакового значения, представляет собой сигнификативный аспект значения словосочетания.

Отсюда следует, что при общности грамматического значения атрибутивности (в том числе и в условиях синкретизма) синонимия словосочетаний по денотату обобщает структурно разнотипные словосочетания, выражающие единое предметное отношение (т.е. связь одного и того же предмета с одним и тем же признаком), а синонимия по сигнификату обобщает тождественные в денотативном плане словосочетания с учетом тех дифференциальных смысловых признаков, которые различают сходные по характеру выражаемого предметного отношения словосочетания и благодаря этому становятся основанием для выбора одного структурного типа атрибутивного словосочетания вместо другого. В сфере словосочетаний (и, по всей видимости, предложений) синонимия по денотату и синонимия

по сигнификату не членят весь континуум функционально эквивалентных синтаксических структур на два типа (ср. иную картину в лексике [Степанов 1975: 30—34]), а являются прагматическими аспектами синонимии одних и тех же словосочетаний (или предложений) в процессах понимания речи (синонимия по денотату), с одной стороны, и порождения речи (синонимия по сигнификату), с другой.

Несмотря на то, что в современном функциональном синтаксисе признается правомерным «определение словосочетания как образования, релевантного при рассмотрении языка в динамическом аспекте и возникающего не до и не после предложения, а в процессе его реализации, в процессе развертывания компонентов той или иной структурной схемы при построении высказывания, когда при описании ситуации в действие вовлекаются отдельные слова с их сочетаемостным потенциалом, реализуемым как в семантическом плане (сочетаемость их семем), так и в плане синтаксическом (сочетаемость их словоформ)» [Тулина 1976: 10; Лаврентьева 1980: 12], в имеющихся на данный момент моделях «грамматики говорящего» (см., например, [Норман 1994]) словосочетания чаще всего не характеризуются как синтаксические формы, востребованные в условиях порождения речевого высказывания.

Напротив, стремясь в настоящей главе исследовать выбор одного из синонимичных атрибутивных словосочетаний в «готовом» тексте так, как если бы его порождение происходило у нас на глазах (это, как известно, широко распространенное условие создания психолингвистических моделей синтаксических процессов), мы опираемся на фундаментальное положение коммуникативно-прагматической лингвистики о том, что «закономерности структурно-семантической организации высказывания суть в своей основе закономерности речемыслительного, шире — коммуникативного поведения человека» [Маргарян 1988: 10], и, следовательно, о том, что выявление первых во многом способствует познанию вторых. Другими словами, обнаружив специфику сигнификативного значения каждого из синонимичных атрибутивных словосочетаний и конструктивно-синтаксические условия их употребления, лингвист может строить вполне обоснованные предположения о том, что послужило причиной выбора говорящим / пишущим атрибутив-

ного словосочетания той или иной структурной схемы, т.е. какими принципами мог руководствоваться говорящий / пишущий, используя одно словосочетание вместо другого, и была ли вообще у него возможность выбора.

Наиболее емкое, лингвогносеологическое по своей сути, определение отношений атрибутивности на уровне словосочетаний предложил А. А. Шахматов: «Атрибутивная связь — это та связь, которая по самой природе вещей лежит между представлением о субстанции или явлении и свойственным этой субстанции признаком — абсолютным, характеризующим самую эту субстанцию или явление, или относительным, характеризующим отношение данной субстанции или явления к другой субстанции или к другому явлению» [Шахматов 2001: 290]. В семантическом плане синонимия атрибутивных словосочетаний типа $N + N_2$ и $N + Adj_{отн.}$ формируется в области языковой сигнификации относительного признака и, наоборот, разрушается из-за подвижности в языке границы между абсолютным и относительным признаком, вызванной окачеством относительных имен прилагательных. В формальном плане синонимические отношения в сфере атрибутивных словосочетаний данных типов связаны со словообразовательной транспозицией синтаксически зависимого компонента при тождестве синтаксически главного компонента, называющего характеризкуемый относительным признаком предмет или явление. При невозможности словообразовательной транспозиции имени существительного в относительное имя прилагательное, связанной, например, с уже существующей в языковой системе лексической реализацией данного деривационного акта (ср.: *запах сирени* — **сиреневый запах*, но: *сиреневый сад* ‘сад, в котором растет сирень’ (есть даже такой микротопоним в г. Москве) или *сиреневый костюм* ‘светло-лиловый’), синтаксическая синонимия атрибутивных словосочетаний является невыражаемой. Такого рода невыражаемая синтаксическая синонимия делает то или иное словосочетание единственно возможным способом оформления конкретного предметного отношения в сфере атрибутивной связи и «снимает» проблему выбора при порождении речи.

Выбор между двумя синтаксическими синонимами — атрибутивными словосочетаниями со структурными схемами $N + N_2$ и

$N + Adj_{отн.}$ — основан, о чем свидетельствуют интроспективные наблюдения лучших русских синтаксистов, на их минимальном сигнификативном различии, обусловленном синтаксической формой словосочетаний. В качестве примера «мысленного эксперимента» приведем семантико-синтаксическую рефлексию А. М. Пешковского, направленную на близкие по структуре синонимичные атрибутивные словосочетания с синтаксически зависимыми относительным именем прилагательным и формой родительного падежа имени существительного с предлогом: «Тут мы должны вникнуть в довольно тонкую разницу между выражениями *золотое кольцо* и *кольцо из золота*... При словах *кольцо из золота* мы представляем себе два предмета, совершенно отдельные: *кольцо* и *золото*. Эти два предмета в данном случае случайно слились, совпали в одном пространстве, и это-то мы и хотим выразить словами *кольцо из золота*. Но мы прекрасно сознаем при этом, что это отдельные предметы, что золото может быть и не в кольце, а кольцо может быть и не из золота. При словах же *золотое кольцо* мы представляем себе только один предмет — кольцо, а о золоте как об отдельном предмете не думаем. То, что кольцо из золота, кажется нам только качеством кольца... Все качества золота при помощи формы *золотое* переносятся на кольцо, а то, что золото само есть предмет, забывается» [Пешковский 2001: 81].

Тем самым и языковая сигнификация относительного признака в атрибутивных словосочетаниях с синтаксически зависимыми компонентами N_2 и $Adj_{отн.}$ характеризуется в первом случае концептуализацией отношения между двумя предметами, а во втором — концептуализацией одного предмета с выделением его устойчивого признака. Так, например, в предложении-высказывании *И тоска по цивилизации, по городскому шуму и известным людям защемила ее* (Ольги Ивановны. — К. С.) *сердце* (А. Чехов) выделенное атрибутивное словосочетание типа $N + Adj_{отн.}$ не вызывает представления о том или ином городе как об отдельном предмете, а обозначает устойчивый, характеристический признак явления (ср. синонимичное словосочетание *шум города* в предложении-высказывании *Шум города утомлял отца*, где, скорее всего, имеется в виду вполне определенный город, в котором отцу приходилось бывать или время от времени жить).

В конкретных лексико-грамматических реализациях синонимичных атрибутивных словосочетаний может происходить углубление сигнификативных различий. Ср., например: *Как известно, отец Зоценки был художником. И вот как-то в комиссионном магазине Михаил Михайлович увидел картину отца* и *Я сижу за отцовским письменным столом* (М. Ардов). В первом случае атрибутивное словосочетание с синтаксически зависимым компонентом N_2 не только выявляет отношения принадлежности предмета лицу, но и выражает семантику авторства: отец Зоценко, художник, создал увиденную сыном картину. Во втором же случае атрибутивное словосочетание с зависимым компонентом $Adj_{отн.}$ лишь обозначает принадлежность как устойчивый относительный признак. Наличие дополнительного сигнификативного смысла у атрибутивного словосочетания со структурной схемой $N + N_2$ не позволяет в данном случае свободно заменить его синонимичной атрибутивной схемой $N + Adj_{отн.}$ (ср.: *?отцовскую картину*), тогда как во втором примере синонимическая субституция в принципе допустима (ср.: *за письменным столом отца*).

Вообще, как показывают наблюдения, при наличии «живых» деривационных связей имени существительного и отсубстантивного (относительного) имени прилагательного атрибутивные словосочетания типа $N + Adj_{отн.}$ достаточно свободно подвергаются в тексте экспериментальному приему субституции синонимичными атрибутивными словосочетаниями типа $N + N_2$, в то время как обратная процедура возможна далеко не всегда. Из этого следует, что в подобных словосочетаниях синтаксически зависимый компонент N_2 обладает более мощным полем различных сигнификативных смыслов, чем синтаксически зависимый компонент $Adj_{отн.}$, и создает смысловую маркированность в конкретных синонимических парадигмах атрибутивных словосочетаний (впервые на продуктивность приименного родительного падежа в русской речи указал В. П. Сухотин [Сухотин 1950: 170—175]).

Вместе с тем нельзя не отметить также значительного конструктивно-синтаксического потенциала атрибутивных словосочетаний типа $N + N_2$, в которых зависимое имя существительное в форме родительного падежа способно реализовать свои активные валентности в форме согласования (ср.: *ветвь молодой (серебристой,*

тонкоствольной, карельской ...) **березы** и **березовая ветвь**), в синонимичных словосочетаниях типа $N + Adj_{отн.}$ «погашенные» категориальной семантикой транспозитивного относительного имени прилагательного.

Однако несмотря на то, что синонимичные атрибутивные словосочетания обеих структурных схем обладают определенными различиями в их сигнификативном значении и конструктивно-синтаксическом потенциале, в ряде случаев выбор между ними при порождении речи (в условиях эксперимента) может быть затруднен. Так, в частности, в ходе экспериментального опроса студентов Колледжа МИД РФ (общее количество — 74 чел.), состоявшегося в 2005 г., вариант предложения *Поезд медленно втянулся **под сводчатую (вокзальную крышу)** / (**крышу вокзала**)* с атрибутивным словосочетанием типа $N + Adj_{отн.}$ выбрали 38 чел. (51,4%), а вариант с атрибутивным словосочетанием типа $N + N_2$ — 36 чел. (48,6%), т.е. фактически предпочтение не было отдано ни одному из синонимичных словосочетаний, хотя в романе В. Дудинцева «Белые одежды», из которого взято данное предложение, было использовано соответствующее атрибутивное словосочетание с зависимым относительным именем прилагательным. Результаты даже этого, небольшого эксперимента с носителями литературного языка свидетельствуют о том, что постановка сложной теоретической проблемы прагматической ценности синтаксических синонимов вообще и синонимичных атрибутивных словосочетаний со структурными схемами $N + N_2$ и $N + Adj_{отн.}$ в частности востребована самой речевой практикой.

Для синтаксических синонимов характерны два способа реализации в речевом высказывании (тексте): единичная синтаксическая конструкция, входящая в определенную синонимическую парадигму, из которой она и выбрана говорящим / пишущим, и синонимический повтор синтаксического типа, — отличающиеся друг от друга степенью эксплицированности оснований для выбора одной синонимичной синтаксической конструкции вместо другой. Наблюдения показывают, что повтор синтаксических синонимов в тексте (как правило, дистантный), представляющий собой разные синтаксические формы выражения одного и того же предметного (денотативного) содержания, маркирует актуализованность последнего в различных контекстных условиях. Соответственно, обобщение этих

условий дает лингвисту возможность сформулировать принципы оперирования синонимичными синтаксическими структурами в речевой деятельности говорящего / пишущего.

Особенно важно то обстоятельство, что такого рода индуктивно-дедуктивный анализ лингвист может проводить в данном случае на материале одного и того же текста, где в «снятом» виде, т.е. в виде использованных синтаксических конструкций, представлены повторяющиеся однотипные речемыслительные действия или даже операции (выбор одного из синтаксических синонимов), осуществленные одним и тем же говорящим / пишущим. Повтор синтаксических синонимов в речевом высказывании (тексте) является своеобразным имплицитным естественным экспериментом, который в большей степени характерен для речевой деятельности художников слова и, следовательно, подлежит изучению на материале художественного текста.

Синтаксическая синонимия атрибутивных словосочетаний со структурными схемами $N + N_2$ и $N + Adj_{отн.}$ может быть изучена в аспекте их выбора при порождении речевого высказывания (текста) на примере рассказа А. Чехова «Тина» (1886 г.), где представлен лейтмотивный синонимический повтор атрибутивных словосочетаний *запах жасмина* и *жасминный запах*, проявляющийся в трехкратном повторе каждого из них.

Сюжет рассказа предельно прост: поручик Сокольский, приехавший в дом богатой наследницы Сусанны Моисеевны с целью получения долга по векселям своего двоюродного брата Крюкова, как в болотной тине (ср. название рассказа), увязает в ее порочном мире. Причем в восприятии обоих братьев и дом Сусанны Моисеевны, и она сама ассоциируются с запахом жасмина (ср.: *жасмин* ‘Садовый кустарник семейства маслиновых с белыми душистыми цветками’ [СО 1990: 193]). Подобный лейтмотивный образ весьма характерен для творческой манеры А. Чехова, который неизменно стремился к объективизму и сенсорно насыщенному отображению предметного мира. Об этом хорошо сказал К. И. Чуковский: «Всякий кусок жизни со всеми своими запахами, красками, звуками, формами неотразимо привлекал к себе Чехова» [Чуковский 1971: 105].

Синонимичные атрибутивные словосочетания, образующие в рассказе А. Чехова «Тина» лейтмотивный синонимический повтор,

представлены ниже с учетом достаточного контекстного окружения в их текстовой последовательности (при каждом примере указывается номер страницы по изданию [Чехов 1985]).

(1) $N + N_2$: ...с первого же шага его (поручика Сокольского. — К. С.) поразило изобилие цветущих растений и сладковатый, густой до отвращения **запах жасмина**. Цветы шпалерами тянулись вдоль стен... (с. 163);

(2) $N + Adj_{отн.}$: И поручику казалось, что приторный **жасминный запах** идет не от цветов, а от постели и ряда туфель (с. 164);

(3) $N + Adj_{отн.}$: Поручик вышел и первым делом глубоко вздохнул, чтобы отделаться от тяжелого **жасминного запаха**, от которого у него уже начинало кружить голову и першить в горле (с. 167);

(4) $N + Adj_{отн.}$: Вообще к нерусским лицам он (поручик. — К. С.) питал предубеждение, а тут к тому же нашел, что к черным курдюшкам и густым бровям хозяйки очень не шло белое лицо, своею белизною напоминавшее ему почему-то приторный **жасминный запах**... (с. 168);

(5) $N + N_2$: «Как это необыкновенно! Как странно!» — думал он (Сокольский. — К. С.), не помня себя от удивления, не веря в себя и не чувствуя всем своим существом, как его мутит **от запаха жасмина** (с. 171);

(6) $N + N_2$: Она (Сусанна Моисеевна. — К. С.) сделала ручкой и выбежала из передней, оставив после себя **запах** того же приторного, сладковатого **жасмина**. Крюков поднял голову и вошел в залу (с. 178).

Использование приема синонимической субституции и контекстологический анализ синонимичных атрибутивных словосочетаний $N + N_2$ (**запах жасмина**) и $N + Adj_{отн.}$ (**жасминный запах**) в рассказе А. Чехова «Тина» позволяют эксплицировать основания их выбора в каждом конкретном случае.

В (1) представлено интродуктивное, первое упоминание соответствующего предметного отношения (денотата) «запах и его источник», причем его выражение атрибутивным словосочетанием со структурной схемой $N + N_2$ определяется также использованными в текстообразующей функции гиперо-гипонимическими связями номинативных единиц с категориальной семантикой 'предметность': *цветущие растения, цветы* (гиперонимы) и *жасмин* (гипоним).

В (2) и (4) употреблено атрибутивное словосочетание со структурной схемой $N + Adj_{отн.}$, чему способствует отражающееся в контексте ослабление предметной семантики 'источник запаха' и тем самым обобщение, отвлечение и в какой-то степени окачествление относительного признака (на смысловом уровне). В (2) это подчеркивается обстоятельством места, указывающим на то, что запах жасмина идет как будто бы не от цветов (ср. сочинительную конструкцию с заместительным союзом *не...а*), а в (4) — «свернутой» цепочкой ассоциаций, построенной на механизме синестезии (ср.: *белое лицо* → *белые цветки жасмина* → *запах жасмина*), базирующемся в данном случае на субъективном отождествлении максимально обобщенных сенсорных образов цвета и запаха (ср. его лексический маркер в тексте — форму действительного причастия прошедшего времени глагола *напоминать* 2. 'Иметь сходство с кем-чем-либо' [СО 1990: 387]).

В (3) атрибутивное словосочетание со структурной схемой $N + Adj_{отн.}$ обеспечивает референциальную однозначность анафорического относительного местоимения (союзного слова), которым вводится придаточное определительное предложение, тогда как атрибутивное словосочетание со структурной схемой $N + N_2$ может допускать в подобных условиях двоякое истолкование анафорических отношений.

В (5) употреблено атрибутивное словосочетание со структурной схемой $N + N_2$, благодаря которому опять актуализируется семантика предметных отношений «запах и его источник», хотя в самом контексте нет условий для использования именно этого синтаксического синонима и тем самым как бы образуется своеобразная позиция «нейтрализации». Но если иметь в виду, что рассказ состоит из двух подглавок и что контексты (1) — (5) взяты из первой подглавки, то можно предположить, что употребленные в (1) и (5) атрибутивные словосочетания со структурной схемой $N + N_2$ создают особую лейтмотивную рамку в первой подглавке, отражающую стремление А. Чехова к симметризации композиционно-речевой структуры его рассказов. Кроме того, контексты (1) — (5) изображают сенсорное восприятие и оценки одного персонажа — поручика Сокольского.

Наконец, в (6), где употреблено единственное из рассматриваемых атрибутивных словосочетаний во второй подглавке рассказа, представлена структурная схема $N + N_2$, что обусловлено распро-

странением синтаксически зависимого компонента согласуемыми словоформами, а относительно ряда однотипных в денотативном плане словосочетаний предтекста — смещением согласованных определений и их переподчинением (от синтаксически главного компонента атрибутивных словосочетаний обеих структурных схем к синтаксически зависимому компоненту словосочетания со структурной схемой $N + N_2$). Ср.: (1) *сладковатый ... запах* жасмина, (2) и (4) *приторный жасминный запах*, с одной стороны, и (6) *запах того же приторного, сладковатого жасмина*, с другой. Помимо этого, конструктивно-синтаксического основания выбор атрибутивного словосочетания со структурной схемой $N + N_2$ с точки зрения композиционно-речевой организации рассказа в (6) мотивируется, вероятно, стремлением автора к укреплению лейтмотивной рамки, созданной повтором одноструктурных синонимичных словосочетаний атрибутивной семантики.

Таким образом, выбор одного из синонимичных атрибутивных словосочетаний с указанными структурными схемами при порождении речи обуславливается семантическими, синтаксическими и текстовыми факторами. В семантическом плане подчеркивание предметного отношения, лежащего в основе атрибуции относительного признака, определяет выбор структурной схемы $N + N_2$, а подчеркивание обобщенно-качественного оттенка данного признака — структурной схемы $N + Adj_{отн.}$. В синтаксическом плане детерминативная связь зависимого компонента с согласуемыми словоформами обуславливает выбор структурной схемы словосочетания $N + N_2$, а референциальная однозначность союзного слова, вводящего придаточное определительное и по условию замысла говорящего / пишущего кореферентного синтаксически главному компоненту атрибутивного словосочетания, — структурной схемы $N + Adj_{отн.}$ (хотя во втором случае точнее говорить всего лишь о предпочтительности выбора). В текстовом плане гиперо-гипонимическая структура когезии, включающая в себя словоформу, на которую направлена семантическая проекция детерминативной связи в атрибутивном словосочетании, побуждает говорящего / пишущего соблюдать категориально-семантическую идентичность слов с семантикой родо-видовых отношений, ср. в (1): ‘предметность’ → атрибутивное словосочетание с синтаксически зависимым компонентом N_2 , а не $Adj_{отн.}$. При учете только этих факторов, действующих на микротекстуальном уровне, отдельные контексты, в частности (5),

нельзя трактовать иначе, как нейтрализующие, допускающие использование каждого из синтаксических синонимов. Однако учет факторов и закономерностей построения целого текста, в частности его общей композиционно-речевой структуры, позволяет рассматривать позицию «нейтрализации» синтаксических синонимов как не выявленный лингвистом аспект дифференциации синонимичных синтаксических конструкций, так как в текстообразовательной перспективе любая речемыслительная операция, связанная с выбором одной языковой единицы вместо другой, базируется на вполне определенном, но не всегда очевидном функциональном критерии (ср. лейтмотивную рамку, созданную атрибутивными словосочетаниями со структурной схемой $N + N_2$, в рассказе А. Чехова «Тина»).

Анализ синонимических повторов синтаксического типа, в том числе и повторов синонимичных атрибутивных словосочетаний со структурными схемами $N + N_2$ и $N + Adj_{отн.}$, позволяет высказать некоторые соображения об особенностях самого латентного процесса порождения речевого высказывания. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что говорящий / пишущий, в сознании которого актуализовано то или иное предметное содержание (денотат), не склонен к простому повторению одного и того же его синтаксического выражения, он стремится употреблять синонимичные синтаксические структуры, различающиеся сигнификативным аспектом значения и предпочтительными условиями их реализации. В свою очередь это свидетельствует о том, что говорящий / пишущий создает речевое высказывание не только для того, чтобы отразить определенное предметное отношение или определенную предметную ситуацию в объективном мире, но и для того, чтобы дать их интерпретацию соответственно своему коммуникативно-смысловому заданию. Важно, однако, и другое. Выбирая всякий раз один из синтаксических синонимов, говорящий / пишущий действует операционально и, безусловно, с различной степенью осознанности самой речемыслительной операции выбора одной из функционально эквивалентных синтаксических единиц. Ср. в связи с этим важное теоретическое положение А. Р. Лурия о том, что порождение развернутого речевого высказывания должно включать в свой состав «постоянный контроль за протеканием всплывающих компонентов высказывания, а в наиболее сложных случаях и созна-

тельный выбор нужных речевых компонентов из многих альтернатив» [Лурия 1998: 254].

Применительно к синонимичным атрибутивным словосочетаниям со структурными схемами $N + N_2$ и $N + Adj_{отн.}$ речемыслительный механизм их выбора в грамматике говорящего / пишущего может быть условно представлен следующим образом: желая включить в свою речь синтаксическое обозначение того или иного предметного отношения и дать ему тем самым определенную интерпретацию, говорящий / пишущий как бы «сличает» данную смысловую структуру с типом контекста и релевантными конструктивно-синтаксическими и текстовыми факторами, способствующими предпочтению одной из синонимичных синтаксических конструкций, и выбирает конкретную синтаксическую единицу.

Что же обеспечивает в речевой деятельности говорящего / пишущего почти автоматизированный характер речемыслительной операции выбора одной из синонимичных синтаксических единиц? Полагаем, что это прагматическая ценность синтаксических синонимов, заключающаяся в степени нагруженности каждой из функционально эквивалентных синтаксических единиц типизированными (аналогичными в каком-либо отношении) контекстами употребления и в синтаксическом потенциале их компонентов, т.е. в большей или меньшей способности последних к дальнейшему синтаксическому развертыванию речевого высказывания. Чем выше прагматическая ценность каждого из синтаксических синонимов, тем более автоматизирован их выбор, и, наоборот, чем ниже прагматическая ценность каждого из синтаксических синонимов, тем более велика роль сознательного выбора при их употреблении в речи.

Данная психолингвистическая закономерность, как представляется, вполне могла бы найти подтверждение в эксперименте, но для его грамотной постановки необходимо разработать методику определения коэффициента прагматической ценности синтаксических синонимов, что требует объединения усилий не только синтаксистов и психолингвистов, но и специалистов в области прикладной лингвистики.

ГЛАВА 12

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

В современной синтаксической науке словосочетание (если оно вообще признается единицей синтаксического уровня — см., например, [Ломов 2004: 317]) трактуется обычно как результат такого анализа предложения-высказывания, при котором вычленяются пары слов (словоформ), находящихся между собой в отношениях смысловой и грамматической зависимости. Однако словосочетание, безусловно, является и единицей порождения речи, поскольку именно благодаря существующим в языке синтаксическим моделям реализации лексических валентностей слов (словоформ), — а эти модели представляют собой не что иное, как схемы словосочетаний, — говорящий / пишущий получает возможность развертывать элементарные схемы предложений в информативно относительно самостоятельные высказывания, а также осуществлять компрессию информационных блоков (сообщений) в структуре бинарных подчинительных комплексов (ср. идею Н. И. Жинкина о «моделях двух слов» [Жинкин 1982: 44—46], которые, правда, ограничены в его концепции отнесением исключительно к механизму декодирования речи).

Благодаря семантико-синтаксическому распространению компонентов предикативного ядра будущего предложения-высказывания, т.е. в ходе реализации говорящим / пишущим схем словосочетаний, происходит так называемое «комплексирование мысли», характеризующееся «большей полнотой и емкостью отражения действительности» [Зимняя 2001: 189]: словосочетание в грамматике говорящего / пишущего обслуживает, как правило, сферу выражения неактуализованной предикации (в отличие от актуализованной, конститутивной предикации, выражаемой в предикативном ядре предложения-высказывания) и маркирует отношения включения одной предикации в другую, так как и само создаваемое говорящим / пишущим распространенное предложение-высказывание, по словам И. А. Зимней, отображает «комплексированность нескольких предикаций» [Там же: 188] (впрочем, и словосочетание тоже может участвовать в выражении актуализованной предикации, вводя в предложение-высказыва-

ние синтаксически обязательные его интегранты, о чем см. гл. 5 этой книги).

В действительности, мы еще очень мало знаем о том, как осуществляется комплексирование мысли на основе подчинительной связи слов (словоформ), о чем свидетельствует появление, например, такого вошедшего в арсенал описательной грамматики метаязыкового (лингвистического) конструкта, как «неполное словосочетание», в котором, на самом деле, отражается не что иное, как характерная для порождения предложения-высказывания высокая степень упреждения и готовности словосочетания, позволяющая эллиптировать его информативно дублирующий компонент (в связи с этим см. гл. 7 этой книги).

Но, пожалуй, самым трудным оказывается вопрос о лексической стороне словосочетания, т.е. о том, как происходит лексическое структурирование словосочетания в речи, и, соответственно, о том, какова роль детерминирующего (главного) и детерминируемого (зависимого) компонентов словосочетания в этом процессе. Поскольку же словосочетание в его лексической выраженности (а не в абстрактно-схемной форме) однозначно характеризуется в синтаксической науке как речевая реализация схемы словосочетания, возникает дополнительный вопрос о том, может ли лексическая структура отражать специфику словосочетания как единицы языка. Настоящая глава и посвящена поиску ответов на эти вопросы.

Подход к анализу лексической структуры словосочетания напрямую связан с аргументацией того или иного соотношения лексического и синтаксического (схемно-структурного) начал в порождении предложения-высказывания, ибо лексическая сочетаемость идет, если так можно выразиться, по синтаксическим рельсам. Наряду с крайними точками зрения, согласно которым либо синтаксическая схема предшествует ее лексическому наполнению, либо лексемы с их активным / пассивным валентностным потенциалом иницируют, предвосхищают свою синтаксическую «упаковку» (см. обсуждение этих возможностей в [Норман 1994]), в лингвистике существует более гибкая концепция — теория эквифинальности, согласно которой один и тот же речевой результат — в частности, конкретное словосочетание в составе предложения-высказывания — мог быть получен благодаря весьма различным процессам, в которых то синтаксическая схема, то лексические элементы становятся приоритетными [Кубрякова 1986]

(показательно, что сама Е. С. Кубрякова в итоге отдает предпочтение лексическим интенциям к синтаксису, что соответствует, однако, и закономерностям онтогенеза речи).

В психологическом анализе речи, выполненном Н. И. Жинкиным, раскрыт механизм дифференциации лексического и синтаксического начал в предложении-высказывании, непосредственно относящийся к словосочетанию. Согласно Н. И. Жинкину, создание словосочетаний осуществляется на основе комплементарности произвольного и непроизвольного управления, обеспечивающих в речи отбор слов и их синтаксическое оформление соответственно [Жинкин 1982: 72—77]. «Словоформы в предложении управляются непроизвольно, в результате сложившегося навыка, в то время как семантика и отбор конкретных лексем регулируется произвольным, сознательным управлением» [Там же: 108]. Следовательно, приоритет схемы словосочетания может считаться осознанным лишь тогда, когда в речи встречается, например, окказиональное словосочетание (ср. *висело много графиков цветными карандашами* (А. Солженицын), *намолчал полную комнату* или *раздай все мне* (М. Ардов) и т. п.) либо так или иначе отражены результаты метаязыковых операций над словосочетанием (а этого рода явления наблюдаются большей частью в художественной речи³²). В обыденной речи приоритет схемы словосочетания говорящим / пишущим не осознается, тогда как приоритет лексических интенций мотивирован коммуникативно-смысловым заданием предложения-высказывания и тематической прогрессией речи в целом, т.е. осознается говорящим / пишущим в большей мере. Правда, скорее всего, здесь осознается не сам приоритет, а лишь смысловая приуроченность словосочетания к целому предложению-высказыванию; осознание приоритета лексических интенций к синтаксису, если оно и возможно, то только *post factum*, когда уже мысль выражена в конкретных синтаксических формах и вне их не может сохранить тождество самой себе (ср. идею поэтической функции языка у Р. О. Якобсона, с одной стороны, и ограничение перифразирования и

³² Ср. в романе В. Ардаматского «“Сатурн” почти не виден» фрагмент из радиогаммы: *Информация о поезде ценная, но всегда **стремитесь** к большей конкретности*, а также авторский комментарий к нему: *При расшифровке... радиогаммы между Зиловым и Леоновым возник спор. Зилов доказывал, что вместо слова «старайтесь» было слово «стремитесь»*. — Это же и по смыслу видно! — горячился Зилов.

прочих метаязыковых операций с «готовым» предложением-высказыванием, с другой).

В категориально-лексическом отношении в речевом словосочетании схема «слита» с ее лексическим наполнением, так как словосочетание ведь и формируется из слов (словоформ) определенных частей речи, но в индивидуально-лексическом отношении приоритет лексических интенций к синтаксису более очевиден, так как под один и тот же тип категориальной семантики могут быть подведены весьма различные субстанции и с обозначающими их одночастеречными словами могут быть реализованы словосочетания одной и той же структурной схемы (ср.: ‘предметность’ → *золото* (‘предмет’), *зелень* (‘признак’), *бег* (‘действие’) и $N + N_2 \rightarrow \text{золото партии, зелень садов, бег времени}$). Вместе с тем если вслед за сторонниками номинативной концепции словосочетания отождествить по функции словосочетание со словом и тем самым отнести словосочетания к особому типу воспроизводимых комплексных лексических единиц, то рассматриваемый вопрос автоматически снимается. В этом гносеологическом ограничении проявляется нерелевантность номинативизма, или лексикологизма (а главное, их абсолютизации), в подходе к словосочетаниям: даже если допустить, что словосочетание воспроизводится как более индивидуализированная номинация предмета, признака, действия, то нельзя не допустить одновременно и того, что для целей воспроизводства словосочетания должны сначала так или иначе производиться, создаваться заново, а в этих продуктивных процессах взаимодействие лексики и синтаксиса отрицать невозможно.

С учетом всего сказанного в качестве материала для настоящей главы были выбраны русские атрибутивные словосочетания со структурной схемой $N + Adj.$, так как, с одной стороны, они противоречиво трактуются лингвистами либо как устойчивые, хотя и не идиоматичные, сочетания слов, свобода создания которых в речи ограничена [Тер-Минасова 2004: 6, 32—33], либо как своего рода промежуточные структуры, которые «по номинации сближены со словом, хотя в своем конкретном речевом воплощении не существуют до предложения-высказывания» [Смолянинова 1990: 36] (т.е. в науке о языке пока не решен вопрос о степени продуктивности этой схемы словосочетания и, следовательно, о правомерности трактовки ее функционирования в речи как процесса создания, порождения свободной синтаксической структуры), и так как, с другой стороны, именно в их специальном

экспериментальном психолингвистическом исследовании, что стало очевидным уже на этапе пилотажного эксперимента, можно получить достаточно нетривиальные результаты, позволяющие судить о лексическом структурировании не только в словосочетаниях данного типа, но и, по всей видимости, в любых словосочетаниях вообще.

Идея лексической структуры словосочетания опирается на способность отдельного слова или целого лексического объединения (парадигмы) к однотипному семантическому распространению в рамках бинарных комплексов — минимальных синтаксических единств с отношениями детерминации (подчинения) между их компонентами. Лексическая структура словосочетания возникает в результате взаимодействия валентностных потенциалов слов, которые по своей категориальной семантике способны вступать в детерминативные отношения друг с другом, т.е. лексическая структура словосочетания строится на основе определенных смысловых отношений (атрибутивных, объектных и др.) между лексическими субститутами позиций детерминирующего и детерминируемого компонентов словосочетания с учетом функциональной дифференциации самих этих позиций: согласно существующим представлениям, «активизация словом (частью речи) семантических возможностей формирует главный компонент словосочетания, активизация структурных (формальных) возможностей — зависимый компонент» [Там же: 23]. Применительно к атрибутивным словосочетаниям со структурной схемой N + Adj. все сказанное можно конкретизировать следующим образом: при выражении атрибутивных отношений носитель признака (N) осуществляет семантическую проекцию признака (Adj.), т.е. является семантически более сильным, тогда как признаковый компонент лишь маркирует своей флексией эти отношения на основе формы согласования. В подобной интерпретации детерминируемый компонент словосочетания, в котором маркируется атрибутивное отношение, заведомо считается семантически инертным, более слабым, хотя функция формального маркирования семантической направленности на признак относится скорее к позиции детерминируемого компонента, чем к занимающему ее слову (словоформе) как лексической единице. С точки зрения лексической структуры словосочетания типа N + Adj. детерминируемый компонент непосредственно участвует в ее формировании своим валентностным потенциалом и самой отнесенностью называемого им признака к ассоциативному признаковому профилю предметного имени.

На то, что семантический «вес» детерминируемого компонента в лексической структуре словосочетания окончательно не установлен, указывают, в частности, следующие данные.

Так, опущению детерминирующего компонента словосочетания со структурной схемой N + Adj. в речи и субстантивации детерминируемого компонента-прилагательного способствует «семантическая подчеркнутость, выдвижение на первый план зависимого компонента и ослабление значимости стержневого компонента-существительного» как фактор семантического устройства словосочетания в целом, ср.: *пожарный солдат* и *пожарный*, *столовая комната* и *столовая* и др. [Прокопович 1966: 56—57].

А. В. Оголевец убедительно показывает, что имя прилагательное, как детерминируемый компонент в словосочетании N + Adj., может обладать строгой лексической избирательностью и тем самым лексически предсказывать детерминирующий компонент словосочетания (ср.: *бедственным* может быть только *положение*, *прохладительным* — *напиток* или (реже!) *питье*, а *беспробудным* — *сон* или *пьянство*), что является результатом «закрепления моносемантического прилагательного или лексико-семантического варианта полисемантического прилагательного в составе одного или нескольких фиксированных контекстов за признаком, который отличает определенный предмет и который поэтому может рассматриваться как индивидуальный признак этого предмета» [Оголевец 1979: 83]. Конечно, можно было бы отнести все подобные словосочетания к фразеологически связанным и лишить их синтаксической юрисдикции, однако формовка этих словосочетаний, занимающих «буферную» зону между синтаксисом и фразеологией и являющихся переходными структурами, осуществляется все же в свободном синтаксическом процессе, — но таком, в котором роль детерминируемого компонента в лексической структуре словосочетания заметно возрастает.

Вместе с тем Е. Н. Смольянинова и сама пишет о трудностях в определении главного по семантике компонента в так называемых немаркированных словосочетаниях, где и носитель признака, и признак выражены именами существительными (N + N₂): «И тут не обойтись без учета лексической семантики и отношений принадлежности — с направлением зависимости от целого к части (*глаза медсестры*, *кусоч сыру*), от характеризуемого к характеризующему (*конец сентября*, *край оврага*). ...зависимый по форме компонент являет-

ся семантически главным, а независимый по форме — зависимым» [Смолянинова 1990: 47].

Учитывая же наряду с приведенными данными тот факт, что вклад детерминируемого компонента в лексическую структуру словосочетания (в частности, N + Adj.) специально не изучался, нельзя не задаться целью выснить в психолингвистическом эксперименте реальное соотношение семантических значимостей, ролей детерминирующего и детерминируемого компонентов в процессе создания одноструктурных словосочетаний в речи.

При этом необходимо учесть как специфику лексико-синтаксической комбинаторики, а именно факторы семантического тяготения одно- и разнокатегориальных слов друг к другу, так и ограничения на сочетаемость слов той или иной категориальной / субкатегориальной семантики, обуславливающие стабильность появления словосочетаний определенной структуры в речи. Что касается факторов семантического тяготения (или, по-другому, лексической встречаемости), то в теории словосочетания их выявлено два: во-первых, семантическая итеративность, т.е. наличие в семантической структуре детерминирующего и детерминируемого компонентов общего элемента значения (в иной терминологии, классемы или синтагмемы); во-вторых, использование «различного рода ограничителей одного из значений, содержащихся в другом значении, и распространение сферы одного из значений на другое» [Там же: 37—38].

Фактор семантической итеративности определен недостаточной отвлеченностью признака от его носителя в человеческом сознании и действует в режиме имплицитной, неявной синтагматики, так как общий элемент значения (сема) не всегда обнаруживается в семантических дефинициях компонентов словосочетания непосредственно (ср. словосочетание *сладкий сахар* и семы 'сахар' [СО 1990: 726] и 'сладкий' [Там же: 696] в словарных дефинициях компонентов *сладкий* и *сахар* соответственно), переходя в область межсемемной перифразистики (и в этом случае поиски общей семы осуществляются по методике «шести семантических шагов» Ю. Н. Караулова): так, у компонентов атрибутивного словосочетания *широкая* (Adj.) *улица* (N) синтагмама 'пространство' выявляется на первом (N) и на третьем (Adj.) семантическом шаге. Разная глубина «залегания» общей семы (синтагмемы) отделяет плеонастические словосочетания, информативная ценность которых снижена (ср., однако, в предикативной конструкции с отри-

цанием: *Сахар не сладкий*), от словосочетаний, вводящих в предложение-высказывание дополнительный элемент информации. Непрямая семная комбинаторика и более абстрактный характер синтагмемы в словосочетаниях последнего типа обуславливает их лексическую схематизацию (ср. «часть пространства и ее собственно пространственная характеристика»: *широкий проспект, кривая улица, длинная аллея* и т. п.), хотя в таких схемах наличие у компонентов словосочетания общего элемента значения является все же обязательным.

Фактор ограничения значения детерминирующего компонента значением детерминируемого компонента, будучи фактором более высокого порядка, определяет более свободное создание типовых лексических структур словосочетания, опирающихся на категоризацию человеческим сознанием отношений, связей и характеристик предметного мира и необязательно базирующихся на семантическом повторе, но и не исключающих его. Так, например, разноструктурные атрибутивные словосочетания *ненастный день, поздний срок, хорошее утро* (N + Adj.), *день здоровья* (N + N₂) реализуют типовую лексическую структуру словосочетания «время и его качественная характеристика» [Смолянинова 1990: 38]. Показательно, что, если качественная характеристика времени не относится к сфере темпоральности, никакой синтагмемы 'время' у словосочетания нет, но вместе с тем любая качественная характеристика времени, в том числе и собственно темпоральная, ограничивает саму предметную область или выделяет какой-то ее фрагмент. Это наблюдение говорит о том, что между двумя факторами семантического тяготения слов в рамках схем словосочетаний нет непроходимых границ, хотя создаваемые ими лексические структуры словосочетаний обладают разной степенью обобщенности и, соответственно, различной порождающей мощностью. Приведенную группу разноструктурных атрибутивных словосочетаний без труда можно дополнить: *безоблачное утро, удобный момент, звездная ночь, вечер субботы, время разлуки* и т.д. «Объем каждой такой группы может быть расширен за счет возможной исчерпанности тематического ряда слов, являющихся главным или зависимым компонентом словосочетания» [Там же: 38].

Поскольку верифицировать значимость тематической парадигматики для лексической структуры (и главное, для лексического структурирования) словосочетания представляется крайне важным, в условиях эксперимента целесообразно в качестве стимульного мате-

риала использовать тематическую парадигму (или микропарадигму), для удобства обработки результатов включающую от пяти до десяти слов.

Кроме того, в теории словосочетания отмечается, что хотя «группировки слов, обладающих тем или иным сочетательным свойством, ограничены по составу» [Печников 1973: 38], но «об однотипной сочетаемости, общей для слов целой части речи, можно говорить относительно имен существительных. Как слова с категориальным значением предметности, они могут формировать атрибутивные словосочетания с зависимыми прилагательными» [Там же: 40]. Ограниченная частными семантическими (**зеленый вес*), деривационными (**сиреневый запах*, но: *запах сирени*), стилистическими (**клевый президент*) факторами, сочетаемость существительных с детерминируемыми прилагательными в категориальном отношении, действительно, является свободной, так как предмет есть «вместилище признаков» (по А. А. Потебне), а признак всегда предметно опосредован. Тем не менее имена существительные, однородные в категориальном плане, дифференцированы на субкатегориальном уровне: их деление, например, на конкретные и абстрактные имена маркировано грамматически в характере акциденций категории числа и др., и поэтому вполне обоснован поиск ответа на вопрос о том, насколько и в каком отношении различаются у конкретных и абстрактных имен существительных проявления способности к сочетаемости с детерминируемыми прилагательными. В эксперименте для этого необходимо использовать две стимульных серии, состоящих из конкретных и абстрактных имен существительных соответственно.

Итак, в поисковом по своей целеустановке психолингвистическом эксперименте, направленном на выявление механизма лексического структурирования атрибутивных словосочетаний типа N + Adj. при порождении предложения-высказывания, предстоит найти ответы на следующие вопросы:

— являются ли детерминирующий и детерминируемый компоненты словосочетания одинаковыми с точки зрения силы их семантической проекции к признаку (для N) или к предмету (для Adj.) соответственно?

— в какой степени лексическая встречаемость в рамках словосочетания обусловлена отнесенностью его потенциальных компонентов к той или иной тематической парадигме?

— существуют ли различия в лексическом развертывании словосочетаний с субкатегориально дифференцированными детерминирующими компонентами (в частности, с конкретными и абстрактными именами существительными)?

— является ли структурная схема атрибутивного словосочетания N + Adj. продуктивной и нет ли оснований считать конкретные словосочетания — ее речевые реализации — воспроизводимыми единицами?

Перейдем далее к изложению плана психолингвистического эксперимента (ряд вариаций этого плана был проверен в пилотажных экспериментах, на что будет указано по ходу изложения).

Так как создание словосочетания в речи, согласно Н. И. Жинкину, обусловлено произвольным (сочетаемость словоформ) и произвольным (сочетаемость семем) управлением как особыми психическими механизмами речевого мышления (см. об этом выше) и тем самым операционально объединяет сознательное с бессознательным в речетворческом процессе, для экспериментального изучения лексического структурирования словосочетаний надлежит использовать метод ассоциативного эксперимента, поскольку ассоциация представляет собой не что иное, как «стык нашего сознательного с нашим бессознательным» [Горошко 2001: 16]. Ассоциативный эксперимент позволяет эксплицировать опыт индивида по лексическому развертыванию словосочетаний конкретного структурно-семантического типа с лексически определенным носителем семантической проекции и обобщить его ассоциативный профиль.

По характеру вопросов, поиск ответов на которые является целью эксперимента, должна быть использована комбинированная методика ассоциирования — контролируемый эксперимент с продолженной реакцией (по А. Р. Лурия), причем в двух разновидностях: прямой и обратной. В чем же состоит эта методика? Испытуемый получает небольшой список стимульных слов одной части речи и задание — написать в течение ограниченного времени n-ое количество слов (реакций) другой части речи (здесь, как видим, сочетаются направленный и цепочечный ассоциативный эксперименты). Затем из полученных на каждый стимул реакций выбирается самая частотная, и эксперимент повторяется, но в обратную сторону (так различаются прямая и обратная разновидности применяемой методики).

В нашем случае эффект «оборачивания» ассоциативной процедуры весьма существен, так как иначе невозможно оценить семантическую значимость детерминируемого компонента — имени прилагательного — в лексическом структурировании словосочетания. Поскольку же в доэкспериментальной фазе исследования было решено ограничить стимульный ряд отнесенностью к субкатегориальному классу имен существительных (конкретные / абстрактные имена существительные), с одной стороны, и к тематической парадигме, с другой, — эксперимент должен состоять из двух серий (в исходе — тематический ряд конкретных существительных и тематический ряд абстрактных существительных) прямого и обратного направленного цепочечного ассоциирования.

В пилотажном эксперименте был определен оптимальный временной предел реагирования на стимул — одна минута, а также количество реакций — пять или более. Кроме того, были отработаны стимульные списки слов: для 1-й серии эксперимента — семь конкретных имен существительных, относящихся к тематической парадигме «Водоемы»: *ручей, болото, море, пруд, озеро, река, океан*; для 2-й серии эксперимента — пять абстрактных имен существительных, относящихся к тематической парадигме «Протяженность, направление в высоту, глубину, длину или в ширину»: *высота, глубина, длина, толщина, ширина* (наименование и состав последней тематической парадигмы определены по «Русскому семантическому словарю» под ред. Н. Ю. Шведовой [РСС 2003: 66]).

В ассоциативной связи существительных и прилагательных, устанавливаемой в экспериментальной процедуре на первом этапе ($S_N \rightarrow R_{Adj.}$), и в самом типе реакций — синтагматическом — могут быть усмотрены как атрибутивные, так и предикативные отношения, тогда как эксперимент ставится для изучения атрибутивных отношений, характерных для словосочетаний. Однако сходство здесь только внешнее, ибо предикативное отношение, в отличие от атрибутивного, не двухкомпонентное, а трехкомпонентное, при двухсловной реализации оно включает нулевую связку, ср.: *Туман* (N_1) $\emptyset$ *Солнце* $прозрачный$ ($Adj.1$) и *Туман* (N_1) *был* ($Соп.$) *прозрачный* ($Adj.1$) / *прозрачным* ($Adj.5$). При нулевой связке полная форма имени прилагательного в функции присвязочного компонента употребляется исключительно в именительном падеже, при атрибутивных же отношениях осуществляется полное падежное согласование прилагательных с существи-

тельными. В пилотажном эксперименте был опробован прием ассоциирования как на форму именительного падежа имени существительного, так и на формы косвенных падежей, но, поскольку существенных различий в реакциях на такие стимулы с лексической точки зрения не оказалось, было принято решение сохранить в стимульных списках начальную падежную форму имен существительных — форму именительного падежа.

Таким образом, на первом этапе каждой серии эксперимента испытуемые получали анкету, в которой в столбик были напечатаны приведенные выше имена существительные в форме именительного падежа. Задание в инструкции формулировалось следующим образом: «На каждое данное имя существительное напишите по пять прилагательных в течение одной минуты. Кто успевает, можно больше» (за соблюдением временного режима следил экспериментатор). Примечательно, что на первом этапе каждой экспериментальной серии испытуемые реагировали на существительные только полными формами прилагательных (в анкетах не встретилось ни одной краткой формы прилагательного), хотя ограничение на реакции по данному признаку инструкцией не предусматривалось. По-видимому, здесь отражены немаркированный характер полной формы имен прилагательных (по сравнению с краткой формой) в грамматико-семантическом отношении и синтаксическая прототипичность полной формы как представителя класса имен прилагательных в атрибутивных сочетаниях с существительными. На втором этапе каждой серии эксперимента в виде стимулов были даны имена прилагательные (самые частотные реакции на первом этапе эксперимента) в форме именительного падежа, единственного числа, мужского рода (т.е. в начальной форме) и требовалосьотреагировать на каждое из них цепочкой (пять или более) имен существительных без ограничений на грамматическую категорию рода, что специально оговаривалось в инструкции.

Описываемые экспериментальные исследования были осуществлены в 2005 г. В качестве испытуемых, принявших участие в обеих сериях эксперимента, выступили студенты разных факультетов МГГУ им. М. А. Шолохова в возрасте от 19 до 22 лет. Отметим, что родным языком всех испытуемых является русский язык, более того, всех испытуемых можно отнести к монолингвам. Пилотажные эксперименты показали, что на каждом из этапов в одной и той же экспери-

ментальной серии состав испытуемых должен быть идентичным не только в количественном отношении, но и персонально. Строгостью соблюдения этого критерия обусловлено различие групп испытуемых по количеству: в первой серии эксперимента участвовало 11 испытуемых, во второй — 26 испытуемых. Персонально состав испытуемых в этих группах полностью различался, т.е. ни один из тех, кто участвовал в 1-й серии эксперимента, не был участником 2-й его серии. Цель эксперимента испытуемым не раскрывалась, образцы выполнения экспериментального задания не приводились. Между этапами каждой экспериментальной серии намеренно делался перерыв в две недели, чтобы реакции испытуемых на втором этапе не зависели от ассоциативных автоматизмов, возникших на первом этапе.

Для представления экспериментальных данных в настоящей главе принят следующий способ: после стимульного слова, записанного прописными буквами, строчными буквами записываются реакции — от наиболее частотной, которая подчеркивается одной чертой (в списках реакций, полученных на первом этапе каждой экспериментальной серии), до единичных. Частотность реакции обозначается цифровым индексом в скобках. Реакции с одним и тем же индексом даются в алфавитном порядке через запятую, причем индекс ставится только после последней реакции в таком ряду. Между подобными рядами в списке реакций ставится точка с запятой (в том числе если ряд состоит из одного слова-реакции). В конце списка реакций указываются следующие величины: общее количество реакций, количество разных реакций, количество единичных реакций, — разделяющиеся косой чертой. Отметим, что на первом этапе в каждой экспериментальной серии испытуемые наряду с реакциями-прилагательными записывали и причастия (как действительные, так и страдательные) и что подобные реакции не учитывались.

1-я серия эксперимента

На первом этапе эксперимента испытуемые реагировали цепочкой имен прилагательных на конкретные имена существительные, входящие в тематическую парадигму «Водоемы». Обобщим экспериментальные данные путем сведения в общий список всех полученных от испытуемых реакций на каждый стимул.

РУЧЕЙ — быстрый (6); прозрачный, чистый (5); холодный (4); голубой, длинный (3); глубокий, горный, звонкий, извилистый, мелкий, стремительный (2); буйный, веселый, долинный, живой, илистый, ключевой, красивый, ласковый, маленький, медленный, мокрый, неглубокий, полноводный, порожистый, прохладный, серебристый, слабый, спокойный, текучий, узкий, широкий, шумный (1); 60/34/22.

БОЛОТО — вязкое (4); зеленое, лесное, топкое (3); большое, грязное, маленькое, мрачное, торфяное (2); вонючее, гиблое, глубокое, гнилое, далекое, дикое, жуткое, затхлое, зловонное, зыбкое, камышовое, коварное, красивое, мерзкое, мертвое, мокрое, неприятное, непроходимое, противное, серое, сказочное, стоячее, страшное, сумеречное, сырое, темное, тинистое, черничное (1); 51/37/28.

МОРЕ — синее (6); глубокое, теплое (5); бескрайнее, спокойное (4); бездонное, соленое (3); большое, бурное, красивое, Мертвое, опасное, Северное (2); Азовское, безбрежное, Белое, бесконечное, грозное, Красное, ласковое, ленивое, мелкое, беспокойное, огромное, притягательное, просторное, таинственное, холодное, Черное, широкое (1); 59/30/17.

ПРУД — маленький (6); глубокий, мелкий (4); грязный (3); большой, искусственный, красивый, круглый, старый, тихий, чистый (2); дачный, деревенский, добрый, домашний, затхлый, зеркальный, лебединый, лесной, небольшой, непривлекательный, приятный, прозрачный, пустой, рыбный, русалочный, солнечный, темный, теплый, черный (1); 50/30/19.

ОЗЕРО — глубокое (5); лесное (4); красивое, круглое, чистое (2); безлюдное, бесшумное, большое, великое, гладкое, голубое, горное, далекое, зеленое, зеркальное, иристое, илистое, лазурное, летнее, мелкое, небольшое, неглубокое, подземное, пресноводное, прозрачное, прохладное, синее, соляное, спокойное, судоходное, теплое, холодное, чудесное, широкое (1); 44/34/29.

РЕКА — широкая (6); горная, длинная (4); бурная, быстрая (3); величественная, глубокая, глубоководная, извилистая, равнинная, судоходная, узкая (2); бесконечная, буйная, быстроходная, великая, го-

лубая, далекая, медленная, мелкая, неглубокая, опасная, прямая, рыбная, сильная, спокойная, тенистая, тинистая, центральная, чистая, шумная (1); 53/31/19.

ОКЕАН — безбрежный (4); бездонный (3); бескрайний, великий, глубокий, громадный, могучий, необъятный, огромный, соленый, спокойный, страшный, таинственный, Тихий (2); Атлантический, бесконечный, беспокойный, бурный, гигантский, глубинный, грозный, загадочный, зловещий, изумительный, Индийский, мировой, невиданный, невероятный, обширный, опасный, северный, синий, темный, теплый, широкий, шумный (1); 53/36/22.

По количеству разных реакций на один и тот же стимул можно судить о мощности ассоциативного признакового профиля тех или иных предметных имен (концептов). В данном случае выстраивается следующая иерархия: *болото* (37) > *океан* (36) > *озеро, ручей* (34) > *река* (31) > *море, пруд* (30). Любопытно, что в «Пословицах русского народа» В. И. Даля представлена совершенно иная картина: например, *океан* упоминается всего 3 раза и почти лишен индивидуализирующих характеристик, тогда как *море* упоминается 160 раз и обладает значительным признаковым фоном, *болото* встречается более чем в два раза реже, нежели *река* (38 употреблений против 99) и описывается менее конкретно и менее детализированно и т.д. [Костин 2002: 13—14]. В «Словаре эпитетов русского литературного языка» К. С. Горбачевича, отражающем широкий спектр письменных источников XIX—XX вв., по количеству эпитетов интересующие нас имена существительные выстраиваются в такую иерархию: *море* (158) > *река* (136) > *ручей* (73) > *озеро* (61) > *океан* (54) > *болото* (40) > *пруд* (25) [СЭРЛЯ 2001]. В этой иерархии больше совпадений с показателями традиционной паремийной семиосферы у В. И. Даля, чем с данными эксперимента, которые свидетельствуют об изменениях к началу XXI в. ассоциативной признаковой нагруженности имен существительных (концептов), входящих в тематическую парадигму «Водоемы».

В виде реакций на 7 конкретных имен существительных, относящихся к тематической парадигме «Водоемы», было получено от испытуемых всего имен прилагательных — 232.

Из них 51 прилагательное является реакцией более чем на один стимул (а именно от двух до семи), что составляет 21,9% от общего количества реакций. При этом только одно имя прилагательное — *глубокий* — было вызвано всеми стимульными существительными, хотя частотность этой реакции варьируется: 5 — у стимулов *море* и *озеро*, 4 — у стимула *пруд*, 2 — у стимулов *океан*, *река*, *ручей*, 1 — у стимула *болото*. Действительно, признак *глубокий* концептуализирует большое расстояние от поверхности до дна [СО 1990: 136] и может относиться к пространственной характеристике любого водоема (ср., однако, объективное несовпадение содержания признака *глубокий* при описании, например, *моря* и *ручья*).

По количеству совпадающих реакций-прилагательных можно определить близость концептуализаций самих предметных имен (а вернее, денотатов этих предметных имен) с точки зрения их ассоциативного признакового профиля. Например, 16 совпадающих реакций (максимальное количество, по данным проведенного эксперимента) дано на стимулы *море* и *океан*: *безбрежный*, *бездонный*, *бесконечный*, *бескрайний*, *бурный*, *глубокий*, *грозный*, *огромный*, *опасный*, *(С,с) еверный*, *синий*, *соленый*, *спокойный*, *таинственный*, *теплый*, *широкий* (как видим, в более «глубинных» измерениях ассоциативной структуры языкового сознания сохраняется характерное для архаического мировосприятия отождествление океана с морем, ср. фольклорный композит *море-океан*); или же 15 совпадающих реакций дано на стимулы *река* и *ручей*, что также отражает сходство в их концептуализации: *буйный*, *быстрый*, *глубокий*, *голубой*, *горный*, *длинный*, *извилистый*, *медленный*, *мелкий*, *неглубокий*, *спокойный*, *холодный*, *чистый*, *широкий*, *шумный*.

Не менее ценны и полученные от испытуемых единичные и / или несовпадающие реакции-прилагательные, так как они отображают индивидуализированные признаки концептов: в частности, *вязкий*, *зловонный*, *черничный* — только признаки *болота*; *ключевой*, *серебристый* — только признаки *ручья*; *необъятный*, *мировой* — только признаки *океана* (хотя *мировой океан* — это ведь и терминологическое словосочетание, возможно известное испытуемому как целое). Пожалуй, наиболее предсказуемым фактором единичных и, главное, несовпадающих реакций является восстановление (а с точки зрения теории речевой деятельности — воспроизводство) аналитической номинации — гидронима: *море* — *Мертвое*, *Северное* (2); *Азовское*,

Белое, Красное, Черное (1); *океан — Тихий* (2); *Атлантический, Индийский* (1).

Соотношение общего количества реакций и единичных реакций, полученных на один и тот же стимул, позволяет формализовать тенденцию к индивидуализированной vs. стереотипизированной репрезентации объекта. Выявив долю единичных реакций (в процентах) для каждого стимула, получаем следующую шкалу: *озеро* (65,9 %) > *болото* (54,9%) > *океан* (41,5 %) > *пруд* (38%) > *ручей* (36,6%) > *река* (35,8%) > *море* (28%). Данная шкала отражает возрастание стереотипии в ассоциативных признаковых профилях предметных имен (концептов), входящих в тематическую парадигму «Водоемы», что, в частности, выражается в минимизации неединичных реакций-прилагательных на стимул *озеро* (всего 5) и в росте количества таковых у остальных стимулов (от 9 до 14).

Семантический анализ всей совокупности реакций-прилагательных показывает, что конкретные имена существительные, относящиеся к тематической парадигме «Водоемы», ассоциативно связаны не просто с отдельными прилагательными той или иной семантики, а с целыми их семантическими объединениями — тематическими парадигмами. Все имеющиеся в экспериментальном материале реакции-прилагательные (за исключением прилагательных, которые являются составными элементами гидронимов) безостаточно распределяются по 18 тематическим парадигмам: величина; глубина; протяженность; характер дна, русла; характер поверхности, берегов; состояние; уровень воды; цвет; прозрачность; температура воды; консистенция воды; быстрота, характер течения; звучание; обитатели; растительность; народнохозяйственное значение; натурфакт / артефакт (ср. реакцию *искусственный* на стимул *пруд*); субъективное восприятие, оценка.

Безусловно, в реакциях на каждый стимул-существительное обязательно представлены прилагательные всех этих тематических парадигм, с одной стороны, и не все прилагательные, относящиеся к перечисленным тематическим парадигмам, выявлены в общей совокупности реакций, с другой стороны. Это объясняется тем, что в условиях эксперимента испытуемый — потенциальный создатель речевого высказывания — не выражает актуальный «здесь и сейчас» элемент информации, а всего лишь припоминает в течение предельно ограниченного промежутка времени те характеристики предмета,

которые ему более известны или чаще применяются им самим в реальной речевой деятельности. Нет сомнений, однако, в том, что ассоциирование в созданных экспериментальных условиях (и, по всей видимости, в свободной речевой деятельности тоже) осуществляется по принципу поиска нужного слова в тех тематических парадигмах, которые именуют признаки, свойственные характеризованному этим словом предмету в объективном мире и / или в восприятии и оценке человека.

Вместе с тем та или иная предметная сущность (денотат) может «отталкивать» определенные признаки — на уровне тематической парадигмы в целом или на уровне отдельного признака — как по природной несовместимости (ср. **бездонный пруд*, но: *бездонный океан*; **черничное море*, но: *черничное болото*), так и особенно по причине стабильного прагматического дефокусирования (ср. *рыбный пруд* и есть пруды, в которых рыба не водится; но: *??рыбный океан*): в частности, признак «консистенция воды» значим для характеристики любого водоема, однако в списках реакций на стимулы *болото* и *океан* он реализован разными единицами тематической парадигмы — прилагательными *вязкий* и *солёный* соответственно; признак «обитатели» использован в ассоциативном описании только *пруда* (ср. *лебединый, рыбный, русалочный*) и *реки* (ср. *рыбная*) и т.д. В отдельных реакциях отражена тенденция к образованию окказиональных словосочетаний: *центральная река, невероятный океан* и др. (даже в весьма полном с точки зрения учета индивидуально-авторских инноваций словаре [СЭРЛЯ 2001] такие сочетания не отмечены), тем не менее их адъективные компоненты не выходят все же за пределы выявленных тематических парадигм прилагательных (в данном случае — местонахождение, величина).

Большинство же тематических парадигм представлено одним или более чем одним прилагательным в списке реакций на каждый стимул-существительное, входящий в тематическую парадигму «Водоемы».

На втором этапе эксперимента в качестве стимулов испытуемым были предложены имена прилагательные *быстрый, вязкий, синий, маленький, глубокий, широкий, безбрежный*, так как именно они стали наиболее частотными реакциями на стимулы-существительные, относящиеся к тематической парадигме «Водоемы». Испытуемые должны были реагировать на эти прилагательные цепочкой имен су-

ществительных. Перейдем далее к обобщению экспериментальных данных, полученных на втором этапе эксперимента. В списках реакций в данном случае будут подчеркиваться только имена существительные, входящие в тематическую парадигму «Водоемы» и представленные в стимульном списке на первом этапе эксперимента (вне зависимости от частотности этих реакций).

БЫСТРЫЙ — автомобиль, бег (6); заяц, зверь, река, течение, человек (3); ветер, взгляд, движение, конь, мысль, птица, реакция, самолет (2); бегун, велосипед, волна, выполнение, выстрел, гепард, действие, дело, катер, корабль, лакей, лошадь, машина, миг, момент, мотоцикл, ответ, передвижение, поезд, понимание, поправка, поток, работа, разговор, речь, ручей, рысь, скорость, спортсмен, темп, ум, уход, ход, шаг (1); 77/49/34.

ВЯЗКИЙ — болото (7); глина, грязь (4); клей, почва, топь (3); вкус, дно, жидкость, жижа, ил, каша, кисель, песок, смола, тесто, тина (2); варенье, воздух, грунт, земля, кефир, кофе, масло, материал, место, продукт, пудинг, речь, сапог, слякоть, состав, трясина, фрукт (1); 63/34/17.

СИНИЙ — цвет (9); море (8); небо (7); дом (5); глаза, забор, флаг, цветок (3); вода, иней, карандаш, платок, платье, чернила (2); автомобиль, баклажан, банка, гараж, дверь, доска, дым, кассета, коляска, кофта, книжка, краска, куртка, мебель, нос, обои, оттенок, пальто, планшетка, потолок, птица, ручей, ручка, свитер, стена, стол, сумка, тон, туман, туфли, туча, фломастер, чайник, человек, шарф, этикетка (1); 89/50/36.

МАЛЕНЬКИЙ — ребенок (7); человек (6); дом (3); дерево, домик, лес, мяч, размер (2); блокнот, буква, бумажка, веер, винт, гараж, гвозди, гном, грибок, девочка, детеныш, дождь, задание, запас, зверек, зеркальце, игрушка, инструмент, квартира, кот, котенок, куча, ложка, лужа, мальчик, машина, объем, одежда, пес, помещение, предмет, пруд, проныра, рост, след, собака, сомнение, стул, ток, цветок, шаг, щенок (1); 68/50/42.

ГЛУБОКИЙ — колодец (7); мысль, яма (4); водоем, море, озеро, река (3); взгляд, знания, канава, лужа, овраг, океан, ров, смысл, цвет (2); бассейн, болото, вдох, воронка, глаза, дно, душа, задумчивость, место, небо, погреб, понимание, посуда, пропасть, пруд, раздумье, ручей, сейф, сон, стакан, тон, трепет, ум, ущелье (1); 69/40/24.

ШИРОКИЙ — дорога (5); стол (4); поле, размах, река, степь, человек (2); взмах, вид, газон, год, горизонт, дверь, душа, зал, занавес, коридор, кость, костюм, кругозор, лес, линия, лицо, меридиан, месяц, мост, мысль, натура, обзор, окно, пальто, пласт, платье, плечо, площадка, пояс, проезд, простор, проход, путь, пьедестал, размер, рубашка, ручей, ствол, стена, тропинка, участок, характер, штанина, штаны, юбка (1); 64/52/45.

БЕЗБРЕЖНЫЙ — океан (11); море (8); простор (4); небо, озеро, синь (2); вид, водоем, восторг, гладь, город, даль, залив, интеллект, космос, красота, лес, любовь, мечта, момент, отношение, печаль, план, полуостров, поток, пространство, пустота, река, смех, сон, степь, страх, счастье, ум, человек (1); 58/35/29.

Анализ полученных экспериментальных данных необходимо будет ограничен здесь только теми реакциями, которые относятся к тематической парадигме «Водоемы» (или соприкасаются с ней в одной и той же понятийной сфере лексикона), а именно установлением их распределения по тем или иным стимульным прилагательным, частотности и доли среди разных реакций на один и тот же стимул.

Среди реакций, полученных от испытуемых на все данные прилагательные-стимулы, встречаются имена существительные из тематической парадигмы «Водоемы», ср. на стимул *быстрый* — реакции *река* (2) и *ручей* (1), на стимул *вязкий* — реакция *болото* (7), на стимул *синий* — реакции *море* (7) и *ручей* (1), на стимул *маленький* — реакция *пруд* (1), на стимул *глубокий* — реакции *море* (3), *озеро* (3), *река* (3), *океан* (2), *болото* (1), *пруд* (1), *ручей* (1), на стимул *широкий* — реакции *река* (2) и *ручей* (1), на стимул *безбрежный* — реакции *океан* (11), *море* (8), *озеро* (2), *река* (1).

Имена существительные *болото* и *океан* являются самыми частотными реакциями на стимулы *вязкий* и *глубокий* соответственно. Стимульные прилагательные *глубокий* и *безбрежный* вызвали у ис-

пытуемых реакцию *водоем* — гипероним тематической парадигмы, причем в первом случае это не единичная реакция.

Среди реакций на стимульные прилагательные *быстрый*, *вязкий* и *безбрежный* (по сравнению с другими стимулами) часто встречаются имена существительные, входящие наряду с тематической парадигмой «Водоемы» в одну и ту же понятийную сферу лексикона: *течение* (3), *волна* (1), *поток* (1) — на стимул *быстрый*; *топь* (3), *дно* (2), *ил* (2), *тина* (2), *трясина* (1) — на стимул *вязкий*; *гладь* (1), *залив* (1), *поток* (1) — на стимул *безбрежный*.

По частотности реакций на все прилагательные-стимулы имена существительные, относящиеся к тематической парадигме «Водоемы», выстраиваются в следующую иерархию: *море* (18) > *океан* (13) > *болото* (8) > *река* (7) > *озеро*, *ручей* (5) > *пруд* (2).

По доле полученных на один и тот же стимул реакций прилагательные распределяются таким образом: *безбрежный* (37,9%) > *глубокий* (20,3%) > *вязкий* (11%) > *синий* (9%) > *широкий* (4,7%) > *быстрый* (3,8%) > *маленький* (1,5%).

Необходимо отметить, что если на первом этапе эксперимента прилагательным *глубокий* испытуемые реагировали на все 7 стимульных существительных (*ручей*, *болото*, *море*, *пруд*, *озеро*, *река*, *океан*), то и на втором этапе эксперимента все эти существительные обнаруживаются как реакции на стимульное прилагательное *глубокий* (хотя, безусловно, в разном соотношении); если на первом этапе эксперимента реакция-прилагательное *вязкий* была получена только на стимул *болото*, то и на втором этапе эксперимента стимульное прилагательное *вязкий* вызвало у испытуемых лишь одно существительное из тематической парадигмы «Водоемы» — *болото*; наоборот, у прилагательных типа *безбрежный* такой закономерности обнаружить не удастся, ибо их вызывают как реакции одни стимулы-существительные (*море*, *океан*), а реакциями на них являются в том числе и другие имена существительные из той же самой тематической парадигмы «Водоемы» (*океан*, *море*, *озеро*, *река*).

Кроме того, семантический анализ всей совокупности реакций-существительных показывает, что стимульное прилагательное — потенциально детерминируемый компонент атрибутивного словосочетания N + Adj. — может актуализировать в речемыслительном акте разные свои значения, ср.: *глубокий* — *мысль*, *яма*; *безбрежный* — *океан*, *интеллект*; *вязкий* — *болото*, *речь* и т.д., а это, безусловно,

делает семантическую проекцию от прилагательного к существительному в общем случае нечеткой и неконцентрированной. Вместе с тем у таких прилагательных, как *вязкий*, явно формируется лексическая избирательность (ср. *вязкий* → *болото*), хотя и она «затушевывается» полисемией имени прилагательного, взятого вне контекста словосочетания, и экстенсиональной (предметной) незамкнутостью называемого этим прилагательным признака. Поэтому в данном случае уместнее говорить все же не о лексической избирательности, а о лексической предпочтительности.

2-я серия эксперимента

На первом этапе эксперимента испытуемые реагировали цепочкой имен прилагательных на абстрактные имена существительные, входящие в тематическую парадигму «Протяженность, направление в высоту, глубину, длину или в ширину» (далее — «ПН»). Ниже представлено обобщение экспериментальных данных, явившееся результатом сведения в общий список всех полученных от испытуемых реакций на каждый стимул.

ВЫСОТА — большая (8); страшная (7); головокружительная, голубая, небесная, огромная (5); абсолютная, гигантская, горная, маленькая, необъятная, непреодолимая (3); безымянная, красивая, необычайная (2); абстрактная, активная, безумная, белая, бесконечная, вечная, высокая, глубокая, далекая, достаточная, живописная, жуткая, карьерная, лучшая, метровая, небольшая, невиданная, недостижимая, недосыгаемая, неземная, неопиcуемая, непознаваемая, непокоримая, непростая, низкая, одинокая, опасная, преобладающая, предельная, полная, поразительная, смешная, снежная, стремительная, четвертая, чудовищная, яркая (1); 96/52/37.

ГЛУБИНА — морская (14); темная (12); большая (8); страшная (5); водная, маленькая, синяя, холодная (3); бездонная, глубокая, душевная, земная, огромная, подводная, прозрачная (2); бесконечная, голубая, грозная, дальняя, загадочная, илистая, коварная, мощная, мутная, небесная, небольшая, неведомая, невообразимая, неизмеримая, невероятная, непредсказуемая, непроглядная, опасная, песочная, полная, поразительная, пучинная, резкая, речная, соленая, сом-

нительная, средняя, творческая, темно-синяя, удивительная, ужасная, фиолетово-синяя, черная, чувственная, яростная (1); 100/50/35.

ДЛИНА — бесконечная (5); короткая (4); длинная (3); большая, детская, километровая, кривая, маленькая, огромная, средняя, сумасшедшая, точная (2); безграничная, волнистая, гигантская, долгая, дорожная, единственная, жизненная, известная, конечная, максимальная, малая, метровая, мизерная, минимальная, небольшая, незаметная, неизменяемая, неизмеримая, неимоверная, необъемная, неопишуемая, непонятная, непреодолимая, непростая, нескончаемая, неясная, нитеподобная, нужная, ослепительная, предельная, призрачная, поганая, порядочная, постоянная, продолжительная, прямая, разная, смешная, строгая, тусклая, удивительная, узкая, умопомрачительная, четкая (1); 73/56/43.

ТОЛЩИНА — огромная (6); большая (5); необъятная, объемная (4); маленькая, небольшая, нездоровая (3); прочная, широкая (2); великая, вкусная, внезапная, выпуклая, гигантская, дверная, деревянная, дикая, измеряемая, круглая, крупная, максимальная, малая, массивная, мерзкая, миллиметровая, мощная, мягкая, неестественная, незначительная, непроницаемая, полная, притягательная, сексуальная, синяя, средняя, стенная, строгая, тестоподобная, тучная, уникальная, худая, человеческая, чудовищная (1); 66/43/34.

ШИРИНА — необъятная (6); большая, огромная (5); маленькая (4); гигантская, объемная, просторная (2); абстрактная, всеохватная, грозная, дверная, длинная, душевная, женская, жесткая, индивидуальная, каменная, коричневая, красивая, линейная, минимальная, морская, немыслимая, одинаковая, оконная, опытная, осенняя, призрачная, прозрачная, пространственная, пустая, разная, роскошная, средняя, стандартная, точная, ужасная, узкая, уличная (1); 58/39/32.

В ходе эксперимента испытуемые отмечали, что к именам существительным *высота*, *глубина*, *длина*, *толщина*, *ширина*, т.е. к абстрактным именам со значением «ПН», трудно подбирать прилагательные, тем более сразу по пять и более прилагательных. И хотя все испытуемые справились с заданием, предложенные ими реакци-и-прилагательные во многих случаях образуют со стимульными су-

существительными тавтологические словосочетания (ср. *высокая высота, глубокая глубина* и т.п.), окказиональные словосочетания (ср. *деревянная толщина, осенняя ширина* и др.), а при образовании узусальных словосочетаний ассоциативный процесс идет либо по линии конкретизации абстрактного имени (ср. *одиночная высота, оконная ширина*), либо по линии эмоционально-чувственного и / или субъективно-оценочного ассоциирования (ср. *поразительная высота, опасная глубина, чудовищная толщина*), в единичных случаях можно констатировать прецедентное ассоциирование (например, *безымянная высота*).

В «Словаре сочетаемости слов русского языка» под ред. П. Н. Денисова и В. В. Морковкина фиксируется сочетаемость абстрактных существительных тематической парадигмы «ПН» с ограниченным по семантике кругом прилагательных, это прилагательные со значением величины, размера, степени и меры достаточности, кванторности [СССРЯ 2005]. В полученном экспериментальном материале помимо них широко использованы прилагательные со значением цвета, формы, предметной отнесенности, субъективного восприятия и оценки, значительное место в списках реакций на каждый стимул отводится именам прилагательным с отрицательным префиксом *не-*, в том числе и отглагольным прилагательным.

Всего в виде реакций на 5 абстрактных имен существительных, относящихся к тематической парадигме «ПН», было получено от испытуемых 234 прилагательных. Из них 40 прилагательных являются реакциями более чем на один стимул (а именно от двух до пяти), что составляет 17% от общего количества реакций. При этом три имени прилагательных — *большой, маленький, огромный* — были вызваны всеми стимульными существительными. Отметим, что эти прилагательные входят в тематическую парадигму величины, а именно с прилагательными этой тематической парадигмы узусально сочетаются абстрактные существительные с семантикой «ПН».

С точки зрения меры совпадения ассоциативных признаков профилей наиболее близки абстрактные имена (концепты) *высота* и *глубина* — у них 12 совпадающих реакций (максимальное количество, по данным проведенного эксперимента): *большой, бесконечный, глубокий, голубой, далекий, маленький, небольшой, огромный, опасный, полный, прозрачный, страшный*; наоборот, в большей степени отдалены друг от друга абстрактные имена (концепты) *глубина* и *длина* —

у них всего 5 совпадающих реакций: *большой, маленький, небольшой, огромный, средний*.

По количеству разных реакций на один и тот же стимул абстрактные существительные, входящие в тематическую парадигму «ПН», выстраиваются в следующую иерархию: *длина* (56) > *высота* (52) > *глубина* (50) > *толщина* (43) > *ширина* (39), хотя по максимальному количеству реакций одним и тем же прилагательным стимул *длина* (5) занимает последнее место.

На втором этапе эксперимента в качестве стимулов испытуемым были предложены имена прилагательные *большой, морской, бесконечный, огромный, необъятный*, поскольку именно они стали наиболее частотными реакциями на стимулы — абстрактные имена существительные из тематической парадигмы «ПН». При обобщении полученных экспериментальных данных так же, как и в 1-й серии эксперимента, будут подчеркиваться только те реакции-существительные, которые были представлены на первом этапе эксперимента в стимульном списке (вне зависимости от частотности этих реакций).

БОЛЬШОЙ — дом (18); человек (9); размер (6); нос, стол (4); город, живот, рот (3); вес, выбор, девочка, диван, друг, завтрак, зарплата, книга, кулак, любовь, мальчик, море, небо, окно, птица, рука, рюкзак, урон, чемодан (2); автомобиль, авторитет, аквариум, альбом, апельсин, арбуз, аренда, балкон, бардак, буква, возраст, выигрыш, высота, глаза, голова, дверь, двор, дерево, долг, дурак, желание, женщина, животное, задание, зал, запас, зверь, здание, земля, картина, карандаш, кирпич, комната, композитор, коробка, кот, крах, кровать, круг, крыло, крюк, кувалда, кукла, лес, магазин, машина, медведь, мир, мяч, надежда, нога, облако, огород, оклад, открытка, ошибка, палец, портрет, потенциал, практика, пространство, расстояние, растение, ребенок, река, рост, сад, слайд, след, слон, собака, стихотворение, страсть, стройка, стул, сумка, театр, телевизор, тесто, толпа, торт, удовольствие, ухо, учебник, формула, холодильник, чаша, шар, шкаф, шляпа (1); 178/117/90.

МОРСКОЙ — берег, бриз (10); воздух, котик (6); капуста (5); ветер, водоросли, волна, песок, соль (4); вода, глубина, дно, животное, камень, пейзаж, прибой, рыба, свинка, цвет (3); даль, еж, жизнь, конек, корабль, лев, путь, пучина, русалка, флот, чудовище (2); аромат,

бой, болезнь, брызги, вкус, волк, городок, день, домик, дух, дьявол, звезда, зверь, зной, капитан, карп, коса, креветка, круиз, курорт, лагуна, лето, медуза, мир, пена, пища, пляж, побережье, порт, приключение, прогулка, путешествие, рак, раковина, ракушка, сад, свобода, сельдь, тело, теплоход, трава, узел, царевна, царь, человек, шторм, юмор (1); 156/78/47.

БЕСКОНЕЧНЫЙ — путь (16); дорога, жизнь (10); день, урок (7); любовь (6); лекция (5); разговор (4); мир, радость, сон (3); год, горе, даль, ожидание, простор, спор, тоска, учеба, число (2); берег, благодарность, боль, бытие, веселье, вечер, вечность, взгляд, визг, волнение, время, вселенная, год, горизонт, диалог, дискуссия, дождь, дружба, звезда, книга, крик, кураж, лестница, ложь, минута, монолог, море, мрак, мука, небо, невезение, нить, океан, ор, пара, песня, поле, полет, приключение, проблемы, прогулка, пространство, процесс, прямая, путешествие, пытка, развод, разлад, свет, свобода, симпатия, страдание, страх, счастье, сюжет, творчество, тетрадь, удовольствие, ужас, уровень, успех, усталость, утро, час, человек (1); 157/85/65.

ОГРОМНЫЙ — дом (8); слон, человек (5); любовь, мир, подарок (4); стол, шар (3); башня, вес, вселенная, глаза, гора, город, камень, коробка, лес, машина, небо, океан, окно, потенциал, рост (2); бассейн, беда, берег, ботинок, бунт, волна, дача, дерево, двор, дворец, девушка, душа, желание, женщина, завод, задание, зал, заработок, здание, значение, интерес, карьер, кинг-конг, клюв, книга, комната, конспект, корабль, кот, лошадь, луна, любопытство, магазин, май, мешок, море, мужчина, мяч, огород, одолжение, пакет, парк, пояс, простор, разговор, размер, рука, рыба, рыбина, семья, сердце, сила, скала, созвездие, состояние, спасибо, столкновение, страна, стул, счастье, сюрприз, таз, теплоход, территория, трактор, туннель, участок, хозяйство, холодильник, часы, шпиль (1); 138/94/70.

НЕОБЪЯТНЫЙ — мир (12); простор (7); человек (6); земля, любовь (5); чувства (4); даль, дерево, море, небо, поле, Родина (3); девушка, дуб, материал, мужчина, океан, пространство, размер, толстяк, шар (2); балкон, вид, вселенная, глубина, горизонт, граница, дача, дом, душа, желание, женщина, завод, задача, знания, капитан, карман, картина, космос, край, краска, кровать, курс, логика, луг, мужество,

мысль, необъятность, ноги, опыт, паркет, пейзаж, площадь, поляна, проблема, радость, Россия, свобода, список, ствол, стихия, страна, существование, тема, туловище, ужас, шкаф, эпопея (1); 122/68/47.

Среди реакций, полученных от испытуемых на предложенные прилагательные-стимулы, лишь в самой незначительной степени представлены абстрактные имена существительные из тематической парадигмы «ПН», а именно на стимул *большой* получена реакция *высота* (1), на стимул *морской* — реакция *глубина* (3) и на стимул *необъятный* — также реакция *глубина* (1) (отметим, что на первом этапе эксперимента это прилагательное было самой частотной реакцией на стимул *ширина*). Доля их в общей совокупности реакций на данные стимулы составляет 0,6%, 2% и 0,8% соответственно. На стимулы-прилагательные *бесконечный* и *огромный* не было получено в качестве реакции ни одного абстрактного имени существительного, входящего в тематическую парадигму «ПН». Кроме того, ни одно из существительных этой тематической парадигмы не является самой частотной реакцией ни на одно из стимульных прилагательных.

На основе анализа изложенных результатов по 1-й и 2-й сериям эксперимента и их сопоставления можно дать следующие ответы на те вопросы, которые и обусловили постановку описанного в настоящей главе поискового психолингвистического эксперимента.

Во-первых, выяснилось, что детерминирующий и детерминируемый компоненты словосочетания типа N + Adj., действительно, не являются одинаковыми с точки зрения силы их семантической проекции к признаку (для N) или к предмету (для Adj.) соответственно, а именно что существительные (в особенности конкретные) гораздо в большей степени предсказывают семантический тип и лексическое выражение признака в том или ином зависимом прилагательном. На то, что имена прилагательные обладают меньшей предсказующей семантической силой по отношению к существительным, указывает весьма незначительная доля реакций именами существительными исходных тематических парадигм в обратном ассоциативном эксперименте. Но с чем же связано тогда семантическое ослабление или даже эллипсис детерминирующего субстантивного компонента в атрибутивных словосочетаниях N + Adj. (см. об этом выше)? По-видимому, с тем, как семантически соотносится словосочетание в целом с его детерминирующим компонентом как самостоятельной лексемой (ср.

столовая <*комната*> и *комната* — гиперо-гипонимические отношения), с семантическим ограничением пассивной валентности имени прилагательного и формированием лексической избирательности у него, с асимметрией носителя семантической проекции и номинативного ядра словосочетания, т.е. с различными системно-языковыми факторами. В речевой деятельности говорящего / пишущего, т.е. при порождении предложения-высказывания, семантическая проекция всегда направлена от потенциального детерминирующего компонента, причем вне зависимости от его размещения (препозитивного / постпозитивного) в конкретном атрибутивном словосочетании.

Во-вторых, лексическая встречаемость в сфере словосочетаний типа N + Adj. во многом обусловлена тематическими связями слов, отражающими признаковую нагруженность определенного предметного имени (концепта), с одной стороны, и отнесенностью признака к целому множеству предметов, с другой. Об этом свидетельствует тот факт, что среди реакций на стимулы, относящиеся к одной и той же тематической парадигме, встречаются как одни и те же слова (т.е. лексемно совпадающие реакции), так и слова, входящие в одни и те же тематические парадигмы (т.е. парадигматически совпадающие реакции). Однако в образованных на основе подчинительной связи атрибутивных словосочетаниях N + Adj. обусловленность тематической парадигматикой реализуется совершенно не так, как, например, в сочинительных конструкциях: если при сочинительной связи компонентами конструкции становятся слова (словоформы), относящиеся к одной и той же тематической парадигме и вступающие друг с другом в согипонимические отношения [Сигал 2004: 180], то при подчинительной связи семантически главенствующий компонент словосочетания как бы намечает тот потенциальный круг тематических парадигм, из которых может быть выбран говорящим / пишущим семантически зависимый компонент (ср. мнение А. А. Леонтьева о том, что в языковой памяти индивида «слово записано в форме поиска этого слова» (курсив автора. — К. С.) <...> слово есть его поиск» [Леонтьев 1969: 204]). Именно поэтому если в конструкциях сочинительной связи лексико-семантические отношения компонентов являются частью их синтаксической формы [Сигал 2004: 181—182], то в конструкциях подчинительной связи лексическая структура, будучи соотносительной с их синтаксической структурой, является относительно независимой. В то же время если сочинительная связь вводит в предложение-вы-

сказывание тематически однородные компоненты, то подчинительная связь насыщает его, как правило, взаимосвязанными тематически разнородными компонентами и маркирует характер их смысловых отношений.

В-третьих, лексическое развертывание словосочетаний N + Adj. с конкретными и абстрактными детерминирующими субстантивными компонентами обладает своей спецификой. Оказалось, что у конкретных имен существительных гораздо выше сила семантической проекции и что у прилагательных, образующих с ними атрибутивные словосочетания, четче выражена тенденция к лексической предсказуемости. Атрибутивная валентность конкретных существительных реализуется в сочетаниях с именами прилагательными большего количества тематических парадигм, тогда как атрибутивная валентность абстрактных существительных в большей степени способствует проявлению в речи креативного потенциала словосочетания (ср. *активная высота*, *нитеподобная длина*, *пустая ширина* и др.).

В-четвертых, материалы эксперимента убеждают в том, что структурная схема атрибутивных словосочетаний N + Adj. является в высшей степени продуктивной, а реализующие ее конкретные словосочетания — скорее производимыми, чем воспроизводимыми структурами. То, что эти словосочетания не воспроизводятся, подобно фразеологизмам, доказывается тем, что среди реакций на всех этапах обеих серий эксперимента преобладают единичные и при этом мало высокочастотных реакций адъективом и еще меньше — субстантивом и что самые частотные реакции в обратном эксперименте чаще всего не совпадают со стимулами в прямом эксперименте. Статус данных словосочетаний как свободно создаваемых синтаксических структур подтверждает и определенная доля окказиональных образований среди них. Применительно же к словосочетаниям типа *безбрежный океан* или *вязкое болото*, в которых стимульные существительные в прямом эксперименте и самые частотные реакции-существительные в обратном эксперименте, т.е. вызванные данными именами прилагательными, совпали и которые тем самым в какой-то степени приближаются к воспроизводимым структурам (ср., например, фразеологизм *сума переметная* и реакции его компонентов друг на друга, запечатленные в «Русском ассоциативном словаре» [РАС 2002: т. 2, 604, 837]), можно предположить лишь то, что их компоненты могли быть ассоциированы испытуемыми или как составляющие единой

сложной номинации («готовой формы»), или на основе какого-либо генерализованного речевого образца, или в результате применения семантического правила сочетаемости слов (см. об этих возможностях в речемыслительной деятельности говорящего / пишущего [ЧФЯ 1991: 135]), — более точного вывода имеющийся экспериментальный материал сделать не позволяет. Вообще говоря, лексическая стабилизация словосочетаний должна изучаться преимущественно методами корпусной лингвистики, так как этот процесс относится к диахроническому типу и обнаруживается в хронологически изменяющихся текстовых константах употребления конкретных словосочетаний на фоне их вариантов, синонимов, трансформов и т. п.

В заключение следует кратко затронуть вопрос о том, может ли лексическая структура отражать специфику словосочетания как единицы языка. На первый взгляд, в самой формулировке этого вопроса допущено противоречие: ведь к языку принято относить только структурные схемы, или модели, словосочетаний, а их лексическое наполнение связывают исключительно с использованием структурной схемы словосочетания в речи. Вместе с тем, как справедливо замечает В. А. Федосов, «словосочетание может быть представлено на абстрактном уровне не только в грамматическом, но и в лексическом аспекте» [Федосов 1986: 37]. Лексическая абстракция свободного атрибутивного словосочетания со структурной схемой N + Adj. (и, по-видимому, любого словосочетания вообще), как явствует из проведенного экспериментального исследования, опирается в значительной мере на тематические связи обобщенного носителя семантической проекции (гиперонима — условного заместителя тематической парадигмы в целом и любого ее составляющего в отдельности) и может быть формализована путем исчисления тех семантических признаков, которые определяют его валентностный потенциал (ср., например: <ВОДОЕМ> → 'величина', 'глубина' и т. д.). Подобная формализация, отражающая детерминативный (подчинительный) характер семантико-синтаксических отношений в словосочетании и не связанная только и исключительно с описанием лексической сочетаемости двух конкретных слов, может рассматриваться как языковой аналог лексической структуры словосочетания.

ГЛАВА 13

О ЛЕКСИКАЛИЗАЦИИ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

В своем психолингвистическом исследовании соотношения синтаксиса и номинации как особых механизмов речевой деятельности Е. С. Кубрякова подчеркивает: «Синтаксис может быть сведен до минимума, синтаксическая конструкция может быть равной слову по своей структурной (форматной) характеристике. Но быть свободным от номинации синтаксис не может» [Кубрякова 1986: 135].

Отмеченная зависимость синтаксиса от номинации проявляется, однако, не только в том, что синтаксические схемы различного формата и типа семантики обретают свое коммуникативно-функциональное бытие лишь при условии заполнения их позиций номинативными единицами и маркирования грамматическими формами номинативных единиц незамещенных позиций, но и в том, что сама синтаксическая схема в определенном категориально-лексическом составе способна лексикализироваться (или фразеологизироваться) и постепенно приобрести номинативную значимость. По-видимому, принципиальное разграничение механизмов синтаксиса и номинации возможно исключительно в языке, но не в речи, где почти любая синтаксическая схема, во многом благодаря ее лексической воплощенности и информационно-когнитивной целостности, становится потенциально номинативной.

Лексикализация синтаксических структур в речи имеет свои закономерности, две из которых могут быть сформулированы следующим образом: 1) чем меньше формат синтаксической схемы и чем стандартнее ее лексическое наполнение, тем более приспособлены речевые проявления этой синтаксической схемы к лексикализации; 2) речевые синтаксические единицы, лексическое наполнение которых основано на одном и том же структурном принципе, имеют общую тенденцию к лексикализации. Эти закономерности были выявлены в ходе анализа конкретного речевого материала — русских словосочетаний с деривационно связанными (однокоренными) компонентами.

Обращение к словосочетанию как минимальной единице синтаксической комбинаторики обусловлено в данном случае тем, что именно бинарные подчинительные комплексы (или, согласно описательной грамматике, простые, элементарные словосочетания) преоб-

ладают в синтаксическом генотипе фразеологизмов, т.е. полностью лексикализированных и семантически преобразованных синтаксических интегрантов тех или иных текстов-источников.

При собственно таксономическом подходе, как правило, между фразеологизмами и их свободными синтаксическими генотипами проводится демаркационная линия и в то же время противопоставляются лексически и синтаксически несвободные словосочетания, тогда как в языковой действительности, скорее всего, мы имеем дело со шкалой непрерывной лексикализации (фразеологизации) словосочетаний, т.е. с их функциональной и семиотической перестройкой, в которой разнообразные эффекты их несвободной структурной организации взаимодействуют и индуцируют друг друга на пути словосочетания от комплекса к симплексу (в структурно-семантическом отношении) и от порождаемой синтаксической структуры к воспроизводимой и устойчивой номинативной единице (в функциональном отношении)³³.

С позиций психолингвистики реальной объяснительной силой обладают и синтаксическая, и номинативная концепции словосочетания, поскольку одно и то же словосочетание и тем более разные словосочетания могут как строиться по определенной синтаксической схеме в процессе порождения предложения-высказывания, так и быть «строительным материалом» для предложения-высказывания, занимая конкретную позиционную ячейку в нем. Это утверждение вполне коррелирует с такими характеристиками речевой деятельности, как эквивиальность (Е. С. Кубрякова) и эвристичность (А. А. Леонтьев), отображающими динамичность языковых структур как следствие межуровневого взаимодействия, с одной стороны, и существование разных форм доступа к речемыслительным операциям с ними в деятельности говорящего / пишущего, с другой.

Несмотря на то, что номинативная функция словосочетания возможна и без его особой структурно-семантической трансформации, так как в силу действия целого ряда когнитивно-прагматических

³³ Идея непрерывной фразеологизации принадлежит Е. И. Дибровой, согласно которой истоки этого процесса находятся в семиотико-семантических преобразованиях единиц свободного синтаксиса. «Модальные компоненты высказывания...», — подчеркивает Е. И. Диброва, — способствуют сдвигу информации высказывания с референтно-денотативных позиций на сигнификативное ее истолкование, рождающее те смыслы, которые формируют феномен значения фразеологических единиц» [Диброва 1979: 23]. См. также [Елисеева 2000].

факторов (экономия речемыслительных усилий, незнание отдельных лексем и др.) словосочетание может воспроизводиться в речи говорящего / пишущего, подобно слову, рассмотрим далее структурно-семантическое своеобразие разных типов словосочетаний с однокоренными компонентами, которые в той или иной степени продвинулись на пути от комбинаторно-синтаксических образований (фактов речи) к номинативным единицам (фактам языка).

Так как подчинительная связь, формирующая словосочетания и позволяющая в их синтаксических схемах концептуализировать те или иные предметные отношения базовых компонентов пропозиции с их конкретизаторами, служит целям информационно-смыслового развертывания предложения-высказывания, при поверхностном взгляде на словосочетания с однокоренными компонентами возникает соблазн отнести их к типу когнитивно опустошенных комплексных знаков, дублирующих в структуре, большей, чем слово, информацию, для выражения которой достаточно словесной сигнификации. Однако в русском языке имеется целая микросистема подобных словосочетаний, включающая в себя разные синтаксические схемы словосочетаний: $V + Adv.$ (*ревмя реветь*), $V + N_4$ (*разговоры разговаривать*), $V + N_5$ (*криком кричать*) и др., особым образом концептуализирующие те предметные отношения, которые могут быть обозначены самостоятельно детерминирующим компонентом словосочетания как словесным знаком.

Все приведенные синтаксические схемы словосочетаний являются в высшей мере продуктивными и свободными (ср. $V + Adv.$: *громко кричать*, $V + N_4$: *слышать разговор*, $V + N_5$: *петь басом* и т.д.), но при условии их лексического наполнения однокоренными компонентами создаются лексикализованные в той или иной степени словосочетания, так как структурно-семантические особенности подобных словосочетаний непосредственно обусловлены тем, что позиции детерминирующего и детерминируемого компонентов словосочетания занимают однокоренные слова (и словоформы), связанные между собой деривационными отношениями.

Словосочетания с однокоренными компонентами, образованные по схеме $V + Adv.$ (*ревмя реветь*, *ливмя лить(ся)*, *сидмя сидеть* и др.), являются в значительной степени лексикализованными, так как их круг предельно ограничен и не пополняется новыми одноструктурными образованиями и так как большинство таких словосочета-

ний описываются не грамматиками, а словарями (это, если так можно выразиться, металингвистический критерий лексикализации).

Для подобных словосочетаний характерны: 1) использование в позиции детерминирующих компонентов глаголов положения в пространстве или глаголов, обозначающих действие, способное осуществляться с большей или меньшей интенсивностью, а в позиции детерминируемых компонентов — непродуктивных отглагольных наречий на *-мя*; 2) закреплённая препозиция детерминируемого компонента, хотя в свободной синтаксической схеме V + Adv. вполне допустимо его контекстуально обусловленное передвижение в постпозицию; 3) в разной степени целостное номинативное значение интенсифицирующего типа, ср.: *ревмя реветь* ‘Очень сильно реветь’ [СО 1990: 671] и *лежмя лежать* ‘Не вставая, не имея сил встать’ [Там же: 322]; 4) яркая разговорно-просторечная и даже диалектная окраска. Некоторые из этих словосочетаний фиксируются во фразеологических словарях, что дополнительно указывает на их превращение в номинативные единицы.

Однако есть сомнения в том, что процесс лексикализации здесь полностью завершён, поскольку в живой народной речи, особенно в диалектах, позицию детерминируемого компонента такого словосочетания могут занимать не только однокоренные (по отношению к детерминирующему компоненту) наречия на *-мя*, но и другие их словообразовательные акциденции, например: *лежмя лежать, леж лежать, лежни лежать, лежачью лежать* [Мокиенко 1999: 157]. На разную степень семантической слитности компонентов этих словосочетаний указывает и то, что если одни наречия, типа *стоймя* ‘В стоячем, вертикальном положении’ [СО 1990: 767], осознаются и функционируют как самостоятельные полнозначительные лексемы (ср. *примкнуть стоймя*), то другие, типа *ливмя* или *гормя*, употребляются исключительно в составе устойчивых словосочетаний *ливмя лить(ся)* и *гормя гореть*.

Словосочетания с однокоренными компонентами, созданные по схеме V + N₄, обнаруживаются как среди фразеологизмов (например, *огород городить* ‘Затевать какое-либо хлопотливое дело’ [ФСРЯ 2001: 144]), так и среди лексикализованных словосочетаний типа *разговоры разговаривать*. Ср. употребление подобных словосочетаний в беллетристике начала XXI в.: — *Человека убили, а вы шутики шути-те*, — *разозлился следователь* (Т. Полякова); *Русские любят загадки. Сталин загадал им загадку* (В. Ерофеев).

Лексикализация словосочетаний типа $V + N_4$ с однокоренными словами в позиции детерминирующего и детерминируемого компонентов по-разному осуществляется в зависимости от переходности / непереходности глагола.

Если глагол непереходный, т.е. не способен управлять беспредложным компонентом N_4 в свободном употреблении, то лексикализация словосочетания отражается в закреплении нетипичной для этой синтаксической схемы препозиции детерминируемого компонента: — *Коллекционер — это... это наш Градовский, не ест, не пьет, только **думу думает**, что и где...* (Т. Полякова).

Если глагол переходный, то лексикализация базируется на семантической избирательности детерминируемого компонента (ср.: *загадать загадку*, но не **вопрос, задачу, шараду* и т.д.), а порядок компонентов словосочетания может сохраняться таким же, как в свободных реализациях данной синтаксической схемы словосочетания.

Препозиция / постпозиция детерминируемого компонента в подобных словосочетаниях с переходным глаголом может быть «лакмусовой бумажкой» их лексикализованности: препозиция N_4 отражает номинативную целостность словосочетания (ср. *Надо **дело делать!***, т.е. ‘трудиться’), постпозиция N_4 — статус словосочетания как комбинаторно-синтаксического образования, подчеркиваемый нередко реализацией атрибутивной валентности детерминируемого компонента: — *Где ты был весь день? — набросился я на Половникова с расспросами. — Я тебя искал. // — **Делал свои дела**, — лаконично ответил мой начальник* (А. Гудков).

В словосочетаниях, образованных по схеме $V + N_4$, с непереходным глаголом типа *разговоры разговаривать* лексикализация оказывается семиотической «стоимостью» транзитивного поведения детерминирующего компонента и самой возможности для него реализовать валентность на прямой объект (правда, неизбежное «давление» языковой системы обуславливает жесткий выбор объекта из своего же десигнативного континуума). Весьма примечательно и то, что в словосочетаниях типа $V + N_4$ с непереходным глаголом детерминируемый компонент употребляется обычно в форме множественного числа, сама несоотнесенность которой (ср.: *разговоры разговаривать* и *??разговор разговаривать*) также свидетельствует об основательном преобразовании грамматической структуры подобных словосочетаний в процессе лексикализации.

Словосочетания с однокоренными компонентами, построенные по схеме $V + N_5$, осознаются современными носителями языка как тавтологичные, поэтому детерминируемый компонент для своего информативного восполнения требует реализации обязательной атрибутивной валентности. Ср.: — *Очень прошу, прекрати валять дурака и начни наконец **жить** собственной **жизнью*** (Т. Полякова); — *Старший оперуполномоченный ФСБ, — **улыбнулся** Колобов белозубой **улыбкой***. — *Звание — майор* (А. Гудков).

При употреблении без атрибутивного распространителя наблюдается препозиция детерминируемого компонента, ср.: *Хоть **криком** **кричи**, никто не услышит* и — *Дурак! — **крикнула** Зоя Николаевна жалким **криком** раненой птицы* (В. Ерофеев).

При реализации обязательной атрибутивной валентности компонента N_5 на основе управления зависимое имя существительное в форме родительного падежа, как явствует из последнего примера, характеризуется синкретизмом собственно атрибутивной и компаративной семантики (ср.: ***крикнула** жалким **криком**, как раненая птица*).

К данному типу словосочетаний с однокоренными компонентами примыкают словосочетания с детерминирующим компонентом — краткой формой имени прилагательного — и детерминируемым компонентом — беспредложным именем существительным в форме творительного падежа, — также сопровождаемым в речи обязательным атрибутивным распространителем ($Adj_{кр.} + N_5$): *Гена был **красив** киношной, совсем не водительской **красотой**, обладал чувством юмора и известным **шиком*** (Т. Устинова). В такого рода словосочетаниях препозиция детерминируемого компонента невозможна.

Словосочетания с однокоренными компонентами, созданные по схемам $V + N_5$ и $Adj_{кр.} + N_5$, могут образовать те глаголы и обладающие краткой формой имени прилагательные, от которых производятся девербативы и деадъективы соответственно, а круг таких глаголов и прилагательных весьма широк.

Кроме того, поскольку глагольные и адъективные словосочетания с однокоренным детерминируемым компонентом N_5 являются приоритетным синтаксическим способом выражения опосредованной качественной характеристики действия или темпорально локализованного признака, их полная лексикализация, скорее всего, маловероятна.

Особое место среди словосочетаний с однокоренными компонентами занимают словосочетания, образованные по синтаксической

схеме N + Adj.: будучи тавтологичным в самой своей глубинной сути, согласование как комбинаторно-синтаксический механизм «отталкивает» однокоренные детерминируемые компоненты. Если тавтологичные словосочетания с согласованием и возникают в речи, то они обычно сразу фразеологизируются, подобно словосочетанию *масло масляное* — фразеологическому «эталону» тавтологичной речи или оценки избыточности чего-либо в русской языковой картине мира.

В свободном синтаксисе словосочетания типа N + Adj. содержат лишь формально однокоренные компоненты, так как их актуальная деривационная связь либо является фактом диахронии (ср.: *черные чернила* и *красные чернила*), либо разрушается или заметно ослабляется за счет семантической трансформации согласуемого компонента. Ср. атрибутивное словосочетание *домашний дом* в повести Л. Улицкой «Сонечка», где в результате контекстуального окачества производного имени прилагательного *домашний* в его семантической структуре относительный, деривационно обусловленный признак ‘относящийся к дому’ заменяется абсолютным, качественным признаком ‘родной’.

По-видимому, в русском языке наблюдается узуальная консервация синтаксической схемы словосочетания N + Adj. от ее лексического наполнения однокоренными компонентами, на что указывает и единичность ее фразеологических рефлексов (заметим, кстати, что во фразеологизме *масло масляное* представлена маркированная для атрибутивных словосочетаний субстантивно-адъективного типа постпозиция детерминируемого компонента).

Как представляется, далеко не случайно то, что лексикализация в большей степени затронула те словосочетания с однокоренными составляющими, в качестве детерминирующего компонента которых выступает глагол (или слово, подобное ему по своей базовой синтаксической функции — предикативной, например краткое прилагательное). Имея в виду любое относительно свободное словосочетание, И. Р. Гальперин писал о том, что в процессе речевого употребления «словосочетания... теряют свою жизнотворную силу и становятся если не кирпичиками, то блоками, из которых можно построить лишь ограниченное количество вариантных конструкций. Только получив субъективно-предикативную инъекцию, эти сочетания обретают плоть и кровь» [Гальперин 2005: 227]. В изученных речевых структурах взаимодействие синтаксиса и номинации осуществляется

в доминантной зоне высказывания — предикативной, где семантика словосочетания с однокоренными компонентами подвергается рематической актуализации.

Лексикализация словосочетаний является продуктивным языковым (и, вне сомнения, когнитивным) процессом, отражающим тенденцию в речемыслительной деятельности говорящего / пишущего к мнемическому обособлению моделей словосочетаний, объединенных общим принципом их категориально-лексического наполнения, а также индивидуальных словосочетаний и их дальнейшему использованию как целостных единиц номинации. Система же языка стремится так или иначе маркировать лексикализированные словосочетания и отделить их от словосочетаний, образованных по аналогичной синтаксической схеме в порядке свободной речевой комбинаторики, для чего и могут возникать функционально значимые структурные отличия у словосочетаний, вступивших на путь лексикализации.

ГЛАВА 14

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ В РЕЧИ: ГЕНЕЗИС И УПОТРЕБЛЕНИЕ

Как известно, в рамках синтаксиса словосочетания обычно настаивают на том, что его предметом является построение и использование свободных словосочетаний, т.е. таких подчинительных словесных конструкций, которые не являются достоянием внутреннего лексикона носителей языка и создаются всякий раз заново в процессе речи на основе знания говорящими / пишущими модели того или иного словосочетания, а также сочетаемостных возможностей слов, участвующих в речевом воплощении модели словосочетания. В подобном представлении о предмете синтаксиса словосочетания, а главное, об охватываемых в этом разделе синтаксиса речевых фактах проявляется не что иное, как стремление к размежеванию с фразеологией, в которой изучаются словесные комплексы, в генетическом аспекте восходящие к свободным словосочетаниям, но в актуальном — преимущественно оторванные как от синтаксической формы словосочетания, так и от свойственных собственно словосочетанию механизмов семантической интеграции.

Наблюдения над повседневной и даже над эстетически преобразованной речевой деятельностью свидетельствуют, однако, о том, что обращение говорящих / пишущих со свободным словосочетанием может не отличаться принципиально от того, как они обращаются с фразеологизмом. Так, С. Г. Тер-Минасова подметила, что «говорящий... в основном повторяет, воспроизводит те словосочетания, которые созданы до него в данном обществе в соответствии с потребностями общественной жизни» [Тер-Минасова 2009: 115].

Действительно, во внутреннем лексиконе носителей языка отображаются не только модели словосочетаний, но и созданные по этим моделям или по образцам их употребления [Кубрякова 1986: 44] конкретные словосочетания, причем, что важно особенно подчеркнуть, никак не обособившиеся от неидиоматической сочетаемости слов, но, вследствие своей востребованности в речи, а тем самым — благодаря своей относительно высокой частотности и мнемической закреплённости, приобретшие целостно-знаковый характер и ставшие, подобно фразеологизмам, воспроизводимыми. Оказавшись достоя-

нием внутреннего лексикона носителей языка и начав появляться в речи путем воспроизводства, словосочетание получает новый функциональный импульс, находящий объективацию в больших массивах речевого материала, например в НКРЯ.

Многие воспроизводимые словосочетания, в разной степени и в разных качествах отличающиеся от фразеологизмов, продолжают изучаться в синтаксисе словосочетания, так как большинство из них не изолировано все же от живого словосочетательного механизма и в особых условиях общения может быть создано по модели или по образцу. Однако прецедентные словосочетания, связанные с классическими текстами национальной культуры [Михайлова 2012], несут на себе культурную коннотацию цитатности и ощущаются носителями языка как подчеркнуто-воспроизводимые. Возможность создания таких словосочетаний заново, а тем более — возможность их восприятия как новых носителями языка практически исключена. Вероятно, именно по этой причине прецедентные словосочетания, относимые сугубо к области фразеологии, не изучаются синтаксистами, что обедняет как синтаксис словосочетания в целом, так и анализ прецедентных словосочетаний в частности.

В настоящей главе предпринята попытка осмыслить явление прецедентности в сфере словосочетаний и тщательно рассмотреть с структурно-семантической и отчасти прагматической точки зрения одно конкретное прецедентное словосочетание — *скупая мужская слеза*, широко представленное в современном речевом узусе (около 70 употреблений в основном и газетном подкорпусах НКРЯ), в частности объяснить происхождение этого прецедентного словосочетания, а также показать специфику его использования в письменно-речевой практике.

Прецедентное словосочетание представляет собой воспроизводимое неидиоматическое продуктивное по модели словосочетание, восходящее к классическому, или «хрестоматийному» [Караулов 2002: 216], для национальной культуры тексту и указывающее на такой прецедентный текст, даже если эта культурно-дейктическая операция не предполагается смысловым заданием предложения-высказывания. Прецедентное словосочетание обеспечивает семиотический способ бытования прецедентного текста, при котором, по замечанию Ю. Н. Караулова, «обращение к оригинальному тексту дается намеком, отсылкой, признаком» [Там же: 217]. Будучи относительно

автономным звеном предложения-высказывания, прецедентное словосочетание осуществляет не только конкретизирующее описание на основе подчинительной связи слов, но и «номинативно-семиотическое обращение к прецедентному тексту» [Там же: 225]. Если первая функция прецедентного словосочетания связана с его синтаксической членимостью, то вторая — с его целостностью как особого культурно-языкового знака. Это объясняется тем, что если, используя прецедентное словосочетание, «мы хотя и смутно ощущаем его как состоящее из отдельных элементов — “слов”, то не в силу того, что это смутное членение вызывается расчлененностью нашей мысли, но главным образом в силу чисто морфологических ассоциаций» [Якубинский 1986: 49].

Основанные на принципе речевой стереотипизации, прецедентные словосочетания могли бы быть обобщены с такими стилистико-синтаксическими категориями, как штампы и клише [KPP 2003: 241; 574—575]. Однако подобному обобщению препятствует тот факт, что отнесение воспроизводимого словосочетания к штампу либо к клише обуславливает, как правило, метаязыковую оценку его как отрицательного или положительно-нейтрального речевого факта соответственно, тогда как прецедентность словосочетания сама по себе безоценочна, хотя в сигнификативной семантике прецедентного словосочетания отнюдь не редки оценочные или эмотивно-оценочные компоненты.

По своей когнитивной природе прецедентное словосочетание сближается с тем, что Б. М. Гаспаров предложил называть коммуникативным фрагментом. Согласно Б. М. Гаспарову, «в огромном большинстве случаев в своем опыте обращения с языком говорящий переживает коммуникативный фрагмент не как двух-, или трех-, или четырехсловное сочетание, но как нерасчлняемую единицу, непосредственно и целиком всплывающую в его памяти» [Гаспаров 1996: 124]. Однако коммуникативный фрагмент, во-первых, может вовсе не осуществлять дейктическую связь с прецедентным текстом, поскольку воспроизводимость принципиально несводима к прецедентности [Телия 2005: 22], а во-вторых, выступает как «кусочек» общего речевого опыта, совсем не обязательно ограниченный какой-либо синтаксической формой предложения или словосочетания [Малевинский 2017: 19].

Необходимо отметить, что в этимологическом плане атрибутивная часть термина «прецедентное словосочетание» выражает значе-

ние ‘предшествующий’ (ср. лат. *praecedentis*), тогда как, рассуждая о чем-либо прецедентном, обычно подразумевают «не только ‘имевший место ранее и широко известный’, но и ‘образованный за счет воспроизведения или трансформации прецедентного’» [Высоцкая 2013: 118]. Подобный метонимический сдвиг атрибутивной части позволяет обозначать термином «прецедентное словосочетание» как предшествующее речи словосочетание-образец, заведомо известное говорящим / пишущим, так и любой факт автоматического или в разной степени творческого использования этого словосочетания в речевой деятельности.

Прецедентное словосочетание *скупая мужская слеза*, широко распространенное, согласно НКРЯ, в письменно-речевой практике с начала 1960-х гг., восходит к такому классическому произведению русской литературы послевоенного времени, как рассказ М. Шолохова «Судьба человека» (1956 г.). Тому обстоятельству, что словосочетание *скупая мужская слеза* сохранилось в языковой памяти читателей и стало употребляться ими в своей речи как прецедентное, способствовало несколько факторов. Во-первых, это словосочетание находится в перцептивно выделенной композиционно-смысловой позиции: им завершается последнее предложение рассказа, что обусловило мысленное вычленение словосочетания и его запоминание. Во-вторых, это словосочетание пополнило редкие описательные обозначения такой нетипичной для мужчин эмоционально-соматической реакции, как плач, востребованные в речи с разными эмотивными установками. В-третьих, это продуктивное по модели неидиоматическое сложное словосочетание, создающее четкий визуальный образ.

Коммуникативно-синтаксическая специфика модели прецедентного словосочетания *скупая мужская слеза* и ее вовлеченность в фокус метаязыкового внимания носителей языка обнаруживается в том, что для воспроизводства словосочетания с двумя неоднородными определениями потребовалось перераспределить нагрузку синтаксических связей слов — от сочинения к подчинению. Ср. в одном из первых изданий рассказа: *Тут самое главное — не ранить сердце ребенка, чтобы он не увидел, как бежит по твоей щеке жгучая и скупая, мужская слеза...* [Шолохов 1957: 38]. Как видим, для создания воспроизводимого словосочетания было сокращено одно из однородных определений, а два оставшихся однородных определения были переосмыслены как неоднородные. Любопытно, что в после-

дующих изданиях рассказа, вплоть до одного из недавних [Шолохов 2018: 238], запятая, маркирующая однородность определений, не сохранилась, что, вообще говоря, в такой пунктуационной позиции то и дело встречается в разных изданиях одного и того же художественного произведения [Шубина 2006: 95].

Полагаем, что прецедентными становятся обычно такие словосочетания, которые отличаются компактностью состава и, главное, ориентированы на ту или иную продуктивную модель. Однако в генезисе прецедентного словосочетания *скупая мужская слеза* каждое из преобразований обладало не только формально-организующей, но и семантической значимостью. Так, благодаря сокращению однородного определения *жгучая* стала недопустимой сентиментальная акцентуация образа, а за счет неоднородности оставшихся определений были преодолены сравнительная семантика ‘такая, как у мужчины’ [ТСРЯ 2007: 465] у определения-прилагательного *мужская* и причинно-пояснительные отношения между определениями *скупая* и *мужская*. По своей модели прецедентное словосочетание *скупая мужская слеза* относится к сфере вторичной субкатегоризации предмета, производимой посредством подчеркивания неодинаковости его признаков (см. гл. 6 этой книги). В речи неоднородность определений в данном прецедентном словосочетании может дополнительно обозначаться с помощью частиц типа *отнюдь не*, препятствующих смысловому восприятию определений как однородных. Ср.: «Чувствительный супермен (вспомните *отнюдь не скупую мужскую слезу*, сбегаящую по его щеке под пение Ларисы) — вот что такое Паратов в фильме», — констатирует В. Вишняков в «Труде» от 28 сентября (Э. Рязанов; НКРЯ) и **отнюдь не скупую*, <так как, а именно> *мужскую слезу*.

Безусловно, далеко не все носители языка, употребляющие это прецедентное словосочетание, знают о его авторстве, вследствие чего специальное пунктуационное оформление прецедентного словосочетания как цитаты встречается крайне редко. Поэтому выделение его кавычками является не только обозначением цитатного характера, но и стремлением четко отделить явно чужое от явно своего при создании письменного текста. Прецедентное словосочетание в кавычках находим в текстах литературных критиков, некоторых писателей. Ср.: *Стертый стиль, вплоть до финальной «скупой мужской слезы»* (С. Рассадин; НКРЯ); *...подполковник с его картинной «скупой, мужской слезой»... вызвал... острое чувство горькой не-*

нависти (Ю. Герман; НКРЯ). В последнем случае о бережном отношении к чужой речи свидетельствуют как показатель цитатности — кавычки, так и сохранившаяся запятая из первых изданий рассказа М. Шолохова «Судьба человека». Однако прецедентное словосочетание содержит в себе культурную коннотацию цитатности, поэтому сопровождение его кавычками читающему в принципе не требуется. Ср.: *Я увидел, что на глазах профессора блеснула **скупая мужская слеза*** (В. Войнович; НКРЯ).

Прецедентное словосочетание *скупая мужская слеза* вследствие семантики второго определения — относительного прилагательно-го — обычно ограничивается употреблением в таком референтном контексте, где нечто сообщается о мужчине. Ср.: *Смахнув **скупую мужскую слезу**, мужчина рассказал о том, что приехал в крайцентр из Кропоткина — отметить День Победы* (Комсомольская правда, 13.05.2008; НКРЯ). Однако в материалах НКРЯ имеются употребления этого прецедентного словосочетания также в референтных контекстах, в которых сообщается о животном мужского пола или даже о неживом предмете, который обозначается именем существительным мужского рода. Ср.: *По милой мохнатой морде сползает **скупая мужская слеза*** (К. Костик); *Иней... за это время слегка поблек и даже пошел потоками, так напоминающими **скупые мужские слезы*** (В. Пронин). Подобные референтные сдвиги показывают, что прецедентное словосочетание постепенно начинает преодолевать ограничение на референтный контекст и стремится к семантически обобщенному употреблению. Во многом это становится возможным потому, что второе определение в составе прецедентного словосочетания приобретает семантическое окачествование.

В рассказе М. Шолохова прецедентное словосочетание *скупая мужская слеза* употребляется в особом эмотивном контексте, в котором воедино связаны сочувствие трагическому жизненному пути героя и переживание катарсиса, невольно вылившиеся в плаче автора-повествователя. Однако НКРЯ показывает, что это прецедентное словосочетание весьма редко используется в тех эмотивных контекстах, где сообщается о собственно трагической стороне жизни. Ср.: *Один старик, бывший узник Освенцима, не сдержался и даже пустил **скупую мужскую слезу*** (РБК Daily, 27.01.2011). Как это ни удивительно, гораздо характернее для этого прецедентного словосочетания употребление в таких эмотивных контекстах, как иронические. Ср.:

И тут скупая мужская слеза покатила по еще не знавшей бритвы щеке впоследствии известного режиссера (Труд-7, 13.08.2003; НКРЯ); *Жиголо...* рассказывает, как ему тяжело жить, как ему ни на что не хватает, способен пустить *скупую мужскую слезу* (Комсомольская правда, 19.07.2012; НКРЯ). Тяготение прецедентного словосочетания к столь разным эмотивным контекстам показывает, что, с одной стороны, в языковом сознании наших современников уже нет идущей из читательского опыта жесткой мнемической «привязки» прецедентного словосочетания к первоначальному эмотивному контексту, а с другой стороны, в современной речи прецедентное словосочетание, вне зависимости от присущего ему в тексте-источнике эмотивного контекста, может подвергнуться такой эмотивной реинтерпретации, как ироническая.

Для употребления прецедентного словосочетания *скупая мужская слеза* крайне важно, что формы числа у синтаксически главенствующего компонента являются лексикализированными. Так, форма множественного числа маркирует значение ‘прозрачная солоноватая жидкость, выделяемая слезными железами’, тогда как форма единственного числа — значение ‘одна капля этой жидкости’ [ТСРЯ 2007: 895—896]. В речевом узусе это прецедентное словосочетание чаще употребляется в форме единственного числа, как и в рассказе М. Шолохова. Ср., однако: *...раскаиваются и мирятся все герои до единого, текут скупые мужские слезы* (Известия, 12.09.2013; НКРЯ). Интересно, что Н. Ю. Шведова приводит в качестве иллюстративного примера это прецедентное словосочетание в форме множественного (!) числа [Там же: 893]. Если при обращении к этому прецедентному словосочетанию возникает потребность в обозначении слез не просто как жидкости, а как раздельного множества, то обычно прибегают к предложно-местоименному или к наречному способу выражения одновременного появления каждой слезы. При этом субстантивный компонент прецедентного словосочетания используется в форме единственного числа. Ср.: *Михаэль... утирал одну скупую мужскую слезу за другой* (Формула, 15.06.2002; НКРЯ); *...смахивал с уголков глаз набегавшую раз за разом скупую мужскую слезу* (Л. Овруцкий; НКРЯ).

В предложении-высказывании прецедентное словосочетание *скупая мужская слеза* употребляется как в субъектной позиции: *... по щеке у папы сползала «скупая мужская слеза»* (С. Алексиевич;

НКРЯ), так и в объектной: ...*смахнул с ресниц скупую мужскую слезу* (Комсомольская правда, 07.12.2006; НКРЯ). В субъектной позиции это прецедентное словосочетание вступает в предикативно-согласовательную связь с глаголами *покатиться, пробежать, сползть* и др., а в объектной позиции — управляется глаголами *пускать, ронять, сдерживать, смахнуть* и др. Нужно отметить, что в объектной позиции прецедентное словосочетание *скупая мужская слеза* встречается почти в 3 раза чаще, чем в субъектной. Кстати, именно в объектной позиции обычно возникает «конфликт» между формой числа прецедентного словосочетания и семантикой глагола, что объясняется вовлеченностью форм числа в связь управления [Чеснокова 1980: 41]. Ср.: *А вчера пришла очередь фигуристов-одиночников поливать лед скупыми мужскими слезами* (Комсомольская правда, 14.02.2002; НКРЯ) и **поливать скупой мужской слезой*.

Прецедентное словосочетание *скупая мужская слеза* включается в речь как своего рода номинативная «заготовка», выступающая в предложении-высказывании как особая целостно-завершенная структура. Поэтому вовсе не любая трансформация, допустимая для одномодельных словосочетаний, становится возможной при употреблении этого прецедентного словосочетания. Так, в НКРЯ отмечен лишь единственный случай контаминации его с другим прецедентным словосочетанием на основе общего синтаксически главенствующего компонента. Ср.: *Глотая невидимые миру скупые мужские слезы, ...тем не менее усердно готовят подростков к верной гибели* (Труд-7, 07.02.2006).

Однако прецедентному словосочетанию *скупая мужская слеза* свойственно выполнять текстообразующую функцию. Например, отмечается его участие внутри одного предложения-высказывания в организации лексической связности тавтологического типа, которая может быть обеспечена каждым из трех компонентов прецедентного словосочетания. При этом если имя существительное только повторяется, то для имен прилагательных характерно взаимодействие повтора с постпозитивной частицей *же*, обладающей отождествительно-анафорической семантикой. Ср.: *А что касается скупой мужской слезы Юрия Лужкова..., то... этот простой зацепский пацан... действительно искренне, до слез, любит свой родной город* (Известия, 04.09.2006; НКРЯ); *...и скупая мужская слеза прошибла наших пчелок на скупых же похоронах* (Л. Петрушевская; НКРЯ); *Июнь пахнет*

скупой мужской слезой на небритой мужской же щеке (Столица, 15.07.1997; НКРЯ).

Прецедентное словосочетание *скупая мужская слеза* стало настолько привычным и прагматически удобным в русском речевом обиходе, что его употребляют, с одной стороны, желая выразить определенное смысловое содержание, а с другой стороны, поддерживая знакомую слушающим (или читающим) речевую атмосферу и предвосхищая ожидаемую эмоциональную реакцию от них. Наиболее заметной такая речевая стратегия становится при переводе на русский язык, когда это прецедентное словосочетание целиком или же, более вероятно, отдельный его компонент воспринимается как своеобразное добавление [Бархударов 2008: 127, 224—226]. Так, в параллельном подкорпусе НКРЯ помещен перевод на русский язык следующего предложения-высказывания из романа белорусского писателя Л. Дайнеко «Меч князя Вячки» (переводчики — Г. Шарангович, Г. Попов): *Паміж гвалту і шуму жыцця, паміж грукату мячоў, паміж галасу паходных труб пакрысе выспявала, налівалася болем і сумам звонкая і непрыкметная, як мужчынскія слёзы, цішыня. — Среди шумной суеты жизни, среди звона мечей, среди голосов походных труб постепенно вызревала, наливалась болью и тоской звонкая и незаметная, как *скупая мужская слеза*, тишина.* Представляется, что в таком переводческом решении сказалось прежде всего признание этого «достроенного» словосочетания прецедентным.

Исследование генезиса и функционирования прецедентного словосочетания *скупая мужская слеза* со всей очевидностью показывает, что прецедентность — это особое явление в сфере воспроизводимых словосочетаний, эвристически ценное как для фразеологии, так и для синтаксиса словосочетания. При этом прецедентное словосочетание глубинно связано со своей национально-речевой средой, с ее культурно-текстовой подосновой. «Нет сомнения, — подчеркивает американский антрополог К. Клакхон, — что повторяющиеся фразеологические обороты, словесные стереотипы разных культур и эпох могут объяснить многое. Они инкапсулируют в себе основные силовые линии и акценты общества, главнейшие культурные интересы, характерные определения ситуации, первичные мотивации» [Клакхон 1998: 184]. Поэтому природа прецедентного словосочетания может быть исчерпывающе раскрыта только при интегративном подходе к этому явлению с точки зрения культурологии, психологии и лингвистики.

ГЛАВА 15

О РЕЧЕВОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ СЛОВСОЧЕТАНИЯ (НАБЛЮДЕНИЯ И ЗАМЕТКИ)

1. В современной лингвистике существуют, как известно, два диаметрально противоположных взгляда на природу словосочетания, представленные в синтаксической и номинативной концепциях словосочетания соответственно. В рамках синтаксической концепции словосочетание трактуется как минимальная комбинаторно-синтаксическая единица речи, созданная в процессе лексического наполнения одной из имеющихся в языке структурных схем словосочетания (ср. $V + N_4 \rightarrow$ *читать книгу, курить сигары, слушать вздор, любить Светлану* и т. д.), в рамках же номинативной концепции — как номинативная единица языка, использующаяся, подобно слову, в качестве «строительного материала» для предложения-высказывания (ср.: *Он работал в ларьке* и *Он работал в торговой палатке; Они тащат бревно* и *Они несут волоком бревно* и т. п.). Многолетнее противостояние синтаксической и номинативной концепций словосочетания связано во многом с недоучетом того, что в речевой деятельности говорящего / пишущего одно и то же словосочетание может возникать в результате совершенно различных процессов: как производства, когда «запускается» соответствующий комбинаторно-синтаксический механизм, так и воспроизводства, когда словосочетание, хранящееся в языковом сознании говорящего / пишущего в целостном виде, регулярно используется им как единый номинативный знак, — а следовательно, и с недоучетом того, что словосочетание онтологически двойственно, парадоксально, антиномично, и вопрос о его природе поэтому не может быть раскрыт в одноаспектной концепции, подобной синтаксической или номинативной концепции словосочетания.

Двойственная природа словосочетания как единицы, создаваемой по продуктивной структурной схеме и потенциально отраженной в целом или своими частями в лексиконе, проявляется, например, в таком феномене лексико-синтаксического развертывания предложения-высказывания, как контаминация. В общем случае под контаминацией понимается «принцип построения языковой и речевой единицы, основанный на совмещении в ней признаков двух (или более) языковых или речевых единиц, близких друг другу структурно, функционально

или ассоциативно» [Пекарская 2003: 269]. Синтаксические контаминации «возникают в процессе речи, когда говорящий, формулируя мысль, опирается на определенную конструкцию, а затем отходит от нее и как бы соскальзывает на другую, тождественную или близкую первой. Ср.: неправильное *поднять тост* < *поднять бокал* + *предложить* (или *произнести*. — К. С.) *тост*» [Силина 2003: 197]. Контаминация словосочетаний в спонтанной речи, никак не мотивированная стилистическим заданием, прямо относится в словаре «Культура русской речи» к речевым ошибкам или погрешностям [Пекарская 2003]. Вместе с тем контаминация словосочетаний принадлежит к такого рода речевым образованиям, мотивированность которых может иметь более глубокие основания, чем стилистическое задание, и является «естественным» инструментом анализа психолингвистического механизма производства vs. воспроизводства словосочетания в речи.

Обратимся к анализу контаминированного словосочетания *сидеть на посту* в следующем, метаязыковом по своей дополнительной целеустановке, диалоге из романа Т. Устиновой «Закон обратного волшебства»:

— У меня к чаю шоколадка есть, — похвасталась Анфиса. — Съедем?

— Калорий больно много. И вообще сейчас пост. Я в прошлом году на посту сидела, пять килограмм скинула.

— Так говорить нельзя, — сказала Анфиса серьезно. — Ты же образованная, Наталья! Что это значит — на посту сидела! Ты что, милиционер?

— Почему милиционер, я не милиционер, — быстро отказалась Наталья, — а только когда пост...

— Ну, так и говори — **соблюдала пост**, а не на посту сидела!

— Тьфу ты! — обиделась Наталья. — А я-то решила, что...

— **Сидеть можно на диете**, — перебила Анфиса, — а **пост** надо **соблюдать**.

Вызвавшее метаязыковую критику Анфисы глагольно-субстантивное словосочетание *сидеть на посту* образовано путем контаминации двух глагольно-субстантивных словосочетаний: *сидеть на диете* и *соблюдать пост*. На первый взгляд, такого типа контаминация свидетельствует о том, что словосочетание порождается в речи, так как оно в силу своей неправильности отсутствует в лексиконе. Однако

вполне возможно, что контаминация была «поддержана» в данном случае следующими лексическими факторами: 1) стремлением говорящего путем создания окказионального словосочетания заполнить «пустую клетку» в системе словосочетаний с концептуально близкими (а вернее, сближенными в современном языковом сознании) зависимыми субстантивными компонентами: *соблюдать диету* — *сидеть на диете* / *соблюдать пост* — **сидеть на посту*; 2) существованием в лексиконе фразеологической единицы-словоформы *на посту* 'при исполнении своих обязанностей' [СО 1990: 567], омонимичной зависимому компоненту в контаминированном словосочетании. Механизмы ассоциативно-вербальной сети, определяющие операциональную структуру языковой способности человека, вполне объясняют координацию названных факторов.

Для психолингвистики (теории речевой деятельности) важно, однако, и другое: на уровне знаний и представлений о мире Наталья не различает пост и диету по сути, отождествляет пост с диетой, что является характерной приметой секуляризации социального бытия современного русского человека, ей незнакомы, скорее всего, синтетические средства выражения данной семантики в акциональном регистре (глагол *поститься*, его архаичный вариант *постничать* и тем более находящийся с ними в партонимических отношениях глагол *говеть* 'У верующих: поститься и ходить в церковь, готовясь к исповеди и причастию' [Там же: 138]) и аналитические сочетания типа *соблюдать пост*, *держат пост*, *пребывать в посте* (любопытно, кстати, что в переизданном в 2005 г. «Словаре сочетаемости слов русского языка» [СССРЯ 2005: 624] в описании модели словосочетания *соблюдать* + N_4 среди 15 указанных ее реализаций так и не нашлось места для словосочетания *соблюдать пост*), она включает в предложение-высказывание аксиологически новое для нее (возможно, как для неофита) слово, но «инкорпорирует» его в существующую у нее в качестве заготовки концептуально-синтаксическую схему словосочетания *сидеть* + *на* (прер.) + N_6 , что для исследователя выглядит как контаминация словосочетаний.

Необходимо подчеркнуть, что в свете теории речевой деятельности словосочетание предстает как особая синтаксическая форма (= оперативный формат порождения предложения-высказывания) и как лексико-синтаксический «штамп» (= собственно оперативная единица). Более того, вариативная интерпретация процесса созда-

ния контаминированного словосочетания, учитывающая это психолингвистическое допущение, позволяет высказать мысль о том, что адекватная теории речевой деятельности концепция словосочетания должна интегрировать установки синтаксической и номинативной концепций словосочетания и базироваться на более широком спектре интра- и экстралингвистических объяснительных положений.

2. Как известно, в теории речевой деятельности философское понятие «превращенной формы» было введено в систему психолингвистической интерпретации речевых явлений. По мысли Е. Ф. Тарасова, «признание за внешними проявлениями статуса превращенной формы не позволяет... “напрямую” переносить наблюдаемые закономерности на внутренние процессы» [Тарасов 1987: 144]. Представляется, что исследование словосочетания в свете теории речевой деятельности невозможно без обращения к понятию «превращенной формы». Как показывает теоретико-методологическое осмысление учения о словосочетании, без этого понятия словосочетание неизбежно моделируется как «одноплоскостный» механизм (ср., например, валентностный синтаксис), фактически исключающий «поиск мыслительных и предметных деятельностей, отложившихся в превращенной форме сложного объекта» [Там же: 146], т.е. словосочетания.

Сквозь призму понятия «превращенной формы» развертка словосочетания видится как многовариантная (эквивифинальная) и связанная с разнообразными ориентировками (эвристическая) система речемыслительных операций, позволяющая говорящему / пишущему представить тот или иной компонент предложения-высказывания как описание посредством подчинительной связи слов. Тем не менее, наблюдая словосочетание в его собственно синтаксическом качестве, лингвист имеет дело исключительно с «превращенной формой» словосочетания, за которой скрыта сложная речемыслительная работа говорящего / пишущего и, главное, идущая из мотивационной сферы и инициирующая развертку словосочетания прагматическая целесобразность.

Мотивационные истоки свободного словосочетания обычно связывают с когнитивной неэлементарностью сообщения, с комплексированием мысли, с разными способами «понижения» предикативной актуальности смысловой информации. Это объясняется тем, что в своей речевой деятельности говорящий / пишущий обычно стремится не использовать минимальные реализации структурных схем предло-

жений. По наблюдениям В. П. Коневой, такие предложения-высказывания не только раритетны, но и специализированы в семантическом и композиционно-текстовом плане [Конева 2005].

Тем не менее целесообразный характер словосочетания как речевой структуры, наоборот, может быть связан с недостатком предметно-практического и когнитивно-речевого опыта. Ср.: *Помню, как прихожане московского храма Святых страстотерпцев Бориса и Глеба в первый раз привезли в Оптину пустынь детей из специнтерната. Автобус запарковался на лужайке, где щипал травку телянок, и дети в изумлении бросились к нему: — Это кто — **большая собака**? Смотрите, собака, а травку ест. Она кусается? — Нет, не кусается. Это телянок* (Н. Павлова). В данном случае словосочетание не столько деактуализирует предикацию (ср.: *Собака большая*), сколько оказывается ad hoc описанием предмета, подлинная категоризация и название которого неведомы говорящим. По сути дела, словосочетание здесь безальтернативно, оно является негативным результатом операции поиска слова: ведь психолингвистически «слово есть его поиск» [Леонтьев 1969: 204].

Совсем иначе — более «рельефно» — прагматическая целесообразность обнаруживается в условиях очевидного предпочтения словосочетания, когда развертка словосочетания вызвана, в частности, идеологическим отказом от слова. Ср.: «...*Нет, я не скажу, чтобы он (знакомый — К. С.) был очень привязан к лесу, хотя, бывало, часами бродил по парку, приезжая к нам **в имение**... Впрочем, это было **совсем небольшое поместье**, скорее просто так, **старинная хижина с колоннами***», — *быстро поправились* она (женщина — К. С.), *приметив ревнивое и пристальное Полино любопытство* (Л. Леонов). В прямой речи здесь семантически избыточны вводные компоненты (*впрочем, скорее просто так*), в авторской речи — лексически избыточен глагол (*поправились*) и прагматически избыточен деепричастный оборот (*приметив ревнивое и пристальное Полино любопытство*). Все эти метакоммуникативные операторы сопровождают и комментируют уточнение номинации, происходящее в процессе продуцирования высказывания (по структуре — микротекста, по функции в коммуникативном акте — развернутой монологической реплики).

Словосочетание как целесообразная речевая структура обнаруживается в случае приоритетности перцептивных характеристик

предмета перед функциональными (ср.: *белый прямоугольник справки* (П. Санаев) вместо *справка*); иронизации (ср.: *взлом железного шкафа при помощи карандаша и фотографирование секретных документов с помощью пуговицы от штанов* (А. Солженицын), где без инструментальных распространителей словосочетания приобретают иной семантико-стилистический модус); эвфемизации (ср.: *протираание глаз кредитными билетами* (Л. Леонов) вместо *взятка*); обязательности оценочных компонентов словосочетания в контексте: *Играть на мхатовской сцене тяжело. А играть на ней хорошо вообще не-воз-мож-но* (Вяч. Невинный). Словосочетание оказывается целесообразным при истолковании слова, семантическая «непрозрачность» которого осознается в процессе речи. В частности, универбы в перцептивно-смысловом плане могут проигрывать словосочетаниям, так как эти «свертки» потенциально воспринимаются как соотносимые с разными в той или иной мере стабилизированными словосочетаниями. Ср. в речи женщины старше 80 лет: *«По хозяйству мне помогают... приходит эта... социалка... социальный работник»*. Однако универб *социалка* употребляется также в значениях ‘объект(ы) социальной инфраструктуры’, ‘социальная сфера’, ‘социальная карта’ и т. д. (в связи с этим см. [Ван Циньсян 2015]).

На обращении к словосочетанию как целесообразной речевой структуре основаны разные формы языковой игры. При создании словосочетания говорящий / пишущий может воспользоваться любым исходным номинативным материалом, в частности фразеологизмом, прецедентным словосочетанием, составным наименованием (топонимом и т. д.), но в любом случае то словосочетание, которое он создает в своей речи, оказывается свободным, заново построенным в расчете на новую коммуникативно-смысловую интенцию и на новое контекстное окружение. И это словосочетание не может быть как речевой продукт отождествлено ни с одним из видов исходного номинативного материала.

Ср., например: *Дамы-профессориши, и раньше в трудное время тайно выпекавшие белые булочки на продажу наперекор запрещению, теперь торговали ими открыто в какой-нибудь простоявшей все эти годы под учетом велосипедной мастерской. Они сменили вехи, приняли революцию и стали говорить «есть такое дело» вместо «да» или «хорошо»* (Б. Пастернак). Здесь описывается начало нэпа. «Смена вех» — название опубликованного в Праге в 1921 г.

сборника статей, главной идеей которого стала идея принятия большевистской революции. Но важно, что писатель сопровождает словосочетание *сменили вехи*, где вместо девербатива, употребленного в названии сборника, использует производящий глагол, не только сигнификативным пояснением, но и метаязыковой иллюстрацией.

В статье М. Задорнова «Страна глухонемых пролетариев» (Московский комсомолец, 5 февраля 2011 г.) читаем: «*Раньше мы переживали из-за утечки мозгов из России. Сегодня новая беда — **течка мозгов** у наших министров*». Сближению слов *утечка* и *течка* в языковом сознании сатирика способствовала паронимическая аттракция, вообще свойственная его манере письма. Механизмы здесь разные: формальное ассоциирование (в плане психолингвистики), произвольность вербального знака (в плане семиотики), семантическое обобщение однокоренных слов *утечка*, *течка* и семантическое «переключение» одинаковых слов (словоформ): *мозги* ‘люди, занятые интеллектуальным трудом’ и ‘умственные способности’, а также — благодаря «живой» внутренней форме — бытовое вещественно-анатомическое значение (в собственно лингвистическом плане).

Известный педагог Е. Ямбург пишет: «*Мне повезло с расположением школы, в которой я работаю вот уже тридцать шестой год. Дивное место на опушке леса в районе с романтическим названием **Теплый Стан**. Коллеги, приезжающие из других регионов на семинары, оценив расположение школы и экологическую обстановку, привычно шутят: “Мне **стан** твой понравился **теплый**”*» (Московский комсомолец, 20 февраля 2012 г.). Здесь наблюдается не только апелляция составного топонима, сопровождаемая его перекатегоризацией, но и литературная аллюзия. Ср. у А. К. Толстого: «*Мне **стан** твой понравился **тонкий** / И весь твой задумчивый вид, / А смех твой, и грустный, и звонкий, / С тех пор в моем сердце звучит*»; а также у В. Ерофеева в «Бесполезном ископаемом» (это выдержки из записных книжек), где писатель сам играет с литературными цитатами: «*Мне / **Стан** твой понравился / **Теплый** / И весь твой...*».

Все эти речевые факты свидетельствуют о том, что словосочетание как «превращенная форма» вбирает в себя те или иные прагматические «целедвижения», способствующие вполне определенному семантико-синтаксическому структурированию предложения-высказывания.

Надо полагать, что прагматически целесообразной развертке словосочетания в речевой деятельности противостоит неизбежность его

употребления, связанная с отсутствием слова в лексиконе или в оперативной памяти. Представляется, что развертка словосочетания неизбежна в ситуации естественного / моделируемого остранения (ср. пример из Н. Павловой). Здесь прагматическая целесообразность присутствует в форме нереализуемости селективного действия во внутреннем лексиконе.

В то же время развертке словосочетания в речевой деятельности противостоит обратный процесс — свертка. Ср.: *У соседа **печень*** (ср. *больная печень*), *У толстяка **давление*** (скорее всего, имеется в виду *высокое*), где наблюдается семантическое включение конкретного атрибута; эллипсис, который надо отличать от явлений, возникших на его основе (ср., например, «столкновение» семантической производности, «снимающей» у глагола признак переходности, и эллипсиса прямого объекта у переходного глагола-омонима в примере из «Монографии о графомане» М. Ардова: *А вот что рассказывал мой сослуживец — священник Петр Москалюнов: — Я тогда служил на дальнем приходе, на самой границе Московской области. Как-то привезли мне покойника из деревни. Гроб у него был великоват, а дорога тряская. И чтобы зафиксировать тело в определенном положении, туда насовали березовых поленьев... Открыли в церкви гроб, я эти поленья увидел и попросил убрать их на время отпевания... А когда чинопоследование совершилось, я им говорю: «Ну вот — можете **закладывать**». Я имел в виду — **поленья**. Но тут вдруг страшно оживились мужики: «Слыхал? Батюшка сказал, уже можно **закладывать!**» У них-то на уме были не поленья...); интеграция словосочетания (см. гл. 9 этой книги) и др.*

Понятие «превращенной формы» оказывается объяснительным инструментом, позволяющим описывать неочевидное в очевидном. Идея «превращенной формы» способствует раскрытию «глубинного» слоя содержания относительно целостных речевых структур — словосочетаний, а именно — мотива их развертки. Кстати говоря, проблема «словосочетание и контекст», подступы к которой делаются синтаксистами уже давно [Смолянинова 1973; Политова 2009], в рамках теории речевой деятельности не может быть поставлена без обращения к понятию «превращенной формы». Вместе с тем было бы преувеличением считать, что эвристика «превращенной формы» в полной мере осознана современными лингвистами (и даже психолингвистами), это понятие — философское, абстрактное — требует

операционального опосредования, способного сделать это понятие рабочим в анализе конкретных речевых явлений, в которые весьма прихотливо и избирательно преобразуется иерархия деятельности говорящего / пишущего, в том числе эмоциональной [Синеокова 2003].

3. Для психолингвистики, преодолевшей хомскианское по своему происхождению представление о полностью бессознательном характере речевых действий и операций в речепроизводственном процессе, стало очевидно, что речевая активность субъекта не может не быть связанной с его метаязыковой рефлексией, с тем, как обобщены в его языковой способности структурные, семантические и функциональные свойства тех или иных вербальных операторов (слов, синтаксических моделей и т. д.).

Из этого, конечно, отнюдь не следует, что метаязыковая рефлексия и тем самым сознательная селекция детерминируют речепроизводственный процесс в любых когнитивных и / или дискурсивных (в частности, коммуникативно-средовых, ситуативно-жанровых и т. п.) вариациях его осуществления. Однако из этого необходимо следует, что психолингвистическое моделирование речепроизводственного процесса (в том числе наиболее ранних — превербальных — его этапов, и, безусловно, контролирующих — поствербальных — этапов) не может не учитывать того эвристического потенциала речевой активности субъекта, который обусловлен наличием у него выработанных (самонаучением и обучением) в ходе онтогенеза метаязыковых представлений о речи в целом (ср., например, формирующий эксперимент Ф. А. Сохина, направленный на включение в фокус метаязыкового внимания ребенка линейного характера речи [Сохин 2002: 80 и сл.]), а также о различных ее сегментах, отождествляемых с определенными разноуровневыми единицами языка как системы, и их семиологизированных свойствах.

По-видимому, метаязыковая лакуарность большинства психолингвистических моделей (особенно речепроизводственных) объясняется тем вполне разумным предположением, в соответствии с которым в языковой способности обычного носителя языка вряд ли могут находиться научные дескрипции тех или иных вербальных явлений и процессов. Ни одного психолингвиста, как можно предполагать, не придется убеждать в том, что ни в языковой способности, ни в языковом сознании обычного носителя русского языка нет, например,

«Русской грамматики» 1980 г. и ее таксономических построений, как нет и иных описаний языка, а есть функциональная система вербальных операторов, приводимая в движение коммуникативной волей создателя речевого высказывания³⁴.

Однако из этого нельзя заключать, что якобы метаязыковая рефлексия обычного носителя языка примитивна, наивна, случайна и пр., поскольку, если бы все было именно так, многие прагматически «заряженные» формы речепостроения, столь изощренно используемые в народной речи (ср., допустим, комический эффект, основанный на противоречиях между синтаксической моделью и ее лексическим воплощением, между речевым жанром как моделью дискурсивного взаимодействия и его конкретной речевой реализацией вопреки жанровым конвенциям и т. д.), оказались бы принципиально неспособными достичь адекватного понимания.

Скорее всего, нужно говорить не о том, в чем проигрывает обыденная метаязыковая рефлексия научной, а о том, в чем заключается ее своеобразие, что в ее устройстве позволяет ей быть подвижной, адаптивной, легко усваиваемой путем опытного постижения. Именно при таком повороте в анализе обыденной метаязыковой рефлексии появляется возможность найти не недостатки ее, а, наоборот, важные достоинства.

Одно из них заключается в том, что метаязыковые представления обычного носителя языка о тех или иных вербальных операторах, в частности непосредственные метаязыковые образы этих единиц, строятся на основе тех функциональных принципов, к пониманию которых наука о языке, всегда стремившаяся избавиться от учета субъективного речевого опыта лингвиста как носителя языка (ср., в частности, критику интуитивизма традиционной грамматики в период увлечения структурализмом), подходит только в последнее время. В частности, в качестве одного из таких функциональных принципов здесь выступает принцип ориентации на прототип, на прототипическую модель явления.

³⁴ «Ныне лингвист, интересующийся психолингвистикой, — пишет М. Р. Львов, — уже хорошо видит, что сами языковые средства выполняют лишь роль формальных операторов в ходе общения и в монологе» [Львов 2000: 22]. Эту мысль еще более точно — с психолингвистической точки зрения — выразил А. А. Леонтьев, утверждая, что «языковые средства суть только формальные операторы, с помощью которых человек осуществляет процесс общения, прилагая их к системе значений и получая осмысленный и целостный текст (сообщение)» [Леонтьев 1999: 23].

Прототипичность как особый признак того или иного вербального оператора является достоянием не только языковой способности, которую мы понимаем как операциональный механизм речевой деятельности и в которой прототипичность отражается, например, в большей доступности слова или синтаксической модели при их поиске и, конечно, в онтогенезе, но и (даже в первую очередь!) языкового сознания, к которому мы относим исключительно метаязыковое осознание обычными носителями языка структурных, семантических и функциональных свойств вербальных операторов, а также типизированных форм речи (в частности, речевых жанров или речевых стратегий типа «описание», «наррация» и т. д.) и ее конститутивных свойств.

Отсюда следует, что нам не близка точка зрения, согласно которой языковое сознание человека — это все то в содержании его сознания, для чего имеется определенное вербальное опосредование. В соответствии с давней традицией, в лингвистике идущей едва ли не от И. А. Бодуэна де Куртенэ³⁵, языковое сознание есть осознание языка как самостоятельного объекта мыслительных интенций человека (необязательно лингвиста), поэтому тождество языкового сознания и метаязыкового осознания является для нас очевидным.

Для того чтобы принцип ориентации на прототип приобрел методологическую релевантность для психолингвистики, было бы разумно построить его определение таким образом, чтобы оно имело выход в область эксперимента. Для нас содержание термина-понятия «принцип ориентации на прототип» заключается в следующем: это результат формирования устойчивой связи типа «стимул — реакция» между именованием вербального оператора (термином) и его обобщенным речевым образцом (в условиях эксперимента — статистически преобладающим).

Допустим, если высказать гипотетическое утверждение о том, что в языковом сознании обычного носителя языка любому вербальному оператору (слову, синтаксической модели и т. д.) соответствует особое прототипическое образование, то, с учетом подобного опре-

³⁵ Ср. в связи с этим такой термин И. А. Бодуэна де Куртенэ, как «осознательность (sic! — К. С.) языка» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 136]. Тем не менее следует отметить, что И. А. Бодуэн де Куртенэ употребляет также термин «языковое знание», за которым стоит понятие «воспринимания (sic! — К. С.) и познания мира в языковых формах» [Там же: 95]. По-видимому, «языковое знание» у И. А. Бодуэна де Куртенэ является более широким понятием, чем «осознательность языка», т.е. оно не ограничено метаязыковым осознанием.

деления принципа ориентации на прототип, появляется возможность проверить данное гипотетическое утверждение экспериментальным путем.

Предположим, например, что обычного носителя русского языка попросили написать в столбик несколько *слов* (здесь существенно то обстоятельство, что метаязыковой стимул следует вводить без всяких комментариев и уточнений со стороны экспериментатора). Вероятнее всего, среди полученных реакций мы обнаружим скорее такие, как *дом* или *человек*, чем такие, как *кино-* и *фотомонтаж* или *кабычего-невышлизм* (во всяком случае, статистически преобладать явно будут реакции первой разновидности). Из этого следует, что для прототипа слова (в русском языковом сознании) характерны, в частности, такие свойства, как единичность корня, цельность (непрерывистость) основы, освоенность и т. д.

Подобного рода экспериментирование может привести к обнаружению всех релевантных для русского языкового сознания признаков прототипического слова. Зная их, очень легко прогнозировать, например, эффективность стилевой атрибуции текста по списку ключевых слов, так как, надо думать, в различных функционально-стилевых парадигмах языка допустимые отклонения от словесной прототипичности окажутся статистически предсказуемыми в текстовой реализации того или иного признака.

Иначе говоря, знания о прототипических явлениях языка и речи обладают несомненной ценностью для решения ряда прикладных задач психолингвистики (в данном случае мы назвали лишь одну из них).

В специальном экспериментальном исследовании, изложенном в гл. 1 этой книги, были обнаружены прототипические структуры в сфере русского словосочетания. Так, оказалось, что в русском языковом сознании прототипической для словосочетания является по количеству компонентов двухкомпонентная (бинарная) модель, а по их морфологическому составу — субстантивная модель в целом и субстантивно-адъективная модель в частности.

Как уже отмечалось, субстантивно-адъективные словосочетания образовали в языковом сознании обычных носителей русского языка прототипическую модель словосочетания по нескольким причинам. Это, во-первых, связано с тем, что данная модель словосочетания отражает способность одного типа синтаксической связи — согласо-

ния — выражать один тип смысловых отношений — атрибутивные отношения, а во-вторых, с тем, что выполнять функции главного и зависимого компонентов здесь могут любые субстантивные и адъективные словоформы соответственно, вне зависимости от их лексико-грамматического статуса.

Сам факт формирования прототипической модели словосочетания и ее константный характер указывают как на категориальную автономность словосочетания на уровне синтаксических генерализаций, так и на функциональную ценность словосочетания как особой синтаксической формы, задействованной в процессе грамматического структурирования речевого высказывания, т.е. в «психолингвистической грамматике».

Прототипический статус субстантивных словосочетаний в целом объясняется, по всей видимости, тем, что сфера словосочетания ориентирована в значительной степени на описательное наименование предметов и явлений, т.е. на построение ситуативно конкретизированных номинаций. Номинация же прочно связана в русском языковом сознании с категорией субстантивности (кстати, не что иное, как потребность свободной описательной номинации в новых вербальных ресурсах, обусловило «многоканальность» субстантивации и повышенный тонус, продуктивность номинализации в русской речи). Весьма показательно, что активация субстантивной формы в речепорождающем процессе охватывает не только слова, но и предикативные номинации³⁶ (т.е. так называемые конструкции неполной номинализации) и, главным образом, словосочетания. По мнению Л. П. Столяровой, субстантивная конструкция является основным звеном «малого» синтаксиса [Столярова 1990 (б)].

Особое внимание здесь хотелось бы обратить на то, что в прототипической модели словосочетания нашла непосредственное отражение и подтверждение гипотеза, высказанная Н. И. Жинкиным «модель двух слов». Напомним, что, согласно Н. И. Жинкину, модель двух слов обеспечивает ту фазу интеграции, когда «каждое слово... связывается с другим... и образует такое целое, в котором возникает закономерная динамика словоизменения» [Жинкин 1982: 45—46].

Модель двух слов, по-видимому, вообще является устойчивой формой хранения синтаксической информации в языковой способности

³⁶ В связи с этим см. [Буров 2012], где разработана целостная системно-функциональная концепция субстантивной синтаксической номинации.

человека. Не случайно в метаязыковом образе словосочетания, также воссозданном по материалам описанного в гл. 1 этой книги эксперимента, доминантным признаком оказался именно квантитативный признак «два слова».

В этом контексте важное значение приобретают наблюдения А. А. Степановой, согласно которым в ассоциативно-вербальной сети структурная модель хранения фразеологизма (т.е. словосочетания лишь по генотипу) может не совпадать со структурной моделью употребления фразеологизма по своему квантитативному составу и в общем случае тяготеет к двухкомпонентной организации. Так, например, трехкомпонентный (по модели употребления) глагольный фразеологизм *вешать лапшу на уши* редуцирован в модели хранения до преобладающей в свободных ассоциациях носителей русского языка двухкомпонентной субстантивной конфигурации: *лапша* (S) → *уши* (R) и т. п. Ср., однако, встречающиеся в ассоциативном тезаурусе в 4,5 раза реже исключения из обнаруженной психолингвистической закономерности: ассоциативные пары типа *лапша* (S) → *вешать на уши* (R) [Степанова 2010: 8 и сл.].

Если же учесть, что фразеологизм представляет собой деактуализованное словосочетание, семиотически преодолевшее свою синтаксическую форму, то нельзя не заметить, что модель двух слов выступает как своеобразная константа словесной комбинаторики, сопровождающая словосочетание (как факт речевой феноменологии) от момента его порождения в свободном синтаксическом процессе, предполагающем лексическую незакрепленность компонентов и семантическую композициональность, до момента лексической стабилизации словосочетания и приобретения им способности к фразеологической сигнификации.

Вместе с тем представляется, что «модель двух слов» или — шире — «модель двух компонентов» является аналоговым процессором, психологическим механизмом отображения синтаксических операций, не привязанным к единственному синтаксическому субстрату — словосочетанию, свободному или же подвергнувшемуся фразеологизации.

4. В современной общей и типологической грамматике категория переходности (иначе — транзитивности) глагола осмысливается в дискурсивно-семантическом плане [Hopper, Thompson 1980]. Подобный подход вовсе не является чуждым для русского языкознания, по-

скольку традиционно переходность глагола трактовалась как «лексико-синтаксическая категория», «семантическое свойство глагола, проявляющееся синтаксически в его способности сочетаться с прямым объектом» [Исаченко 2003: 350]. Причем всегда присутствовало осознание того, что реализация этой лексико-синтаксической категории напрямую связана с тем, как переходный глагол включен в дискурс (= в текст), какие семантические изменения претерпевает переходный глагол, насколько обобщен прямой объект и т. д.

Переходность глагола осмыслили не иначе, как в ее синтаксических потенциях: либо как прямообъектную семантическую валентность, направленную на развертку словосочетания с сильным управлением, либо как прямообъектную проекцию, призванную семантически конкретизировать предикат и рематический центр предложения-высказывания. То, что категория переходности охватывает не только глагольное слово в целом, но и отдельные лексико-семантические варианты и словоформы глагола и что беспредложный винительный падеж вовсе не исключительно связан с маркированием прямого объекта, а позиция прямого объекта может быть отмечена иной, функционально эквивалентной падежной формой (родительный отрицания и др.), привело к тому, что русское языкознание всегда обращалось к контекстно-семантическому подходу при объяснении категории переходности.

По всей видимости, категория переходности глагола представляет собой ту область русской грамматики, в которой так или иначе подчеркивалась связь с дискурсом (= с текстом). Однако наиболее очевидной эта особенность становится в тех грамматических исследованиях, где освещается вопрос о том, почему переходный глагол способен употребляться без прямого дополнения, т.е. абсолютивно [Чурилова 1974].

Абсолютивное употребление переходного глагола связано с тем, что синтаксическая сема 'направленность на прямой объект' в семантической структуре глагола нейтрализуется, вследствие чего глагол приобретает иное номинативное предназначение, так как он обозначает не действие, а способность к его выполнению. Подобная семантическая трансформация не создается в результате абсолютивного употребления переходного глагола, но только запечатлевается в нем. Переходный глагол, находясь в абсолютивном употреблении, сдвигается в сторону непереходных глаголов, которые не могут управ-

лять прямым объектом. Тем не менее этот сдвиг носит не только синтаксический характер, но и семантический, связан прежде всего не с сокращением валентностных потенций, а с другой смысловой акцентуацией. А. В. Исаченко разъяснял, что при сдвиге от переходности к непереходности у одного и того же глагола теряется смысловой оттенок актуальности: *Он видит горы* (актуально-переходное значение) — *Он хорошо видит* (неактуально-непереходное значение) [Исаченко 2003: 351].

При этом не любое отсутствие прямого дополнения при переходном глаголе свидетельствует о том, что он употреблен абсолютно. Ср.: *Марья Алексеевна сердито отнимала ребенка. — Уронишь, — сказала она, отстраняя старика рукой, — прочь от ребенка, ироды* (Ю. Тынянов); *Однако в Госбезопасности за это упрямство на него (на Кагана. — К. С.) затаили* (А. Солженицын). Очевидно, что если в первом случае прямой объект подвергнут эллипсису, то во втором — его нехватка вызвана усечением семантически предсказуемого компонента фразеологического сочетания (ср.: *затаить <злобу, ненависть, обиду>*). В обоих этих случаях прямого объекта нет при переходном глаголе непосредственно, но он без труда обнаруживается в контексте (при эллипсисе) или во внутреннем лексиконе (при усечении).

Наоборот, при абсолютном употреблении прямого объекта не существует вовсе, и поэтому его невозможно извлечь ни из одной из вспомогательных семантических сфер. При абсолютивации имеется ничем не восполняемый нуль прямого объекта. Поэтому в дискурсе абсолютно употребленный переходный глагол может вызывать уточнение посредством вопросительно-относительного местоимения. Ср.: — *Касьян сегодня звонил. <...> Прошляпили, говорит. А что прошляпили, так я и не разобрал* (В. Дудинцев).

Абсолютное употребление переходного глагола представляет собой многофакторный процесс, причем преобладают здесь семантические факторы. Среди них называют обычно и семантику глагола, и семантику прямообъектного имени существительного, и экспрессивизацию глагола и др. Гораздо реже находят собственно синтаксические факторы, способствующие абсолютивному употреблению переходного глагола. Так, например, Л. Ф. Мачнева отмечает, что переходные глаголы без объекта нередки в структуре сочинительных конструкций [Мачнева 1988: 14]. Г. Н. Акимова применительно

к абсолютивации пишет о том, что «очень часто этому способствует включение переходного глагола в однородный ряд предикатов: *Он не спит, а читает*» [Акимова 1990: 25]. Б. Ю. Норман наряду с другими «дискурсивными условиями, облегчающими «безактантное» (абсолютное) употребление глагола», называет «помещение глагола в сочинительный ряд» [Норман 2016: 201].

Безусловно, синтаксический фактор, попавший в фокус внимания многих лингвистов, заслуживает более пристального изучения. Надо сказать, кроме того, о том, что в общей теории сочинения давно постулируется взаимодействие синтаксиса и семантики сочинительных конструкций не только между собой, но и со всей грамматикой [Chaves 2007]. По-видимому, именно в русле такого взаимодействия находится проблема сочинительного ряда как синтаксического контекста абсолютного употребления переходного глагола.

Сочинительный ряд — это особая конструкция, состоящая из двух или более синтаксически однофункциональных компонентов, объединенных на основе маркеров сочинительной связи. Л. Д. Чеснокова подчеркивает, что «ни одно из слов, входящих в сочинительный ряд, не служит для пояснения другого» и что природа сочинительных отношений «предполагает взаимную зависимость (взаимную обусловленность) членов сочинительного ряда при условии их равноправия» [Чеснокова 1980: 91]. По своей синтаксической функции сочинительные ряды глагольного типа являются чаще — сказуемыми, их присвязочными или приформантными компонентами, реже — второстепенными членами предложения, выраженными зависимым инфинитивом.

Необходимо отметить, что далеко не всякий сочинительный ряд, состоящий из переходных глаголов без прямообъектных распространителей, свидетельствует о том, что эти глаголы употреблены абсолютно.

Подобно тому, как в агглютинативных языках сочинительному ряду присваивается групповой аффикс, в русском языке сочинительный ряд может обладать групповым распространителем, который размещается либо после первого члена сочинительного ряда, либо после последнего. Такой групповой распространитель, как прямое дополнение, обусловлен тем, что он обслуживает общую для всех членов сочинительного ряда семантическую валентность на прямой объект. Отнесенность группового прямого дополнения к последующим или

предшествующим членам сочинительного ряда обеспечивается за счет анафорических и катафорических связей соответственно. Ср.: *Щаповы обедали за тем самым столом, на котором, во время оно, при нормированной раздаче хлеба по карточкам, по утрам на расвете, бывало, мелко **нарезали** ножницами **хлебные купоны** квартирантов со всего дома, **сортировали, подсчитывали, заворачивали** в узелки и бумажки по категориям **и относили** в булочную, а потом по возвращении из нее, **кромсали, кроили, крошили и развешивали хлеб порционно** жильцам городка* (Б. Пастернак).

Такие сочинительные ряды не приводят к абсолютивации переходных глаголов, поскольку общее для них прямое дополнение подвергнуто эллипсису, но при этом вербализовано при первом / последнем члене сочинительного ряда и благодаря анафорической / катафорической связи относится ко всем другим членам.

Иногда в речевой деятельности может возникать временное абсолютивное восприятие переходных глаголов в составе сочинительного ряда, так как, не справляясь со своими эмоциями, говорящий строит предложения-высказывания исключительно из коммуникативно обязательных (в его оценке) компонентов, опуская все очевидное для него, кажущееся ему необязательным для сообщения. Ср.: *На днях едем мы с Шалапиным на Кронверкский — видим, солдаты везут орудия. — Куда? — Да на Финский вокзал. — А что там? — Да сражение. — С восторгом: — **Бьют, колют, колют**... здорово! — Кого колют? — Да **нас!** — Шалапин всю дорогу смеялся* (К. Чуковский. Дневник. Запись от 5 марта 1919 г.).

Первоначально переходные глаголы в сочинительном ряду осмыслены как употребленные абсолютивно, что подчеркивается присоединительным второстепенным членом предложения — общим для них обстоятельством оценки. Затем выясняется прямой объект, относящийся ко всем членам сочинительного ряда, что указывает на эллиптическую природу их безобъектного употребления. Но смех Шалапина вызван все же не столько этим «переключением», сколько тем, что солдаты весьма сочувственно оценивают свое собственное поражение.

Приведем несколько сочинительных рядов, состоящих только из переходных глаголов в абсолютивном употреблении: — *...Не могу же я сразу **и читать и слушать**, — прерывал зятя Александр Александрович* (Б. Пастернак); — *Человек он (Ксан Ксаных. — К. С.) **положительный***.

Не пьет, не курит (Б. Бедный); — *Там у нас и кино, и бильярд, и игры всякие, — сказала она (воспитательница. — К. С.), ласково ко мне наклонившись. — Кружок «Умелые руки» есть. Будете там лепить, вырезать, клеить* (П. Санаев). Как указывает Б. Ю. Норман, «сочинительная связь тут играет роль своего рода катализатора: каждый очередной глагол в сочинительном ряду делает все более маловажными синтаксические особенности своих синтагматических предшественников: он их в известном смысле нейтрализует. И зависимые словоформы оказываются тут просто ненужными» [Норман 2016: 202].

То же самое происходит в сочинительных рядах, созданных переходными глаголами в сочетании с непереходными. Ср.: *Мачеха, всхлипывая, садится к зеркалу, а Золушка подает ей диковинные перья. — Я работаю, как лошадь. Бегаю (перо), хлопочу (перо), требую (перо), добываю и добиваюсь (перо), очаровываю (тощее павлинье перо)* (Г. Скорыходов. Разговоры с Раневской).

Представляется, что сочинительный ряд способствует абсолютному употреблению переходных глаголов, но отнюдь не придает им такое функциональное свойство. Специализация сочинительного ряда на функции синтаксического контекста абсолютивации обусловлена тем, что «сочинение как особый тип связи является способом выражения сходства» [Чеснокова 1980: 101]. В данном случае это сходство заключается в нереализуемости прямообъектной валентности переходных глаголов.

Надо заметить, что контекст сочинительного ряда обслуживает абсолютивное употребление не исключительно переходных глаголов, в том числе в сочетании с непереходными. В сочинительные ряды охотно объединяются сугубо непереходные глаголы, не получившие каких-либо распространителей. Ср.: *Обозначенный им самим (Солженицыным. — К. С.) круг чтения не широк и состоит из «деревенчиков» и двух-трех примыкающих к ним. Где-то отметил Владимира Солоухина, Георгия Семенова. Потом: «Умер яркий Шукшин, но есть Астафьев, Белов, Можяев, Евгений Носов. Стоят, не сдаются!..» Где стоят? Кому не сдаются?* (В. Войнович).

В этом примере представлен сочинительный ряд, в котором употреблены два непереходных глагола, не имеющие распространителей (например, обстоятельства места и косвенного дополнения с семантикой бенефицианта соответственно). Обращенность объединенных

сочинительной связью переходных глаголов-предикатов к субъекту выдвигает на первый план их качественно-описательную семантику. Бессоюзное соединение двух предикатов, способствующее их синонимическому сближению, приводит к идиоматизации сочинительного ряда в целом. А. Солженицыну, которого цитирует В. Войнович, важно не то, что названные им писатели где-то стоят и кому-то не сдаются (подчеркиванием прямой семантики предикатов за счет вопросительных предложений В. Войнович добивается иронического эффекта), а то, что они не изменяют своим убеждениям. Безусловно, идиоматизация подобных сочинительных рядов осуществляется во все не при любой лексической подборке глаголов.

Итак, оказывается, что сочинительный ряд вполне допустимо рассматривать как синтаксический контекст абсолютивного употребления переходных глаголов. Тем не менее стоит иметь в виду, по меньшей мере, два уточняющих эмпирических обобщения. Во-первых, безобъектное употребление переходных глаголов в сочинительном ряду может быть связано не только с абсолютивацией, но и с эллипсисом. Во-вторых, без распространителей в сочинительном ряду употребляются не исключительно переходные глаголы.

5. Несмотря на то, что свободное словосочетание создается в том или ином коммуникативном акте и до порождения высказывания (= распространенного простого предложения) существует исключительно в виде синтаксической модели, его семантику представляют обычно как независимую от дискурса. Так, например, давая семантическое описание бисубстантивных словосочетаний, как правило, ограничиваются указанием на их атрибутивную семантику и лишь иногда отмечают эффект семантического синкретизма, возникающий за счет гипотактического «сопряжения» двух субстантивных компонентов (слова и словоформы), обладающих теми или иными обобщенными синтаксемными значениями.

Однако для психолингвистического моделирования процессов понимания дискурса (т.е. текста в его жизненных проекциях) подобного семантического описания словосочетаний явно недостаточно, поскольку оно не учитывает того смыслового «измерения», которое возникает у аналогичных по своему строению и категориально-лексическому наполнению словосочетаний в дискурсивной практике того или иного социума в ту или иную эпоху.

Приобретая такое смысловое «измерение», словосочетание оказывается не только генетически привязанным к дискурсу и слабо поддающимся адекватному пониманию в изоляции от него, но и, главное, имплицитующим некоторые ориентационные установки дискурса, связанные с трансляцией определенной экстралингвистической информации. Подобные словосочетания, находясь в длительном дискурсивном обороте, превращаются в особые культурные предметы, аккумулирующие знания и представления носителей языка о тех или иных социальных явлениях.

Остановимся далее на дискурсивно-семантическом анализе лишь нескольких словосочетаний бисубстантивного типа.

В книге протоиерея М. Ардова «Монография о графомане» приводится следующий весьма любопытный факт из жизни известных советских писателей И. Ильфа и Е. Петрова: *Ильф и Петров были в Вене. Там их возили по городу и показывали достопримечательности. В частности, продемонстрировали один из дворцов и объяснили: — Это особняк Ротшильда. Петров, привыкший к реальностям послереволюционной России, спросил: — А что здесь теперь? — Как что? — удивились австрийцы. — Здесь живет Ротшильд.*

Очевидно, что бисубстантивное словосочетание, построенное по модели $N + N_2$ с главным компонентом — названием жилища — и зависимым компонентом — именем лица, призвано обозначать атрибутивно-посессивную семантику. *Особняк Ротшильда* — это особняк, принадлежащий Ротшильду. Однако в Советской России целый особняк не мог принадлежать одному человеку, это считалось исключительно фактом дореволюционного прошлого (ср., однако: *квартира соседа, дача тещи* и т. п.).

Именно дискурсивное «измерение» семантики данного словосочетания вызвало у Е. Петрова закономерный (с точки зрения носителя дискурсивных знаний о реалиях советской жизни) вопрос. Смысловое «приращение» дискурсивного происхождения позволяет сравнивать подобные словосочетания с идиоматичными производными словами или просто с идиомами в начале их «деривационной истории».

Причем всякий раз смысловые «приращения» в одномодельных словосочетаниях с неодинаковым категориально-лексическим наполнением возникают разные.

Если в случае со словосочетанием *особняк Ротшильда* для раскрытия дискурсивно-смыслового «измерения», характерного для со-

ветской эпохи, достаточно ввести в семантическое описание действительное причастие прошедшего времени *принадлежавший*, то, например, в семантическом описании словосочетаний типа *завод отца* (опять-таки в режиме советского дискурса) необходимо использовать присубстантивно-атрибутивную конструкцию не с посессивным, а с акционально-характеризующим предикатом (причем необязательно в форме настоящего времени) — завод, где *работает* или — даже предпочтительнее — которым *руководит* отец (либо, в зависимости от ситуации, *работал* или, соответственно, *руководил*).

Понятно, что в наши дни опять стало возможным дискурсивное понимание подобных словосочетаний как выражающих семантику актуальной посессивности. В данном случае дискурсивное «измерение» семантики словосочетания совпадает с его формальной семантикой и, возможно, по этой причине оказывается не столь заметным для наблюдателя.

Писатель Ю. Поляков в своей книге «Россия в откате» показал, насколько дискурсивное «измерение» семантики словосочетаний зависит от интерпретации социальных явлений индивидуальным сознанием (в том числе и индивидуальным языковым сознанием). Противопоставляя интеллигенцию и номенклатуру как силы, действовавшие против советского режима, писатель создает лексемно тождественные бисубстантивные словосочетания *оппозиция режима* ($N + N_2$) и *оппозиция режиму* ($N + N_3$).

Ср. отдельные контексты их употребления: ...*реальная **оппозиция режиму** (номенклатура) выражала свои интересы через оппозицию «придуманную», оппозицию режима (интеллигенцию); ...советская интеллигенция — и в этом ее главная особенность — была не оппозицией режиму, а оппозицией режима, который сознательно культивировал эту оппозиционность отчасти для демонстрации своей широты Западу, отчасти для того, чтобы восполнить отсутствие настоящих политических оппонентов.*

Дискурсивная обусловленность семантики обоих словосочетаний зиждется на том, что лишь зависимая словоформа в родительном падеже (N_2) способна сигнифицировать смысловой оттенок инклюзивности. По мысли Ю. Полякова, советская интеллигенция — оппозиция, созданная режимом и бывшая его неотъемлемой частью, т.е. это именно оппозиция *режима* (N_2), а не *режиму* (N_3).

Здесь характерно, что в индивидуальной дискурсивной практике смысловое «приращение» опирается на семантический диапазон самой синтаксической модели бисубстантивного словосочетания $N + N_2$ и вместе с тем отражает интенциональное смысловое противоречие между формальной семантикой словосочетания (атрибутивно-посессивной) и лексико-семантической комбинаторикой его компонентов.

Однако дискурсивное «измерение» в семантике словосочетания *оппозиция режима*, равно как и его референциальная отнесенность, осталось окказиональным, оно не стало пресуппозицией коллективного дискурса, хотя для понимания пафоса публицистических выступлений Ю. Полякова учитывать его более чем необходимо.

В этой связи нельзя не задаться двумя вопросами: почему дискурсивное «измерение» семантики обнаруживается именно у бисубстантивных словосочетаний и не лишены ли другие структурные типы словосочетаний такой способности?

Предварительно можно сказать, что дискурсивная обусловленность смысловых «приращений» является таким свойством, которым потенциально обладает синтаксическая форма (в понимании школы Ф. Ф. Фортунатова) вообще. На этом, собственно говоря, основана эстетическая значимость синтаксических форм, в том числе и форм словосочетания, в дискурсе с осознаваемой синтаксической селекцией (прежде всего в допускающем эксплицитный метатекст художественном или публицистическом дискурсе).

Однако среди словосочетаний способность к дискурсивному «осложнению» семантики, действительно, весьма активно проявляют бисубстантивные структуры. На наш взгляд, объясняется это следующим образом. Во-первых, словосочетания бисубстантивного типа довольно разнообразны, так как вариации формы зависимого компонента в их различных моделях затрагивают как падежную маркировку, так и наличие / отсутствие предлога. Во-вторых, их семантика не столь абстрактна, как, например, у субстантивно-адъективных словосочетаний, она зависит от целого ряда внутримodelьных факторов и сплошь и рядом допускает синкретизацию.

Кроме того, дискурсивно-семантический анализ даже нескольких словосочетаний позволяет утверждать, что характер смысловых «приращений» в их семантике обуславливается не только и не столько произволом (волей) интерпретатора (в трактовке Ч. С. Пирса), сколь-

ко смысловым потенциалом синтаксической формы разномодельных словосочетаний бисубстантивного типа.

6. Когнитивная лингвистика «ставит своей целью определить в полном объеме когнитивную функцию языка» [Кубрякова 2012: 27]. Достижению этой цели могут способствовать весьма разные лингвистические исследования, поскольку трудно назвать в функционировании языка такую сторону, такой механизм или такое образование, которые не были бы связаны в своих истоках, в своем действии и в своей предназначенности в речевом общении с когнитивной функцией языка. Представляется, что особый вклад в развитие когнитивной лингвистики и тем самым в достижение ее высокой цели должно внести такое новое направление в синтаксической теории, как модальный синтаксис.

Дело в том, что модальному синтаксису, по замыслу Г. Я. Солганика, который выделил это направление и предложил обозначающий его термин, надлежит изучать то, как на всех уровнях синтаксического механизма отображается фигура говорящего / пишущего и как в синтаксической организации речи (от словосочетания до текста) преломляется его *Я*, субъективная модальность [Солганик 2010]. Однако именно когнитивная лингвистика поставила в центр своих размышлений о языке субъекта во всех его операциональных проекциях, направленных на создание, отбор, сохранение, преобразование, употребление, понимание и интерпретацию языковых форм, связанных с конструированием языковых значений. Поэтому-то модальный синтаксис может быть осмыслен как важнейший аспект постижения синтаксиса в когнитивной лингвистике, тем более что модальному синтаксису вряд ли окажутся чуждыми такие понятия, развиваемые и уточняемые в когнитивной науке, как активация, салиентность, фокусирование, перспективизация и др.

Особого внимания заслуживает рассмотрение в рамках модального синтаксиса такой минимальной единицы связной речи, как словосочетание. Г. Я. Солганик указывает на то, что словосочетание «непосредственно с говорящим не связано» и «лишь подготавливает почву для формирования субъективно-модального значения» [Там же: 16]. Действительно, словосочетание как таковое не связано с фигурой говорящего / пишущего и тем самым с субъективной модальностью, так как эти конструктивно-семантические аспекты существенны для сферы предложения-высказывания, которое может быть и однословным.

Ни модель словосочетания, ни его формальная семантика никак не обусловлены субъективной модальностью. Правда, потенциальную связь построения и семантической акцентуации словосочетания с фигурой говорящего / пишущего трудно отрицать, например, в предпочтении связи согласования или управления в ситуации синтаксической синонимии³⁷ либо в отборе в качестве компонентов аксиологически «заряженных» слов. Г. Я. Солганик также подчеркивает это обстоятельство [Там же: 24]. Здесь важно сказать о том, что потенциции словосочетания в плане выражения субъективно-модальных значений связаны с обобщением способов его речевого употребления. Подобные обобщения, вполне вероятно, запечатлены каким-то образом в языковом сознании говорящего / пишущего, но это никак не опровергает того, что эти обобщения только лишь экстраполируются в сферу словосочетания, источником же стоящих за ними фактов является предложение-высказывание.

Обычно в речи словосочетание выступает в целостно-гештальтном виде: хотя его компоненты занимают разные синтаксические позиции в предложении-высказывании, они стремятся к контактному размещению, чему способствует их концептуально-номинативное единство. Между тем наблюдения над речевой практикой XX в. свидетельствуют о том, что субстантивные словосочетания (как субстантивно-адъективные, так и бисубстантивные) тяготеют к включению в зону субъективной модальности за счет вводных компонентов, которые занимают интерпозицию и расчленяют то или иное словосочетание, являющееся относительно автономным звеном предложения-высказывания. Ср.: ...он (Артур Сиромеха. — К.С.) оказывался вялый молодой человек *со стройной, впрочем, фигурой* ... (А. Солженицын); *На виске у него* (у человека. — К.С.) *был шрам, очевидно — от пули, разбившей кость у виска* ... (П. Романов).

Казалось бы, выражение субъективно-модального значения и тем самым обозначение фигуры говорящего / пишущего остаются семантической функцией вводных компонентов и к субстантивным словосочетаниям напрямую никак не относятся. Для моделей словосо-

³⁷ Например, согласно наблюдениям Е. И. Костанди над художественной речью, «при наличии точки зрения непосредственного наблюдателя обычно возрастает число конструкций с согласованием», а «позиция отстраненного субъекта, напротив, регулярно соотносится с увеличением доли управления» [Костанди 2013: 238—239].

четаний $N + Adj.$ и $N + om$ (преп.) + N_2 , действительно, включение вводного компонента несущественно: оно показывает только то, что в свободном словосочетании жесткая контактность компонентов исключена. Однако для семантики конкретных словосочетаний, развернутых в предложении-высказывании, этот факт крайне существен. Вводный компонент маркирует отсутствие концептуально-номинативного единства словосочетаний, как бы разъединенность предмета и его признака, которая преодолевается благодаря их субъективно-модальной «стяжке», обеспеченной вводным компонентом. Включение вводного компонента подчеркивает предикативное переосмысление атрибутивных отношений, их новую актуализацию, установление их говорящим / пишущим, удостоверяющим или не удостоверяющим для самого себя связь предмета с признаком. Иначе говоря, это именно взаимодействие с вводным компонентом, расчленяющим словосочетание в предложении-высказывании.

Интерпозицию в структуре речевого словосочетания, характерную для вводного компонента, могут занимать также обособленные, точнее же — обособленно-вводные, компоненты. Ср.: *Он (Григорий Мелехов. — К. С.) сидел, откинувшись на спинку пролетки, жадно осматривая **многолюдные, несмотря на ночь, улицы**...* (М. Шолохов). В плане своей функции по отношению к словосочетанию обособленно-вводные компоненты ничем не отличаются от обычных вводных компонентов. Но их семантика более нюансированна: так, в примере из М. Шолохова имплицитное субъективно-модальное значение удивления неотторжимо от уступительной семантики, объясняющей «остранненное» (по В. Шкловскому) восприятие окружающего мира.

Вводный компонент, разрывающий и одновременно воссоединяющий компоненты словосочетания на новой — субъективно-модальной — основе, позволяет говорящему / пишущему построить предложение-высказывание так, чтобы в нем была отображена перспективизация, т.е. представление информации с точки зрения субъекта, «под определенным углом зрения» [Петрова 2017: 7]. Субстантивное словосочетание обозначает предмет, конкретизированный признаком или связью с другим предметом. Употребляя субстантивное словосочетание как цельную структуру, говорящий / пишущий решает преимущественно номинативно-дескриптивную задачу. При включении вводного компонента в структуру речевого словосочетания говорящий / пишущий не столько дает конкретизированное обозначение

предмета, сколько сомневается в его признаке или, наоборот, настаивает на нем, выражает эмоциональное отношение к нему и т. д. Ср., например, словосочетание *безобидная птица* и это же словосочетание в следующем употреблении: — *Гребешок у него (у цыпленка. — К. С.) клюют. Сейчас вот заберу этого — так нового ведь найдут! Безобидная, называется, птица...* (В. Дудинцев). В словосочетании как таковом перспективизация, связанная с передачей субъективно-модальных значений, почти неосуществима. Вводный компонент, отражающий субъективный дейксис предложения-высказывания, преодолевает это ограничение.

Наблюдения над взаимодействием субстантивных словосочетаний с вводными компонентами позволяют высказать некоторые соображения о природе словосочетания вообще. Так, было бы отступлением от истины утверждать, что свободное словосочетание не производится, не создается в речи, а только воспроизводится. Даже если свободное словосочетание стало настолько частотным, что оно извлекается говорящим / пишущим из внутреннего лексикона, оно не превращается в так называемую *frozen form*. Как показывают речевые факты, словосочетание, попадая в сферу модального синтаксиса, может взаимодействовать с вводным компонентом, который в структурном плане нарушает целостность словосочетания, так как он занимает интерпозицию, а в семантическом — подчеркивает включение словосочетания в выполнение не свойственного ему вне предложения-высказывания субъективно-модального смыслового задания. Иными словами, говорящий / пишущий оперирует словосочетанием так, как если бы оно не было готовой к употреблению структурой, стремясь выразить в форме словосочетания новые, в частности субъективно-модальные, значения, для чего ему приходится менять те свойства словосочетания, которые характеризуют его модель (например, контактность компонентов). Как видно из примеров, в таких случаях словосочетание неизбежно становится своеобразной рамочной структурой для вводного компонента. Крайне существенно то, что выявлению свободного, собственно синтаксического (а не идиоматического) характера словосочетания способствует его субъективно-модальная специализация в предложении-высказывании, включение в стратегию перспективизации.

7. Когнитивно-прагматический подход, разработанный в методологии лингвистики конца XX в. [Nuyts 1992], позволяет изучать язы-

ковые единицы не столько в их структурно-семантической и тем более не столько в их формальной автономности, сколько в их участии в конструировании «квантов» объективного мира, представленных в перцепции и апперцепции субъекта речи, и в построении дискурса. Целостность когнитивно-прагматического подхода объясняется тем, что когниция, стремящаяся найти для своего воплощения оптимальную языковую форму, вовсе не беспристрастна: какой бы обобщенной ни была ментальная репрезентация и какой бы стереотипной ни была процедура обращения с ней, субъект речи волен выражать ее по-разному, так, чтобы высказывание оказалось построенным как бы «по мерке» субъекта речи, т.е. указывающим на его интенции, установки, реактивность и т. д. Представляется, что, отталкиваясь от наблюдений над тем, как в дискурсивной практике используется та или иная языковая единица, сторонник когнитивно-прагматического подхода способен сказать нечто важное не только об этой языковой единице, обогащая ее традиционное описание, но и о субъекте речи как таковом.

Подобная двуединая направленность когнитивно-прагматического подхода способствовала эвристически многообещающей постановке проблемы лингвокреативной деятельности, которую до сих пор обсуждали большей частью в стилистике художественной речи. Однако творчество в речи не является лишь уделом писателей, с одной стороны, и не может быть сведено исключительно к нетривиальным результатам применения языковых механизмов, с другой. Как подчеркивает О. К. Ирисханова, «когнитологи изучают порождение нового на уровне структур знаний. Здесь языковое творчество понимается скорее как процесс появления новых когнитивных образований и концептуальных структур, а также объективации их в языковых выражениях» [Ирисханова 2004: 33]. Поэтому-то в рамках когнитивно-прагматического подхода креативное начало склонны находить у любой языковой единицы, если за ней стоит такая ментальная репрезентация, которая отличается новизной в конкретном дискурсе и, возможно, создание которой было стимулировано тем или иным компонентом когнитивной (и, конечно, речевой) организации конкретного дискурса. Отсюда следует, что креативность, согласно когнитивно-прагматическому подходу, вовсе не обязательно связана с окказиональным характером языковой формы. Вслед за Е. С. Кубряковой можно полагать, что при такой трактовке творчества в речи «особую привлека-

тельность для лингвистов представляют... альтернативные способы описания одного и того же, и именно потому, что они возвращают нас к онтологически тождественным реалиям, увиденным людьми с разных сторон..., а также и потому, что мы можем задуматься о причинах такого разного осмысления» [Кубрякова 2004: 17].

В области синтаксиса креативный потенциал нередко обнаруживают либо в рекурсивности правил и операций, либо в разном лексическом воплощении одной и той же синтаксической модели. Однако если в первом случае синтаксический механизм работает как бы по инерции, то во втором — тождество синтаксической формы «удерживает» одну и ту же структуру знаний. По-видимому, подлинно креативной в синтаксисе является такая осуществляемая субъектом речи трансформация, при которой различие между двумя конструкциями определяется исключительно различием их синтаксических форм. В частности, к подобным трансформациям относится переход от атрибутивной конструкции к предикативной, когда только вследствие преобразования синтаксической формы словосочетание становится предложением. Подобный переход обусловлен обычно стремлением субъекта речи маркировать новую структуру знания: его цель — не назвать предмет вместе с его признаком, а высказать мысль о том, что предмету свойствен признак, чтобы, например, подчеркнуть этот момент или, наоборот, усомниться в нем. В живой речи переход от атрибутивной конструкции к предикативной осуществляется в автоматизированном режиме. Субъект речи концентрирует внимание не на трансформации как таковой, а на своей интенции, для воплощения которой синтаксический формат словосочетания становится недостаточным и непригодным. При этом в языковой способности субъекта речи интериоризован переход от атрибутивного приписывания признака предмету к предикативному, что позволяет «оторвать» словосочетание от «внешнего» предиката и, найдя в нем «внутренний» предикат, переформатировать словосочетание в предложение.

В традиционной грамматике переход от атрибутивной конструкции к предикативной рассматривался, естественно, безотносительно к его интенционально-когнитивной «подоплеке» и, как это ни удивительно, сводился к перестановке определения и определяемого. Однако инверсия не нарушает тождества атрибутивной конструкции (словосочетания), хотя и приводит к ее стилистической модификации. Инверсия никак не влияет на функциональный статус компо-

нентов (определяемый / определяющий) и сама по себе не способна преобразовать словосочетание в предложение. Инверсия только сопровождает переход от двухчленной формы атрибутивной конструкции к трехчленной форме (с учетом нулевой связки) предикативной конструкции. Всего же разграничение атрибутивной и предикативной конструкций охватывает семь формальных признаков (см. гл. 3 этой книги), и они, безусловно, так или иначе учитываются при переходе от первой ко второй. Кроме того, в традиционной грамматике описание перехода от атрибутивной конструкции к предикативной происходило в отрыве от дискурса, в котором этот переход мог бы быть осмыслен не как металингвистическая процедура, а как подлинно речевой процесс, удовлетворяющий определенные потребности субъекта речи.

В рамках когнитивно-прагматического подхода одними из наиболее перспективных являются наблюдения над тем, как переход от атрибутивной конструкции к предикативной осуществляется в диалоге, где речевая кооперация собеседников создает естественные условия для этого перехода (в связи с этим см. [Du Bois, Giora 2014]). В качестве примера рассмотрим следующий диалог:

- (1) — *Вы только послушайте: Анна купила себе **персидский ковер**.*
- (2) — *Ну и?..*
- (3) — *Так она всех заставляет обувь снимать.*
- (4) — *Так это понятно. **Ковер-то** — **персидский**.*
- (5) — *Да, но висит-то он на стене (Антенна—Телесемь, № 39, 2012 г.).*

Как видим, в 1-й реплике диалога употреблена атрибутивная конструкция (словосочетание) *персидский ковер*, в которой определяющий компонент обозначает признак по месту производства. В семантической структуре предложения-высказывания эта атрибутивная конструкция выступает в роли объекта при акциональном предикате. В когнитивном плане это однофокусная дескрипция, тяготеющая к устойчивости. Оценочные семы словосочетания, относящиеся к сфере фоновых знаний, никак не выявлены. В 4-й реплике диалога дается причинное обоснование, оправдывающее то, о чем сообщается в 3-й реплике. Очевидно, что субъект речи мог бы сказать что-то типа *Вещь-то дорогая!*, но он поступает иначе, трансформируя атрибутивную конструкцию в предикативную: *Ковер-то — персидский*. Тем самым он создает сообщение, в котором в предикате, не потерявшем

локативной семы, актуализируются оценочные семы ‘дорогой’, ‘ценный’ и т. п. Предикативное расчленение (пауза) подчеркнуто на письме пунктуационным знаком «тире», тематический компонент информационной структуры предложения маркирован суффигированной частицей *-то*. Эта предикативная конструкция (предложение) имеет семантическую структуру «предмет и его признак» и обладает двухфокусной организацией.

Конечно, перед нами вовсе не бытовой диалог, а имитация бытового диалога с целью создания шутки. Однако, как и в обычной повседневной речевой кооперации, здесь инициатор общения не только провоцирует собеседника на высказывание, но и строит для него стимулирующий речевой контекст. Реактивность субъекта речи проявляется в этом диалоге в том, что, создавая собственное высказывание (в 4-й реплике), он берет лексический материал из 1-й, а смысловую импликацию — из 3-й реплики. По сравнению с атрибутивной конструкцией *персидский ковер* в предикативной конструкции *Ковер-то* — *персидский* воплощена новая ментальная репрезентация (пропозиция), в которой эксплицитно сообщается о том, что ковер является персидским, имплицитно — о его ценности и необходимости бережного отношения к нему, посредством же обратной импликации — о том, что поведение Анны, заставляющей всех снимать обувь, понятно и оправданно (интенция). Важно отметить, что переход от атрибутивной конструкции к предикативной обеспечивает не только связность, но и цельность (до 5-й реплики) диалога, т.е. ориентирован на построение дискурса.

Когнитивно-прагматический подход побуждает лингвистов изучать такие синтаксические процессы, как переход от атрибутивных конструкций к предикативным, в режиме их реального осуществления в дискурсе, особенно в диалогическом. Приоритетными в диалоге становятся те из них, которые формируют сначала микромодели речевой кооперации, а затем — приемы построения диалога в эстетических или дидактических целях. Такие микромодели речевой кооперации (и, соответственно, приемы построения диалога), установить которые еще только предстоит в функциональном синтаксисе, представляют собой ту потенциальную эмпирическую среду, в которой может быть верифицирован ряд гипотез о языке, выдвинутых в рамках когнитивно-прагматического подхода.

8. Словосочетание издавна рассматривалось в русской синтаксической науке как развернутая дескрипция на основе подчинительной связи слов, гештальтно-замкнутая, с одной стороны, и связанная в своем речевом генезисе с контекстом, с другой. Однако ограничение такого контекста предложением (предикативной конструкцией) и, более того, внедискурсивная перспектива осмысления проблемы «словосочетание и контекст» препятствовали выдвигению на первый план такого свойства словосочетания, как вариативность порождения в ее обусловленности структурой дискурса (в особенности художественного).

Кстати сказать, идея В. В. Виноградова о двуединой обращенности слов и их сочетаний к действительности и к художественному произведению [Виноградов 1959: 233—234] вполне могла бы быть использована в качестве объяснительной интуиции, относящейся к словосочетанию как явлению дискурсивному в его речевой организации и контекстной семантике.

Художественный дискурс представляет собой многослойную, в разной мере конвенциональную речевую структуру, отдельные компоненты и стороны которой вступают между собой в сложное взаимодействие, обеспечивая интерфейсную динамику эстетической коммуникации. На принципе непрерывности интерфейса зиждется целостность художественного дискурса, на создание интерфейса и его оптимальное маркирование нацелен писатель, без реконструкции интерфейса во внутренней речи читателя смысловое восприятие становится «опустошенным», а эстетическая интеракция — неполноценной.

Наблюдения над романом А. Солженицына «В круге первом» показывают, что в этом художественном дискурсе, в границах микроэпизода, посредством словосочетания осуществляется интерфейс речевых сфер автора и персонажа. Причем это вовсе не несобственно-прямая речь, при которой «готовое» словосочетание, как бы принадлежащее персонажу, воспроизводится автором; у А. Солженицына объективировано взаимодействие речевых сфер автора и персонажа именно в том, как словосочетание творится и как оно семантически преобразуется по сравнению со словосочетанием-аналогом, не включенным в подобный интерфейс.

Такого рода словосочетания отличаются тем свойством, которое В. Г. Адмони называл «весомостью», т.е. особой «дополнительной

нагрузкой», «распространяющейся на все компоненты предложения в художественной речи» [Адмони 1988: 231]. Интерфейсные истоки словосочетания делают его принципиально свободным внутри художественного дискурса и наделяют эту его весомость двумя отличительными чертами. Во-первых, весомость отображает актуализацию формы словосочетания, а также соотносённость и вместе с тем дифференцировку способов обращения с ней; во-вторых, весомость обусловлена не чем иным, как семантическим «расслоением» словосочетания, в частности включением в его смысловую структуру метатекстового дейксиса.

Анализ словосочетаний-интерфейсов в художественном дискурсе позволяет, с одной стороны, обнаружить один из механизмов семантической динамики сюжетно значимых категорий ('предмет', 'лицо' или др.) в микроэпизоде, а с другой стороны, раскрыть путь создания словосочетания, учитывающий лексическую преемственность (прайминг) и смысловую конфликтность одновременно, что характерно для развертки диалога.

В романе А. Солженицына «В круге первом» макроэпизод «Вечер у Макарыгиных», охватывающий три главы (гл. 62—64), включает в себя микроэпизод «Разговор сокурсницы Клары Макарыгиной с государственным молодым человеком», занимающий менее двух страниц в 64-й главе. Девушка просит молодого человека, референта в секретариате Верховного Совета, помочь ее отцу, разбитому в лагере параличом и обреченному на смерть, получить помилование. Однако вслед за упреком (— *Знаете, это... **нетактично** с вашей стороны — обращаться ко мне здесь*) тот с усмешкой бросает страшные слова о том, что кто-то должен умирать и в лагере.

В микроэпизоде для описания девушки трижды использованы атрибутивные словосочетания. В начале эпизода, еще до разговора, глазами молодого человека автор замечает *худощавенькую приятную девушку*; в конце эпизода, уже после разговора, автор глазами других гостей отмечает *помраченную девушку*. Эти два словосочетания формируют своеобразную лично-атрибутивную рамку, посредством которой показано, как разговор изменил эмоциональное состояние девушки, а также то, как ее воспринимают окружающие. Еще одно словосочетание оказалось внутри лично-атрибутивной рамки: ***Нетактичная девушка**... оделась в коридоре и ушла*. В этом словосочетании, развернутом в речи автора, осуществлен интерфейс, по-

скольку именно такая оценка ('нетактично') была дана поведению девушки в речи персонажа.

Очевидно, что интерфейс в субстантивно-адъективном словосочетании обеспечен, с одной стороны, типичным переносом характеристики действия на лицо, осуществляющее это действие, а с другой стороны, тем, что качественные прилагательные и однокоренные наречия на *-о* являются позиционными вариантами в условиях распространения существительного и глагола соответственно.

Подобное словосочетание-интерфейс «привязано» к художественному дискурсу: его невозможно понять в рамках валентностного синтаксиса, где учет контекста необязателен³⁸, и, наоборот, только внутри связей художественного дискурса оно воспринимается сквозь призму семантико-синтаксического смещения, которое способствовало его созданию в речи автора. Однако если при «чистом» смещении признак семантически никак не изменяется, то в словосочетании-интерфейсе он явно не тождествен признаку из речи персонажа. Причем это различие не относится исключительно к темпоральности: если наречие на *-о* способно обозначать, в частности, однократный признак действия, то однокоренное прилагательное в атрибутивной позиции специализируется на обозначении постоянного признака лица.

В речевой сфере автора словосочетание-интерфейс не только не исчерпывается таким семантическим толкованием, как 'девушка, не обладающая умением вести себя пристойно, уважая других' [ТСРЯ 2007: 969], но и, по сути дела, противоречит ему.

В границах микроэпизода художественного дискурса словосочетание *нетактичная девушка* неизбежно воспринимается как интерфейсное, а его адъективный компонент — как цитатный. По этой причине в смысловую структуру словосочетания включается метатекстовый дейктический компонент 'по мнению государственного молодого человека', и именно этот модусный смысл обуславливает отчуждение автора от выносимой оценки и от согласия с ней. Посредством смыслового подчеркивания цитатности атрибута достигается эффект иронизации над субъектом такой оценки и, наоборот, сочувствие ее объекту.

³⁸ Как верно подметила Е. С. Скобликова, «в речи словосочетание формируется не просто на основе семантических требований главного слова (т.е. его валентности. — К. С.), а с учетом перспективы и ретроспективы всего развертывающегося изложения» [Скобликова 1972: 112].

Важно и другое. Метатекстовый дейксис «оживляет» предикацию, лежащую в основе словосочетания-интерфейса, и превращает его в атрибутивно-предикативную структуру, причем без инверсии, обособления и т. д. На это указывает, в частности, такой факт: признак лица, обозначенный качественным прилагательным в полной форме, вовсе не осмысляется здесь как постоянный, что свойственно не столько словосочетаниям, сколько предикативным конструкциям.

Семантическая несоизмеримость этого словосочетания-интерфейса и словосочетания-аналога, никак не связанного с подобным интерфейсом, наиболее ощутима, по-видимому, в актерской интерпретации. Ведь как просто сыграть нетактичную девушку вообще! Покажи несоблюдение чувства меры в поведении, — и цель достигнута: тонкого актерского мастерства это не требует. Нетактичная девушка в том смысле, который придал этому словосочетанию А. Солженицын, — это «мерцающий» образ, не поддающийся одноплоскостной актерской игре.

Безусловно, словосочетания-интерфейсы не сводятся к описанному прецеденту и не ограничены художественным дискурсом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теория словосочетания, выстроенная в перспективе речевой деятельности, позволяет, с одной стороны, рассмотреть словосочетание как оперативную единицу порождения предложения-высказывания, подлежащую рефлексии носителей языка, а с другой стороны, более детально представить речевую феноменологию словосочетания. Подобный подход не оставляет сомнений в том, что словосочетание, действительно, существует и что в его построении и функционировании так или иначе отображены важнейшие характеристики речевой деятельности (прежде всего, согласно А. А. Леонтьеву, целесообразность и структурность [Леонтьев 2005: 27]).

Словосочетания, не выступая в коммуникации напрямую, но только через посредство предложения-высказывания, аккумулируют в своей «деривационной истории» разнообразные способы включения в речевую «ткань». Именно по этой причине ни синтаксическая, ни номинативная концепции словосочетания, взятые в отдельности, не могут объяснить всех фактов использования словосочетаний в речи. По сути дела, синтаксическая концепция призвана трактовать продуцирование словосочетаний, а номинативная — употребление таких словосочетаний, которые были закреплены в языке. Лингвисты уже давно убедились в том, что «словосочетание — открытая система» [Тер-Минасова 2009: 133]. Это означает, во-первых, то, что одно и то же словосочетание то производится, то воспроизводится в речи; во-вторых, то, что в сфере словосочетаний представлены разные типы воспроизводимости.

В речевой деятельности, знаковой по своей сущности, словосочетание предстает как языковой знак, особая синтаксическая форма. Для словосочетания характерно относительно сложное устройство означающего, отличающегося иерархической организацией разных маркеров (и шире — структурных признаков). Благодаря этому словосочетание получает синтаксическую целостность и перцептивную отдельность, что позволяет отождествлять словосочетание в разных трансформациях, которым оно подвергается в речи. В сфере сложных словосочетаний возможно зарождение нового синтаксического качества — формирование модели словосочетания, обладающей как формально-конструктивными, так и семантическими особенностями, т.е. собственной синтаксической формой.

Традиционно в синтаксисе считается, что реализация словосочетаний в речи может быть исчерпывающе описана в рамках валентностного подхода. Как оказалось, валентностный синтаксис является доминантным, но все же только одним из механизмов развертки словосочетания при порождении предложения-высказывания. Речевое построение словосочетаний отличается многовариантностью, эвристичностью: развертка словосочетаний одной и той же структурной модели обеспечивается в одном случае валентностной комбинаторикой, в другом — дополняющими ее конструктивными сдвигами, в третьем — никак не связанными с нею синтаксическими процессами. На словосочетание вполне допустимо экстраполировать утверждение А. А. Леонтьева о том, что «нет никаких доказательств того, что лингвистически одно и то же (недвусмысленное) речевое высказывание должно быть порождено одним и тем же способом» [Леонтьев 1969: 103]. При оперировании словосочетанием говорящий / пишущий, особенно учитывая стилистические задачи и конвенции, регулярно обращается не с отдельными компонентами и «сторонами» (по А. М. Пешковскому) словосочетания, а с этой единицей в ее целостности.

Развертка словосочетания в речи организована не только в синтаксическом, но и в лексическом плане. Согласно эксперименту, при лексическом построении словосочетания семантическая проекция направлена от главного компонента, намечающего тот круг тематических парадигм, из которых может быть выбран зависимый компонент.

Семантика словосочетания в речи вбирает в себя не только значения компонентов и смысловые отношения между ними, но и смысловые «приращения», обусловленные тем, как и из какого номинативного материала было построено словосочетание, каков синонимический потенциал словосочетания, были ли применены трансформации при его создании, каковы дискурсивные связи словосочетания, какие знания о мире и установки способствовали развертке словосочетания. Семантическая интерпретация словосочетания со всей очевидностью обнаруживает такое свойство этой единицы, как эмерджентность, т.е. невыводимость целого из частей и несводимость к ним.

В теории словосочетания, ставящей акцент на речевой деятельности, в которой, собственно, и возникает необходимость оперировать словосочетаниями, нельзя не принять во внимание то, что словосочетание нередко трактуется исключительно как теоретический

конструкт. Однако эксперимент и корпусный анализ показывают, что носители языка обладают метаязыковыми представлениями о словосочетании, способны опознавать словосочетания в своей и чужой речи и давать им разные характеристики, выделяют прототипическую модель словосочетания. Осознание словосочетаний в речевой деятельности является первоосновой творческого оперирования ими. Примечательно, что для носителей языка словосочетание — это прежде всего словесная конструкция, образованная на основе подчинительной связи. Подобное метаязыковое обобщение, возникшее за пределами лингвистики, вполне обоснованно с синтаксической точки зрения.

Исследование словосочетаний в аспекте речевой деятельности дало возможность найти новый ракурс для описания словосочетания не только как единицы, но и как процесса, взаимосвязей развертки словосочетания в речи с межуровневой интеграцией и с текстом (дискурсом), а также коммуникативно-смысловых потребностей человека, способных получить речевое воплощение посредством словосочетаний во всем многообразии их употребления.

ЛИТЕРАТУРА

Абдуразаков М. А. О возможности выделения словосочетания в самостоятельный уровень // Уровни языка и их взаимодействие. М., 1967. С. 5—6.

Адмони В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л., 1988.

Адмони В. Г. Основы теории грамматики. 2-е изд. М., 2004.

Акимов Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М., 1990.

Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке. М., 2005.

Алиева А. В. кызы Системный анализ синтаксически неделимых словосочетаний в современном русском языке. Автореферат дис. ... докт. филол. наук. Баку, 1992.

Анисимова А. Н. Теоретические основы обучения связной речи (словосочетание). СПб., 2007.

Анисова А. А. Словосочетания-стяжения как одна из особенностей идиостиля А. Платонова 20—30-х годов // Языковые единицы: семантика, структура, функционирование. Межвуз. сб. научн. тр. Коломна, 2009. С. 187—205.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. М., 2004.

Бабайцева В. В. Подчинительные и сочинительные словосочетания // Бабайцева В. В. Избранное. 2005—2010. Сб. научн. и научн.-метод. ст. М.; Ставрополь, 2010. С. 168—180.

Бабайцева В. В. Русский язык. Теория. 5—9 кл. М., 2012.

Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. М., 2000.

Бабушкин А. П. Функции приложения // Грамматика разноструктурных языков. Сб. ст. к юбилею проф. В. Ю. Копрова. Воронеж, 2011. С. 55—60.

Байчура У. Ш. К определению основной синтаксической единицы // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Тез. докл. Л., 1971. С. 14—15.

Базылева Р. М. Словосочетание в его отношении к актуальному членению предложения (на материале разных функциональных стилей русского и английского языков). Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1988.

- Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
- Балли Ш.* Язык и жизнь. М., 2003.
- Бархударов Л. С.* Язык и перевод. 2-е изд. М., 2008.
- Белов А. И.* А. М. Пешковский как лингвист и методист. М., 1958.
- Белошапкова В. А.* Словосочетание // Современный русский язык. Под ред. В. А. Белошапковой. 3-е изд. М., 1999. С. 667—681.
- Белый А.* Мастерство Гоголя: Исследование. М., 1996.
- Белый В. В.* К вопросу о словосочетании // Филологические науки. 1960. № 4. С. 108—116.
- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
- Бергельсон М. Б., Кибрик А. Е.* К вопросу об общей теории языковой редукации // Формальное описание структуры естественного языка. Новосибирск, 1980. С. 147—161.
- Березин Ф. М.* Очерки по истории языкознания в России (конец XIX — начало XX века). М., 1968.
- Березин Ф. М., Головин Б. Н.* Общее языкознание. М., 1979.
- Берман И. М.* Переработка грамматической информации при восприятии текста на уровне одиночного высказывания // Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976. С. 96—107.
- Бикертон Д.* Введение в лингвистическую теорию метафоры // Теория метафоры. М., 1990. С. 284—306.
- Бодуэн де Куртене И. А.* Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. М., 1963.
- Божович Е. Д.* Учителю о языковой компетенции школьников. Психолого-педагогические аспекты языкового образования. М.; Воронеж, 2002.
- Бурлакова В. В.* Основы структуры словосочетания в современном английском языке. Л., 1975.
- Буров А. А.* Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке. Ставрополь; Пятигорск, 2012.
- Ван Циньсян* Универб и производящее словосочетание: синонимические отношения // Мир русского слова. 2015. № 4. С. 55—58.
- Васильева Н. В., Виноградов В. А., Шахнарович А. М.* Краткий словарь лингвистических терминов. М., 1995.
- Везерова М. Н., Сиверина Е. Г.* Грамматическая синонимика в современном русском языке. Самара, 1999.
- Вепрева И. Т.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М., 2005.

Виноградов В. В. Введение // Грамматика русского языка. Т. II. Синтаксис. Ч. I. М., 1954. С. 5—111.

Виноградов В. В. Идеалистические основы синтаксической системы проф. А. М. Пешковского, ее эклектизм и внутренние противоречия // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950. С. 36—74.

Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.

Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса. М., 1958.

Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1959.

Виноградов В. В. Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. Вып. II. М., 1938.

Винокур Т. Г. Об эллиптическом словоупотреблении в современной разговорной речи // Развитие лексики современного русского языка. М., 1965. С. 29—38.

Всеволодова М. В. Словосочетание в новой парадигме грамматики // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2012. № 1. С. 7—40.

Выготский Л. С. Мышление и речь // Выготский Л. С. Психология развития человека. М., 2006. С. 664—1019.

Высоцкая И. В. Спорные вопросы теории прецедентности // Критика и семиотика. 2013. № 1. С. 117—137.

Габ М. А. Проблемы анализа семантической структуры текста. М., 1992.

Гальперин И. Р. Избранные труды. М., 2005.

Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.

Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). 2-е изд. М., 2000. С. 237—304.

Годер Н. М. О логической структуре понятия, выраженного словосочетанием // Логико-грамматические очерки. М., 1961. С. 49—58.

Горбачевич К. С. Словарь эпитетов русского литературного языка. СПб., 2001. (СЭРЛЯ)

Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. М.; Харьков, 2001.

Гречко В. А. Теория языкознания. М., 2003.

Гудмен Н. Метафора — работа по совместительству // Теория метафоры. М., 1990. С. 194—200.

Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию. М., 2000.

Диброва Е. И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. Ростов-на-Дону, 1979.

Диброва М. И. Системно-структурный и функциональный анализ однородных / неоднородных определений в современном русском языке. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Л., 1988.

Долгов Ю. С. Словосочетание как грамматическая категория — тип валентности. Могилев, 1993.

Дурново Н. Н. Грамматический словарь: Грамматические и лингвистические термины. М., 2001.

Дьячкова Н. А. Полипропозитивные структуры в сфере простого предложения. Екатеринбург, 2002.

Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры. М., 1990. С. 173—193.

Елисеева О. В. Механизмы фразеологизации словосочетаний в современном русском языке. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000.

Жил человек... Сборник христианских притч. М., 2009. (ЖЧ)

Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М., 1982.

Жинкин Н. И. Язык, речь, творчество. (Исследования по семиотике, психолингвистике, поэтике). М., 1998.

Задорожный М. И. О номинативном и строевом потенциале словосочетаний // Структурно-функциональный анализ языковых единиц. Сб. научн. тр. Иркутск, 1985. С. 118—137.

Задорожный М. И. Являются ли словосочетания строительным материалом для предложения? // О преподавании русского языка и литературы в киргизской школе. Вып. 5. Фрунзе, 1980. С. 39—66.

Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. 2-е изд. М., 2005.

Зимняя И. А. Лингвopsихология речевой деятельности. М.; Воронеж, 2001.

Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.

Иванова Ю. С. Атрибутивная валентность синсемантических существительных. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2006.

Иванчикова Е. А. О структурной факультативности и структурной обязательности в синтаксисе // Вопросы языкознания. 1965. № 5. С. 84—94.

Иорданская Л. Н. Соподчинение прилагательных в русском языке (по следам Вендлера) // Слово в тексте и в словаре. Сб. ст. к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2000. С. 379—390.

Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М., 2014.

Ирисханова О. К. О лингвокреативной деятельности человека: отглагольные имена. М., 2004.

Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология. 2-е изд. М., 2003.

Капанадзе Л. А. Голоса и смыслы. Избранные работы по русскому языку. М., 2005.

Капанадзе Л. А. Номинация // Русская разговорная речь. М., 1973. С. 403—463.

Каплун М. И. Интонационная дифференциация предикативной и атрибутивной (определяющей) связи в современном русском языке (экспериментальное исследование на материале двусловных синтаксических конструкций). Автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 1970.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 2-е изд. М., 2002.

Карцевский С. О. Из лингвистического наследия. Т. 2. М., 2004.

Катанская А. Р. О порядке нескольких препозитивных прилагательных-определений в современном английском языке // Уч. записки 1-го МГПИИЯ. 1959. Т. XXIII. С. 103—140.

Квеселевич Д. И. Интеграция словосочетания в современном английском языке. Киев, 1983.

Киприянов В. Ф. Словосочетание — релятивно-номинативная синтаксическая единица языка // Современный русский синтаксис: словосочетание и предложение. Межвуз. сб. научн. тр. Владимир, 1986. С. 26—33.

Клакхон К. Зеркало для человека. Введение в антропологию. СПб., 1998.

Климовская Г. И. Русская атрибутивная конструкция в стилистическом аспекте. Томск, 1986.

Кобрин Р. Ю., Авербух К. Я. Еще раз о словосочетании // Филологические науки. 1979. № 5. С. 86—90.

Колианский Г. В. Контекстная семантика. 2-е изд. М., 2005 (а).

Колианский Г. В. Логика и структура языка. 2-е изд. М., 2005 (б).

Конева В. П. Системно-функциональный анализ простого предложения в современном русском языке. Нижний Тагил, 2005.

Кормилицына М. А. Семантически осложненное (полипропозитивное) простое предложение в устной речи. 2-е изд. М., 2003.

Коротеев А. А. Синтаксические смещения в современном русском языке. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Куйбышев, 1964.

Костанди Е. И. Прагматика синтаксических связей: проблемы анализа // Acta Slavica Estonica III. Slavica Tartuensia X. Славистика в Эстонии и за ее пределами. Тарту, 2013. С. 235—246.

Костин А. В. Способы концептуализации обиходно-бытовых понятий в разножанровых произведениях В. И. Даля (на материале концепта «вода»). Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2002.

Кочеткова Т. И. Аппозитивное словосочетание — элемент структурно-семантического осложнения предложения // Вестник ОГПУ. 2008. № 2. С. 31—38.

Краснова Н. М. Стилистический потенциал глагольно-именных словосочетаний в горномарийском литературном языке. Йошкар-Ола, 2007.

Кротевич Е. В. Словосочетание как строительный материал предложения. Львов, 1956.

Крупаткин Я. Б. О словосочетании в русской грамматике // Филологические науки. 1990. № 2. С. 82—92.

Крылова О. А. Коммуникативный синтаксис русского языка. 2-е изд. М., 2009.

Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М., 2012.

Кубрякова Е. С. Динамическое представление синхронной системы языка // Гипотеза в современной лингвистике. М., 1980. С. 217—261.

Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986.

Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. 2-е изд. М., 2008.

Кубрякова Е. С. Язык и знание. М., 2004.

Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М., 2003. (КРР)

Лаврентьева Н. М. Словосочетание как единица языка и речи. Горький, 1980.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.

Лантева О. А. Русский разговорный синтаксис. 3-е изд. М., 2008.

Лашкевич А. И. Именные словосочетания со значением метафорического количества. Минск, 1985.

Лекант П. А. О форме словосочетания // Русский язык в национальной школе. 1967. № 2. С. 12—15.

Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. 3-е изд. М., 2004.

Лекант П. А. (ред.) Краткий справочник по современному русскому языку. М., 1991.

Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М., 1999.

Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969.

Леонтьев А. А. Слово в речевой деятельности: Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. 3-е изд. М., 2006.

Леонтьев А. А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. М; Воронеж, 2001.

Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. 3-е изд. М., 2005.

Ломов А. М. Русский синтаксис в алфавитном порядке: Понятийный словарь-справочник. Воронеж, 2004.

Лурия А. Р. Язык и сознание. Ростов-на-Дону, 1998.

Львов М. Р. Основы теории речи. М., 2000.

Ляпон М. В. Проза Цветаевой. Опыт реконструкции речевого портрета автора. М., 2010.

Малащенко В. П., Богачев Ю. П. Словосочетание и члены предложения // Вопросы языкознания. 1984. № 6. С. 81—86.

Малевинский С. О. Лингвистические мифы и основания реалистической лингвистики. М., 2017.

Малкина Н. М. Взаимосвязь и взаимозависимость синтаксиса и семантики (на материале французского аппозитивного словосочетания). Воронеж, 1980.

Маргарян А. А. Коммуникативная функция и структура высказывания. Ташкент, 1988.

Манчинова Н. В. Деривация и функционирование гипаллаги в поэтическом тексте. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1998.

Манчинова Н. В., Мурзин Л. Н. Риторическое поле языка (на материале гипаллаги) // *Динамическая лингвистика — 95. Филология. Методика преподавания.* Краснодар, 1995. С. 64—66.

Мачнева Л. Ф. Безобъектное употребление переходных глаголов в современном английском языке. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Л., 1988.

Меликова Л. М. Субстантивация личных местоимений в атрибутивных словосочетаниях // *Переходность и синкретизм в языке и речи.* Межвуз. сб. научн. тр. М., 1991. С. 54—61.

Менгель С. Словообразовательное значение // *Славистика: синхрония и диахрония.* Сб. научн. ст. к 70-летию И. С. Улуханова. М., 2006. С. 126—141.

Милославский И. Г. Синтез словосочетания и производного слова // *Вопросы языкознания.* 1977. № 5. С. 53—61.

Митренина О. В. Проблемы неоднозначности синтаксического анализа. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005.

Михайлова М. В. Эстетика классического текста. СПб., 2012.

Мишина К. И. Уровневый характер грамматического значения словосочетаний // *Семантика языковых единиц.* Мат-лы 3-й межвуз. конф. Ч. III. М., 1993. С. 72—76.

Мишиланов В. А. Словосочетание в динамическом аспекте // *Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи.* Мат-лы IV Всероссийской (с междунар. уч.) научн. конф. Пермь, 2016. С. 96—106.

Моисеев А. И. Некоторые вопросы теории словосочетания // *Филологические науки.* 1977. № 2. С. 54—60.

Моисеенко Л. В. Атрибутивные словосочетания полной и неполной структуры в современном испанском языке. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1992.

Мокиенко В. М. Образы русской речи: Историко-этимологические очерки фразеологии. СПб., 1999.

Молошина Т. Н. Субстантивные словосочетания в славянских языках. М., 1975.

Морозова О. Е. Словосочетание с причастием (действительного залога) в системно-функциональном аспекте // Системно-функциональное описание словосочетания и предложения. Межвуз. сб. научн. тр. Л., 1988. С. 117—123.

Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика. М., 1983. С. 37—89.

Москвин В. П. Выразительные средства современного русского языка. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. 3-е изд. Ростов-на-Дону, 2007.

Национальный корпус русского языка — www.ruscorpora.ru (НКРЯ)

Национальный корпус русского языка: 2003—2005. Результаты и перспективы. М., 2005. (НКРЯ — РП)

Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. СПб., 1996.

Новиков Л. А. Синонимия // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 446—447.

Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. СПб., 1994.

Норман Б. Ю. Жизнь словоформы. М., 2016.

Норман Б. Ю. Однородные члены предложения в свете современной грамматической теории // Русский язык в национальной школе. 1976. № 2. С. 68—72.

Овсянко-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. 2-е изд. СПб., 1912.

Оголевец А. В. Возникновение предсказуемости на лексическом уровне (закономерности формирования строгой лексической избирательности у прилагательных в русском языке) // Проблемы русской фразеологии. Тула, 1979. С. 82—89.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. 23-е изд. М., 1990. (СО)

Осипов Б. И. О построении курса русской грамматики // Традиционное и новое в русской грамматике. Сб. ст. памяти В. А. Белошапковой. М., 2001. С. 80—93.

Павлов В. М. В защиту «психологизма» в языкознании // Психология, лингвистика и междисциплинарные связи: Сб. научн.

работ к 70-летию со дня рождения А. А. Леонтьева. М., 2008. С. 9—28.

Павлов В. М. Полевые структуры в строе языка. СПб., 1996.

Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. М., 1974.

Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.

Пекарская И. В. Контаминация // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М., 2003. С. 269—272.

Перетрухин В. Н. Введение в языкознание: Курс лекций. 3-е изд. М., 2007.

Перфильева Н. П. Метатекст в аспекте текстовых категорий. Новосибирск, 2006.

Петрова Н. Ю. Построение перспективы в тексте пьесы. М., 2017.

Печников А. Н. К принципам синтаксической организации предложения // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 85—89.

Печников А. Н. Опыт теории синтаксических единиц. Куйбышев, 1983.

Печников А. Н. Словосочетание как синтаксическая единица. Ульяновск, 1973.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. М., 2001.

Политова И. Н. Контекст как условие реализации обязательной подчинительной связи в словосочетании // Вестник ТГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2009. № 1. С. 34—38.

Политова И. Н. Переходность в системе подчинительных словосочетаний в современном русском языке. Коломна, 2008.

Полищук Г. Г. Необходимые и факультативные определения в русском языке: коммуникативный и конструктивный аспект. Саратов, 2011.

Полюжин М. М., Омельченко Л. Ф. Функциональное словосложение и префиксальные ономаσιологические категории в английском языке. Ужгород, 1997.

Попова И. А. Неполные предложения в современном русском языке // Труды Института языкознания АН СССР. 1953. Т. 2. С. 3—136.

Попова З. Д. Виды подчинительной связи слов как отражение категорий объективной действительности // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1964. С. 307—310.

Попова З. Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов. Воронеж, 2009.

Потебня А. А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905.

Прокопович Н. Н. Вопросы синтаксиса русского языка. М., 1974.

Прокопович Н. Н. Словосочетание в современном русском литературном языке. М., 1966.

Раевская О. В. Метонимия в слове и в тексте // Филологические науки. 2000. № 4. С. 49—55.

Раевская О. В. О некоторых типах дискурсивной метонимии // Известия РАН. Сер. лит-ры и языка. 1999. Т. 58. № 2. С. 3—12.

Реунова О. И. Эллипсис как лингвистическое явление. Пятигорск, 2000.

Розенталь Д. Э. Справочник по орфографии и пунктуации. М., 1996.

Ростова А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск, 2000.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 2001.

Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М., 1980. (РГ)

Русский ассоциативный словарь. В 2 т. М., 2002. (РАС)

Русский орфографический словарь. Отв. ред. В.В. Лопатин. М., 1999. (РОС)

Русский семантический словарь. Том III. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2003. (РСС)

Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект. М., 2005.

Сайрамбаев Т. Сложные словосочетания в современном казахском языке в сопоставлении с другими тюркскими языками. Алма-Ата, 1981.

Сандакова М. В. О механизмах дискурсивной метонимии прилагательного // Филологические науки. 2004. № 3. С. 106—112.

Сахарный Л. В. Введение в психолингвистику: Курс лекций. Л., 1989.

Серебренников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.

Сигал К. Я. Сочинительные конструкции в тексте: Опыт теоретико-экспериментального исследования (на материале простого предложения). М., 2004.

Силина В. Б. Контаминация // Русский язык: Энциклопедия. М., 2003. С. 197—198.

Синеокова Т. Н. Парадигматика эмоционального синтаксиса. Нижний Новгород, 2003.

Сиротинина О. Б. Лекции по синтаксису русского языка. 2-е изд. М., 2003.

Сиротинина О. Б. Порядок слов в русском языке. 3-е изд. М., 2006.

Скобликова Е. С. Об условиях формирования словосочетаний // Вопросы теории, истории и методики преподавания русского языка. Памяти А. Н. Гвоздева (к 80-летию со дня рождения). Научн. тр. Т. 103. Куйбышев, 1972. С. 98—114.

Скобликова Е. С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. 3-е изд. М., 2006.

Сковородников А. П. Антиэллипсис // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М., 2003 (а). С. 66—67.

Сковородников А. П. Гипаллаг(а) // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М., 2003 (б). С. 130—132.

Словарь сочетаемости слов русского языка. 3-е изд. М., 2005. (СССРЯ)

Смолянинова Е. Н. Актуальные проблемы синтаксиса словосочетания в русистике. Л., 1980.

Смолянинова Е. Н. Связная речь (словосочетание) и грамматика. СПб., 2003.

Смолянинова Е. Н. Словосочетание в теоретическом и методическом аспектах. Л., 1990.

Смолянинова Е. Н. Словосочетание и контекст // Языковые единицы и контекст. Сб. научн. тр. Л., 1973. С. 123—130.

Солганик Г. Я. Очерки модального синтаксиса. М., 2010.

Сохин Ф. А. Психолого-педагогические основы развития речи дошкольников. М.; Воронеж, 2002.

Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения: Семиологическая грамматика. М., 1981.

Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. 2-е изд. М., 1975.

Степанова А. А. Фразеологические единицы: их редукции и трансформации (на материале «Русского ассоциативного словаря»). Автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.

Столярова И. В. К вопросу о простом и сложном словосочетании // Системно-функциональное описание словосочетания и предложения. Межвуз. сб. научн. тр. Л., 1988. С. 110—116.

Столярова Л. П. Имя существительное в малом синтаксисе современного русского литературного языка. (Субстантивная конструкция). Автореферат дис. ... докт. филол. наук. Днепропетровск, 1990 (а).

Столярова Л. П. Субстантивная конструкция — основное звено малого синтаксиса. Днепропетровск, 1990 (б).

Сухотин В. П. Проблема словосочетания в современном русском языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950. С. 127—182.

Сухотин В. П. Синтаксическая синонимика в современном русском литературном языке: Глагольные словосочетания. М., 1960.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.

Тамарченко Н. Д. Притча // Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008. С. 187—188.

Тарасов Е. Ф. Методологические проблемы языкового сознания // Языковое сознание. Тез. IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1988. С. 176—177.

Тарасов Е. Ф. Тенденции развития психолингвистики. М., 1987.

Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 26—52.

Телия В. Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык, сознание, коммуникация. Сб. ст. Вып. 30. М., 2005. С. 4—42.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М., 1988.

Тер-Минасова С. Г. Синтагматика речи: онтология и эвристика. 2-е изд. М., 2009.

Тер-Минасова С. Г. Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах. 2-е изд. М., 2004.

Тер-Минасова С. Г., Гвишиани Н. Б. Можно ли опровергнуть учение о словосочетании? // Филологические науки. 1977. № 2. С. 61—67.

Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х тт. Т. 1. 2-е изд. М., 1990. (ССРЯ)

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007. (ТСРЯ)

Третьякова И. Ю. Эллипсис как прием окказионального преобразования фразеологических единиц // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2011. № 1. С. 97—100.

Тулина Т. А. Функциональная типология словосочетаний. Киев; Одесса, 1976.

Успенский М. Б. В мире парадоксов русского языка. М., 2006.

Уфимцева Н. В. Словосочетание как оперативная единица построения высказывания // Психолингвистика и обучение иностранцев русскому языку. М., 1972. С. 170—179.

Факторович А. Л. Выражение смысловых различий посредством эллипсиса. Харьков, 1991.

Федосов В. А. Словосочетание: нерешенные вопросы // Современный русский синтаксис: словосочетание и предложение. Владимир, 1986. С. 34—40.

Филиппова Л. С. Современный русский язык. Морфемика. Словообразование. М., 2009.

Флоренский П. А., свящ. Сочинения. Т. 3 (1). М., 1999.

Фоменко Ю. В. Грамматические значения, формы и категории в русском языке. Новосибирск, 1996.

Фоменко Ю. В. Трудные и спорные вопросы синтаксиса современного русского языка. Новосибирск, 1997.

Фоменко Ю. В. Является ли словосочетание единицей языка? // Филологические науки. 1975. № 6. С. 60—65.

Фортуатов Ф. Ф. Избранные труды. Т. I—II. М., 1956—1957.

Фразеологический словарь русского литературного языка. Под ред. А. И. Федорова. М., 2001. (ФСРЯ)

Фридман Ж. И. Язык и сознание. Воронеж, 2006.

Фурашов В. И. Несогласованные определения в современном русском языке. М., 1984.

Фурашов В. И. О нерешенных вопросах теории словосочетания // Русский литературный язык: номинация, предикация, экспрессия. Межвуз. сб. научн. тр. М., 2002. С. 106—111.

Фурашов В. И. Современный русский синтаксис: Избранные работы. Владимир, 2010.

Хавронина С. А., Крылова О. А. Обучение иностранцев порядку слов в русском языке. М., 1989.

Хайрутдинова Г. А. Эстетические ресурсы морфологических

средств русского языка. Автореферат дис. ... докт. филол. наук. Казань, 2009.

Харченко В. К. Функции метафоры. 2-е изд. М., 2007.

Цейтлин С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение. СПб., 1997.

Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М., 1991. (ЧФЯ)

Черемисина М. И. Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных типов. Новосибирск, 2004.

Чеснокова Л. Д. Связи слов в современном русском языке. М., 1980.

Чехов А. П. Собр. соч. в 12-ти томах. Т. 5. М., 1985.

Чикина Л. К., Шигуров В. В. Присловные и предложенческие связи в русском синтаксисе. М., 2009.

Чуковский К. И. О Чехове. М., 1971.

Чурилова Н. Н. Из наблюдений над конструкциями с отсутствующим прямым дополнением // Синтаксис и норма. М., 1974. С. 196—203.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. 3-е изд. М., 2001.

Шахнарович А. М. Избранные труды. М., 2001.

Шведова Н. Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе (словосочетание). М., 1966.

Шендельс Е. И. Синтаксис метафоры // Шендельс Е. И. Избранные труды: К 90-летию со дня рождения. М., 2006. С. 261—271.

Ширяев Е. Н. Московская лингвистическая школа и синтаксис // Язык: система и подсистемы. К 70-летию М. В. Панова. М., 1990. С. 118—129.

Ширяев Е. Н. Синтаксис // Русский язык. Ч. II. Под ред. Л. Ю. Максимова. М., 1989. С. 179—285.

Шишеников П. Л. К деривации словосочетания // Семантика и производство лингвистических единиц. (Проблемы деривации). Межвуз. сб. научн. тр. Пермь, 1979. С. 117—122.

Шишканова А. В. Многочленные словосочетания в функционально-стилевых разновидностях русского языка. Карачаевск, 1991.

Шмелев А. Д. Корпус или эксперимент? // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2012. № 11. С. 587—599.

Шмелев Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. 2-е изд. М., 2006.

Шмелева Т. В. Поведение главного компонента подчинительной связи // Синтаксис: изучение и преподавание. М., 1997. С. 47—58.

Шолохов М. А. Судьба человека. Рассказ. М., 1957.

Шолохов М. А. Судьба человека // Шолохов М. А. Они сражались за Родину: роман, рассказы, очерки. М., 2018. С. 209—238.

Шубина Н. Л. Пунктуация современного русского языка. М., 2006.

Шувалов В. И. Метафорический дискурс. М., 2005.

Шумарина М. Р. Язык в зеркале художественного текста. (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы). М., 2011.

Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Юдина Н. В. Сочетания «прилагательное + существительное» в лингвокогнитивном аспекте. М.; Владимир, 2006.

Юрченко В. С. Простое предложение в современном русском языке. 2-е изд. М., 2005.

Якобсон Р. О. Язык и бессознательное. М., 1996.

Якубинский Л. П. Язык и его функционирование. Избранные работы. М., 1986.

Bierwiazzonek B. Metonymy in language, thought and brain. Sheffield, 2013.

Brain D. Language and human understanding. The roots of creativity in speech and thought. Washington, 2014.

Cappelen H., Lepore E. Language turned on itself. The semantics and pragmatics of metalinguistic discourse. Oxford, 2007.

Chaves R. P. Coordinate structures. Constraint-based syntax-semantics processing. Doctoral dissertation. Lisboa, 2007.

Danks J. H., Schwenk M. - A. Prenominal adjective order and communication context // Journal of verbal learning and verbal behavior. 1972. Vol. 11. № 2. P. 183—187.

Denroche Ch. Metonymy and language: a new theory of linguistic processing. New York; London, 2015.

Du Bois J. W., Giora R. From cognitive-functional linguistics to dialogic syntax // Cognitive linguistics. 2014. Vol. 25. № 3. P. 351—357.

Gibbs R. W., Jr. Speaking and thinking with metonymy // Metonymy in language and thought. Amsterdam; Philadelphia, 1999. P. 61—76.

Glazek A. The meaning of English modifier-noun combination. An interpretative model and its application to ellipsis and accretion. Wrocław, 1995.

Gregor J. Valenční možnosti verbonominálních spojení v publicistickém stylu (v rusko-českém srovnávacím plánu). Olomouc, 2008.

Hennig M. (Hrsg.) Die Ellipse: neue Perspektiven auf ein altes Phänomen. Berlin; Boston, 2013.

Herbst Th., Götz-Votteler K. (ed.) Valency: theoretical, descriptive, and cognitive issues. Berlin; New York, 2007.

Hopper P., Thompson S. Transitivity in grammar and discourse // *Language*. 1980. Vol. 56. № 2. P. 251—299.

Jakobson R. Major works, 1976—1980. Berlin; New York, 1988.

Jakobson R. Signe zero // *Jakobson R. Selected writings*. Vol. II. The Hague; Paris, 1971. P. 211—219.

Kretschmar W. A., Jr. The linguistics of speech. New York, 2009.

Langacker R. W. Metonymic grammar // *Metonymy and metaphor in grammar*. Amsterdam; Philadelphia, 2009. P. 45—71.

McShane M. J. A theory of ellipsis. Oxford, 2005.

Nuyts J. Aspects of a cognitive-pragmatic theory of language. On cognition, functionalism and grammar. Amsterdam; Philadelphia, 1992.

Ortner H. Die Ellipse: Ein Problem der Sprachtheorie und der Grammatikschreibung. Tübingen, 1987.

Sichelschmidt L. Adjektivfolgen. Eine Untersuchung zum Verstehen komplexer Nominalphrasen. Opladen, 1989.

Vendler Z. Order of adjectives // *Vendler Z. Adjectives and nominalizations*. The Hague; Paris, 1968. P. 121—134.

Warren P. Introducing psycholinguistics. New York, 2013.

Научное издание

Сигал Кирилл Яковлевич

**ТЕОРИЯ СЛОВСОЧЕТАНИЯ
И РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Подписано к печати 11.05.2020

Сдано в набор 12.05.2020

Тип гарнитуры «Таймс Нью Роман», «Ариал»

Объем 26,1 усл. печ. л.

Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер»,
г. Ярославль, e-mail: Kancle2007@yandex.ru